

Зимник-2022
Креативный город
Образ жизни
Порт-Артур
Албазин
Маньчжурия

2022 / 3(73)

счастье / happiness

проект
байкал /
project
baikal

12+

28 - 30 сентября 2022 года
Москва, ВК «Гостиный двор»

ЗОДЧЕСТВО

Открыт прием заявок на участие в фестивале «Зодчество-2022»

Стартовал прием заявок на участие в конкурсной программе XXX Международного архитектурного фестиваля «Зодчество», который пройдет в Москве с 28 по 30 сентября. Площадкой его проведения по традиции выступит выставочный комплекс «Гостиный двор».

Темой фестиваля на этот раз станет «Отражение». Об этом в своем манифесте сообщил куратор «Зодчества» Алексей Комов. В юбилейный для Союза архитекторов год участникам фестивальной программы предстоит осмыслить опыт, накопленный за почти вековую историю профессионального объединения, и наметить пути его дальнейшего развития.

Вместе лучшие специалисты страны перелистнут самые яркие страницы творческой биографии выдающихся зодчих, разгадают секреты их профессиональных побед и предложат свои идеи по преобразению современных российских городов.

Рассуждая о теме «Зодчества» в своем обращении к участникам фестиваля, Алексей Комов подчеркивает: «Тридцать лет новой России отразились в тридцати годах фестиваля «Зодчество» – главного ежегодного события в архитектурной жизни страны. На протяжении трех десятилетий мы вместе создавали масштабное зеркало эпохи. Пришла пора не только заглянуть в него, но и, разорвав цепи, начать действовать».

В рамках насыщенной деловой программы «Зодчества» российские и зарубежные архитекторы не просто погрузятся в воспоминания о многолетней истории творческого объединения, но и, конечно, обсудят итоги тридцатилетней работы одного из самых крупных и ярких архитектурных фестивалей. Своими мыслями они поделятся в ходе лекций и мастер-классов, круглых столов, презентаций и профессиональных дискуссий.

Участие в конкурсной программе фестиваля в этом году традиционно примут архитекторы, дизайнеры, искусствоведы, строители, авторские коллективы архитектурных бюро, представители проектных институтов, студенты профильных вузов и колледжей, а также руководители региональных органов власти. Проявить свое мастерство они смогут в рамках двух конкурсов и семи крупных смотров, результаты которых будут представлены на выставке-экспозиции конкурсных работ. Ознакомиться со всеми направлениями и номинациями программы можно по ссылке.

Помимо упомянутой экспозиции, в программу «Зодчества» войдут выставки: «Материалы и технологии», «Творческие архитектурные мастерские и коллективы», «Объекты недвижимости».

О фестивале

История «Зодчества» насчитывает вот уже три десятилетия. За долгие годы своего существования фестиваль неоднократно признавался одной из самых крупных площадок, объединяющих лучших отечественных и зарубежных специалистов, искренне заинтересованных в профессиональном развитии и укреплении деловых отношений. Об этом пишут не только журналисты, но и авторитетные архитектурные критики. По-настоящему масштабное ежегодное событие на протяжении многих лет дарит своим участникам возможность продемонстрировать передовые идеи и разработки, направленные на развитие архитектурной отрасли и благоустройство современных городов.

В 1974 году король маленькой гималайской страны Бутан объявил на весь мир, что его страна больше не будет стремиться к быстрому экономическому росту, как все остальные страны. Вместо этого Бутан будет оценивать свои успехи в показателях валового национального счастья. Правда, король не объяснил, каким образом он собирает измерять это самое национальное счастье. Но инициатива понравилась, и сегодня мы видим, как понятие счастья из сфер поэтических и философских переместилось в область реальной политики и экономики.

Поток разнообразных исследований на тему счастья растет. Проект «Всемирная база данных счастья», поддерживаемый университетом Дордрехта (Нидерланды) – это попытка хотя бы перечислить такие исследования. Но группа энтузиастов явно не успевает за валом публикаций. Год назад в базе данных содержалось около 40000 материалов, а еще 20000 ожидали обработки. К этому списку ежегодно прибавляется около 800 книг, статей и докладов.

Со времен ведических мудрецов и античных философов человечество накопило огромное число определенных счастья, и ни одно из них нельзя считать устаревшим. Дордрехтская база данных исходит из самого простого и очевидного определения: счастье это удовлетворение жизнью; то есть: насколько человеку нравится жизнь, которой он живет – настолько он и счастлив. Определить уровень счастья человека можно только одним способом: спросить его, напрямую или окольными намеками. Своими повседневыми поступками люди указывают, в каком направлении располагается их счастье, куда надо двигаться для его достижения.

Все к нему стремятся, каждый думает о нем. Не сговариваясь (с нами)) фестиваль АРХСТОЯНИЕ объявляет темой этого лета СЧАСТЬЕ ЕСТЬ, Международ-ный союз архитекторов темой Всемирного дня архитектуры – АРХИТЕКТУРА ДЛЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ. В этом номере – некоторые рассуждения архитекторов о том, чем занимается вся наука (по Стругацким) – о счастье человеческого (как эпитафия мы используем эту цитату из Стругацких в «Круглом столе»)

В этом номере мы не пытались обнаружить какую-либо единственную, однозначно правильную точку зрения на понятие счастья и пути его достижения. Скорее мы ставили задачу показать хотя бы фрагмент бескрайнего спектра мнений и подходов к этой вечной теме.

Елена Григорьева

In 1974, the King of the small Himalayan nation of Bhutan announced to the world that his country would no longer pursue rapid economic growth like all other nations. Instead, Bhutan would measure its success in terms of gross national happiness. However, the king did not explain how he was going to measure national happiness. Anyway, the initiative was welcomed, and today we see how the concept of happiness has moved from the spheres of poetry and philosophy to the sphere of real politics and economics. The flow of various studies on happiness is increasing. The project “World Happiness Database” supported by the University of Dordrecht, the Netherlands is an attempt at least to enumerate such studies. But it is obvious that a group of enthusiasts cannot keep up with the flood of publications. A year ago, the database contained about 40,000 publications, with another 20,000 awaiting processing. About 800 books, articles and reports are added to this list every year.

Since the time of Vedic sages and ancient philosophers, humanity has accumulated a huge number of definitions of happiness, and none of them can be considered outdated. The Dordrecht database proceeds from the simplest and most obvious definition: happiness is satisfaction with life. It means that people are as happy as they enjoy their life. There is only one way to determine a person's level of happiness: to ask them directly or by indirect hints. People's everyday actions indicate the direction of their happiness, where it is necessary to move to achieve it.

Everyone strives for it, everyone thinks about it. Independently (from us), the Festival ARCHSTOY-ANIE has chosen “Happiness exists” as the theme for this summer, and the International Union of Architects has announced “architecture for well-being” as the theme for the World Architecture Day. This issue contains some reflections of architects on what all science (according to the Strugatskys) deals with: human happiness (we use this quote from the Strugatskys as an epigraph to the round-table discussion).

In this issue, we did not try to discover any single, unambiguously correct viewpoint on the concept of happiness and the ways of its achievement. Rather, we focused on showing at least a fragment of the endless spectrum of opinions and approaches to this eternal theme.

Elena Grigoryeva

Журнал «Проект Байкал» ("Project Baikal") зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство
ПИ №ФС13-0180 от
16.11.2007

учредитель, главный редактор

Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

12+

**корректоры,
литературные редакторы**
Марина Ткачева, Инесса Бражникова
дизайн, верстка
Татьяна Анненкова
**заместитель главного редактора
по международной деятельности**
Анна Григорьева
адрес издателя, редакции
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

на обложке
Группа «Суперстудии». Италия.
Психоделический и технотронный ландшафт грядущего счастья, как оно виделось передовым проектировщикам в 1960-е годы в Европе

адрес типографии
000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 5/5

Тираж 100 экз. Заказ 2530
Подписано в печать 1.09.2022
Журнал №3 (73) от 9.09.2022

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 4 раза в год. Цена свободная

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

3(73)

счастье / happiness

проект байкал/
project baikal
ISSN 2309-3072
(электронное издание)
ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии Google (**Google Scholar**)
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**
- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
- с 2019 года индексируется в **SCOPUS**

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
	Сергей Александров	Летний «Зимник-2022»	7
		Команда «Город»	8
		Команда «Южный»	9
		Команда «Строитель».....	10
		Команда «Солзан»	11
		Команда «Гагарина»	12
		Команда «Красный ключ».....	13
книга	Марина Ткачева	Слово о Митале	14
СЧАСТЬЕ		15
	Константин Лидин	Город и горожане – счастливый симбиоз (в поисках бытийного счастья)	16
	Марина Ткачева Евгения Сурикова	«Счастьем человеческим...» Дискуссионный клуб ПБ	22
	Петр Капустин	«Счастье – дело техники?».....	32
	Наталья Бакаева Марина Афонина Наталья Ветрова Ирина Черняева Анастасия Гайсарова	Счастливый город: благополучие, комфортность, безопасность	40
	Анастасия Гарнага Евгения Самсонова	Концепция межвузовского кампуса в Хабаровске	48
креативный город	Елена Григорьева Константин Лидин	55
	Леонид Салмин	Счастливы в месте?.....	56
	Ольга Железняк	«Креативный город»: образ жизни и способ формирования среды	62
	Мария Нащокина	Старый пром – XXI: два подхода	68

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief

E.I. Grigoryeva
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

proofreaders, literary editors

Marina Tkacheva,
Inessa Brazhnikova

upmaking

Tatyana Annenkova

associate editor-in-chief for international activity

Anna Grigorieva

address of the publisher and the editorial board

664025, 1a Chermkhovsky
Pereulok, Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

cover image

Superstudio, Italy. The psychedelic and technotronic landscape of the future happiness envisioned by progressive European planners in the 1960s

printed by

000 "Типография Print Line"
5/5 Sergeeva Street, Irkutsk
print run 100. Order 2530

passed for printing: 1.09.2022
issue 3(73) of 9.09.2022

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial stuff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors. Quarterly publication. Free price

The journal is registered in the following international databases:

- Directory of Open Access Journals (**DOAJ**)
- **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- **Google Scholar**
- **Ulrichsweb** (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (**OAI**)
- **JournalTOCs**
- **SHERPA/RoMEO**
- **PKP index**
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (**RSCI**) database
- Since 2019 the journal has been indexed in **SCOPUS**

12+

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA и Kaira Looor, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID, 2ACAA and Kaira Looor, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

	Барбара Энгель Валерий Козлов Ксения Гуляева	Производство и пространственная трансформация города.....	80
	Ольга Фомина Инна Дружинина	Конверсия завода «Кедр» в креативный кластер	85
	Петр Капустин	Лестница. Труд и счастье в архитектуре.....	88
	Альшурман Али Салем	Музыка повседневной жизни (на примере арабского музыкального инструмента рабаб).....	97
монитор	Диана Хвостанцева Инна Дружинина	Молодежный центр в историческом квартале 108 в Иркутске	102
	Наталья Ульянова	Живописное пространство интерьера	104
образ жизни и жилище	Елена Григорьева Константин Лидин	107
	Николай Васильев	Массовая архитектура и ограничения.....	108
	Людмила Анисимова	Современное рыночное жилище и депривация счастья.....	113
	Александр Раппапорт	Путь к дому	122
	Елена Багина	Огонь и дом – со-часть бытия	128
	Елена Баженова Александр Баженов	Экодевелопмент территорий малоэтажной жилой застройки	136
наследие	Алина Иванова	Русские военные инженеры Порт-Артура.....	142
	Николай Крадин	Албазин – русский форпост на Амуре	150
	Татьяна Смольянинова	Консульские комплексы на территории Маньчжурии	159
	Евгений Базилевич	Проекты архитектора Лаврентия Иванова в Читинском архиве	164
авторы		170

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5	
	Sergey Alexandrov	Summer "Zimnik 2022"	7	
		Team "City"	8	
		Team "Yuzhnyi"	9	
		Team "Builder"	10	
		Team "Solzan"	11	
		Team "Gagarina"	12	
		Team "Krasnyi Klyuch"	13	
book	Marina Tkacheva	A word about Mital	14	
happiness		15	
	Konstantin Lidin	The city and citizens: A happy symbiosis (in search of existential happiness)	16	
	Marina Tkacheva			
	Evgeniya Surikova	"With human happiness..." PB Discussion Club	22	
	Petr Kapustin	"Is happiness mere technique"?	32	
	Natalia Bakaeva			
	Marina Afonina			
	Natalia Vetrova			
	Irina Chernyaeva			
	Anastasia Gaysarova	Happy city: Well-being, comfort and safety of its residents	40	
	Anastasia Garnaga			
	Evgeniya Samsonova	The concept of the Interuniversity Campus in Khabarovsk.....	48	
	creative city	Elena Grigoryeva		
		Konstantin Lidin	55
		Leonid Salmin	Happy in the place?	56
Olga Zheleznyak		"Creative city": A way of life and a way of shaping the environment	62	
Maria Nashchokina		Old industrial architecture XXI: Two approaches	68	
Barbara Engel				
Valery Kozlov				
Ksenia Gulyaeva		Manufacturing and the spatial transformation of the city	80	
Olga Fomina				
Inna Druzhinina		Conversion of the Kedr distillery into a creative cluster	85	
Petr Kapustin		Stairs. Labour and happiness in architecture	88	
Ali Salem Alshurman		Music of everyday life (on the example of the musical instrument rabab)	97	
monitor	Diana Khvostantseva			
	Inna Druzhinina	Youth Centre in the historical quarter 108 in Irkutsk.....	102	
	Natalia Ulyanova	A picturesque interior space.....	104	
style of life and dwelling	Elena Grigoryeva			
	Konstantin Lidin	107	
	Nikolai Vassiliev	Mass architecture and limitations	108	
	Lyudmila Anisimova	Modern market housing and deprivation of happiness	113	
	Alexander Rappaport	The road to home	122	
	Elena Bagina	Fire and home: A part of a happy life.....	128	
	Elena Bazhenova			
Alexander Bazhenov	Eco-development of territories allocated for low-rise residential buildings	136		
heritage	Alina Ivanova	Russian military engineers of Port Arthur.....	142	
	Nikolai Kradin	Albazin: Russian outpost on the Amur.....	150	
	Tatiana Smolianinova	Consular complexes on the territory of Manchuria	159	
	Eugene Bazilevich	Projects of the architect Lavrenty Ivanov in the Chita Archive	164	
authors		170	

В новостях названа тема Всемирного дня архитектуры и объявлены победители Международного архитектурного конкурса на здание Европейского парламента в Брюсселе и конкурса Kaira Looro 2022.
Ключевые слова: Международный союз архитекторов; Европейский парламента; Kaira Looro; архитектурный конкурс. /

The news announces the theme of the World Architecture Day and the winners of the International Architecture Competition for the European Parliament Building in Brussels and Kaira Looro 2022.

Keywords: International Union of Architects; European Parliament; Kaira Looro; architecture competition

World Architecture Day 2022

This year, World Architecture Day will take place on Monday 3 October 2022, the theme will be architecture for well-being.

This year's theme is in line with the designation of 2022 as the UIA Year of Design for Health and the Union's commitment to use evidence-based design to promote health in buildings and cities.

This World Architecture Day, we will go beyond the role of architecture in making our lives better, by protecting, developing and restoring health to examine how architects can better contribute to the physical, emotional, environmental, financial and social wellness of all humankind while having a

positive impact on the environment.

Register for the webinar here: https://us02web.zoom.us/webinar/register/WN_IAXHotWPRMKjMI2VJ4ZZGg

Results: International Architecture Competition for the European Parliament Building in Brussels

The European Parliament has announced the results of the international design competition for the renewal of its plenary building (SPAAK), located in a complex in the centre of Brussels (Belgium). The open pre-qualification procedure for the selection of competitors among candidates was launched on 26 May 2020. It was endorsed by the International Union of Architects (UIA).

Международные новости архитектуры / International Architecture News

Всемирный день архитектуры – 2022

В этом году Всемирный день архитектуры пройдет в понедельник 3 октября 2022 года, его темой станет «Архитектура для благополучия».

Тема этого года была заявлена в рамках «Года дизайна для здоровья» и соответствует задачам Международного союза архитекторов (МСА) на 2022 год, связанным с использованием научно обоснованного проектирования для укрепления здоровья в зданиях и городах.

«В этот Всемирный день архитектуры мы выйдем за рамки роли архитектуры в улучшении нашей жизни путем защиты, развития и восстановления здоровья и рассмотрим возможность для архитекторов внести большой вклад в физическое, эмоциональное, экологическое, финансовое и социальное благополучие всего человечества, оказывая при этом положительное влияние на окружающую среду».

Регистрация на вебинар: https://us02web.zoom.us/webinar/register/WN_IAXHotWPRMKjMI2VJ4ZZGg

Результаты Международного архитектурного конкурса на здание Европейского парламента в Брюсселе

Европейский парламента объявил результаты международного конкурса на реновацию здания

пленарных заседаний (SPAAK), входящего в комплекс в центре Брюсселя (Бельгия). Открытая процедура предварительного отбора участников среди кандидатов была запущена 26 мая 2020 года. Конкурс проходил при поддержке МСА.

Участникам было предложено применить устойчивый подход с сильным акцентом на «функциональность, ремонтпригодность, гибкость и адаптируемость».

Новый Европейский парламента должен включать в себя «лучшие практики долговечности и устойчивости с правильным балансом между простотой и продуманными технологиями».

Проекты будут представлены на выставке в Брюсселе, которая запланирована на сентябрь 2022 года.

Жюри выделило следующие призы:

– **1 место:** JDS Architects (Дания)

^ Вид с высоты птичьего полета на здания парламента, Люксембургская площадь. © Европейский Союз / Aerial view Parliament Buildings from Place du Luxembourg © European Union

The competition sought a sustainable approach with a strong emphasis on "operability, maintainability, flexibility and adaptability". The new European Parliament was envisaged as incorporating "best durability and sustainability practices with a considered balance between simplicity and thoughtful technology."

The projects will be presented during an exhibition in Brussels which is scheduled for September 2022.

The jury allocated following prizes:

– **1st prize:** JDS Architects (Denmark) Coldefy (France) | NL Architects (Netherlands) | Carlo Ratti Associati (Italy) | ENSAMBLE STUDIO (Spain) | UTIL

cvba (Belgium) | Ramboll (Denmark)

– **2nd prize:** JABORNEGG & PALFFY

Generalplaner ZT GmbH (Austria) KUEHN MALVEZZI (Germany) | AXIS Ingenieurleistungen ZT GmbH (Austria)

– **3rd prize:** MOREAU KUSUNOKI (France) Dethier Architectures (Belgium) | sbp france (France) | ME Engineers Ltd (United Kingdom)

– **4th prize:** BELVEDERE ARCHITECTURE (France)

Ove Arup & Partners International Ltd (United Kingdom)

– **5th prize:** A2M (Belgium)

VK ENGINEERING (Belgium) | C.F. Møller Architects (Denmark)

The winners of Kaira Loooro 2022 for a Children's House in Africa have been announced

The 'Kaira Loooro' international architecture competition, held by humanitarian organisation Balouo Salo, has this year also, established itself as one of the most important in the field of humanitarian and development design, attracting students and young architects from all over the world. The 2022 edition of the Kaira Loooro international architecture competition was held, with the aim of selecting an architectural model of a 'Children's House' to be built in Africa with the proceeds of the competition (entirely donated) to tackle the phenomenon of

child malnutrition, as well as to raise the international community's awareness of humanitarian issues in developing countries and to support the charity projects promoted by humanitarian organisation Balouo Salo.

On 11 July, the organisation announced the 50 winning projects. The winner of the 2022 edition is young Ziyu Guo from China. The second prize was won by a team also from China consisting of Shimin Zhou, Wanning Liao, Tianchen Xu, Hanyang Liu and Joseph Ongaco. Third place was won by Nattaphon Worawanitchaphong from Thailand.

More information: <https://www.kairaloooro.com/>

в «Дом детей» (Зию Гуо, Китай). Проект-победитель конкурса Kaira Loooro / 'Children's House' (Ziyu Guo, China). The winner of Kaira Loooro competition

Coldefy (Франция) | NL Architects (Нидерланды) | Carlo Ratti Associati (Италия) | ENSAMBLE STUDIO (Испания) | UTIL cvba (Бельгия) | Ramboll (Дания)

– **2 место:** JABORNEGG & PALFFY Generalplaner ZT GmbH (Австрия)

KUEHN MALVEZZI (Германия) | AXIS Ingenieurleistungen ZT GmbH (Австрия)

– **3 место:** MOREAU KUSUNOKI (Франция)

Dethier Architectures (Бельгия) | sbp france (Франция) | ME Engineers Ltd (Великобритания)

– **4 место:** BELVEDERE ARCHITECTURE (Франция) Ove Arup & Partners International Ltd (Великобритания)

– **5 место:** A2M (Бельгия) VK ENGINEERING (Бельгия) | C.F. Møller Architects (Дания)

Победители конкурса Kaira Loooro 2022 на строительство детского дома в Африке

Международный архитектурный конкурс Kaira Loooro, проводимый гуманитарной организацией Balouo Salo, в этом году снова зарекомендовал себя как один из самых важных в области гуманитарного проектирования и развития, привлекая студентов и молодых архитекторов со всего мира. В этом году конкурс был нацелен на выбор архитектурной модели «Дома детей», который будет построен в Африке на средства, вырученные от конкурса (полностью пожертвованные) для решения проблемы недостаточности питания у детей и повышения осведомленности международного сообщества о гуманитарных проблемах в развивающихся странах, а также для того, чтобы поддержать благотворительные проекты, продвигаемые гуманитарной организацией Balouo Salo.

11 июля организация объявила 50 проектов-победителей. Первое место на конкурсе 2022 года присудили юной Зию Гуо

из Китая. Второе место заняла также команда из Китая в составе Шимин Чжоу, Ваннин Ляо, Тяньчен Сюй, Ханьян Лю и Джозефа Онгако. Третье место занял Наттапхон Вораванитчпхонг из Таиланда.

Дополнительная информация: <https://www.kairaloooro.com/>

Статья посвящена экспериментальной 23-й проектной сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного университета. Представлены проекты команд, посвященные связности природно-рекреационных и общественных пространств городов на Байкале. Основной эксперимент сессии заключается в том, чтобы повысить реализуемость проектных решений и идей команд участников при сохранении лучших традиций методологии зимнего университета благодаря внедрению поэтапного подхода к проведению сессии, а также включению в состав участников экспертной команды. Участники сессии работали с четырьмя планировочными элементами внутри Байкальска и с поселком Солзан. Подготовкой общей концепции развития городского поселения занималась экспертная команда. Все команды учитывали положения Мастер-плана Байкальска, переосмысливали их, дополняли и предлагали новые.

Ключевые слова: Международный Байкальский зимний градостроительный университет; связность; эколого-ориентированность; реализуемость. /

The article is devoted to the 23rd experimental design session of the International Baikal Winter University of Urban Planning Design. The teams presented the projects on connectivity of natural, recreational and public spaces in the cities on Baikal. The main experiment of the session is to increase the feasibility of the teams' project solutions and ideas while maintaining the best traditions of the Winter University methodology by introducing a step-by-step approach to the session, as well as involving the expert team into the process. The session participants worked with four planning elements inside Baikalsk and with the settlement of Solzan. The general development concept for the urban settlement was prepared by the expert team. All teams took into account the provisions of the Baikalsk Master Plan, rethought them, supplemented them and proposed new ones.

Keywords: International Baikal Winter University of Urban Planning Design; connectivity; eco-friendliness; feasibility.

Летний «Зимник-2022» / Summer "Zimnik 2022"

Международный Байкальский зимний градостроительный университет (МБЗГУ) – первое ежегодное проектно-образовательное мероприятие в области архитектуры и градостроительства в России. Оригинальная методика работы, апробированная в течение 40 лет в разных странах мира, разработана на базе международных градостроительных мастерских Les Ateliers (г. Сержи-Понтуаэ, Франция), которые также являются сооправителями Зимнего университета.

За 22 года через Зимний университет прошли свыше 1000 участников из более чем 50 стран мира. В ходе сессий участники приобретали навыки междисциплинарной работы в командах, отработывали навыки аналитического и концептуального мышления, учились подходить глобально к локальным вопросам.

Проектная сессия 2022 была необычной и проходила в три этапа. 24–25 марта в Иркутске состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «БАЙКАЛ-ЭКО*ЛОГИКА-2040», в рамках которой была определена тема сессии, принял участие широкий круг экспертов.

В работе второго – онлайн-этапа (20 июня – 2 июля) приняли участие 30 российских и иностранных спикеров. Доклады были разделены на 5 основных блоков: вводная часть, стратегическое и территориальное планирование, транспортное

планирование, архитектура, идентичность и экономика туристических городов и территорий. В ходе онлайн-этапа были сформированы команды и участники начали погружаться в тему предстоящей сессии, готовиться к офлайн-этапу.

Офлайн-этап прошел 9–23 июля на базе кампуса ИРНТУ. В работе сессии участвовали 30 членов команд, 6 ассистентов сессии и более 30 местных и внешних экспертов.

Научные руководители: кандидат архитектуры, главный архитектор ОАО «Гипрогор» Александр Колесников и главный архитектор ООО «ИЭ Актив» Екатерина Протасова. Пилоты сессии по направлениям: «Градостроительство» – Вера Хотулева (Градостроительная мастерская «Линия»); «Транспорт» – к. техн. н., доцент кафедры автомобильного транспорта ИРНТУ Алексей Левашев; «Архитектура и идентичность» – Полина За-

славская (Сибирская Лаборатория урбанистики).

Важным результатом работы стало взаимодействие команд по ключевым направлениям развития городского поселения, которые курировали члены экспертной команды. В ходе нескольких воркшопов представители команд обсудили возможные предложения по транспортному каркасу, природно-рекреационным зонам, туристическим достопримечательностям и необходимой инфраструктуре, а также перераспределению жилого фонда и социальных услуг. Такой подход позволил командам сохранять представление о своей территории и рассматривать ее в масштабе городского поселения. Команды не конкурировали между собой, а дополняли работу друг друга.

Для ознакомления с территорией было организовано

текст
Сергей Александров
фото
Вера Мельникова, Мария Демченко /
text
Sergey Alexandrov
photo
Vera Melnikova, Maria Demchenko

Ассистенты
Елена Овденко, Сергей Беломестных, Юлия Никифорова, Юлия Родикова, Наталия Иванова, Иван Сорокин
Организаторы
Иркутский национальный исследовательский технический университет, Администрация города Байкальска

несколько выездов в город Байкальск и поселок Солзан; участники посетили одну из туристических точек южного Байкала – поселок Листвянка. Ниже представлены основные результаты и материалы финальных защит команд.

Команда «Город» / Team "Gorod"

Ассистент

Елена Овденко

Участники

Наталья Боровикова

Егор Иванов

Евгений Огиенко

Владимир Русановский

Василина Щеткина

Ульяна Шульга

Транспортно-пешеходная инфраструктура:

- развитие внешнего транспортного сообщения с другими территориями Южного Байкала;
- повышение транспортной связности предгорных и прибрежных районов, разделенных автомобильной и железной дорогой;
- развести внутригородские и внешние потоки транспорта, обеспечить безопасность передвижения;

- организовать велосипедную инфраструктуру;
- внедрить новые экологичные виды транспорта.

Решения:

- реконструкция участков федеральной дороги в пределах Большого Байкальска (от г. Слюдянки до п. Созан) с учетом возможного включения велосипедной инфраструктуры;
- формирование транспортного кольца, объединяющего районы города. В пределах красных линий: 2 полосы движения, велодорожки и др.;
- подготовка предложений по отдельным узлам и транспортным развязкам на основе проведенных измерений и расчетов;
- размещение ТПУ с перехватывающей парковкой для пересадки с внешнего транспорта

на экологичный внутригородской;

- формирование единой велосипедной инфраструктуры, соединяющей микрорайоны города, набережную, предгорья с территориями бывшего БЦБК и п. Солзан.

Природно-рекреационный каркас:

- раскрыть туристический потенциал природно-рекреационного каркаса и степень рекреационной нагрузки;
- обеспечить связность крупных существующих и планируемых озелененных зон;
- рекультивировать и очистить территории от накопленных отходов.

Решения:

- формирование экологической культуры, экпросвещения, содействие в реализации экологических инициатив;
- организация основных зеленых связей вдоль набережной озера Байкал, вдоль рек и ручьев к предгорьям Хамар-Дабана, а также внутри селитебных территорий;
- реорганизация территорий карт накопителей под агропромышленное, рекреационное и иное использование.

Жилье и социальная инфраструктура:

- выработать типологические решения по морфологии и внешнему облику нового жилья;
- повысить качество и увеличить предложение по среднему

специальному и высшему образованию; – обновить инфраструктуру здравоохранения.

Решения:

- разработка рекомендаций по типологии жилья для размещения в центральных и периферийных частях городского поселения;

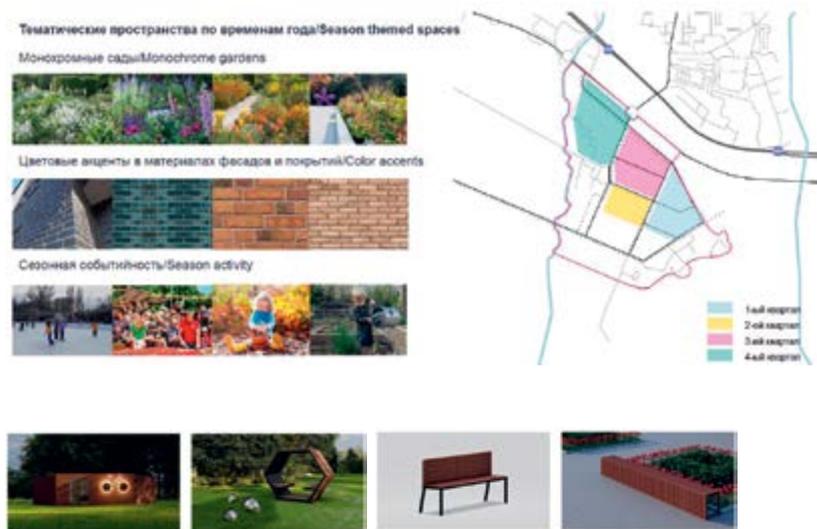
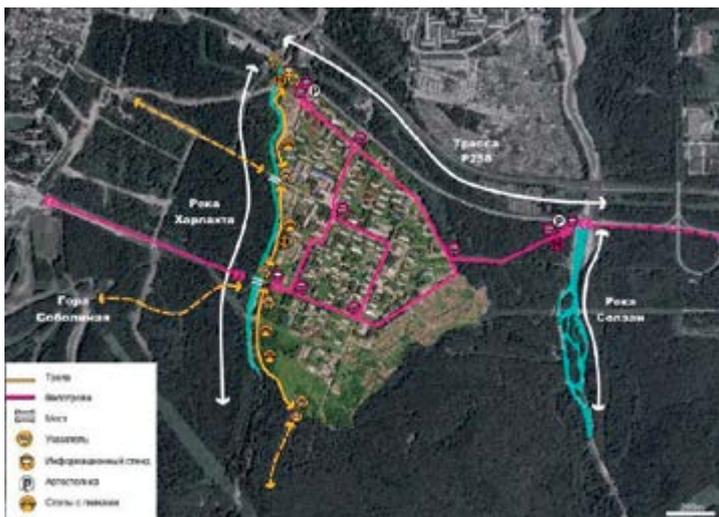
- строительство родильного отделения, модернизация морга при действующей больнице; – размещение филиалов средне специального и высшего образования.

Туристическая инфраструктура, развитие бизнеса:

- сформировать туристические связи между ключевыми точками притяжения и объектами базовой инфраструктуры;
- развить туристическую базовую инфраструктуру и сервисы, отвечающие современным требованиям;
- развить дополнительные типы туризма для поддержания круглогодичного потока туристов.

Решения:

- подготовлено предложение по модели управления ТРК и бизнес-модель;
- формирование пешего туристического маршрута через основные достопримечательности – набережная озера Байкал, гора Соболиная и др.; – развитие системы эко-троп как туристических маршрутов.

Команда «Южный» / Team “Yuzhnyi”

Роль района в составе городского поселения

Площадь микрорайона «Южный» составляет 90 га, расчетная численность населения 3400 жителей. Микрорайон является административным и образовательным центром города.

Проблематика района

Транспортно-пешеходная инфраструктура. Слабая связность уличной сети как внутри микрорайона, так и с прилегающими территориями, неорганизованный пешеходный транзит.

Природно-рекреационный каркас. На территории вдоль автомобильной дороги – озеленение специального назначения, общего и ограниченного пользования.

Жилье и социальная инфраструктура. Большая часть жилых домов признана аварийной (69 домов, 8,1 га). Остро стоит проблема дополнительного образования; ДШИ и ДЮСШ переполнены и работают в две смены.

Потенциал развития района

Концептуальная идея предполагает сохранение имеющейся административной и образовательной функции с созданием нового спортивного центра рядом с проектируемой лыжероллерной трассой и усилением образовательной функции.

Предложения по развитию района

Транспортно-пешеходная инфраструктура. Предлагается

связь микрорайонов «Южный» и «Гагарина» путем создания новой дороги соединяющие главные улицы микрорайонов, предусматривается пешеходная связь с микрорайонами «Гагарина» и «Строитель» рекреационно-пешеходной зоной вдоль реки Харлакта. Новая автомобильная и велопешеходная связь с микрорайоном «Красный Ключ» от улицы 2-й квартал до горнолыжной трассы. Связь микрорайона с поселком Солзан будет осуществляться за счет создание экотропы.

Природно-рекреационный каркас. Предлагается создание единой внутримикрорайонной сети бульваров и озелененных территорий, связанных с природными объектами.

Жилье и социальная инфраструктура. Предлагается организация малоэтажной, уплотненной застройки периметрального типа, которая позволит создать приватное пространство между домами и благоустроить в соответствии с требованиями комфортной городской среды. Усиление образовательной функции реализуется за счет создания образовательного центра на базе существующего техникума. Фактор близости к оз. Байкал и хребту Хамар-Дабан дает возможность создания научной лаборатории для изучения этих уникальных природных объектов.

Для снятия нагрузки с объектов дополнительного образования на базе образовательного центра предусматриваются детско-юношеские секции.

Туристическая инфраструктура. Планируемый спортивный центр включает в себя стоянку для спортсменов, зрителей и туристов, спортивный зал для тренировок, трибуны на 200 мест, кафе, магазины, прачечную, остановку общественного транспорта, пункт проката спортивного оборудования.

Для развития бизнес-туризма предлагается конференц-зал; в настоящее время эту функцию выполняет ДК «Юбилейный» и кафе «Гора 900», но мощности этих объектов не позволяют проводить конференции и встречи более крупного масштаба.

Ассистент
Сергей Беломестных
Участники
Надежда Кострова, Анна Мареева, Дарья Новиченко, Екатерина Сорочкина, Донг Хоанг Кьюи

Команда «Строитель» / Team “Stroitel”

Ассистент

Юлия Никифорова

Участники

Оксана Барнакова, Ольга Павлова,
Максад Сокибеков, Денис Тетюшкин,
Махмуд Элдесоки

Роль района в составе городского поселения

Строитель – это первый район, сформировавшийся на территории Байкальска. Площадь микрорайона 114,8 га, население 2,07 тысяч человек (2016). В зоне сейсмичности свыше 9 баллов расположены 3 МКД, 12 объектов ИЖС. Около 2/3 МКД в районе признаны аварийными.

Потенциал развития района

Микрорайон с трех сторон граничит с водными объектами: оз. Байкал, реки Красный ключ и Харлахта. Со стороны железной и автомобильной дороги планируется создание транспортно-пересадочного узла (ТПУ) как одного из ключевых центров развития города. Через район проходит пешеходный путь

от горы Соболиная к озеру; в комплексе с планируемым ТПУ это формирует запрос на определение поперечных и продольных обустроенных маршрутов, появление новой качественной архитектуры.

Предложения по развитию района

Транспортная инфраструктура

Транспортное кольцо при пересечении с федеральной дорогой решается в одном уровне, пересечение с железной дорогой решается проколом с небольшим заглублением в существующей насыпи.

В ТПУ планируется пересадка с внешнего на внутригородской транспорт. Для доставки посетителей горнолыжных курортов в ТПУ предусмотрены шаттлы. Для тех, кто добирается на личном автомобиле, запланирована перехватывающая парковка.

Природно-рекреационный каркас

Оси каркаса должны включаться в систему общественных пространств города через соединение с линейным парком вдоль реки Харлахта, реорганизацию улицы Байкальской, благоустройство набережной Байкала, велосипедную трассу в Солзан.

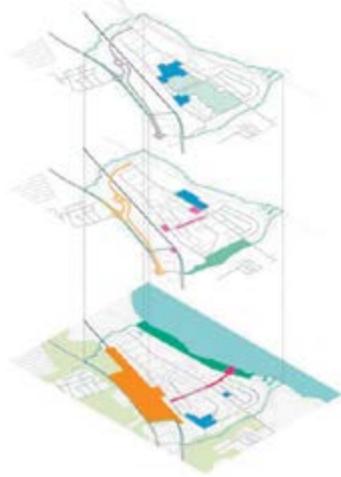
Предлагается организация «общественного сада» с выдачей в аренду участков для выращивания клубники, с организацией прогулочных дорожек, полян для отдыха и размещением детских и спортивных площадок.

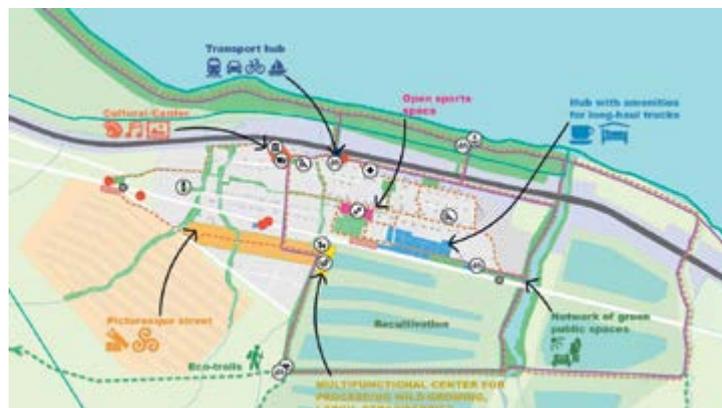
Жилье и социальная инфраструктура

Предлагается уплотнение жилой застройки и размещение 54–64 тыс. м² малоэтажной жилой застройки с учетом необходимости выделения участков для переноса детского сада и начальной школы. Для формирования комфортной морфологии застройки предлагается организация периметральной застройки нового жилья и отделки фасада «чешуйками», характерными для сохранения средовой идентичности.

Туристическая инфраструктура, развитие бизнеса

Планируется обустроить выход к Байкалу и переместить поток туристов, снизив конфликтность пересечения приезжих и местных жителей в остальной части района. В месте пересечения туристической оси Байкала с планируемой велосипедной трассой Солзан-Гранатовый пляж предлагается организовать центр береговой туристической активности, включающий кафе, смотровую площадку, пирс и велопрокат. Вдоль туристической оси улицы Строителей предлагается организация зоны палаточного рынка/ярмарки, обслуживающей туристов, идущих от ТПУ и горы Соболиной до Байкала.

Команда «Солзан» / Team “Solzan”

Роль района в составе городского поселения

Поселок является административным районом Байкальска, в котором расположены преимущественно индивидуальные жилые и дачные дома. В поселке постоянно проживают 625 человек (Росстат, 2021). В поселке расположена железнодорожная станция Байкальск, на которой останавливаются пассажиры, следующие в Байкальск.

Проблематика поселка Транспортно-пешеходная инфраструктура

В поселке расположена неорганизованная массовая стоянка для грузового автомобильного транспорта. Вдоль федеральной дороги отсутствуют пешеходные переходы и тротуары. В поселке отсутствует инфраструктура для велосипедистов. Отсутствует комфортный переход через железнодорожные пути.

Природно-рекреационный каркас

Между Солзаном и площадкой БЦБК находится реликтовый лес с отсутствием какой-либо инфраструктуры. Карты-шламоотстойники и пруды-отстойники (около 80 га) требуют рекультивации.

Жилье и социальная инфраструктура

Территория не обеспечена объектами социального и коммунально-бытового назначения, рабочими местами, что создает

необходимость совершать поездки в Байкальск. В поселке три выявленных объекта культурного значения. Благоустроенная связь между ключевыми объектами поселка отсутствует.

Туристическая инфраструктура

В поселке отсутствуют связь с курортом «Гора Соболиная». Существует дефицит благоустроенных общественных пространств для жителей поселка.

Потенциал развития поселка

В поселке имеются предпосылки для организации благоустроенного транспортного хаба для дальнбойщиков с сервисами, возможность организации тротуаров и пешеходных переходов, велопешеходного маршрута, экотроп и создания точки притяжения.

Предложения по развитию поселка

Транспортно-пешеходная инфраструктура

- Обустройство остановочной площадки для грузового транспорта и размещение кафе, мотеля, туалета, душевых и места отдыха.
- Сохранение АЗС с развитием сервисов.
- Создание организованного надземного пешеходного перехода через железную дорогу путем пристройки площадки к существующему зданию ж/д станции.
- Обустройство наземного перехода через ж/д пути между прудами-отстойниками.

Природно-рекреационный каркас

- Создание велопешеходного маршрута, связывающего Солзан с Байкальском, создаваемым креативным и производственным кластером БЦБК по Екатерининскому тракту.
- Создание экотроп, связывающих Солзан с Байкальском по хребтам Хамар-Дабана.
- Дифференциация веломаршрутов и экотроп по пользователям и сложности.

- Создание тротуаров, связывающих Солзан с Байкальском по хребтам Хамар-Дабана.
- Дифференциация веломаршрутов и экотроп по пользователям и сложности.

Жилье и социальная инфраструктура

- Создание пешеходного бульвара, соединяющего ДК «Юность», сквер, социальные учреждения, ОКН, привокзальную площадь, часовню в связный маршрут.
- Внедрение локальных источников энергии, автономных систем водоснабжения, водоотведения и отопления.

Ассистент

Юлия Родикова

Участники

Елена Адекова, Рафаэль Варгас, Ольга Субботина, Алина Новикова

- Повышение разнообразия объектов общественно-деловой и социальной инфраструктуры (организация точек продажи клубники, локальных рынков и др.).

Туристическая инфраструктура

- Создание многофункциональной улицы с местами размещения для туристов, мастерскими и другими досуговыми функциями.
- Формирование единого уличного фронта при помощи регулирования высоты и материалов ограждений, сохранение культуры палисадников.
- Изменение назначения земель для создания туристического кластера.

- Культурно-рекреационная зона
- Парковая, лесная зона
- Зона рекреационной системы
- Спортивная зона
- Зона торговли
- Образовательная зона
- Великолепная зона
- Жилая зона

Команда «Гагарина» / Team “Gagarina”

Ассистент
Наталья Иванова

Участники
Аркадий Борщевский,
Марва Осама, Регина Салихзянова

Роль района в составе городского поселения

Микрорайон является общественным, торговым и спортивным центром города. Площадь около 214 га, население около 4000 человек.

Проблематика района Транспортно-пешеходная инфраструктура

В микрорайоне Гагарина находится главная улица Байкальская, которая связывает жилые территории города с общественным центром и улица районного значения Гагарина, которая обеспечивает связь внутри микрорайона с главной улицей. Из-за недостатка пешеходных переходов люди вынуждены ходить по проезжей части, что создает аварийную ситуацию. В м/р Гагарина отсутствует инфраструктура для велосипедного транспорта.

Природно-рекреационный каркас

Микрорайон с северной стороны ограничен берегом Байкала и лесопарковой территорией, а также озелененными, поименными территориями рек Солзан и Харлахта.

Жилье и социальная инфраструктура

Почти весь микрорайон застроен малоэтажными многоквартирными домами (панельные и кирпичные). Кроме того, есть пятиэтажные дома ташкентской серии. Большинство зданий не оборудованы пандусами и другими средствами доступа.

На территории располагается Торговый центр, Байкальский спортивно-досуговый центр, одна общеобразовательная школа, музыкальная школа и 3 детских сада, аптека, почта, банк, гостиницы.

Потенциал развития района
Уникальное географическое и природное положение, близость к озеру Байкал составляют главный потенциал микрорайона.

Предложения по развитию района
Основная идея развития территории заключается в развитии связей с другими микрорайонами. Благоустройство бульвара Гагарина и формирование культурно-ярмочной площади с новыми зонами для торговли, которые будут работать на арендной основе.

Транспортно-пешеходная инфраструктура

Предлагается связь микрорайонов Гагарина и Южный через формирование новой улицы, соединяющей главные улицы районов. Планируется расширение и благоустройство прохода под железной дорогой и формирование пешеходной связи с микрорайоном Южный.

Природно-рекреационный каркас

Проектом предполагается развитие рекреационно-пешеходных зон вдоль рек Солзан и Харлахта. Зона озеленения сохраняется с учетом добавления молодых деревьев.

Жилье и социальная инфраструктура

Аварийные дома планируются к расселению и сносу. На их месте предполагается строительство гостиницы.

Туристическая инфраструктура

На территории ОЭЗ предполагается строительство малоэтажных гостиниц вдоль улицы Гагарина, развитие связей между жилой застройкой микрорайона и Байкалом, создание выходов к воде и благоустройство природной набережной, развитие велодорожек и строительство спортивных площадок. Для благоустройства набережной предполагается использовать такие материалы как дерево, георешетки, камни.

Команда «Красный ключ» / Team “Krasnyi Klyuch”

Роль района в составе городского поселения

Площадь территории – 539 га, население 689 человек. Особая экономическая зона (ОЭЗ) занимает более 60% от рассматриваемой территории. Важность микрорайона в городе обусловлена расположением одного из значимых туристических объектов региона – горы Соболиной. Рельеф территории от федеральной трассы до самой высокой точки горы – 530 м.

Проблематика района

Сложности единого комплексного подхода могут быть связаны с недостаточной синхронизацией действий планов по развитию города и операторов развития ОЭЗ. На территорию ОЭЗ не распространяется действие Генерального плана и правил землепользования и застройки.

Потенциал развития района

Потенциал развития территории связан с планами по дальнейшему освоению горнолыжных склонов горы Соболиной, планами по строительству гостиничной и туристической инфраструктуры резидентов ОЭЗ, строительству ТПУ с северной стороны. Восребованность передвижения туристов и жителей города от ТПУ к горе Соболиная через объекты ОЭЗ позволяют сформировать необходимые связи.

Предложения по развитию района

Транспортно-пешеходный каркас

Транспортное сообщение с микрорайоном Южный и Строитель осуществляется через транспортное кольцо, также предлагается создание целой сети велодорожек, повышающих связность с городскими и природными территориями.

Улицу бульварного типа предлагается организовать на пути следования основных пешеходных потоков, от линейного парка вдоль ул. Красный ключ в направлении общественного-административного центра в микрорайоне Южный. Материал дорожного покрытия – брусчатка, которая необходима для снижения скоростного режима и подчеркивания приоритета пешеходов. Предусматривается квартальная сетка улиц.

Природно-рекреационный каркас

Организация шумозащитного озеленения вдоль федеральной автодороги и линейного парка между жилой застройкой Красного ключа и строящейся параллельной улицы в границах ОЭЗ. В линейном парке предусматривается организация широкого пешеходного променада, по которому будет проходить поток от ТПУ в направлении горы Соболиная.

Туристическая инфраструктура, развитие бизнеса

С целью поддержания круглогодичного отдыха на горе планируется создание смотровых площадок, зиплайна, ведущим на гору Черную, высотных качелей. Для разнообразия летнего отдыха планируется создание спуска для тюбингов и трамплин для прыжков со специализированным покрытием. В границах ОЭЗ предлагается установить следующие регламенты: площадь ЗУ до 2 га, высота ОКС до 5 этажей и др. Предлагаются варианты объемно-пространственных решений застройки и регулирование типа и цвета используемых материалов при отделке фасадов.

Ассистент Участники

Иван Сорокин
Алёна Бондарик, Лейди Медина
Вероника Омельченко
Арина Петрова, Анна Старкова

Впервые предпринята попытка комплексного исследования профессиональной деятельности иркутского архитектора К. В. Миталья. Прослежены типичные черты жизненного и творческого пути провинциального зодчего в период смены исторических эпох в первой трети XX века. Выявлены особенности адаптации провинциальных архитекторов к новым эстетическим устремлениям своего времени, их способность к корректировке творческих взглядов исходя из политико-идеологических факторов. Монография позволяет расширить совокупность исторических знаний о периоде становления отечественной архитектуры в провинциальных городах, географически удаленных от центра страны. Книга предназначена для специалистов в области архитектуры, преподавателей, аспирантов, студентов, обучающихся по направлениям «архитектура», «дизайн архитектурной среды», «теория и история культуры», «история», «культурология», а также для широкого круга лиц, интересующихся региональной архитектурой.

Ключевые слова: К. В. Миталь; Иркутск; архитектура; памятники; архитектурные стили; архитектурный язык./

It is the first attempt to comprehensively study the professional activities of the Irkutsk architect K. V. Mital. The author follows typical features of life and artistic journey of a provincial architect during the change of historical epochs in the first third of the 20th century. The author reveals the specific features of adaptation of provincial architects to the new aesthetic aspirations of the time, their ability to reconsider their creative views on the basis of political and ideological factors. The article allows to expand the historical knowledge about the period of formation of domestic architecture in provincial cities, which are geographically distant from the centre of the country.

Designed for architecture professionals, teachers, postgraduates, students specializing in "Architecture", "Design of Architectural Environment", "Theory and History of Culture", "History", "Cultural Studies", as well as a wide range of people interested in regional architecture.

Keywords: K. V. Mital; Irkutsk; architecture; monuments; architectural styles; architectural language.

Слово о Митале / A word about Mital

Лисицин В. Г. Иркутский архитектор К. В. Миталь: от модерна к постконструктивизму. монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2022. – 200 с. / Lisitsin, V. G. (2022). Irkutsk architect K. V. Mital: from Modernism to Post-Constructivism: Monograph (2nd ed.). Irkutsk: IRNITU publishing house.

текст

Марина Ткачева
Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачёва/

text

Marina Tkacheva
V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts

Архитектура, как писал В. Гюго, «осадочный пласт, оставляемый после себя нацией» [1, с. 55]. Она сохраняет важнейшие артефакты культурного кода в любом обжитом пространстве, не подвергаясь разрушению. И на улицах Иркутска также соседствуют здания разных временных пластов. Уникальность иркутской ситуации в том, что гражданский инженер, архитектор Казимир Войцехович Миталь (1877–1938), много сделавший для формирования облика города, работал в нескольких стилевых потоках: модерне, эклектике, конструктивизме и постконструктивизме. Знаковые объекты, построенные по его проектам, и сегодня выделяются в городской застройке, образуя «лица необщее выраженные» Иркутска.

Именно этой личности и его трудам посвящена монография кандидата исторических наук, доцента кафедры архитектурного проектирования ИРНИТУ Василия Геннадьевича Лисицина «Иркутский архитектор К. В. Миталь: от модерна к постконструктивизму». Но это не просто биографическое описание жизни и творчества. «В этом труде вполне успешно осуществлена попытка комплексного исследования профессиональной деятельности одного из ранее малоизвестных иркутских архитекторов, причем его жизненный и творческий путь прослежен на фоне тех революционных перемен в культурной, социальной, политической жизни России, который она пережила в начале XX века», – так доктор архитектуры профессор Марк Григорьевич Меерович охарактеризовал первое издание монографии, вышедшее в 2016 году [2]. Со временем появились новые данные, информация, документальные свидетельства, и стало очевидно: работу об архитекторе К. В. Митале нужно дополнить, что и нашло свое воплощение во втором издании книги.

В. Г. Лисицин рассматривает трансформацию личности иркутского архитектора через призму исторических событий, произошедших в первой трети XX в.; он связывает глобальный процесс становления советской архитектуры с частной деятельностью провинциального архитектора. И становится очевидным, что в судьбе и творчестве Казимира Войцеховича отражаются

перипетии и знаковые преобразования архитектурной профессиональной деятельности: от самостоятельного выбора стилистического направления к принудительному стилиобразованию, от вдохновения модерна и энергии авангарда – к послушной последовательности постконструктивизма.

Сохранившиеся иркутские постройки Миталья – бесценные памятники, которые подлежат бережному сохранению и изучению; они – очевидный учебник, читая который можно уловить дух и противоречивость удивительной и беспощадной эпохи, эволюции времени и архитектурного языка. Но для их понимания нужны проводники. Монография В. Г. Лисицина – один из источников, необходимый для краеведов, историков архитектуры и искусства.

Литература

1. Гюго, В. Собор Парижской Богоматери / пер. с фр. Н. Коган. – Москва : Правда, 1988. – 429 с. : ил.
2. Меерович, М. Г. О человеке, который построил «Сибирь» // Проект Байкал. – 2017. – 53. – С. 102

References

- Hugo, V. (1988). Notre Dame de Paris (N. Kogan, Trans.). Moscow: Pravda.
- Meerovich, M. (2017). About the man who built "Sibir". Project Baikal, 14(53), 102. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.53.1227>

счастье / happiness

Восприятие города как живого организма ставит вопрос о его симбиозе с горожанами. Как у любого живого организма, у города есть свои потребности и цели развития, которые должны быть согласованы с потребностями его жителей. В теоретической психологии разработана иерархия потребностей. Они развиваются от самых простых, всеобщих для всего живого, до высших бытийных потребностей, присущих наиболее высокоразвитым личностям. Большинство урбанистических теорий рассматривает город на уровне первичных потребностей не выше второй ступени (потребность в безопасности). В настоящее время делаются попытки построить теорию симбиоза города и горожан на высших ступенях бытийных потребностей.

Ключевые слова: архитектура; урбанистика; психология; иерархия потребностей; дефицитные потребности; бытийные потребности; салютогенез./

The perception of the city as a living organism raises the question of its symbiosis with citizens. Like any living organism, the city has its own needs and development goals, which must be consistent with the needs of its inhabitants. Theoretical psychology has formulated a hierarchy of needs. They develop from the simplest, universal for all living things, to the highest existential needs inherent in the most highly developed personalities. Most urban theories consider the city at the level of primary needs no higher than the second stage (the need for security). At present, attempts are being made to build a theory of the symbiosis of the city and citizens at the highest levels of existential needs.

Keywords: architecture; urban studies; psychology; hierarchy of needs; deficiency needs; existential needs; salutogenesis.

Город и горожане – счастливый симбиоз (в поисках бытийного счастья) / The city and citizens: A happy symbiosis (in search of existential happiness)

ТЕКСТ
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Введение. Рулевой или симбионт?

Крылатая фраза Ле Корбюзье гласит: дом – машина для жилья. Но в гораздо большей степени эту сентенцию можно отнести к городу. Сходство города с машиной (например, пассажирским поездом) совершенно очевидно. У города есть «вагоны» (жилые и общественные пространства) и «ходовая часть» (инфраструктурные сети). Город обладает собственной эстетикой. Так же, как у поезда, у городов есть градация статусов – от дешевых боковых мест в плацкарте до самых дорогих и престижных в салон-вагонах представительского класса. Города нуждаются в энергии для своего движения; со временем они изнашиваются, ломаются и тогда нуждаются в ремонте.

Существует также группа подходов, сравнивающих город не с машиной, а с живым организмом. В этом случае роль горожан выглядит иначе. У машины нет собственной воли и собственных потребностей – машина движется туда, куда ее направляет человек-машинист. Но у живого организма всегда есть собственное направление для движения и развития. Если город живой, то человек вступает с городом в отношения симбиоза. Город и человек должны быть взаимно полезными, должны помогать друг другу в достижении целей и потребностей каждого. Но если с потребностями людей мы хоть как-то разбираемся, то потребности города?.. Этот вопрос выглядит как-то очень уж непривычно.

Несмотря на наличие разнообразных подходов, мы вынуждены признать: в целом отношения человека и города все еще остаются областью туманной и полной неразрешенных вопросов. По мере нарастания глобальной урбанизации, пока все большая часть человечества становится горожанами, эти вопросы приобретают все более жгучий характер. От кого ждать ответа?

В первой половине XX века невиданным образом возрос авторитет естественных наук. Огромные успехи сначала сделала химия (новые материалы, красители, лекарства и, конечно же, оружие). Затем вошла звезда физики (электрические чудеса, новые виды транспорта и средства связи и, конечно же, невиданное по мощности оружие). Биология принесла свои плоды: генная инженерия, «зеленая революция», успехи медицины и,

конечно же, боевые вирусы и бактерии. Появились совсем новые науки – кибернетика, электроника, программирование и Ай-Ти – и, конечно, они уже используются для целей войны в киберпространстве.

На волне уважения и интереса ученые-естественники стали смелее вторгаться в область более общих представлений о вселенной: стали рассуждать о смысле жизни человека и человечества, трактовать самые базовые понятия и картину мира в целом – иначе говоря, занялись философией.

Философских вопросов не избегали и психологи. Научная психология, начиная с Шарко и Фрейда, сделала в XX веке не менее впечатляющий рывок, чем физика. Но психологам так и не удалось создать никакой разновидности оружия массового уничтожения. Даже самые нездоровые технологии, использующие психологические законы в целях рекламы и пропаганды, выглядят весьма гуманными по сравнению с термоядерной бомбой. Поэтому влияние «науки о душе» на международную политику и массовое сознание не так очевидно, как в случае ядерной физики.

Тем не менее, психология XX века открыла немало возможностей для изменения текущей реальности и для ее философского осмысления. Возможно, для исследования отношений города и человека психология окажется даже более полезной, чем естественные науки.

1. Потребности и их иерархия

Один из самых известных философов-психологов, Абрахам Маслоу, прожил жизнь, похожую на сказку про Золушку. Старший сын небогатого еврея-бондаря, который переехал из Киевской губернии в Нью-Йорк в начале XX века, он с детства познакомился со всеми прелестями антисемитизма. Опираясь только на личные таланты и трудолюбие, ему удалось пройти курс обучения в нескольких университетах, а потом за четыре года – путь от бакалавра до доктора наук (с 1930 по 1934 годы).

После Второй мировой войны американская психология переживала бурный расцвет. Из разоренной Европы хлынули специалисты высочайшего уровня, а правительство щедро финансировало работы по реабилитации солдат, вернувшихся с фронтов великой войны. Маслоу

< Рис. 1. Абрахам Маслоу приводит несколько исторических примеров самоактуализированных личностей. Это политики, ученые, художники. Но все они обладали сходными чертами характера, и все они творили на самом высоком философском уровне осмысления реальности

работает в модной области исследования сексуальности, затем пытается основать собственное направление в психотерапии, но признание приходит к нему далеко не сразу. В пятидесятые годы его новаторские идеи постепенно приобретают популярность, и в 1967 году он (неожиданно для самого себя) избран президентом Американской психологической ассоциации.

Центральным ядром философии Маслоу является учение о самоактуализированных личностях.

Самоактуализация – это «полное использование талантов, способностей, возможностей и т. п.» [1, с. 150]. «Я представляю себе самоактуализировавшегося человека не как обычного человека, которому что-то добавлено, а как обычного человека, у которого ничего не отнято. Средний человек – это полное человеческое существо, с заглушенными и подавленными способностями и одаренностями» [2, с. 91].

Самоактуализированная личность – это человек по определению счастливый. Его жизнь полна и разнообразна. Ему никогда не бывает скучно. Творчество для него – непрерывное, нормальное состояние. К нему тянутся люди, и его обаяние сравнимо только с его способностью влиять на людей (когда он этого захочет). Он выглядит (и на самом деле является) гением, открывающим новые пути развития для всего человечества или, по крайней мере, для больших масс людей.

Восхождение к вершинам самоактуализации непросто. Оно начинается с самых низших ступеней – потребностей, которые не являются собственно человеческими или хотя бы животными. Базовые физиологические потребности (еда, сон, секс, тепло) присущи всему живому, начиная с микроорганизмов и простейших водорослей.

Вторая ступень – потребность в безопасности – незнакома растениям. Это атрибут животного царства. Третья ступень – потребность в принадлежности к коллективу – характерна только для социальных животных. Потребности четвертой ступени (признание, статусность) проявляют лишь немногие животные из высших млекопитающих. Пятая ступень (самовыражение), вроде бы, чисто человеческая, хотя полной уверенности нет. Эти пять ступеней образуют широко известную «пирамиду» – схему настолько популярную, что многие полагают именно ее

основным и главным достижением теории и философии Маслоу.

На самом деле преодоление пяти ступеней является лишь началом личностного роста, приводящего к самоактуализации. После того, как человек научится удовлетворять низшие потребности и осознать их недостаточность для счастья, появляется возможность работать над потребностями иного типа – бытийного. Потребность в осмысленности своего существования, в справедливости, в целостности картины мира, в красоте, в уникальности и так далее. Маслоу не дает четкой классификации бытийных потребностей главным образом потому, что их проявление индивидуально и уникально для каждой самоактуализированной личности [3].

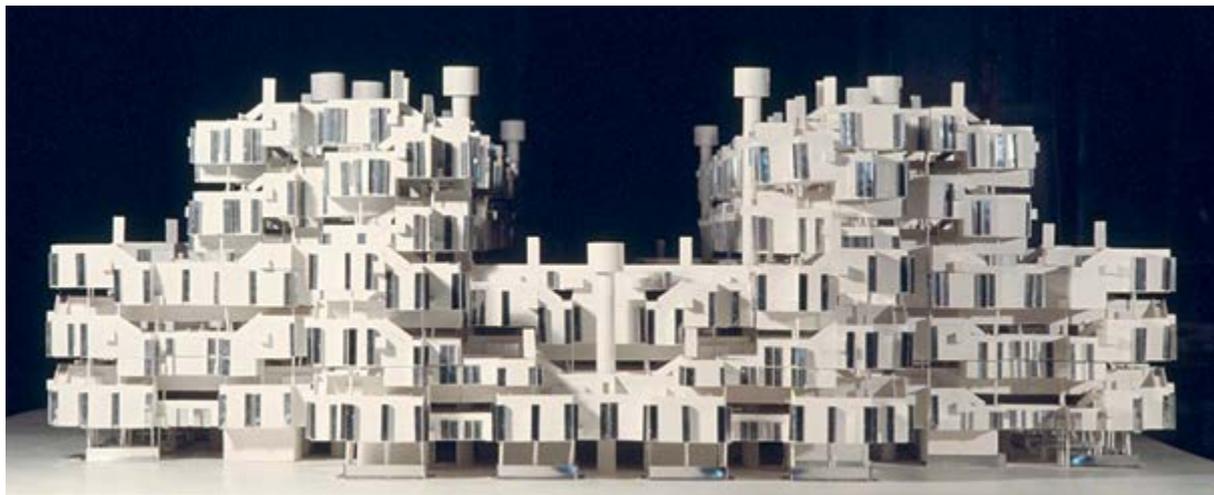
Но вернемся к вопросу отношений человека и города. Потребности людей, как и сами люди, разные. Они располагаются на различных ступенях в иерархии потребностей. Большинство застряло на нижних ступенях; их счастье заключается в обилии еды, секса, возможности спать вволю и в тепле. Несколько меньше людей, для которых счастье заключается в ощущении безопасности. Еще меньше таких, которым для счастья нужно быть причастными к коллективу – семье, дружеской или профессиональной компании, фирме. Совсем немного людей, которым нужнее всего уважение и признание окружающих. И совсем уж немногочисленны люди, счастливые в творческом самовыражении.

Но еще большую редкость составляют люди, достигшие высот самоактуализации. Не во всяком городе найдется хотя бы один такой житель. Во многих случаях горожан этого типа можно найти только в исторических хранилищах – ведь самоактуализированная личность оставляет долгий след, и такого человека помнят много лет, десятилетий, а иногда и веков. Именно такие люди составляют славу и достоинство города, по ним судят о его ценности в общечеловеческом масштабе – не зря же семь греческих городов вот уже третью тысячу лет спорят о праве называться родиной Гомера.

А на какой ступени потребностей находится сам город?

Впрочем, если мы согласимся рассматривать город как механизм, как машину, то вопрос не имеет смысла. У машины нет личности и нет потребностей, машина

> Рис. 3. Проект «Города в пространстве» мастерской Рикардо Бофилла едва не достиг реализации. Здание состоит из одинаковых ячеек, но и в целом его очертания правильны и симметричны. Симметрия, центрированность, четкость силуэта и устойчивый, равномерный ритм – все это признаки, противоположные ощущению тревожности. Проект в целом насыщен идеями безопасности

есть инструмент для реализации потребностей человека. Разумеется, того человека, который этой машиной управляет. Итак, степень потребностей города-машины определяется уровнем развития правящей в городе элиты, а те, в свою очередь, подвержены влияниям моды, мнениям вышестоящих руководителей, трендам в своих кругах и так далее. Управлять или хотя бы планировать развитие города при таком подходе не представляется возможным [4].

Если же рассматривать город как живой организм, то нам придется признать, что большинство городов аналогично самым простым (возможно, простейшим) существам. Потребности города находятся на самых нижних ступенях – пропитание, обогрев, рост и размножение, безопасность.

2. Города второй ступени

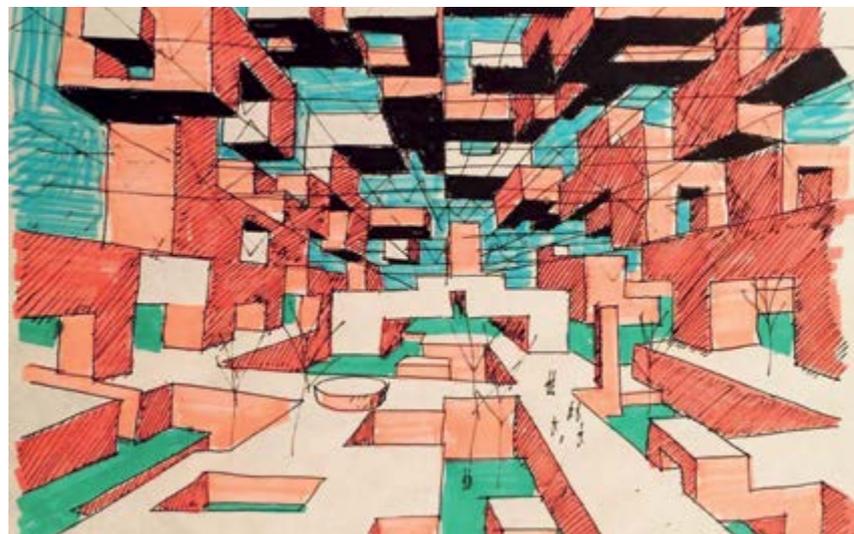
Идеальный город, начиная с античных и средневековых утопий, выглядел именно так – как место, где сытно и безопасно. О таком городе мечтали и Платон, и Кампанелла. Этот светлый образ прошел через века, и почти весь двадцатый век зодчие продолжали в своих мечтах

проектировать именно такие города, хотя к середине века стали заметны все более настойчивые попытки найти нечто принципиально иное.

«Лучезарный город», Ville Radieuse Ле Корбюзье (1924) отделил людей от природы, поселил их в многоэтажных башнях, а транспортные потоки поднял над пешеходной зоной – для того, чтобы люди, машины и растения наносили друг другу поменьше вреда. Менее известный проект Broadacre City (1932), который Фрэнк Ллойд Райт полемически противопоставил Ле Корбюзье, ставил точно ту же цель, но решал ее за счет малоэтажной застройки усадебного типа (один акр земли на каждое домохозяйство). Расположение участков сохранялось, а дома и целые кварталы могли перемещаться по сети автострад в любом направлении [5]. Децентрализация и мобильность «Бродячего города» в дальнейшем послужили основой для фантазий группы Аркигрэм и еще множества аналогичных идей, но реализации так и не дождалось.

Французский архитектор Йона Фридман, проживший удивительно долгую и творческую жизнь, в 1958 году опубликовал работу под названием «Мобильная архитектура», в которой был представлен один из его самых амбициозных проектов под названием «Пространственная территория» – утопия, объединяющая принципы ячеистой структуры и мобильности города. Блестящая архитектурная графика Фридмана в наглядных образах показывает этот город, в котором стандартные жилые «соты» изолируют каждого горожанина от общего пространства и позволяют в полной безопасности строить собственный образ жизни по своему желанию внутри своей ячейки [6].

После Второй мировой войны японские метаболисты провозгласили восприятие города как живого и растущего организма, но уровень его потребностей остался прежним. Кишо Курокава публикует проект Спирального города в 1961 году, а в 1974 он частично реализуется в виде жилой Капсульной башни (Nakagin Capsule Tower). Минималистичные жилые капсулы, отсылающие к проектам «жилых ячеек» героического периода русских конструктивистов, способны успешно удовлетворять потребности людей на первой и второй ступени, но не выше. Общение, а тем более завоевание статуса

в Рис. 2. Архитектурная графика Ионы Фридмана показывает настоящую «формулу» урбанистических поисков счастливого города. Утопические фантазии шестидесятников – это город, разделенный на ячейки. Внутри каждой ячейки размещается личное пространство жителя, недоступное для других. Сами ячейки образуют ритмический пространственный узор, который может динамично меняться по мере надобности

или самовыражение – все это невозможно, пока человек пребывает в крошечной стандартной капсуле без контакта с внешним миром, как эмбрион в уютной материнской утробе (надо учесть, что до изобретения интернета в ту пору оставалось еще два десятка лет) [7].

Почти одновременно с Кишо Курокава Арата Исодзакки публикует проект «Кластеры в воздухе» (Cluster's in the Air). Пережитая в детстве война и впечатления от разбитых вдребезги японских городов повлияли на мрачноватую идеологию Арата Исодзакки. В его проектах города – это каннибалы, непрерывно пожирающие руины своих предшественников. Перманентная катастрофа, непрерывный процесс разрушения, поглощения и переваривания останков – вот сущность жизни города. Над руинами в проекте Исодзакки парят «кластеры» – гроздь жилых и производственных ячеек, опирающиеся на землю только узким основанием. Они, как вампиры, высасывают ресурсы из нижнего слоя городской структуры. Этот довольно-таки зловещий образ снова отсылает нас к теме безопасности; правда, достигается она не изоляцией горожан друг от друга и от города, а безоговорочным доминированием одного городского элемента (кластеров) и над остальными частями городского организма, и над горожанами [8].

В 1968 году Архитектурная мастерская Рикардо Бофилла опубликовала манифест Города в пространстве (La Ciudad en el Espacio), отвечающего требованиям общества, которое находится в постоянном изменении. Наиболее реалистичный из всех похожих проектов, этот ячеистый мобильный конструктор должен был стоять на земле (а не парить в небесах) и опираться на вполне конкретные нужды и возможности современного города. Чтобы воплотить утопию в реальность, в 1969 году Министерство жилищного строительства даже выделило участок земли в районе Мораталас в Мадриде, но бюрократические и финансовые барьеры не позволили проекту осуществиться [9].

Несмотря на разнообразие проектных решений, идеи шестидесятников вращаются вокруг одной и той же ступени потребностей, а именно – потребности в ощущении безопасности. Оптимистичный настрой самого десятилетия заставил полагать, что людей достаточно

избавить от тревожности – и они сами начнут творить свою жизнь, создавать креативные варианты жизненных укладов и вообще всячески реализовывать свой уникальный потенциал.

Прошло полвека, но концепция не изменилась. Книга Чарльза Лэндри «Креативный город» (Charles Landry, The Creative City) вышла в 2000 году [10]. Следуя идеям Ричарда Флориды о «креативном классе», Лэндри настойчиво предлагает стимулировать и привлекать творческих людей в город. Его книга полна лозунгов и призывов, но фактически у автора только один рецепт: надо обеспечить творческим людям возможность творить в безопасности, снять с них страх неудачи – и креативность расцветет!

Примерно так же выглядит основная идея «Города для людей» Яна Гейла. Максимально комфортный город, по его мнению – тот, где люди могут безопасно гулять по улицам, наслаждаясь городскими видами.

Книга Чарльза Монтгомери «Счастливый город» вышла в свет в 2013 году (на русском языке – в 2019) и привлекла большое внимание как новое слово в философии градостроительства. В центре внимания Монтгомери – не фланирующий созерцатель (как у Гейла), а человек, живущий активной общественной жизнью. Соответственно, основным элементом городской структуры становятся не живописные променады, а общественные пространства, наполненные разнообразной совместной деятельностью [11].

С точки зрения иерархии потребностей основная идея Монтгомери заключается в том, чтобы перейти со второй ступени на третью, от приоритетов безопасности к ценностям приобщения к городским сообществам. Таким образом, не только люди получают возможность для реализации потребностей третьей ступени. Город также выступает как участник диалога с людьми, как субъект общественной активности. Город и горожане оказываются в отношениях симбиоза в плоскости приобщения к коллективам.

По сравнению с предыдущим периодом развития философии «потребностей города» это действительно серьезный прогресс. Но когда же мы доберемся до высших ступеней иерархии потребностей с такими темпами?

^ Рис. 4. В проекте Арата Исодзакки «Кластеры в воздухе» используются идеи социального дарвинизма. Над руинами города нависают «грибы» кластеров. Вертикальный поток ресурсов выносит все необходимое для жизни из «приземного слоя». По мысли архитектора, эти взаимоотношения между частями города могут образовать устойчивую экосистему, наподобие отношений между травоядными и хищниками в природе

> Рис. 5. Кадр из фильма «Хроники хищных городов» (2018). Снятый по книге Стивена Рива «Mortal Engines» (Смертельные устройства), фильм рассказывает о мире, в котором города движутся на колесном или гусеничном ходу, охотятся и пожирают друг друга. Прямое продолжение идей динамичного города от Фрэнка Ллойда Райта, группы Аркигрэм и Арата Исодзаки

3. В поисках самоактуализированного города

В конце семидесятых годов израильский ученый Аарон Антоновский придумал термин «сальютогенез». Первоначально это понятие использовалось исключительно в медицине и означало комплекс причин и условий возникновения здоровья (в противоположность патогенезу – возникновению болезни). Опираясь на концепцию психолога Виктора Франкла и во многом повторяя его исследования, Антоновский пришел к выводу: человек гораздо успешнее сопротивляется стрессу и другим болезнетворным воздействиям, если у него есть смысл и цель [12].

Основной труд Франкла «Человек в поисках смысла» построен на основе личного опыта автора, который он приобрел в концлагере Терезиенштадт. Именно там он обнаружил, что резервы сопротивляемости человеческого организма и психики огромны и их можно задействовать. Но для этого нужно, чтобы человек искренне поверил в осмысленность и целенаправленность своего сопротивления враждебной среде [13].

Открытия Франкла и Антоновского смыкаются с концепцией Маслоу. Переход на уровень бытийных потребностей не только требует от человека большой внутренней работы. Он взамен дает могучее здоровье – душевное, а затем и телесное.

Антоновский ввел понятие «чувство когерентности». Самое главное в этом чувстве – ощущение смысла, вера в то, что все происходящее действительно чего-то стоит, у него есть причина и предназначение. Отсюда вытекает чувство постижимости – причины и следствия складываются в единый узор, и он может быть понят и охвачен в своем единстве. Третья компонента чувства когерентности – ощущение управляемости: если я понимаю причины и цели, я могу влиять на них хотя бы включением своего поведения в этот поток событий [14].

Теория Антоновского нашла применение в дизайне интерьеров медицинских учреждений, санаториев, домов престарелых и так далее. Были разработаны действительно эффективные приемы создания эмоциональной атмосферы, помогающей больным бороться со своими болезнями, не падая духом и не теряя оптимизма [15].

Появились многочисленные попытки распространить приемы сальютогенного дизайна на архитектуру в целом. Сальютогенная архитектура приобрела статус модного течения, и, как это часто случается, ее содержание начало упрощаться сообразно требованиям массовой аудитории. В работах Дилани, Вильсона, Каплан, Ульриха, Лоутона и Нахемова, Дегучи и Аксельрода, других лидеров направления все заметнее подмена бытийных потребностей все той же привычной темой – вместо глубоко обоснованного обращения к бытийным мотивам используется привычный набор маркеров безопасной среды. Как отмечает Ян Голембовский, «в преувеличениях большинства проектировщиков это означает не более чем расплывчатые намерения создать восстанавливающую среду, предоставляя виды, которые изображают природу: будь то растительность (спроектированные парковые зоны, лужайки, деревья и т. д.), виды неба или даже просто фотографические изображения этих вещей. Таким образом, теория часто лишена своего полного потенциала, подобно аптекарю, у которого есть только аспирин» [16, с. 266].

Заключение. Как это могло бы быть?

Можем ли мы сегодня представить себе какие-либо черты симбиоты города и его жителей, совместно достигших ступени бытийных потребностей? Такого состояния, когда снабжение едой, водой, энергией уже не требует внимания, потому что обеспечивается автоматически. Когда безопасность города в целом и каждого горожанина гарантирована. Когда город может свободно общаться с другими городами и каждый горожанин – с другими людьми. Когда город гордится своей уникальностью и пользуется заслуженным уважением среди всех прочих городов, как и каждый его житель. Когда город может творчески выражать себя, опираясь на гений своего места, на свою историю и свой креативный потенциал – разумеется, воплощенный в своих жителях.

И, наконец, город и горожане достигают высших ступеней развития и начинают осознавать смысл своего существования среди всех прочих городов и мест. Они совместно получают доступ к осознанию своей уникальной роли и цели своего существования в общем

> Рис. 6. Идеи салютогенной архитектуры служат основой для многочисленных попыток создать такие варианты городского интерьера, которые способствовали бы достижению высших ступеней развития личности горожан. Но пока что удается выйти только на третью ступень по Маслоу – городские пространства, помогающие общению. Один из таких проектов: Urban Bloom (Шанхай, студии AIM Architecture и URBAN MATTERS, 2018). Масштабы проекта невелики, всего 330 м², но идея выражена ясно

пространстве смыслов всех городов, которые когда-либо были, есть или будут существовать. Город и горожане живут на фоне постоянного ощущения потока, в котором местные, локальные события являются необходимыми элементами общей глобальной структуры и общего движения из прошлого в будущее.

Наверное, представить себе все это совсем нелегко. Тем более трудно вообразить, какие архитектурные формы может и должна приобрести городская среда на пути восхождения к бытийным вершинам.

Но, скорее всего, только на этом пути возможны поиски настоящего, устойчивого и всеобщего счастья для городов и их обитателей.

Литература

1. Maslow, A. (1970). *Motivation and personality* (4ed. ed.). New York: Harper & Row
2. Lowry, R. (1973). (Ed.). *Dominance, self-esteem, self-actualization: Germinal papers of A. H. Maslow*. Monterey, CA: Brooks/Cole
3. Маслоу, А. *Мотивация и личность*. – Санкт-Петербург: Питер, 2019. – 352 с.
4. Булгакова, Е., Лидин, К. *Модные тренды VS городская среда*. – // Проект Байкал. – 2019. – № 60. – С. 50–53
5. Pimlott M. (2007) *Frank Lloyd Wright & Broadacre City*. In M. Pimlott's *Without and within: Essays on territory and the interior*, Rotterdam, Episode Publishers
6. Friedman Y. (2020) *L'architecture mobile vers une cit con ue par ses habitants (1958–2020)*. Paris: ditions de l' clat
7. Kisho Kurokawa: *from metabolism to symbiosis* (2014) San Francisco, California, USA: Kanopy Streaming
8. Arata Isozaki: *Architecture, 1960-1990* (1991) NY: Rizzoli International Publications, Incorporated
9. Aldous Liam (2014) *Lost in space*. Monocle, 75, <https://monocle.com/magazine/issues/75/lost-in-space/> (дата обращения: 10.08.2022)
10. Лэндри, Ч. *Креативный город*. — Москва: Издательский дом «Классика-XXI», 2011. — 399с.
11. Montgomery Ch. (2013). *Happy City: Transforming Our Lives Through Urban Design*. New York: Farrar, Straus and Giroux
12. Antonovsky A. (1979) *Health, Stress and Coping*. San Francisco: Jossey-Bass
13. Франкл, В. Э. *Человек в поисках смысла*. – Москва: Прогресс, 1990. – 366 с. Frankl, V. E. (1963). *Man's search for meaning: An introduction to Logotherapy*. Pocket Books

14. Antonovsky A. (1984) *The Sense of Coherence as a Determinant of Health* // *Advances, Institute for Advancement of Health*. Vol. 1. № 3. – P. 37–50

15. Dilani, A. (2008). *Psychosocially supportive design: A salutogenic approach to the design of the physical environment*. *Design and Health Scientific Review*, 1(2), 47–55

16. Golembiewski, J.A. (2022). *Salutogenic Architecture*. In: *The Handbook of Salutogenesis*. Springer, Cham., 259–274

References

- Aldous, L. (2014). *Lost in Space*. Monocle, 75. Retrieved August 10, 2022, from <https://monocle.com/magazine/issues/75/lost-in-space/>
- Antonowski, A. (1979). *Health, Stress and Coping*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Frankl, V. E. (1990). *Man's search for meaning*. Moscow: Progress.
- Antonovsky, A. (1984). *The Sense of Coherence as a Determinant of Health*. *Advances, Institute for Advancement of Health*, 1(3), 37-50.
- Arata Isozaki: *Architecture, 1960-1990* (1991). NY: Rizzoli International Publications, Incorporated.
- Bulgakova, E., & Lidin, K. (2019). *The latest trends vs urban environment*. *Project Baikal*, 16(60), 50-53. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.60.1473>
- Dilani, A. (2008). *Psychosocially supportive design: A salutogenic approach to the design of the physical environment*. *Design and Health Scientific Review*, 1(2), 47-55.
- Friedman, Y. (2020). *L'architecture mobile vers une cit con ue par ses habitants (1958-2020)*. Paris: ditions de l' clat.
- Golembiewski, J. A. (2022). *Salutogenic Architecture*. In *The Handbook of Salutogenesis* (pp. 259-274). Springer, Cham.
- Kisho Kurokawa: *From Metabolism to Symbiosis* (2014). San Francisco, California, USA: Kanopy Streaming.
- Landry, Ch. (2011). *The Creative City*. Moscow: Classica-XXI Publishing House.
- Lowry, R. (Ed.) (1973). *Dominance, self-esteem, self-actualization: Germinal papers of A. H. Maslow*. Monterey, CA: Brooks/Cole.
- Maslow, A. (1970). *Motivation and personality* (4th ed.). New York: Harper & Row.
- Maslow, A. (2019). *Motivatsiya i lichnost [Motivation and personality]*. St. Petersburg: Peter.
- Montgomery, Ch. (2013). *Happy City: Transforming Our Lives Through Urban Design*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Pimlott, M. (2007). *Frank Lloyd Wright & Broadacre City*. In *Without and Within: Essays on Territory and the Interior*. Rotterdam: Episode Publishers.

Связи между творчеством архитектора и счастьем горожан обсуждались на круглом столе в редакции журнала «Проект Байкал». Включает ли профессиональная этика архитектора и урбаниста заботу о «сумме счастья» жителей города? Какие подходы и методы используются архитекторами для того, чтобы увеличить эту сумму? Как мы можем быть уверены, что не увеличиваем сумму счастья одних групп населения, ущемляя при этом право на счастье других групп? Свое мнение высказали как молодые архитекторы, так и опытные мастера.

Ключевые слова: архитектура; урбанистика; градостроительство; профессиональная этика; совместное проектирование; счастье; счастливый город; справедливый город./

The connection between the work of the architect and the citizens' happiness was discussed at a round table in the editorial office of the Project Baikal journal. Does the professional ethics of an architect and an urbanist include concern for the "amount of happiness" of the inhabitants of the city? What approaches and methods are used by architects to increase this amount? How can we be sure that we do not increase the amount of happiness of some groups of the population, while infringing on the "right to happiness" of other groups? Both young architects and experienced masters have expressed their opinion.

Keywords: architecture; urbanism; urban planning; professional ethics; collaborative design; happiness; happy city; fair city.

«Счастьем человеческим...» Дискуссионный клуб ПБ / "With human happiness..." PB Discussion Club

текст

Константин Лидин
Елена Григорьева
Константин Антипин
Валентина Казакова
Роман Малинович
Анастасия Малько
Марк Русанов
Евгения Сурикова
Анастасия Холявко
Николай Жуковский
Татьяна Анненкова
Марина Ткачева

подготовка текста

Марина Ткачева
Евгения Сурикова

фото

Марина Ткачева
Евгения Сурикова /

text

Konstantin Lidin
Elena Grigoryeva
Konstantin Antipin
Valentina Kazakova
Roman Malinovich
Anastasia Malko
Mark Rusanov
Evgeniya Surikova
Anastasia Kholiyavko
Nikolai Zhukovsky
Tatyana Annenkova
Marina Tkacheva

text prepared by
Marina Tkacheva
Evgeniya Surikova

photo

Marina Tkacheva
Evgeniya Surikova

Июньский дискуссионный клуб ПБ был не похож на все предшествующие и, прежде всего, своим составом – молодежным (интересно же узнать, позицию тех, в чьих руках будущее). Для участия в дискуссии были приглашены молодые дипломированные архитекторы и исследователи архитектурных и градостроительных процессов Константин Антипин, Валентина Казакова, Роман Малинович, Анастасия Малько, Марк Русанов, Евгения Сурикова и Анастасия Холявко. С разрешения модератора – Константина Лидина – в разговор вторгались члены редколлегии Татьяна Анненкова, Елена Григорьева, Николай Жуковский и Марина Ткачева.

Мы предложили для обсуждения три группы вопросов и каждую из них снабдили эпиграфами:

1. «А чем вы занимаетесь?» – спросил я.

«Как и вся наука, – сказал горбоносый. – Счастьем человеческим»

(Понедельник начинается в субботу,
А. и Б. Стругацкие)

Чем занимается архитектор? Чем занимаетесь конкретно вы? Созвучно ли это идеалистам-шестидесятникам или наступило время прагматиков?

2. «Счастье для всех, и пусть никто не уйдет обиженным»

(Пикник на обочине, А. и Б. Стругацкие)

Возможно ли архитектору/урбанисту обеспечить счастьем всех? Имеет ли смысл стремиться к такому идеальному варианту? Ваш опыт соучаствующего проектирования с реальными жителями кварталов/городов позволяет вам верить в это?

3. «На самом деле окружение так влияет на формирование его личности, что его внутреннее ощущение гармонии всецело зависит от согласия с окружающей средой»
(Строим на века. Кристофер Александер и др.)

Какие свойства городской среды в первую очередь влияют на уровень счастья горожан? Что может сделать горожан счастливыми? Что зависит, а что не зависит от архитектора в этом важнейшем вопросе?

Константин Лидин Первый вопрос: чем занимается архитектор? Шестидесятники нас учили, что архитектор решает высокие задачи и строит светлое будущее. А их так учили их учителя, конструктивисты. Вчера я встречался с одним типичным европейским архитектором. И я пытался его спросить, чем он занимается на работе. Но этот молодой европейский архитектор на работе решает совсем другие задачи – узкие, технические, фрагменты. Он даже не знает, откуда они берутся, потому что это какие-то маленькие кусочки от каких-то маленьких кусочков целого проекта. Если повезет, то со временем ему доверят творческую работу, но случится это не раньше, чем когда ему наступит 50–60 лет. Итак, один архитектор проектирует светлое будущее, другой занимается скучной технической работой.

Вопрос к молодым: какими архитекторами вы себя ощущаете? Чем вы профессионально занимаетесь? Что значит быть архитектором с вашей личной точки зрения?

Валентина Казакова Я буду говорить не только от себя, а от всей своей команды, так как мы вместе работаем, и любой проект – это работа большой команды. Мы на стороне шестидесятников и стараемся двигаться в этом направлении, всегда ставим перед собой сверхзадачи.

На примере работы с малыми городами мы стараемся узнать, какова жизнь, каково настроение людей, среда и бюджет в малых городах. Очень хочется в этих городах все изменить в лучшую сторону: не просто проложить тротуары в рамках проекта благоустройства, а, как врачи, повлиять на здоровье города и на здоровье его жителей, на состояние их души. Чтобы люди иначе стали ощущать и любить свой город, начали укрепляться социальные связи, которые в дальнейшем приведут к развитию города и новым кооперациям. Задач стоит много, и от каждой очень многое зависит. Каждый раз, выполняя свою работу (бывает, что и в ущерб личной жизни), мы стараемся изменить жизнь людей. Мне кажется, профессия архитектора очень важна, и она уж точно не только техническая. В первую очередь – она про идеологию...

ЕГ

Анастасия Холявко У меня будет более технический ответ. Сейчас архитектор – это многоплановый специалист, который выполняет одновременно абсолютно разные задачи. Творчества в нашей профессии остается все меньше, так как мы больше решаем организационные, управленческие, деловые, коммерческие задачи. На мой взгляд, это больше плюс, чем минус, поскольку появляется возможность развиваться в разных областях, и мы можем с любых точек зрения подходить к поэтапному проектированию: как архитекторы, заказчики, предприниматели и жители.

Роман Малинович В настоящий момент область нашей деятельности, в том числе проекты, в которых мы участвуем, затрагивают смысловую часть. Это и проекты благоустройства, и молодежные фестивали, и акции. В первую очередь мы стараемся сделать качественную техническую, графическую историю. В большей части фестивалей и конкурсов участники получают оценку конкретно за смысловое содержание. В рамках проекта по благоустройству очень важно учесть местность, контекст, людей, которые пользуются тем или иным объектом или территорией. Надо сделать так, чтобы в первую очередь было удобно им. Так сложилось на практике, что мы не прорываемся вперед в области передовых технических решений, а стараемся сделать так, чтобы это было максимально удобно и комфортно.

Марк Русанов У меня большой опыт общения с молодыми архитекторами по учебе и в ходе дополнительных профессиональных повышений квалификации. В общении с ними часто слышу, что младшие архитекторы, приходя в компанию, занимаются черчением, оформлением, а творческая деятельность сильно обрубается. Но мне повезло: я попал в организацию, где к молодым специалистам прислушиваются так же, как и к старшим. Конкретно я занимаюсь тем, что стараюсь скрасить путь человека от работы до дома, придумать сюжеты окружающего пространства. В школе к нам приходил писатель Лившиц. Цитируя Серафима Саровского, он сказал фразу, которую я часто вспоминаю: «Чаще смотри на небо, а не под ноги – и будут твои мысли ясные и легкие».

Я стараюсь ее придерживаться: смотрю на фасады зданий, на небо. Архитектор, после врача, – очень важная профессия. Все, что нас окружает, создано архитектором. Я чувствую себя неким идеалистом, который смотрит в будущее и думает о том, как люди будут здесь ходить и через двадцать лет. И как они будут сохранять то, что построено архитектором, но уже без участия архитектора.

Анастасия Малько Так получилось, что для меня архитектура – это исследование. И мне кажется, что очень важно понять город, понять людей, понять, что необходимо городу и его жителям перед тем, как что-то проектировать и предпринимать. Перед архитектором также стоит задача определить конкретные рамки и регламент, чтобы не навредить своими новыми проектами. Потому что город не создавался за один день – любой город имеет свою историю, свои корни. Архитектору необходимо понять, откуда идут эти корни, учесть существующую архитектурную и градостроительную среду, понять, почему здание было построено именно так, что помогает городу развиваться. Все это выстраивается в последовательный анализ. Я долго шла после окончания института к своей позиции через проектные институты, частную практику. И сейчас я работаю в научно-исследовательском проекте в Германии, ориентированном на анализ формирования культуры градостроительства российских городов: Иркутск, Нижнеудинск, Челябинск, Тула. На протяжении градостроительной истории России XIX – XX века были сформированы определенные типы застройки. Чтобы сейчас строить дальше, необходимо понять эту типологию и найти устойчивые пути их развития. Мы пытаемся выявить ценные морфотипы застройки в Иркутске и найти пути развития. При этом самым главным в такой работе остаются люди. И когда архитектор понимает, как устроен город и его корни, тогда он может сформировать новое будущее с учетом сохранения исторических корней для будущих поколений.

КЛ Мы продолжаем сравнивать сегодняшнего архитектора с архитекторами-шестидесятниками. Шестидесятники тоже ставили перед собой такую высокую задачу. Архитектор по-гречески – «главный кормчий». Это

человек, который управляет всем: он и врач, и социолог, и историк, и менеджер – фигура, в деятельности которой разные стороны жизни людей стягиваются в узел. Но у шестидесятников была очень четкая идеология: что нужно людям? Кто такие эти люди? Куда движется общество? У них была твердая основа. К ней, конечно, можно относиться по-разному, но она была. А как сейчас молодые архитекторы определяют: что нужно людям? Что такое здоровье? Что такое хороший город? Для кого он хороший? Если мы работаем для людей, то как мы догадываемся, что именно этим людям от нас нужно?

Константин Антипин Архитекторы-модернисты верили, что существует рецепт всеобщего счастья, и на протяжении всего прошлого века пытались его достичь. Некоторые замыслы провалились, большинство не было реализовано, но сегодня на их опыте мы понимаем, что счастья для всех не бывает – у каждого оно личное.

РМ Проще всего узнать, что необходимо жителям, можно в формате диалога: опросы фокус-групп, частные диалоги с заинтересованными представителями. В формате соучаствующего проектирования чаще всего приходит какая-то одна категория жителей, пользователей, граждан, у которых возникают свои острые вопросы. Поэтому мы не можем получить картинку в полном объеме. Возможна прогулка по проектной территории и общение с гуляющими по территории людьми, которые являются пользователями этого места; у них есть свои запросы и проблемы. Чаще всего после диалога примерно с десятью людьми мы получаем более полноценную картину, так как у каждого второго жителя проблемы совпадают. А вот онлайн анкетирование показывает худшие результаты, так как человек отвечает на вопросы очень быстро, не задумываясь, в отличие от личных встреч и диалогов с жителями.

АМ Диалог – это ключевой и самый главный инструмент, к которому мы прибегаем. В наших проектах мы проводим интервью с разными жителями города – долго живущими на проектной территории и приезжими людьми. Это дает базу для понимания определенных ценностей жителей района и их потребностей: что необходимо, чего не хватает. Иногда интервью происходят с заранее

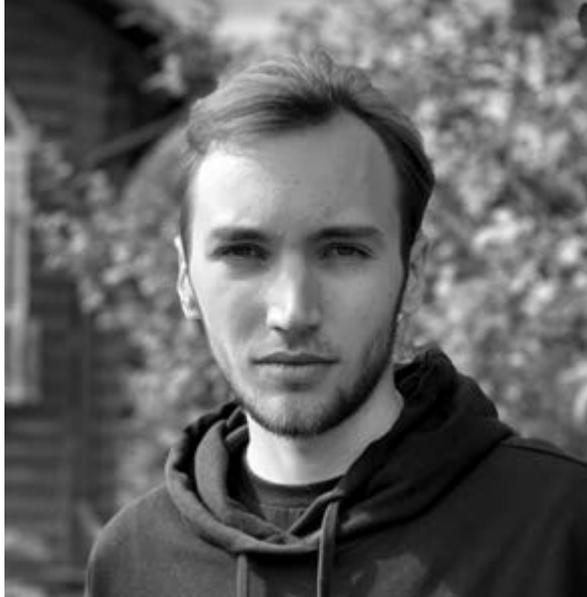
выбранными людьми, иногда просто с прохожими. Общение, диалог, соучаствующее проектирование проводит в рамках проекта различные акции: круглые столы, образовательные экскурсии – все это делается, чтобы понять, что необходимо людям.

ВК Мы тоже много работаем с жителями и с экспертами разных областей проектных городов. Есть очень много исследований, на которые мы можем ориентироваться, чтобы понимать, что нужно людям в том или ином городе. Это такой пазл из общения с жителями и существующих исследований психологии обитателей: как они себя чувствуют в городе, что им необходимо для счастья. Мы реализовываем проекты и видим, как себя чувствуют люди в разных сценариях и получаем острую реакцию. Из всего этого мы извлекаем огромный опыт для дальнейшего планирования пространств.

МР Чтобы понять того, для кого ты проектируешь, необходимо примерить на себя его жизнь. Для меня важно знать, для кого мы проектируем. Если я спроектирую что-то и это реализуется, пользоваться этим буду не я. Важно отвечать на запросы жителей, чтоб они чувствовали свою причастность к проекту. Очень важно, чтобы жители своими идеями направили архитектора. Либо архитектор должен убедить людей в своей идее для конкретного места. В первом варианте жители поддерживают идею, сохраняют ее на долгий период.

Елена Григорьева Марк, недавно в формате магистерской диссертации ты проектировал хоспис, который всем членам Комиссии очень понравился. В этом проекте был продемонстрирован своеобразный подход, отличный от других магистрантов.

МР Я начал взаимодействовать с главным врачом. В первую очередь мы вместе придумали структурную организацию, которая в качестве сообщества профессионалов и пользователей пространства пояснила очень важные моменты. Поэтому мы опирались не на мои внутренние ощущения и видение, а на необходимые медицинские правила. В основе проекта – теоретическая база: как среда влияет на восстановление человеческого здоровья и как может максимально его поддерживать. И так как проект был связан с реконструкцией, я как че-

ловек, уважающий архитекторов, проектировавших до меня, пытался учесть все интересы. Я не стараюсь свои эфемерные идеи вставить в каждый проект, а больше думаю о тех, кто им будет пользоваться.

ЕГ Мне показалось, что в этом проекте произошло что-то подобное тому, как артист, который собирается играть сложную роль, или журналист – для полного погружения в тему – внедряются в новую для себя профессию, в иную профессиональную среду для понимания сути изнутри, а только потом ее воплощают в роли или статье. Подход Марка значительно отличался от проектов других архитекторов и объясняется это тем, что автор когда-то поработал на самом первом уровне медицинской иерархической лестницы, а уже в процессе проектирования зашел «внутри» объекта с такой непостоянной миссией, и все стороны этого технологического и духовного процесса прочувствовал сам. Таким образом и появился очень достойный результат, который можно было бы продвигать к реализации.

АХ Мы иногда сталкиваемся с тем, что не только мы, архитекторы, но и жители не могут понять, что делать с местом проектирования, у большинства одинаковые запросы: эко-площадки, фонтан, дорожки, фонари. И сейчас в целом появилось много урбанистических территорий, которые сильно похожи друг на друга: одинаковые принципы и подходы, схожая архитектура и благоустройство. И тем самым, проектируя «в тренде», мы часто получаем однотипные проекты. Некоторые принципы благоустройства и такие элементы, как детские и спортивные площадки, например, становятся настолько заезженными, что теряется сама идеология того, каким должно быть современное благоустройство. Посредством диалога с жителями как раз-таки мы получаем труднодоступную ценную информацию, которую используем потом для создания чего-то уникального, чтобы принимаемые проектные решения отличали территории друг от друга. Этим и отличается работа немногих архитекторов. Очень важно слушать мнение горожан и иногда немного отстранять свое «архитектурное эго», чтобы сделать среду живой, чтобы те территории, которые выходят на реализацию, не существовали, а жили после введения ее

в эксплуатацию и развивались за счет инициатив самих жителей.

ВК Сегодня за рубежом и, частично, в России используются методы тактического урбанизма – это тестирование проектных решений при реконструкции улиц, благоустройстве территорий. Нам не всегда хватает времени на тестирование нашей идеи. Несмотря на то, что мы опираемся на историю, на анкетирование жителей, на теорию и свои профессиональные знания, в реальности получается, что территория живет совсем иным образом. Поэтому очень хорошо, когда получается малыми средствами протестировать идеи на практике, посмотреть, как они живут. И уже потом запускать их в жизнь с вложением больших средств. Мы постепенно внедряем эту практику в малых городах, надеясь, что у нас будет больше времени и меньше сжатых сроков. Мы сможем действительно реализовывать проекты, в которых уверены все мы: и жители, и администрация, и архитекторы.

КЛ Мы плавно перешли ко второму вопросу и его эпиграфу: «Счастье для всех, и чтобы никто не ушел обиженным». Критики сочувствующего проектирования часто говорят о том, что любой диалог с жителями ограничивается только теми людьми, которые готовы к диалогу. Но каким образом можно учесть интересы тех, кто к диалогу не готов? Не получится ли так, что этих людей просто отодвинули в сторону и они оказались вне поля зрения? Я несколько раз сталкивался с такими ситуациями в Турции и в Иране, потому что там своеобразная ситуация: когда идут опросы в западном ключе, большая часть людей, живущих традиционным укладом, просто не понимают такой формы общения. Им задают конкретные вопросы и ждут на них конкретные ответы, а с ними никогда в жизни так не общались. В результате получается, что обсуждение с общественностью как бы проходит, но в нем участвует только западно-ориентированная часть населения.

Не получится ли так, что вы прогуливались по улице и беседовали с теми, кто там прогуливается? А кто-то бежал с работы на работу, и побеседовать с ним не удалось, так как у него не нашлось времени. Как вы справляетесь с этим вопросом?

ЕГ То, что архитекторы не могут охватить всех – только часть проблемы. Важно, что у людей кардинально разные представления о том, каким должен быть город и что такое счастье. Верите ли вы в возможность того, что «никто не уйдет обиженным»?

КА В плоскости ли задач архитектора лежит обеспечение людей счастьем? Определенно, да. Но насколько большую роль играет архитектура, определяет ли ее архитектор?

Если попытаться вывести среднее из представлений хотя бы нескольких людей об архитектурном облике счастья, то наверняка получится нечто, не нравящееся ни одному из них. Условный демиург непременно встает перед бесконечной чередой распутий: выбирая тот или иной путь, он, угождая одним, действует наперекор счастью других. Но, даже взявшись за индивидуальное решение задачи обеспечения счастья для каждого, архитектор в результате останется несчастен сам, ведь почти наверняка ему придется действовать против собственных представлений о прекрасном. Выходом из ситуации является существование множества архитекторов, спорящих и конкурирующих друг с другом. Каждый из них стремится к своему идеалу, удовлетворяя при этом потребности разных частей общества.

Обеспечение же этой конкуренции лежит в областях политики и экономики – и неподвластно отдельным архитекторам, поскольку противоречит их амбициям.

КЛ Когда вы принимаете проектное решение, вы всегда принимаете его в чью-то пользу, но и кому-то в ущерб. Если сделать удобно для пенсионеров, будет неудобно детям, и наоборот. Как найти баланс между разными группами населения при том, что часть этих групп избегает вашего внимания и диалогов?

АМ Приведу в пример опыт немецкого города Дрезден. В последние годы исследователи сконцентрированы на разработке стратегии соучаствующего проектирования с привлечением всех возрастных групп. Они разработали методологию, с помощью которой все могут принять участие. Одна из форм онлайн платформы называется «дрезденские дебаты», где можно отвечать на вопросы, высказывать свое мнение, получать ответы; это живая

платформа. Однако далеко не все пользуются интернетом; поэтому существует и другая форма общения, так называемый «пункт общения» (стульчик с лавочками и оборудованием, он устанавливается в том месте, где планируется изменение), с помощью которого проводится опрос. Можно просто оставить свои вопросы и предложения сотрудникам отдела генерального планирования г. Дрездена, а можно записать видеосообщение с предложениями. Учитывая, что не все хотят общаться на улице, а у некоторых людей нет интернета, используется другая форма диалога: рассылка открыток по почте. Предпринимаются попытки найти для всех подходящую формулу. Разрабатывая проект в Иркутске, мы думали о разных возрастных группах, планировали проводить мероприятия и опросы в разное время.

МР Я не верю, что возможно угодить всем. Но мне кажется, что сейчас «место, где ты живешь» – это не только коробка в твоём доме, это среда вокруг дома. Больше количество людей начинает задаваться вопросами: куда сходить погулять, куда отвезти ребенка. Очень сложно угодить всем; возможно, когда-то и будет разработан подходящий механизм. Но существует очень много факторов: менталитет, климат и т. д., которые мешают это сделать. Есть еще проектировщики сомневающиеся, которые постоянно задаются вопросом: «Угодил ли я им?» Вопрос сложный, риторический и даже философский.

КЛ Вопрос практический. Вы верите, что это возможно?

МР Сейчас я верю в то, что кто-то все равно будет обижен, в любом случае.

АХ На мой взгляд, проект просто развалится, если ты начнешь угождать всем подряд. В рамках работы с населением одна из сверхзадач современного архитектора – определение группы активных граждан и ее «раскачивание» в эмоциональном плане, чтобы горожане потом «болели» этим проектом и могли своими действиями и словами втягивать в среду остальных жителей, являющихся резидентами обновляющейся территории, доносить до всех смысл задуманного и совместно наполнять среду событиями, а также следить за сохранностью благоустройства. Таким образом, стартует совместное проектирование, после которого место начинает жить.

БК Мы так и работаем. На самом первом этапе мы обращаемся к городскому активу из разных сфер и начинаем взаимодействовать с ними от интервью до реализации проекта. Очень важно, чтобы мы вместе с ними прошли все этапы и не просто высказали свое мнение, а поучаствовали в проектировании, а также привлекли новых людей. Это цепная реакция: люди начинают вдохновляться и верить в лучшее. Понятие счастья и восприятия действительности для всех разное. Когда у большинства людей на улицах счастливые лица, недовольные окружающим тоже начинают менять свое мнение. Угодить всем сложно, но мы действительно можем работать с людьми, которые помогут нам. Возможно, мы когда-нибудь достигнем удовлетворения стремлений разных людей.

РМ Я выскажусь критично. Сложно быть угодным каждому. На твоё мнение у других может быть контрмнение. В тех проектах, которые мы реализовывали, обязательно был хотя бы один человек, который выступал против проекта, но мы понимаем, что это один человек из ста. Если придавать его мнению особый вес, в каких-то моментах оно может очень сильно повлиять на проект. Такое мнение чаще всего ничем не подкрепляется, кроме эмоций, ничего практического и важного в нем нет. Важно анализировать такие запросы и выбирать более адекватные предложения.

АМ Кроме использования разных форм выстраивания диалога, привлечения внимания жителей, после понимания и сбора всей информации очень важно показать всем участникам результаты. Представить результаты общения с горожанами необходимо именно для того, чтобы было выбрано решение, в котором учитываются все мнения. Часто социальная работа проводится и после проекта в виде коммуникации с жителями. Важна широкая популяризация итогов для общественности: что мы сделали? Что мы поняли? Что мы хотим? Каково ваше мнение? Основываясь на немецком опыте, стоит отметить, что коллеги уделяют особое внимание популяризации результатов: после мероприятий проводится открытая выставка или печатаются буклеты. Происходит широкое информирование общественности. Я верю в то, что возможно угодить всем.

МР Если архитектор попытается угодить всем, то не сможет угодить себе как архитектору.

ЕГ Это важное замечание. Решение-то принимает архитектор. Его личные представления о счастье влияют на результат.

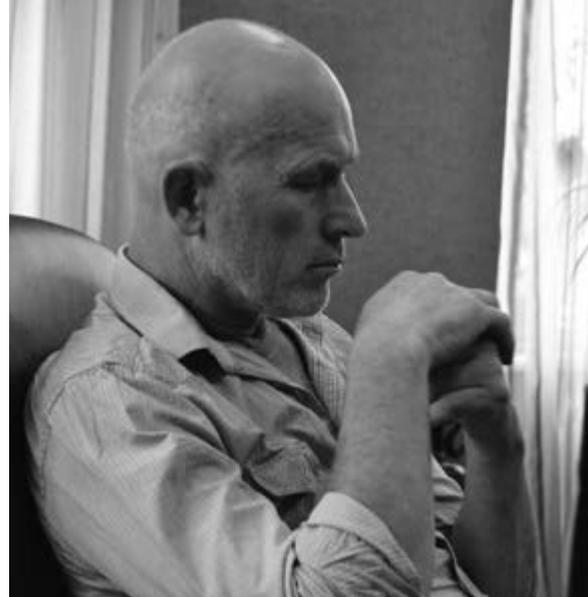
КЛ Если учесть, что ответственность в конечном итоге несет архитектор, то его оставлять обиженным никак нельзя.

Вопрос непростой, особенно если учесть, что недовольных может быть больше – например, группа мигрантов, которые не могут участвовать в обсуждении, так как плохо знают язык; соответственно, они остаются за бортом. Вот мина для дальнейших конфликтов, так как эти люди чувствуют себя обиженными. Это очень опасно для дальнейшего развития территорий.

Мы плавно подошли к следующему вопросу, и ключевое слово в нем – «СЧАСТЬЕ». Чрезвычайно многозначное слово, но никто не станет спорить, что свойства городской среды влияют на уровень счастья людей, которые в эту городскую среду погружены. Как вам кажется, какие свойства городской среды, в которую вы погружены, которую вы проектируете или хотели бы проектировать, важны для того, чтобы как можно больше число людей было как можно более счастливо (что бы это слово ни значило)? Каким образом городская среда делает людей счастливыми?

КА Я испытываю счастье, находясь в архитектурной среде любимого района, а кто-то морщится от одного его упоминания. О чем это может говорить? Лишь о том, что нет универсального рецепта сделать счастливыми всех. И чем дальше идет развитие общества, тем сложнее становятся рецепты достижения счастья для каждого его члена. Сегодня насмотренность людей на порядок выше, чем полвека назад, и потому их запросы удовлетворить тяжелее. В условиях рыночной экономики это, например, стимулирует девелоперов высококлассной недвижимости привлекать известных архитекторов, а массовых застройщиков тратить на качественные материалы и благоустройство.

Поэтому своей честной работой архитектор многожит необходимое для счастья горожан разнообразие,

но при этом повышает планку их требований, и, видимо, отдаляет это счастье куда-то в будущее. Счастье для всех – бесконечный недостижимый предел. Но разве движет человечеством что-то, кроме стремления к нему?

АХ Первое слово, которое мне пришло в голову – это доступность. И я сейчас имею в виду не сколько доступность для маломобильных групп населения, а вообще более широкое понимание этого слова для всех. В одном из наших проектов мы столкнулись с ситуацией: жители не могли пользоваться общественной территорией, потому что она просто закрыта и доступна исключительно для определенной группы лиц. Или некоторые социальные объекты ориентированы на «своих». Таким образом, доступность – один из факторов, от которых зависит счастье горожан: они знают, что могут прийти и воспользоваться определенной территорией или объектом и никто ничего им за это не предъявит.

РМ Второе качество, которое можно назвать – это комфорт. Если человек идет не по грязи и лужам, а по хорошему покрытию (например, по асфальту), то он и чувствует себя комфортно. У многих людей это вызывает счастье. Если говорить о малых городах, где нет никаких тротуаров, в них человек вынужден смотреть только себе под ноги, а не вперед и вдаль. Удовлетворение таких базовых потребностей вызывает счастье независимо от того, в каком городе человек живет.

ВК Я рассматривала доступность с точки зрения связанности пространств города. Хороший город – это тот, где жители тратят меньше времени на дорогу, а больше – на общение с близкими людьми и семьей. Архитекторам важно организовать городское пространство таким образом. Путь должен быть комфортным, на одном уровне, без препятствий для людей с разными физиологическими особенностями. На этом пути ему обязательно должна встречаться природа. Если сделать город зеленым, никто не будет протестовать. Природа успокаивает и пробуждает в нас лучшее. Здесь важно не создавать большие рекреационные пространства, но создавать пространства любого типа и искать любую возможность для включения таких озелененных территорий в городскую ткань. Пусть это будет одно или два дерева, но, встретившись на пути

человека, они дадут тень. В каждом проекте мы говорим про важность системы общественных пространств, которые стимулируют людей к общению, новым знакомствам. Пространства созданы не для всех, так как не все любят общаться; поэтому для каждой группы должен найтись свой уголок: для общительных людей – их единомышленники и новые знакомства, для людей, которые хотят провести время в одиночестве – уединенные пространства. Необходимо угодить всем, исходя из человеческой психологии. Архитектор должен знать психологию, чтобы понимать, что для человека может быть действительно важно и что влияет на его душевное равновесие.

МР Я абсолютно согласен в отношении максимального количества зеленых пространств; в своих проектах я стараюсь это требование максимально учитывать. А что такое счастье – это для меня и философский вопрос, потому что архитектор может подумать о нем по роду службы. А для продавщицы, например, неважно, что находится вокруг нее, для нее; может быть, важно, чтобы ее дети не голодали, и это ее счастье. Я не думаю, что городская среда окажет реальное воздействие на счастье человека. Она может быть комфортной, здоровой, но я считаю, что понятия «счастливая городская среда» нет.

Каждый день архитектора – это «день сурка»: просыпаемся, идем на работу, работаем и поздно возвращаемся домой спать. В какой момент «дня сурка» я ощущаю себя счастливым? Я как архитектор могу внести свое внутреннее счастье в мир, но поймут ли его люди, которые будут пользоваться этим миром – непонятно. Мне хотелось бы, чтобы все люди были счастливыми, но это просто невозможно, учитывая сегодняшнюю ситуацию. Всех счастливыми сделать не получится, как бы это грустно ни звучало.

РМ В наших проектах мы можем учитывать такие вещи, которые у большинства людей вызывают счастье. Например, детский смех, который вызывает теплые чувства и улыбку. Его можно интегрировать в городское пространство необходимым количеством качественных детских площадок. Мне, например, нравятся цветущие деревья – наслаждаясь их ароматом, я чувствую себя счастливым. Счастье складывается из кусочков пазла,

поэтому мы вполне можем сделать людей счастливыми за счет таких инструментов.

АМ Мне тоже первым пришло в голову слов «доступность». Ключевые слова: доступность, красота, обилие зелени. Счастье состоит из мелочей. Создавая такие небольшие пространства, мы как архитекторы не должны помещать все функции в одно пространство; тогда разные возрастные группы начнут друг другу мешать. Возможно выстраивание сценария, цепочки; система взаимосвязей пространств – ключевое качество, которое фактически может сделать нас счастливыми. Если от точки А в точку Б вы постоянно находитесь в системе общественных пространств – весь ваш день наполнен красотой.

Евгения Сурикова Я совершенно согласна с мнением Марка: определение счастья у каждого человека свое. Я как молодая мама столкнулась с темой послеродовой депрессии. Она не зависит ни от чего, кроме установок самого человека, матери. В любом случае не все пространства таковы, какими они должны быть обустроены для маломобильных групп населения: молодая мама буквально с первого шага при выходе из дома сталкивается с препятствиями, которые могут повлиять на ее внутреннее состояние и ощущение счастливой матери. Поэтому все зависит только от ее внутренних установок. Когда это понимание приходит, происходит переосмысление ситуации в целом: поднять коляску на необходимый этаж, пройти или доехать до городского сквера или парка. И я начала замечать, что для меня сейчас самым важным свойством городской среды является качество. Оказалось, некачественная городская среда тормозит мое движение к месту, где мне хочется быть: некачественное покрытие дорог и пешеходных переходов, некачественные посадки зелени, необустроенные подъезды и т. д. Мое счастье зависит от того, как я сама обустроюсь в окружающей среде: если я полностью это окружение счастливыми моментами, то, несмотря на все препятствия, я буду ощущать себя счастливым человеком.

КЛ Я хотел бы задать провокационный вопрос. Мы пришли к общему мнению, что если будет комфортно, эргономично, здорово – то вот оно, счастье.

Но в Софии, например, существует много углов, которые сами люди сделали совсем неэргономичными и нездоровыми: расписали стены дикими граффити, замусорили, там бродят неприкаянные животные... Агрессивная среда. Видно, что сначала был запроектирован другой, более упорядоченный образ, но со временем среда превратилась в опасную для жизни. Но если люди такое допустили, значит, им комфортно в этом жить. Имеют ли они право на такое счастье, или, может быть, их надо перевоспитывать? Что делать с теми людьми, у которых счастье совсем не похоже на то, что мы тут коллективно описали?

АМ Расскажу на примере района в Дрездене. Все, кому нравится такое счастье, там живут. Мудрые архитекторы и планировщики Дрездена прочувствовали идентификацию этого района. Там расписываются новые граффити на фасадах. Отдел территориального планирования наблюдает за этим районом, там существует ряд регламентов; так как район является историческим, внимание уделяется сохранению самой среды, ее аутентичности. На мой взгляд, был найден компромисс, так как историческая среда уживается с молодым поколением и его интересами (музыкальные и танцевальные фестивали, кинотеатры и т. п.). Когда вы приезжаете в Дрезден и хотите пожить в интересной среде, вы перемещаетесь туда. Если вам хочется комфорта, озеленения, хороших детских площадок, то такие районы тоже есть: там живут врачи, учителя и др. Нам как архитекторам, чтобы создать счастье, необходимо выявить для каждого района свою уникальную идентичность; тогда, я думаю, это возможно.

РМ Возможно, для них жить в мусоре – это обыденность, они чувствуют себя счастливыми в других местах, а обыденность для них не несет никакого смысла.

ВК Под такие места специально выделены районы, и было бы неплохо для конкретных групп населения тоже найти определенные места. Они же не просто так хотят напакостить: они хотят самореализоваться, проявить себя, показать свое творчество, нести его в массы. Здесь архитектурно-управленческий вопрос: как спроектировать пространство, чтобы люди могли самореализоваться

тем или иным образом. Люди разные, у каждого свои потребности.

КЛ Настя предложила сегрегацию: расселить людей в разных районах города. Вы видите еще какое-нибудь решение?

ВК Можно не создавать отдельные районы, а выделить конкретные точки в городе, сделать маршрут по этим местам. В каждом районе может возникнуть своя тематика, но не общезначимые объекты: это могут быть объекты технические, где иной смысл не повлияет на среду, архитектуру и не обидит архитектора, а, возможно, преобразит пространство.

АХ Мудрость не только проектировщиков, но и города, городской власти будет заключаться в том, чтобы найти определенный компромисс, достигнув которого, группы начнут уважать друг друга. Из недостатков делать достоинства. Поиск компромисса может стать решением, с помощью которого получится успокоить градус неприязни одних горожан к другим. Я поддерживаю идею выделения мест, а также создание новых пространств для самореализации.

ВК Роман – организатор фестиваля, где люди могут самореализоваться.

РМ С точки зрения законности и легализации творчества провести фестиваль стрит-арта очень тяжело. Со многими мы бьемся очень долгое время, чтобы каким-то образом его согласовать. Чтобы нарисовать какое-либо граффити, необходимо пройти целый ряд инстанций. И даже если жители не против, то администрация будет ставить палки в колеса, и решения отфутболиваются от одной инстанции в другую. Получается, что в творчестве такого рода никто не заинтересован, поэтому будут делать так, как считают нужным; и в этом большое наше упущение. Порой мы сами вправе диктовать какие-то условия, выдвигать четкие позиции и требования, как такие акции могут выглядеть. Приходится придумывать различные способы интеграции нашего творчества в пространстве, в том числе установка легко разбираемых кубов для использования их под стрит-арт. Такие кубы могут простоять до того времени, пока вандалы не разрушат их. Очень часто позиция властей по стрит-арту неуважительная: предлагают разрисовывать мусорные площадки, что принижает творческих людей. Нужно быть реалистами и понимать: как любому архитектору не хочется проектировать просто лавочку со скамейкой за гроши в отдаленном дворе, так и профессионально современному художнику не хочется проектировать подпорки на выезде из города, где никто не ходит. Граффитисты выбирают центральные места и ставят свою подпись – так они заявляют о себе и о том, что они хотели сказать своим искусством. Проще выявлять локальные места, устанавливать правила. Сейчас есть такой пример в Иркутске: «стена свободного творчества» – участок стены гаражного кооператива протяженностью 140 м в Академгородке. Стена была разрисована в первые десять дней, и сейчас старые граффити перекрываются новыми – это для граффитистов своеобразный баттл. Мы сейчас пытаемся в разных частях города сделать такие точки. Подобных примеров, как сделать людей счастливыми, много, необходимо иметь четкую позицию властей по этому вопросу.

МР Возможно, район, про который мы говорили вначале, не нравится только вам, а тем, кто там живет – нравится. Я абсолютно против сегрегации, потому что поколение, которое выбрасывает мусор сейчас, может смениться поколением, которое не выбрасывает его. Как я мог выбрать архитектурную специальность, когда рос в жилом районе, не славившимся высокой архитек-

турой, расположенным между СИЗО и теплотрассами? Я видел только свою школу и пятиэтажки, бегал по гаражам и теплотрассам. И все же понимание того, что я хочу стать архитектором, каким-то образом у меня возникло. Если мы сделаем район, где будут граффити рисовать, это не сработает: ведь граффити – культура протеста. Зачем им рисовать там, где разрешено? Суть граффити – нарисовать на видном месте, чтобы все тебя заметили. Я против сегрегации, так как она относится к моменту «здесь и сейчас», а архитектор думает о будущем. В Америке пытались разделить районы, но потом появились гетто, куда даже полицейские боялись заходить, где район жил своей жизнью. Единственным решением проблемы было расформирование такого района. Зачем нам повторять неудачный опыт? Архитектор явно не тот, кто может повлиять на ситуацию. Он не сможет внушить всем людям: не рисуйте на моем здании; 99% людей послушает, а один нарисует назло. У меня есть мнение: если людям предлагают выбрасывать в их районе мусор из окон и за ними будут убирать, они обидятся, что их назвали свиньями и станут лично каждый у себя в доме сортировать этот мусор. Никто из людей не хочет быть ведомым.

АМ Я хотела уточнить: искусственную сегрегацию я не предлагала. Район, про который я рассказывала, самостоятельно сложился таким образом, так как с конца 1900-го года там уже проживали художники. Мне понравилась идея с системами пространств внутри каждого района – возможно, она сработает для Иркутска. Если говорить о граффити как протесте, я считаю, что есть художники, которые могут придерживаться правил. И на исторических памятниках точно нельзя рисовать – здесь должно сыграть уважение к нашей истории и к нашим историческим корням. На самом деле система разнокачественных и по-разному ориентированных районов достаточно гибкая и хорошо работает. Мне кажется, в Иркутске не хватает подобных творческих мест, тем более, что граффити может жить в любом квартале города.

КЛ Хорошо, а как еще можно совместить принципиально разные представления о счастье горожан? То, что вы предложили – давно известные схемы: сегрегация (этот термин не несет в себе негатива, есть вполне нормальная сегрегация – возрастная, профессиональная, имущественная). Почти в каждом городе Болгарии, например, есть цыганский район – махалля. Он обычно выглядит, как форменная помойка. Но это защитная функция, чтобы к ним не совались посторонние. Пытаться заставить цыган жить по-другому не получится: они просто переедут на другое место и устроят там свою помойку.

Также предложили принцип встроенных сетей, когда районы города с одним образом счастья образуют сеть, а поверх нее накладывается сеть районов с другим образом счастья, и так далее. Можно ли представить себе еще какие-либо принципы?

ЕГ Хороший сказано – про сети, можно еще попробовать про оси. Представим себе территорию, где есть ось общепринятого представления о счастье и комфорте, которая проходит через весь микрорайон, и ось с другим представлением, которая проходит по особым территориям, в которые входят, например, сквоты, гигантские гаражные массивы (как можно разрушить большой гаражный квартал – квартал «мужского мира», сформировавшийся за десятилетия автоклуб? Вот их и амнистировали на государственном уровне). Эта, иногда хулиганская, с иной эстетикой, с вольными граффити ось может в определенном месте пересечься с осью общепринятого счастья, и место пересечения будет представлять особый интерес – место контрастов, компромисса и коммуникации противоположностей.

Очень важно общественные пространства насыщать впечатлениями, благодаря которым каждый может найти свой любимый уголок. Мэр Боготы говорил, что для большого числа малообеспеченных людей единственная замена телевизору – это прогулка по городу.

Николай Жуковский Мир разнообразен, и его надо воспринимать таким, какой он есть – это и есть особенность места. Жить среди помойки – это особенность людей. Покажи пример, попробуй убрать... А если говорить о протестном движении, то его не надо организовывать. Это то же самое, как если бы администрация, против которой протестуют, предлагала отдаленное болото для протестного движения, чтобы не мешать движению транспорта. Это внутренняя неуправляемая потребность. Если говорить о счастье – это комплекс положительных эмоций. Архитектура – это только часть целого, объемно-пространственная; она мала, но существенна. Остальное – это и звуки, и запахи, и невыплата зарплаты на работе, скандалы в семье – все, на что мы не можем повлиять...

Проявление положительных эмоций – это качество и комфорт. Хотя, когда улице Ленина лишили зелени, все увидели, какая за ней скрывалась потрясающая архитектура.

ЕГ Помню, какой была эта улица с деревьями, помню и катастрофическую историю, когда водитель врезался в прохожих. Деревья могли бы спасти, если бы их не срубили.

Еще замечу, что недовольные будут всегда. Есть такая категория вечно недовольных людей: они недовольны, как им мостят улицы, как и когда это мощение меняют. А потом они своими ногами голосуют за благоустроенные пространства. Совершенно очевидно, как столица наша, к примеру, выросла за последние годы в своем благоустройстве, выигрывает в конкуренции между лучшими городами мира. И в столицах регионов, некоторых малых городах очевидны изменения к лучшему.

НЖ Очень интересный вопрос – сочувствующее проектирование. У архитектора должен быть здоровый эгоизм с правильным пониманием желаний разных людей. Мы очень часто становимся буфером между заказчиком и обществом, потому что у каждого свои интересы. Иногда приходится и обманывать заказчиков в пользу общества или своих представлений.

ЕГ В Кодексе Этики архитектора записано: приоритет всегда отдается интересам общества.

НЖ Но деньги платит заказчик. Это у шестидесятников был единый заказчик – общество: в любой момент можно было приостановить финансирование, если делалось не по проекту.

Марина Ткачева Я много десятков лет проводила гуманитарные тренинги, где группа участников совместно решала исторические или придуманные задачи для выработки своей позиции или стратегии поведения. У меня был один принцип: будь готов к тому, что группа пойдет не туда, куда ты ее хочешь повести. В первой части нашего разговора было ощущение, что архитектор готов организовать что-то, но сделать так, чтобы потом его проект мог воспроизводиться и воспроизводиться в прежних формах. Очевидна совершенно другая ситуация: надо, чтобы жизнь обновлялась, и придумывать в архитектуре такие формы, в которых такая постоянная перестройка могла бы существовать.

Татьяна Анненкова Хотела прокомментировать ситуацию Академгородка. Раньше он был достаточно счастливым районом города; это счастье у него отнял новый мост через Ангару. Академгородок превратился в транзитный район. Людям стало некомфортно: магистраль идет

прямо под окнами дома; район начинает захламляться сознательно; идут протестные движения; возникают конфликты по поводу любых вмешательств.

ЕГ Да, дворы были уединенные, с совершенно необыкновенной дендрологией, и там жили все свои, сформировались соседские сообщества. С ростом застройки вокруг и неразумным размещением точек притяжения дворы стали транзитными для транспорта, опасными для детей, неудобными. В Москве от этого защищаются шлагбаумами.

КЛ Что бы вы хотели сказать самое важное по итогу ключевого обсуждения?

АМ Счастье в наших руках – если мы счастливы, сможем всех вокруг сделать счастливыми. Мы должны стремиться сделать себя и окружающих счастливыми: счастье оно и в работе, в друзьях, в исследовании, в общении. Мы должны к этому стремиться. Мы как архитекторы продумываем счастливое пространство, а люди становятся счастливыми, видя эту перемену.

ВК Нужно искать не причины, почему нельзя, а искать возможности и никогда не опускать руки.

МР Мы как архитекторы должны своей философией, выработанной самостоятельно или приобретенной, менять сознание жителей путем создания качественной городской среды. Попробуйте с той же самой философией сделать людей счастливыми, захватывая максимальное количество групп и слоев общества. И начинать с себя.

ЕГ Глубоко убеждена, что архитектор может и должен делать людей счастливее, города – гармоничнее. В этом его миссия и состоит – мы можем это сделать, несмотря на все препятствия, которые то и дело неизбежно возникают.

Позвольте под занавес еще цитату из любимого «Понедельника...»: «Весь первый этаж был занят отделом Линейного Счастья. <...> здесь пахло яблоками и хвойными лесами, здесь работали самые хорошенькие девушки и самые славные ребята. <...> Здесь работали на оптимизм. Здесь делали все возможное <...>, чтобы повысить душевный тонус каждого отдельного человека и целых человеческих коллективов. Здесь конденсировали и распространяли по всему свету веселый, беззлобный смех; разрабатывали, испытывали и внедряли модели поведения и отношений, укрепляющих дружбу и разрушающих рознь»...

Так сложилось, что в моей мастерской на протяжении всего периода работы, несмотря на обновление состава, складывалась такая атмосфера, где сам процесс работы доставлял счастье. Мы все подпитывались этой энергией и сами становились счастливыми. Только в такой обстановке архитектор может генерировать качественный продукт.

Архитектура тысячелетиями не служила потреблению; выполняемые ею «функции» были, скорее, номинальны: преобладала не функция, но миссия. Миссия организации загробной жизни. То, что все культуры видели в погребении путь к вечной и блаженной жизни, мало способствовало счастью живых, получаемому от архитектуры. Вопрос об организации счастья очень «молод» в архитектуре. И до сих пор он вызывает больше вопросов, нежели готовых ответов. Однако вопрос этот вскрывает такие пласты архитектурного сознания и традиции, которые трудно или невозможно раскрыть иначе.

Ключевые слова: архитектурное счастье; суррогаты счастья в архитектуре; психологизм; онтологические истоки счастья; желание; традиционализм и прогрессизм в архитектуре. /

Architecture has not served consumption for millennia; the “functions” it fulfilled were rather nominal: it was not the function but the mission that prevailed. A mission to organize the afterlife. The fact that all cultures considered burial as a way to eternal and blissful life contributed little to the happiness of the living derived from architecture. The problem of organizing happiness is very “young” in architecture. And it still raises more questions than ready answers. However, this problem uncovers the layers of architectural consciousness and tradition which are difficult or impossible to uncover otherwise.

Keywords: architectural happiness; surrogates of happiness in architecture; psychologism; ontological sources of happiness; desire; traditionalism and progressism in architecture.

«Счастье – дело техники»? / “Is happiness mere technique”?

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет

Татьяна Задворянская

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Tatyana Zadvoryanskaya

Voronezh State Technical University

Счастье: первое приближение

С античных времен счастье опознается как желанная цель развития, как то состояние, которое способно быть условным «концом эпохи», завершать собою череду усилий и порывов, страданий и жертв. Такая эсхатологическая концепция счастья с известными трансформациями вошла в мировые религии; следы ее сильны и сегодня.

С греческой античности начинается и традиция эвдемонизма – философского, а затем и [около] научного изучения счастья. Этот рефлексивный и исследовательский шаг важен: им открывается традиция рассмотрения счастья как объекта изучения, по необходимости отстраненного. Связанный с таким шагом парадокс ощущим и в наше время: счастье переживается лично, эмпатически, в полноте присутствия и погружения, а изучается и описывается отчужденно и объективировано. Но таковы, увы, все наши описания и объективации.

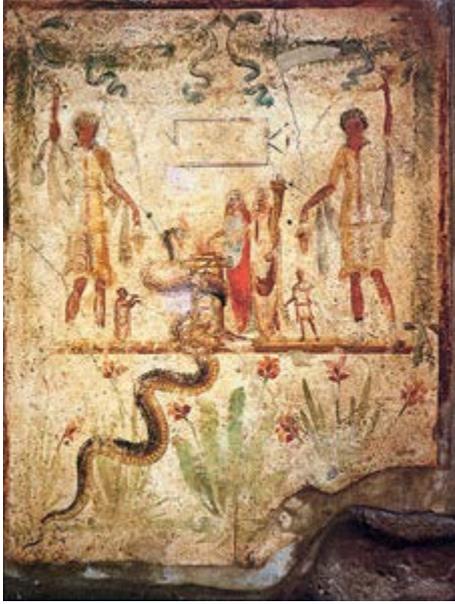
За века эволюции эвдемонические представления освободились от крайностей, в т. ч. от гедонизма, от отождествления счастья с плотским удовольствием, от натурализма Запада и от абстракционизма Востока. Эвдемонизм получил и жесткую критику, прежде всего – от И. Канта, противопоставившего стремлению к счастью исполнению морального долга.

С архитектурой у счастья отношения не сложились с самого начала. От Витрувия до Леду счастье в архитектуре практически не обсуждается. Правда, К.-Н. Леду упоминает счастье в посвящении своего трактата русскому царю Александру Первому: «Вы хотите улучшить общественный порядок, который поможет людям обрести счастье». Но это, видимо, лишь конъюнктурный реверанс в стиле эпохи.

Счастье – эффект, далекий от средств архитектуры, по крайней мере, от средств ее прямого действия. Как психологический эффект или как психический аффект счастье в норме – не предмет архитектуры. Именно сбивка нормы, к которой мы еще вернемся, и стала следствием засилья психологизма – с Пьера Абельяра и особенно – с XIX столетия. Психологизм – широкая традиция философской и гуманитарной мысли, сводящая объяснения явлений мира и их логических реконструкций к психике, с чем боролся Эдмунд Гуссерль,

утверждавший, что психическое лишь заслоняет собою феномены. Для осознания феноменов необходимо, прежде всего, избавиться от вмененных образов, знаний, соблазнов сознания. Архитектура же старается уже более сотни лет целенаправленно подстроиться под парадигму психологизма, не в состоянии отказаться от бесконечного проговаривания всего вмененного, от ассоциаций и аллюзий, от цитат и отсылок к великим авторитетам. «Восприятие» стало культом для архитекторов, а Н. А. Ладовский со своим парком вхутемасовских оптических приборов – его избранным жрецом [1], впрочем, наряду с другими. Нормой архитектуроведческого анализа стал поиск «похожестей» – от скрытых заимствований до пресловутого «влияния», по совокупности найденных фактов которого устанавливается качество авторской мысли. Разумеется, архитектура переполнена отсылками (прежде всего – к самой себе), ее дискурс есть вечная интерпретация не столь уж большого набора мотивов (происхождение которых покрыто мраком); однако теперь у нее, вроде бы, есть проектный метод...

В конце концов, много ли счастья обращается в архитектуре издревле, от культов загробного мира и властных деспотий? Содержат ли в себе архитектурные формы и мотивы компоненты хоть чье-то пережитого счастья – не как исторического воспоминания или литературного следа, но как воспроизводимой реальности? Цена рассуждений о психологии, о восприятии, о воздействии архитектурой на умы, равно как и цена несмолкаемых разговоров об ее, архитектуры, «выразительности», рискует оказаться непомерно высокой. Морфология архитектуры не оправдывает подобных ожиданий, а излюбленные способы обсуждать весь «букет» психологических представлений лишь анестезируют критическое самосознание, переводят креативные интенции на рельсы привычных разговоров и текстов. И вот счастье в таких условиях становится едва ли не единственным триггером радикальной проблематизации архитектурного психологизма, поскольку, в отличие от эмоциональных состояний более мелкого «калибра» (радость, душевный подъем, воодушевление, угнетение чувств, скорбь, подавленность, ужас, на необходимости которого в архитектуре настаивал Н. В. Гоголь, et cetera), без особого труда обеспечи-

^ Рис. 1. Фреска из святилища в доме в Помпеях показывает подношение Агафосу, доброжелательному демону, который появляется в виде змея у алтаря в саду. I век н. э.

^ Рис. 2. Кадр из мультфильма «В зоопарке ремонт». 1987. СССР. Сантехник не то, чтобы знает больше, но судит о счастье смелее, чем архитектор

ваемых архитектурой, счастье именно феномен: оно есть или его нет. Никакие разговоры или композиционные построения его не заменят. В столкновении с проблематикой счастья архитектурной мысли уже не отделаться психологическими индульгенциями; приходится говорить о сущностном, об онтологическом, о бытийствующем. Говорить о феномене. О наличии его в недрах архитектурного опыта, а также о перспективах его проектного «захвата».

Желание есть мир

Всякое желание – интенция восполнения отсутствующего. Тема счастья до сих пор фатально связана с темой желаний, пусть бы это было «удовлетворение желаний», «отказ от желаний» или «отсутствие желаний». В контексте нашего интереса счастье или абсолютное блаженство – это состояние, в котором отсутствует любая неудовлетворенность ума и любые желания, а сознание пребывает в экстатическом состоянии. Следовательно, желание чего-либо означает неудовлетворенность в настоящем моменте, некоторое несчастье, в отношении которого исполнение, удовлетворение и само счастье находятся в будущем. При этом не стоит заблуждаться относительно объекта желаний. Было бы неверно разделять желания на мирские и духовные. Если говорить о том, что состояние абсолютной удовлетворенности есть результат некой духовной трансформации, то сам факт желания (даже если это желание освобождения от желаний) является мирским, потому что «желание и есть мир» (Раджниш Бхагван Шри).

«Страдание и волнение являются следствием желания и связанного с ним «эго» и может быть прекращено разрушением иллюзии «эго» [2]. Удовлетворение желаний приносит нам кратковременное ощущение счастья или его подобия. Можно предположить, что отказ от желаний, продиктованный стремлением к обретению высшего счастья, скорее, принесет некий элемент страдания и снова поставит счастье в категорию пока не достижимого будущего. Однако нельзя отрицать несомненную пользу от аскезы или самодисциплины, направленной на путь развития добродетелей.

В восточной традиции наблюдение за природой желаний и их динамикой предлагается как средство, способное избавить от их тотальной власти над человеком. Созерцательный подход предлагается и буддистами, и христианами, и приверженцами нью-эйдж. «Входите в каждое желание со снисходительностью, позвольте каждому желанию привести вас к страданию. Тогда однажды, внезапно, вы повзрослеете, вы созреете: вы осознаете, что каждое желание есть страдание» (Раджниш Бхагван Шри).

Желание является причиной возникновения мироздания и круговорота бытия. В нем ключи счастья и страдания. Желание – это волшебная машина, которая может увести нас прочь от истинного счастья, а может привезти к нему.

Движение желания в архитектуре и на рынке недвижимости – одна из базовых сил, если не самая главная. Кажется, значительно более осмысленным в архитектуре и ее теории был бы не т. н. «функционализм» – концепция удовлетворения потребностей – прямолинейный и натуралистический продукт «рационализма» (со всеми известными сегодня, после Ж. Бодрийяра и других критиков, лукавством и двусмысленностью), а концепция игры в поле желаний: подготовка, провоцирование и гарантирование осуществления их. Не сказать, что такая технология была бы путем к счастью (скорее – очередной манипулятивной технологией), но в ней, теоретико-методологически выстроенной и методически оснащенной, появился бы шанс на посильное приближение к техникам достижения счастья, – шанс, который никогда не появится в функционализме.

Изгнание убожества

Блистательному К.-Н. Леду принадлежат такие слова: «Нет на земле человека, который не нуждался бы в помощи архитектора; это он изгоняет убожество. Талантливый человек из камня и глины может создать сотню жилищ, пленительных своим разнообразием. Подумайте только, чем вы ему обязаны: он вызывает у вас радостные чувства, рассеивает мрачные мысли, привлекает ваш взор к возвышенному. Он ограждает страждущее человечество от бед, которые его осаждают. Соперник бога, создавше-

^ Рис. 3. Группа «Суперстудиа». Италия. Психоделический и технотронный ландшафт грядущего счастья как оно виделось передовыми проектировщиками в 1960-е годы в Европе

^ Рис. 4. Фердинандо Галли да Бибиена. Театральная декорация. Пространства барочного гедонизма не гарантировали счастье всякому, в них попадающему. В конце концов, входящий вполне мог стать жертвой изысканных истязаний в духе маркиза де Сада

го землю, он делает больше него: он ее обрабатывает, он равняет горы, пугающие слабых; он углубляет русла, чтобы ускорить течение рек; он оживляет пустыни. Возвышая этим человека, он распространяет полезные знания; он погружается в сокровища философии, погребенной под тяжестью варварского века, – истинное богатство, которое придаст новый блеск нашему достоянию, покроет человечество новой славой. Приобщая к этому богатству хижину и дворец, невежество и ученость, какие возможности ты готовишь для нас...» (цитата по журналу L'Architecture d'aujourd'hui; несколько иной перевод [3, с. 157]).

Слова, нет сомнений, вдохновенные. Они вызывают восторг и гордость за традиции деятельности. Однако изгнание убожества еще не означает достижения счастья. Скорее, здесь перед нами одна из «классических» редуций проблематики счастья в архитектуре, а именно – одна из вариаций небезызвестной формулы: «Следование норме есть отсутствие несчастья».

«Счастье – дело техники», – вещает в одном советском мультфильме персонаж из коммунальных служб («В зоопарке ремонт», 1987). При всей расхожей популярности фразы, она все же больше говорит об отсутствии несчастья, которое может быть отождествлено со счастьем лишь на краткий миг освобождения от первого. Ведь несчастье не онтологично, т. е. не присутствует в бытии, не составляет его сущности [не входит в состав бытия]; оно есть лишь следствие несовершенства, ошибки, сбой нормы – это старая мудрость Востока. Архитектура же несравнимо лучше умеет обеспечивать отсутствие несчастья, нежели присутствие счастья (или присутствия во счастье). К архитектуре достаточно долго относили требование не быть источником несчастий, поскольку она де-факто им становилась. «Архитекторы, в силу своей способности нанести ущерб, обязаны научиться открытому мышлению (Architects, because they can do harm, must learn to be open-minded)», – провозгласила замечательная Дениз Скотт-Браун [4]. А если уж не open-minded, то остается просто следовать предписанным нормам со всеми издержками [5]. Вся без исключения нормативная база «архитектурного проектирования» опирается на эту именно максиму.

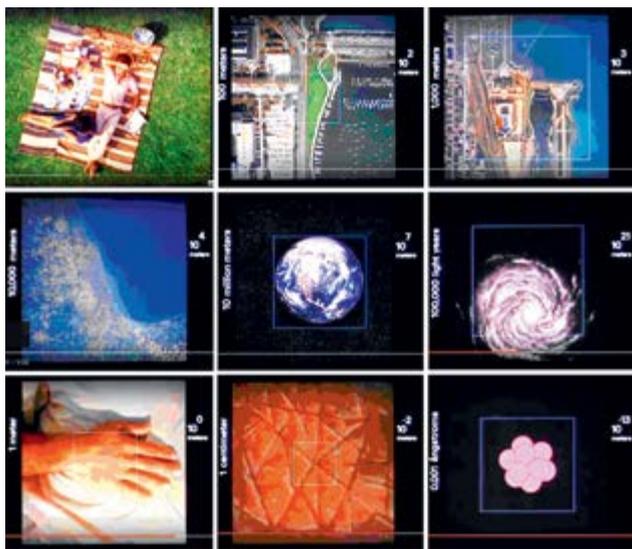
Демон счастья

Эвдемон (Евдемон, Eudaemon, εὐδαίμων) – божество (гений, демон) греческой мифологии, считавшийся добрым духом, в отличие от Какодемона, злого демона, его противника. Его имя указывает на добро и счастье; одержимые этим демоном, следовательно, становятся счастливыми. Духу счастья, имевшему несколько «местных» имен, приносились жертвы; так «добрым демоном, которому поклонялись, [был] Агафодемон, в честь которого было посвящено первое возлияние богу Дионису» [6]. Дионисийские культы, решительно важные для античных архитекторов, тем самым изначально центрировались на категории счастья. Но счастье тогда было мало похоже на нынешние представления о нем.

Главный урок из мифологической или «демонической» истории осмысления счастья – признание его принадлежности внешним властным силам. По происхождению, по природе древнее счастье было суверенно, жило своей жизнью, имеющей не очень много дел с человеком.

Урок не был усвоен веком рационализма и прогресса, поместившим счастье внутрь человека, а затем посвятившим себя поискам способов извлечь его оттуда, «расшевелить», актуализировать. «Счастье, по-видимому, всецело оживляется и поглощается чувством» [7, с. 250]. «Счастлив тот, кто сумел разбить цепи всех своих предрассудков; только такой человек может испытать наслаждение во всей его чистоте», – писал Ж. О. Ламетри (1709–1751) [8, с. 175]. Расшевелить можно все более и более сильными аттракторами. Просвещение – самая суть европейской культуры – отождествило счастье и наслаждение, в т. ч. (и это самое важное) – наслаждение за счет других. Тем самым «счастье» оказалось достижимо на пути отрицания «предрассудков культуры», за счет освобождения от религиозных, нравственных, социальных и прочих сдержек: счастье ставится в пару к категории свободы со всеми ее латентными, как секрет Полишинеля, коннотациями. Архитектура послушно движется за трендами эпохи: форсирует чувственность. Барокко прячет в своих складах немало насилия и садизма. Это ли путь к подлинному счастью?

В качестве имманентной способности потенциальное человеческое счастье, принятое за истину и цель,

^ Рис. 5. Дизайн-студия Чарльза и Рей Имсов. Кадры из фильма «Powers of Ten». 1977. Человеческое счастье, если оно и случается, занимает исчезающе малый интервал на шкале космических масштабов – от макромира до микромира. Но, когда оно случается, оно подчиняет себе космос

^ Рис. 6. Конвейер сладостей. Электронная игра

заставляет архитектуру вступать с ним в резонанс, то есть постоянно заниматься настройкой своих эманаций. Но, если демон был один на всех, то сидящий во глубине человеческой психики чертенок всякий раз индивидуален, он капризничает, норовит не оценить усилий по «организации окружения»... Архитектура в целом, в норме не может (пока еще?) позволить себе требуемые здесь тонкие и персонифицированные настройки. Но, похоже, она к тому идет. По крайней мере, рост популярности психологизма (то есть, повторим, объяснительных моделей, сдвигающих любой вопрос из онтологии в психологию, если не в физиологию мозга) толкает архитектуру в компанию прочих «хищных вещей века» (А. Н. и Б. Н. Стругацкие) – манипулятивных технологий, обходящих стороной всякую рефлексивность и всякое самосознание.

Есть опасение, что пресловутая «выразительность» и прочая, отнюдь не только визуальная, возгонка чувственности, приведет архитектуру скорее к утрате ценностных, сущностных горизонтов, нежели к обретению искомой инструментальности. Последняя, судя по всему, неизбежно будет отходить к специальному оборудованию, при помощи которого будет достижима интенсивная обработка всех без исключения органов чувств человека, а также к дизайнам разного рода. Что останется собственно архитектуре? И стоит ли ей бросаться в омут психологического инструментализма? Ведь архитектура издревле «работает» не на персональную психику конкретного «иван-ивановича», но на всеобщий феномен.

Город как эвдемонический сервис

Какое отношение город имеет к счастью? Общество потребления низводит счастье до формы продукта, товара, который можно получить за определенную плату. В этом контексте современный город уже можно представить как эвдемонический сервис, со всеми присущими мас-совому сервису коннотациями суррогата. Горожанину в качестве продукта счастья предлагается все: образ жизни, комфортное жилье, места досуга, возможности для общения, образования, развития, смена социальных ролей, концентраты новых эмоций за счет всевозможных

перформансов. «Движение вместе с желаниями» – девиз современного города.

Счастье как кратковременная эмоция становится доступным, популярным товаром. Вместе с тем, чем более доступными становятся те или иные блага цивилизации, тем более изысканных форм счастья требуют горожане, культивируя погоню за счастьем как образ жизни. Экспансия желаний, успешность и социальный статус как маркер счастья давно стали повседневностью. Но счастлив ли современный человек? Может, он счастлив более, чем 100, 200, 500 лет назад? Имея так много, пользуясь достижениями прогресса, ежедневно покупая все больше и больше удовольствий, человек по-прежнему страдает и ищет успокоения душе. Больше желаний и больше страданий дает человеку современный город. «В фантастических романах главное это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет», – горько иронизировали И. Ильф и Е. Петров [9]. Одиночество в толпе, социальная дистанция, депрессии, эмоциональное выгорание – все это оборотная сторона коммодификации «счастья» – эвдемонического сервиса.

Однако происходит и обратный процесс, который, пожалуй, связан с рефлексией желаний, попыткой погрузиться в их природу. Так, доступное, быстрое и поверхностное общение приводит к осознанию ценности настоящей близости, дружбы и семьи. Социальная изоляция и одиночество, особенно проявившие себя в период пандемии, дают возможность понять, насколько важен для нас социальный опыт, общение, возможности дискурса, перспективы смены социальных ролей. Доступность информации, гипермедийность жизненного пространства [10] позволяют осознать ценность искренности, истины и неприкосновенность личного пространства. Архитектура же в таких условиях все больше проявляет тягу к театрализации повседневной городской жизни [11].

Так, многократный, с переменным успехом осуществленный опыт преобразования городских пространств в соответствии с самыми современными запросами обывателей, с рефлексией этого опыта (при условии ее достаточной честности), позволяет прийти к пониманию: атмосфера городского пространства, степень любви

< Рис. 7. Провинция Цзянсу, Китай. Коммунальный «рай», т. е. образ хорошо налаженного и технически обеспеченного бытования, достаточно давно стал едва ли не синонимом типового ада, если он оказывается лишен чего-то «слишком человеческого» – неумовимого содержания, формализации которого, при всей их погрешности, свидетельствуют о случайном гораздо более, чем о закономерном; о прихотливом – больше, чем о необходимом; об избыточном, но не о нормативно обязательном

> Рис. 8. Ле Корбюзье. Город на три миллиона жителей. 1922. Вменение счастья как единственная стратегия модернистской проектности. «Некий парадокс заключался в том, что Ле Корбюзье создавал свои умозрительные модели современного города, когда Альфред Вебер и другие пионеры социологии уже заложили фундамент знания о функционировании города как сложного социального организма, связанного с промышленным производством, но ни в коем случае не сводимого к нуждам индустрии. Архитекторы делили город на зоны, когда уже зарождалось знание о целом» [17, с. 23]

горожан к месту, как правило, не зависят от так называемых критериев «качества городской среды» и вложеного в их реализацию бюджета. Нечто подлинное про сам город и счастье в нем, возможно, находится совсем в другой плоскости.

Таким образом, лишь накопление опыта ошибок, разочарований и рефлексии достигнутых желаний и потребленных удовольствий приводят к пересмотру внутренних ориентиров, ценностных установок, подталкивая к поиску того, что действительно является счастьем. Современный город подобен фабрике сладостей Вили Вонка, где человеку предлагается множество удовольствий, чтобы он, наконец, понял, что именно для него самое важное. Счастье, видимо, достижимо человеком лишь апофатически – за счет отказа от того, чем оно не является.

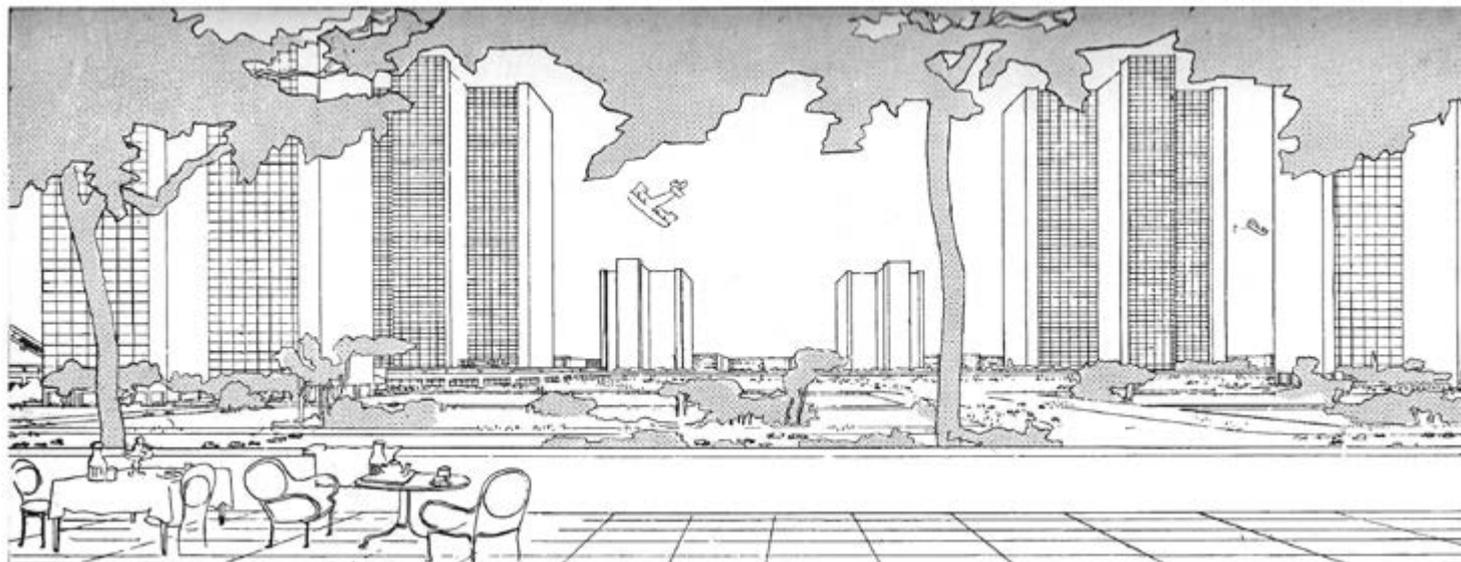
Сухие источники

Архитектура, как мы знаем, была первой и долго единственной практикой постижения мира, она имела доступ к причинам и следствиям всего. Древнее счастье архитектуры, видимо, было связано с эффектом эмерджентности: оно возникает внезапно и не сводится к сумме составных частей целого. Оно – часть, которая больше целого. Архитектура стала «матерью всех наук и искусств», раставивших синкретическое знание по предметным «полочкам», а счастье при этом... выпорхнуло, как Синяя птица. Как содержание оно не попало и не могло попасть ни в одно из искусств, ни в одну из наук. Архитектура с тех пор пребывает в поисках своего утраченного Золотого века, но, не имея возможности вернуться к синкретическому, она форсирует синтетические качества: ничто в мире так не стремится к «синтезу всего со всем» (Р. Б. Фуллер), как это делает архитектура. Однако тяжесть идейной нагрузки, взятая на себя архитектурой, не позволяет ей поспевать за молодыми и претенциозными дисциплинами. Для того, чтобы продолжать участвовать в гонке прогресса, архитектура XX века (модернистская) пошла на радикальную модернизацию своего тела – на протезирование и имплантацию «наукой и техникой», на тотальную редукцию своей исторической миссии [12].

То ли в силу инертности исполнительных систем, то ли из-за сложного, гетерогенного состава систем знаний и умений вот уже более ста лет наши архитектурские представления, в т. ч. воплощенные в форме проектов, планов и методик, всякий раз оказываются архаичной в отношении представлений из практик и наук, гораздо более динамичных. Так произошло с корбюзийскими (Афинская хартия) идеями, которые разделяли то, что современная им социология уже уверенно соединяла; так случилось с планировочными принципами равномерного обеспечения благами, не выдерживающими критики современной им математики (Кр. Александер) et cetera. Мы гордо поднимаем флаг социальных и пространственных преобразований, кивая на их «научное обеспечение», а когда нам демонстрируют «белые нитки», которыми шито обеспечение, мы держимся за привычку, клановые авторитеты или за «художественный вкус» – ничто из этого не значит ровно ничего для тех, кого мы пытались осчастливить. Архитекторы и урбанисты слишком горделивы и далеки от смирения, чтобы приблизиться к счастью. Дионисийские архитекторы, несомненно, были ближе к подлинным источникам счастья, нежели прогрессисты с их вымышленным «Источником» [13].

Кстати, именно последний – один из до сих пор неуверенно бьющих фонтанов легкомысленного и выморочного представления о непосредственной фабрикации архитектурой счастья (а с ним и смысла), легко, на уровне физиологии, считаваемого всяким в меру чувствительным человеком. Такие фонтаны Козьма Прутков предлагал затыкать, хотя бы на время. Их коварство как раз в «незаметной» сбивке меры: так, критики выпрених писаний Алена де Боттона, автора книги «Архитектура счастья: как обустроить жизненное пространство» (Pantheon Books, 2006) [14], отмечают, что состояться изложенная в книге в качестве обыденной нормы сверхэмоциональная реакция на архитектуру может лишь благодаря «чрезмерной чувствительности к своему окружению», доходящей до гротеска. И, кажется, это – ключ к пониманию всей нашей темы.

Возгонка чувствительности стала для «звездных» архитекторов и их подражателей последних нескольких десятилетий едва ли не единственной и спасительной надеждой на сохранение сколь-либо значащих пози-

ций в социальной, политической и культурной жизни. Болезненная «чувствительность к окружению» пришла на смену своей противоположности – модернистскому культу безэмоционального потребления «функций». Но внутренний императив этих сходящихся «полюсов» один: архитектуре нечего сказать человеку. Нечего в том режиме, в котором она хотела бы что-то говорить, но который уже невнятен для публики. Внятный же режим утерян на пути эмоционального опустошения, видимо, окончательно.

Нам придется возвращаться к глубинным истокам и к подлинным источникам. Возвращаться к синтетической миссии архитектуры и к ее синкретическим тайнам. Живительные гуморы древнейшей практики и традиции не иссякли, они способны еще дарить чувство полноты бытия, свежесть открытий и счастье познания.

Энергия и организация

Решительное и бескомпромиссное отождествление проектной воли XX столетия со всем, так или иначе укладывающимся в вектор прогресса – с «рацио», с «будущим», с кажущимися перспективными планировочными моделями (а то и просто с урбанистическими визионерскими перспективами), с грядущими научными открытиями и инженерными изобретениями, с чаемыми биотехнологиями достижения состояния счастья *et setera* – то есть отождествление со всем шлейфом социокультурного энтузиазма XX века, не имело бы шансов состояться без простой и кажущейся очевидной объединяющей все это силы – интенции исторической динамики, идейной «рамки» управления высокими энергиями. Эта «рамка» может сегодня представляться почти естественной, однако для ее становления были необходимы по меньшей мере два условия: наличие упомянутых высоких энергий и умение взять их под контроль. Исторически эти два условия совсем не очевидны, прийти к ним человечество смогло лишь после всплеска исторического оптимизма Нового времени, после череды последовательных самообманов, решительных действий и энергичных актов самоуспокоения, зализывающих раны от неудач осуществленных действий. Все упомянутое с переменным успехом замещало собою историческую рефлексию,

до которой дело так и не дошло (не считать же ею истмат, успешно превращенный в сухую догму!).

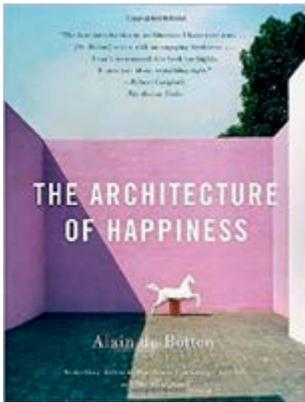
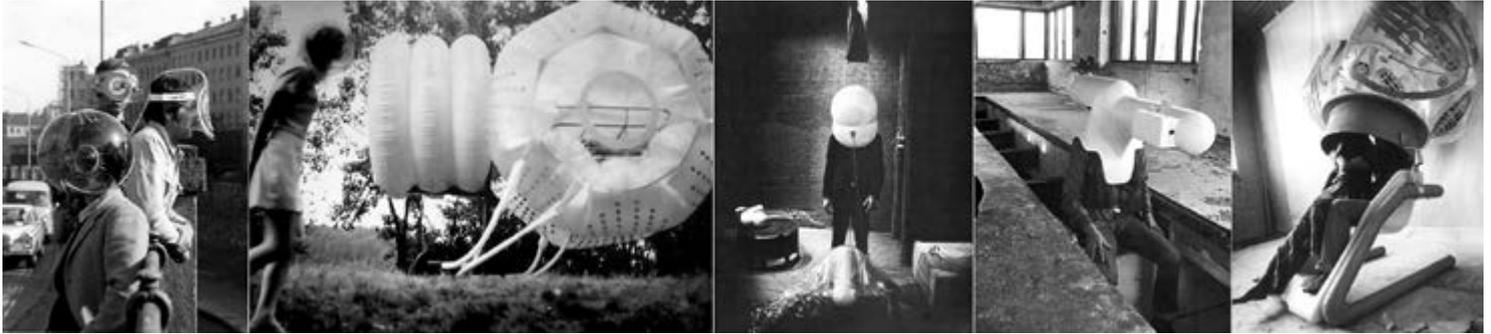
Энергии век черпал из собственного неустroения, из несчастья, из радикализма формул вроде «нечего терять, кроме своих цепей», удивительным образом совмещенных с провозглашенным утверждением опустошенного «негативного субъекта» под вымышленным именем «пролетариат» в качестве ведущей силы истории, а также и со ставкой на научно-технический прогресс, к которому сей субъект вообще не имеет никакого отношения. Впрочем, от страны к стране акценты менялись, но не очень существенно: стержнем оставалась упомянутая интенция исторической динамики по имени «прогресс», которая, как предполагалось, сама все вытянет из болот прошлого к сияющим высотам счастливого Завтра. Историческая (и, разумеется, перспективная во всех смыслах слова) модель вовремя поспела, равно как и ее натуралистические архитектурные визуализации – у О. Перре, Л. Гильберсаймера, Ле Корбюзье и других.

Собственно, модели урбанистического визионерства и служили едва ли не единственной формой оперативной организации разбуженных веком энергий. Вариации же их существенны: к ним можно отнести видения А. Шпера в берлинском ресторане Хорхера вечером 2 марта 1942 года, где он рассказывал друзьям-архитекторам, как собирается на основе архитектурских 3D моделей организовать расширенное производство вооружений в Германии после назначения на соответствующий пост. Его активность англичане, напомним, тут же признали началом «революции менеджеров» со всеми, увы, далеко идущими последствиями [15, с. 264 и др.].

Где тут счастье? Его нет здесь, но ведь разве не в подобных построениях XX век упорно искал ему некие научно-технические эрзацы? «Техника счастья» XX века почти исключительно свелась достижению высоких показателей эффективности функционирования, а чуть позже – к искусственному вызыванию эйфорических состояний посредством подключения проводов к оголенному мозгу – тоже ведь вариант решения проблемы.

Между тем, именно в этих мирах отчуждения и отсутствия родилась идея линейного прогресса, в которой принципиально стал возможен концепт «будущего», неизвестный векам предшествовавшей истории. Надо ли

в Рис. 10. Радикальный дизайн второй половины XX века уже не делал ставок на архитектуру в деле достижения счастья. Счастье стало там делом техники – технотронным, виртуальным возмездием «кубожества» повседневного окружения. Эта тенденция активна и в наши дни

^ Рис. 9. «Архитектура счастья была бы безобидным отбросом, если бы не его [автора] прозелитические амбиции (он породил мини-сериал PBS) и набор довольно коварных идей, замаскированных в его твиттер-прозе», – из отзывов о книге А. де Боттона

говорить, что именно он и поставил грезу о счастье в зависимости от достижения этого мистифицированного «будущего» – очередной отметки на шкале времен. Так что сегодня нам следовало бы различать подлинные интенции счастья и его телесный опыт в непосредственном переживании архитектуры от фикций исторического прогрессизма с его вечными обещаниями всеобщего счастья (а ведь проектность XX века, которой мы поневоле наследуем, выросла именно из этого прогрессизма и из свойственного ему исторического энтузиазма).

«Чем решительней проводится охота по усмирению колоссальной энергии, благодаря чему потребность человека в энергии должна быть удовлетворена по всей земле и на все времена, тем скуднее становится способность человека строить и жить в области сущностного», – предупреждал Мартин Хайдеггер [16, с. 66].

Век «прогресса» и его архитекторы, в частности, слишком много сил и времени затратили на «организацию» всевозможных пустот и фикций, как если бы из некоей универсальной и пластичной материи (или «энергии»? «пространства»? «гмази» из путешествий Йона Тихого у С. Лема?) можно было «слепить» что-то сущностное. Слишком долго мы уходили – изо всех сил, с предельным напряжением креативного воображения – от простых и ясных решений в мир модных замещений. Мы боялись и боимся обвинений в примитивизме и «натурализме», в результате вечно «говорим прозой» о том, что очень давно имеет свою поэзию и рафинированный язык, причем вполне «естественный». Лишь совсем недавно мы начали понимать, что вне сущностного не достичь полноты и подлинности, не испытать счастья.

Итоги

Счастье индифферентно архитектуре; оно вырастает, как правило, из иных причин, чем каким-то специфическим образом «организованное пространство». Счастье свободно от «кулис» своего развертывания, хотя и небезразлично к ним. Архитектура не гарантирует, но и не запрещает наличие счастья. В самом деле, разве Паноптикон И. Бенгта или «Тюрьмы» Дж. Б. Пиранези являют собою здания несчастья? Вряд ли: первый замышлялся в восторге света и разума, а последние лишь лукаво коннотируют страдания узников (почти невидимых),

но предназначены для просвещенного архитектурского восторга композицией и «пространством». В то же время, пути накоротку «выразить» счастье в архитектурных формах до сих пор неизбежно заканчиваются пошлостью и очередной порцией визуального мусора.

Счастье – индивидуально. Идеи массового осчастливления или типовой радости успели себя дискредитировать. Архитектура, ориентированная на дачу счастья, обязана, кажется, быть персоналистской, индивидуалистской, по крайней мере – снимать требование индивидуации. Упомянутое непросто, и отнюдь не только технически непросто. Счастье и его достижимость, разумеется, – один из существенных аргументов в сторону индивидуации [17]. Но, с другой стороны, индивидуация уже есть [само] достаточная цель сознательного управления трендами эволюции архитектуры (со всем привходящим, в т. ч. с пересмотром присущего ей проектирования et cetera). Достигать этой цели архитектуре придется еще долго; до счастья ли тут!

Счастье не требует архитекторов. Вопрос лишь в том, что могут архитекторы сделать для счастья (отдельного человека, групп, «общества»? И что мы, архитекторы, должны бы сделать с собой, что и как изменить (мышление, деятельность, методы et cetera) для того, чтобы обрести способность непосредственно иметь дело со счастьем и творить его? И надо ли нам это, памятуя о том, что всевозможные «сервисы счастья» быстро становятся его противоположностью? Все это очень разные вопросы, на которые пока нет ответов.

Литература

- Капустин, П. В. Альтернативы Ладовского // Искусствознание. – 2011. – № 1–2. – С. 321–347
- Лестер, Р. Ч. Буддизм: Путь к нирване // Религиозные традиции мира : В двух томах. / пер. А. Н. Ковалева. — Москва : КРОН-ПРЕСС, 1996. – Том 2. – С. 264–394. — 640 с.
- Леду, К. Н. Архитектура, рассмотренная в отношении к искусству, нравам и законодательству / под. общ. ред. А. А. Барабанова : В 2-х тт. – Екатеринбург : Архитектон-Канон, 2003. – Т. 1. – 592 с.
- Scott-Brown D. With people in mind // Journal of Architectural Education 35:1 1981. pp. 43–45
- Капустин, П. В. Проектирование и норма // Архитектурные исследования. Научный журнал. – 2022. – № 2 (30). – С. 4–11
- Евдемон (мифология). – URL: https://wiki5.ru/wiki/Eudaemon_

> Рис. 11. Дж. Б. Пиранези. Графический лист из цикла «Тюрьмы». 1740–1750 гг. Возможно ли счастье в столь мрачном и драматичном пространстве? Оно не запрещено, по меньшей мере – здесь очевидно счастье архитектора, изображающего это, и счастье сонма архитекторов, художников, коллекционеров, разглядывавших изображение за прошедшие века

(mythology) (дата обращения: 10.07.2022)

7. Ламетри, Ж. О. Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье. – Москва : Мысль, 1983. – С. 241–295

8. Ламетри, Ж. О. Человек-машина. – Москва : Мысль, 1983. – С. 169–226

9. Ильф, И., Петров, Е. Записные книжки. – URL: <https://ajushka.livejournal.com/2803438.html> (дата обращения: 10.07.2022)

10. Задворянская, Т. И. Феномен глобального города: определение, характеристики, градообразующий процесс и градоформирующая среда // Архитектура и строительство России. – 2018. – № 3 (227). – С. 96–101

11. Капустин, П. В., Лесневская, Р. В. Стратегии театрализации в городском интерьере // Проект Байкал. – 2018. – № 56. – С. 52–58

12. Капустин, П. В. Век тотальной редукции // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 32–39

13. Рэнд, А. Источник. – Москва : Альпина Паблишерз, 2018. – 800 с.

14. де Боттон, А. Архитектура счастья. Как обустроить жизненное пространство : Серия «Архитектурная школа» / пер. с англ. П. М. Петров. – Москва : Классика-XXI, 2013. – 240 с.

15. Шлеер, А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. – Москва : ЗАО Центрполиграф, 2005. – 654 с.

16. Хайдеггер, М. Положение об основании. Статьи и фрагменты. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 290 с.

17. Глазычев, В. Л. Урбанистика. – Москва : Издательство «Европа», 2008. – 326 с. – URL: http://www.glazychev.ru/books/urbanistika/Glaziychev_Urbanistika.pdf (дата обращения: 10.07.2022)

References

De Botton, A. (2013). The architecture of happiness. How to arrange a living space (P. M. Petrov, Trans.). In Architectural School series. Moscow: Classica-XXI.

Eudemon (mythology). Retrieved July 10, 2022, from [https://wiki5.ru/wiki/Eudaemon_\(mythology\)](https://wiki5.ru/wiki/Eudaemon_(mythology))

Glazychev, V. L. (2008). Urbanistika [Urbanism]. Moscow: Europe Publishing House. Retrieved July 7, 2022, from http://www.glazychev.ru/books/urbanistika/Glaziychev_Urbanistika.pdf

Heidegger, M. (2000). Polozhenie ob osnovanii. Statyi i fragment [The principle of ground. Articles and fragments]. St. Petersburg: Aletheia. Ilf, I., & Petrov, E. Zapisnye knizhki [Notebooks] (2018). Retrieved July 10, 2022, from <https://ajushka.livejournal.com/2803438.html>

Kapustin, P. V. (2011). Alternatives of Ladovsky. Art Studies Magazine, 1-2, 321-347.

Kapustin, P. (2019). A century of total reduction. Project Baikal, 16(59), 32-39. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.59.1428>

Kapustin, P. V. (2022). Proektirovanie i norma [Design and norm]. Architectural Research. A scholarly journal, 2(30), 4-11.

Kapustin, P., & Lesnevskaya, R. (2018). Strategies of theatricalization in urban interior. Project Baikal, 15(56), 52-58. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.56.1321>

La Mettrie, J. O. (1983a). Anti-Seneca, or a discourse on happiness. Moscow: Mysl.

La Mettrie, J. O. (1983b). Man a machine. Moscow: Mysl.

Ledoux, C. N. (2003). Architecture considered in relation to art, morals and legislation: In 2 vols. (A. A. Barabanov, Ed.) (Vol. 1). Ekaterinburg: Arkhitekton-Kanon.

Lester, R. C. (1996). Buddhism: The path to Nirvana (A. N. Koval, Trans.). In Religious Traditions of the World: In two volumes (Vol. 2, pp. 264-394). Moscow: KRON-PRESS.

Rand, A. (2018). The Fountainhead. Moscow: Alpina Publishers.

Scott-Brown, D. (1981). With people in mind. Journal of Architectural Education, 35:1, 43-45.

Speer, A. (2005). Inside the Third Reich. Memoirs of the Reich Minister of Armaments and War Production. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.

Zadvoryanskaya, T. I. (2018). Phenomenon of the global city: The definition, characteristics, urban-generative process and city-forming environment. Architecture and Construction of Russia, 3(227), 96-101.

в Рис. 12. До тех пор, пока мы не сможем распознать границы феномена счастья в архитектуре, на позиции «архитектуры счастья» будут претендовать подобные наивные и пошлые перлы (они же «архитектура будущего», они же «экоархитектура», «биоархитектура» et cetera)

В статье рассматриваются вопросы влияния градостроительной деятельности и городского планирования на жизнь и счастье населения. Проанализированы рейтинги лучших городов мира по качеству жизни и уровню счастья. В зависимости от целей городского планирования счастливый город определяется следующими концепциями: «умный» город, город цифровых технологий, экогород. Рассмотрены критерии отнесения городов к категории «счастливых». Сформулирован ряд демографических и социальных показателей, влияющих на уровень счастья городского населения. Обсуждается концептуальная основа развития современных городов на принципах сбалансированной природно-антропогенной совместимости с окружающей природной средой. Выполнен укрупненный расчет показателя реализуемости функций города (для некоторых городов России). Полученные данные сопоставлены с результатами социологического опроса (рейтингом счастливых городов РФ).

Ключевые слова: градостроительная деятельность; счастье; счастливый город; городская среда; функции города; комфортность; безопасность.

The article discusses the impact of urban development and planning on the life and happiness of the population. The ratings of the best cities in the world in terms of quality of life and level of happiness are analyzed. Depending on the goals of urban planning, a happy city is defined by the following concepts: a “smart” city, a city of digital technologies, an eco-city. The criteria for classifying cities as “happy” are considered. A number of demographic and social indicators affecting the level of happiness of the urban population are formulated. The authors discuss the conceptual basis of the development of modern cities on the principles of balanced natural and anthropogenic compatibility with the natural environment. An enlarged calculation of the indicator of the feasibility of city functions was performed (as an example for some Russian cities). The data obtained are compared with the results of a sociological survey (rating of happy cities of the Russian Federation).

Keywords: urban development; happiness; happy city; urban environment; city functions; comfort; safety.

Счастливый город: благополучие, комфортность, безопасность / Happy city: Well-being, comfort and safety of its residents

текст

Наталья Бакаева

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

Марина Афонина

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

Наталья Ветрова

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Ирина Черняева

Научно-исследовательский институт строительной физики РААСН

Анастасия Гайсарова

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского/

text

Natalia Bakayeva

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Marina Afonina

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Natalia Vetrova

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Irina Chernyaeva

Research Institute of Building Physics of the RAACS

Anastasia Gaysarova

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Введение

Город, являясь местом сосредоточения большого количества населения, исторически призван обеспечивать его жителям высокое и экологически обоснованное качество жизни. Урбанистическая среда непосредственно влияет и на психоэмоциональное состояние населения. Многочисленные исследования показали, что наиболее счастливыми становятся люди, живущие в удобных для жизни и красивых городах с органичной архитектурой и озелененными пространствами. Как жизнь в городе влияет на уровень счастья населения и какого человека можно назвать счастливым? Этим вопросом задаются многие исследователи-урбанисты.

Для того, чтобы жить и развиваться в городе, людям необходимы подходящие для этого пространства, которые будут учитывать потребности горожан. Благоприятные жизненные условия, комфортное жилье, высоко-развитая транспортная и социальная инфраструктура, наряду с высоким уровнем благоустройства территорий, способствуют общности населения и создают ощущение счастья в городе [1].

Фундаментальные исследования уровня удовлетворенности жизнью, или «уровня счастья» [2], показывают, что главным фактором, влияющим на этот показатель, является семейное благополучие. Субъективная оценка жилищных условий находится на втором месте. Однако более детальное изучение этого вопроса выявляет очевидный факт: благополучие в семье и жилищные условия, а если точнее – комфортная среда обитания, неразрывно связаны в современном обществе. Свойства этой среды напрямую влияют на психологическое и физическое здоровье людей, а также на развитие детей. Еще 30–40 лет назад в материалах Всемирной организации здравоохранения указывалось, что здоровье человека на 20% зависит от качества среды обитания. Сегодня же эксперты настаивают на том, что в последующие 30–40 лет здоровье будет зависеть от этого показателя на 50–70%. Дома и пространства между ними могут либо давать, либо отнимать жизненную энергию, влиять на работоспособность и самочувствие. Таким образом, формирование современного функционального и комфортного жилья и городского пространства в целом занимают главное

место в концепции счастливого города. Современные открытые многофункциональные общественные пространства играют ключевую роль в формировании облика города, видоизменяя его и влияя на общее психоэмоциональное состояние горожан.

Проблеме обеспечения безопасных и комфортных условий жизнедеятельности, рациональной пространственной организации городских территорий посвящены исследования многих ученых [3; 4]. В них градостроительство является важнейшей основой создания безопасной и комфортной среды жизнедеятельности человека и включает в себя фундаментальные научные знания о человеке как индивидууме, о взаимоотношениях человека с природной средой.

Понятию «счастья» как экономической категории посвящены работы В. А. Антропова [5], Е. О. Смолевой [2], Е. Е. Румянцевой, Р. Лэйарда, О. Антипиной, В. С. Бочко, Г. Саймона и др. Так, профессор В. С. Бочко считает, что «экономическое счастье человека – это чувство удовлетворенности жизнью, выражающееся в отсутствии беспокойства о наличии работы, уверенности в существовании более-менее достойного дохода, доступности профессионального образования, гарантированности качественного медицинского обслуживания и сбалансированного получения других социальных благ» [6].

Экономическая теория счастья является одним из новых направлений современных исследований, которое базируется на концепции ограниченной рациональности, предложенной нобелевским лауреатом Г. Саймоном. В центре ее внимания – субъективные представления личности об удовлетворенности своей жизнью как экономический феномен.

Вопросы влияния городского планирования на жизнь и счастье людей рассматриваются в работах Чарльза Монтгомери [7], Лео Холлиса [1] и других исследователей-урбанистов [8; 9]. Как отмечают ученые, дизайн городской среды должен повышать уровень счастья жителей.

Известный канадский писатель и урбанист Чарльз Монтгомери отмечает, что сейчас не только мегаполисы, но и малые города всего мира пересматривают принципы планирования общественных пространств, транспортных

> Рис. 1. Столица Финляндии Хельсинки. – URL: <https://24pixelnews.com/novosti/179-10-naibolee-razvitykh-i-prodvinytykh-stran-mira/18/>

систем и благоустройства на улицах города [7], таким образом, повышают комфортность городской среды.

В настоящее время большинство городов нельзя считать комфортными. Градостроительную деятельность и городское планирование целесообразно осуществлять на качественно новой основе с использованием принципов симбиоза градостроительных систем и биосферных процессов, обеспечивающих благоприятные и безопасные условия проживания населения. Это направление научных исследований активно развивается в Российской академии архитектуры и строительных наук под руководством академика В. А. Ильичева [4; 1011] усилиями его научной школы: В. И. Колчуновым, М. В. Шубенковым, Г. А. Птичниковой, В. В. Алексашиной, В. А. Гордоном, Н. В. Бакаевой и другими. На протяжении последних пятнадцати лет их исследования посвящались проблемам гармонизации жизнедеятельности человека и его архитектурно-пространственного окружения, построению моделей симбиотического развития общества и природы.

Основная часть

Долгое время под «счастьем» люди понимали лишь полное удовлетворение своих постоянно растущих потребностей (так называемая «идеология потребления»). Однако общество стало осознать тупиковый путь такого развития. Возникла необходимость нового понятия «счастья» как некоторой категории градостроительной деятельности, которая признает паритет между социальным, экономическим и экологическим благосостоянием населения и качеством городской среды.

В настоящее время на уровне ООН-Хабитат идет обсуждение и вырабатывается концепция численной оценки такого показателя, как «Валовое Национальное Счастье (ВНС)» – попытка определить жизненный стандарт через психологические и холистические ценности человека. Таким образом, должен появиться документ, содержащий количественные и качественные характеристики, конкретизирующие социальные нормы жизни рекомендательного и обязательного характера.

Кроме того, существует понятие Международного индекса счастья (англ. Happy Planet Index), который представляет собой некоторую величину, включающую

благосостояние людей и состояние окружающей среды в разных странах мира. Такой индекс был предложен New Economics Foundation (NEF) в июле 2006 года.

Часто при расчете международного (всемирного) индекса счастья используются следующие показатели: воздействие человека на природу («ecological footprint»/«экологический след»), продолжительность жизни и благосостояние людей (удовлетворенность жизнью).

В настоящее время многие исследовательские организации составляют и публикуют рейтинги лучших городов мира по качеству жизни и уровню счастья проживающего в них населения.

Согласно официальной статистике, в 2022 году население мира превышает 7,8 млрд человек, из которых 4,2 млрд проживают на урбанизированной территории. Это более половины жителей планеты Земля. По оценкам специалистов, через 25 лет эта цифра увеличится в 1,5 раза и превысит 6 миллиардов. Города, генерируя более 80% мирового ВВП, являются источниками экономического роста государств. Особенно это касается самых богатых городов мира. Однако далеко не все люди проживают в крупных мегаполисах и в комфортных для жизни местах в целом. Во многих населенных пунктах отсутствуют доступное жилье и развитая инфраструктура, нет качественного здравоохранения, низкая заработная плата и многие другие проблемы. Все это сказывается на уровне благополучия и качестве жизни населения. Таким образом, уровень счастья у населения существенно отличается в разных городах.

В соответствии с официальным докладом ООН от 20 марта World Happiness Report [11], были сгенерированы данные по 156 государствам планеты и были представлены самые счастливые и комфортные для жизни города мира в 2022 году:

1. Хельсинки (Финляндия)
2. Орхус (Дания)
3. Веллингтон (Новая Зеландия)
4. Цюрих (Швейцария)
5. Копенгаген (Дания)
6. Берген (Норвегия)
7. Осло (Норвегия)

№	Город	Страна	Стабильность	Медицина	Окружающая среда	Образование	Инфраструктура	Общ.
1	Вена	Австрия	100.0	100.0	96.3	100.0	100.0	99.1
2	Мельбурн	Австралия	95.0	100.0	98.6	100.0	100.0	98.4
3	Сидней	Австралия	95.0	100.0	94.4	100.0	100.0	98.1
4	Осака	Япония	100.0	100.0	93.5	100.0	96.4	97.7
5	Калгари	Канада	100.0	100.0	90.0	100.0	100.0	97.5
6	Ванкувер	Канада	95.0	100.0	100.0	100.0	92.9	97.3
7	Торонто	Канада	100.0	100.0	97.2	100.0	89.3	97.2
8	Токио	Япония	100.0	100.0	94.4	100.0	92.9	97.2
9	Копенгаген	Дания	95.0	95.8	95.4	100.0	100.0	96.8
10	Аделаида	Австралия	95.0	100.0	94.2	100.0	96.4	96.6
...
68	Москва	Россия						80.0
...
70	Санкт-Петербург	Россия						56.6

^ Таблица 1. Рейтинг лучших городов мира по качеству жизни по версии исследователей EIU [12]

8. Тель-Авив (Израиль)
9. Стокгольм (Швеция)
10. Брисбен (Австралия)

Самый счастливый город мира в 2022 году – Хельсинки (рис. 1). Столица Финляндии является экономическим, политическим и культурным центром государства. Население насчитывает более 630 тысяч человек, из которых около 10% составляют иностранцы. Учеба и работа в Хельсинки привлекает десятки тысяч студентов и соискателей со всего мира. Многие путешественники отмечают, что главное ощущение от города – прилив окситоцина. Это гормон, который, среди прочего, отвечает за долговременную любовь мужчины к женщине, родителя к ребенку и человека к собаке. Выражается он в физическом ощущении счастья в виде спокойствия и безопасности. Кроме того, Финляндия уже третий год подряд признана самой счастливой страной в мире. Что же делает Хельсинки городом, удобным для жизни? В первую очередь это прогрессивная градостроительная практика и активная реализация социально ориентированной градостроительной политики, главными целями которой являются создание комфортной городской среды, экологизация городской среды, социализация жилья и транспорта, стремление к рационализации использования энергетических, земельных и иных ресурсов.

> Рис. 2. Столица Австрии Вена. – URL: <https://ru-travel.livejournal.com/28120201.html>

Исследовательский центр The Economist Intelligence Unit (EIU) [12] британского журнала The Economist ежегодно публикует рейтинг лучших городов мира по качеству жизни. В ходе анализа исследователи EIU учитывают более 30 факторов в рамках пяти категорий: стабильность, здравоохранение, образование, инфраструктура, а также культура и окружающая среда. У каждого из факторов имеется своя шкала оценки: приемлемо, терпимо, некомфортно, нежелательно или невыносимо. Для числовых показателей использовались данные от аналитиков и контрибьюторов, живущих в городах. Затем сведения сводили в единую оценку от 1 до 100, где 100 – показатель идеального качества жизни (таблица 1).

В соответствии с данным рейтингом (таблица 1) первое место по качеству жизни занимает Вена (рис. 2). Москва и Санкт-Петербург находятся на 68 и 70 строчках рейтинга соответственно.

По мнению Чарльза Монтгомери [7], тремя самыми счастливыми городами мира являются:

- Копенгаген, где люди ценят свободу передвижения;
- Мехико, который ломает все устоявшиеся стереотипы;
- Мельбурн, где жители заново открыли потенциал малых общественных мест, превращая их в места активного пребывания.

Эксперты Финансового университета при правительстве России также опубликовали результаты исследования удовлетворенности российских граждан своей жизнью [13]. Были обработаны данные, собранные за 2019 год в 78 городах Российской Федерации, население которых превышает 250 тысяч человек. К примеру, доля полностью или в основном довольных жизнью почти одинакова во Владивостоке и Москве – больше 80% (87% и 82% соответственно). В Томске довольных 86% респондентов, в Липецке и Оренбурге – по 85%, в Череповце, Грозном и Чите – по 84%.

Рейтинг городов с наименьшим уровнем удовлетворенности жизнью возглавили Владикавказ (63% населения), Хабаровск (69%), а также Воронеж, Петрозаводск и Ярославль (по 70%). В десятку городов, где живет меньше всего довольных, также вошли Магнитогорск, Калуга, Ульяновск, Тамбов, Махачкала.

Как показало исследование, самые счастливые люди в России живут в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске.

В зависимости от целей городского планирования счастливый город можно определить как город знаний, город цифровых технологий и экогород. «Умные» города в экономическом и социальном аспектах устремлены в будущее. Они ведут постоянный мониторинг важнейших объектов инфраструктуры в целях оптимального распределения ресурсов и обеспечения безопасности: автомобильных дорог, мостов, тоннелей, железных дорог, метро, аэропортов, морских портов, систем связи, водоснабжения, энергоснабжения, даже важнейших зданий. Они постоянно увеличивают количество услуг, предоставляемых населению, обеспечивая устойчивую среду, способствующую благополучию и сохранению здоровья горожан. Инновационные технологии включают высокоскоростные оптические, сенсорные, проводные и беспроводные сети, необходимые для транспортных систем и электросетей.

Главным отличием «умного» города от города традиционного является характер его отношений с горожанами. В обычном городе услуги не могут так же гибко реагировать на изменения экономических, культурных и социальных условий, как услуги в «умном» городе. Таким образом, «умный» город в первую очередь ориентирован на человека, базируется на инфраструктуре и непрерывном городском развитии при постоянном учете требований экологической и экономической устойчивости.

В настоящее время в России есть два вида инновационных городов для ученых и исследователей: наукограды и технополисы. Первые – населенные пункты, в которых большую роль играет расположенный рядом научно-производственный комплекс, вторые – города для инженеров, программистов и тех, кто занят в IT, телекоммуникациях, альтернативной энергетике и других отраслях высоких технологий. Примерами таких городов могут служить Сколково, Иннополис, Доброград, Кольцово.

Сколково является первым крупнейшим в России технологическим городом (рис. 3), созданным по примеру американской Силиконовой долины. Здесь созданы особые условия для компаний, которые работают

в приоритетных экономических отраслях, обозначенных как кластеры: биомедицина, ядерные технологии, космос, информационные технологии и энергетика.

Сколково – прототип российского города будущего. Он проектируется и строится так, чтобы не наносить вред экологии и окружающей среде. Здесь испытываются передовые проекты: беспилотное или летающее такси, электробусы. Основная цель – создание инновационной городской среды, максимально функциональной для людей XXI века.

Иннополис – город высоких технологий, расположенный в Республике Татарстан (рис. 4). В Иннополисе ежедневно находятся более 3800 человек. Зарегистрировано 367 компаний. Запущена вся базовая инфраструктура: 22 жилых дома, детский сад, школа, ИТ-лицей, медицинский и спортивный центры, работают отделения почты и банков, 3 супермаркета, пиццерия, кафе, бар, автомойка, аптеки, книжный и цветочный магазины, хобби-центр и другие сервисные компании, имеется рекреационная зона с горнолыжным комплексом, гольф-клубом и двумя парками.

Иннополис построен с нуля как город будущего – с высокотехнологичной инфраструктурой, «зеленой» экологией и лучшими условиями для работников IT.

Доброград (Владимирская область) является первым частным технологическим городком в России. Он основан бизнесменом Владимиром Седовым, источниками вдохновения которого явились западные PlanIT Valley (Португалия) и Celebration (Калифорния). Город полностью отстроен на частные средства и контролируется управляющей компанией. Застройка ведется по концепт-плану, который совмещает природные парки с жилыми и бизнес-зонами, но оставляет много свободного пространства. В городе организована рекреационная инфраструктура: спортивные объекты и зоны, стадион, водоемы для отдыха и рыбалки, детские лагеря и даже поле для гольфа (рис. 5).

Кольцово – поселок городского типа в Новосибирской области с населением 16 тыс. человек, основанный в 1979 году. Статус наукограда присвоен ему в 2003 году. Главный научно-производственный объект – вирусологический и биотехнологический центр «Вектор». В 2007

^ Рис. 3. Сколково.
– URL: <https://www.atomic-energy.ru/photo/26314?page=1399>

^ Рис. 4. Иннополис. – URL: <https://www.tssonline.ru/articles/gorod-budushchego-na-primere-innopolisa>

v Рис. 5. Доброград. – URL: <https://ab8088.ru/dobrograd>

году в наукограде запущен бизнес-инкубатор для предприятий малого и среднего бизнеса, началось строительство технопарка Кольцово (рис. 6).

Каким же образом качество городской среды влияет на уровень счастья населения?

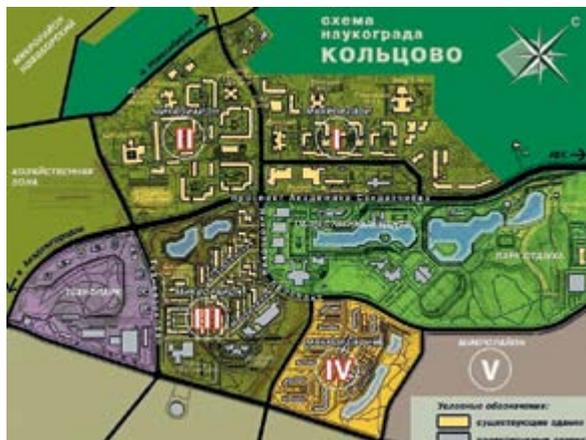
Определим критерии отнесения городов к категории счастливых, а также выполним анализ городов с позиции принципов сбалансированной природно-антропогенной совместимости с окружающей город природной средой.

При составлении рейтингов и проведении опросов чаще всего населению предлагается ответить на следующие вопросы: довольны ли вы своим материальным положением? Довольны ли вы экологией города? Чувствуете ли себя в безопасности в своем городе? Довольны ли динамикой развития вашего города? Довольны ли уровнем городского благоустройства? Чувствуете ли себя счастливым в вашем городе?

Результаты опросов показывают, что уровень материального благосостояния является важным, но, вместе с тем, не решающим фактором, влияющим на счастье горожан. Важными критериями являются такие показатели, как экология, уровень безопасности, комфортность среды жизнедеятельности и ощущение перемен к лучшему в том месте, где проживает человек.

Существует ряд исследований, подтверждающих, что люди, живущие рядом с парком или лесом, реже подвержены депрессии и счастливее тех, кто живет среди «каменных джунглей». Кроме того, они более благополучны в материальном и социальном плане. Водные ландшафты также эффективно способствуют снижению стресса. По данным Европейского центра по окружающей среде и охране здоровья, отдых вблизи водоемов восстанавливает психологическое равновесие лучше, чем прогулки в лесу или парке.

Специалисты по визуальной экологии, которая изучает свойства городов, влияющие на состояние их обитателей, особенно подчеркивают важность ухода от монотонности и повторяемости. Наличие в непосредственной близости от дома зеленого массива или водоема может и должно дополняться разнообразными элементами городской архитектуры. При этом здания и придомовые пространства должны быть не типовыми, а с индивидуальными особенностями и интересными для изучения деталями.

Близость к природе действительно положительно сказывается на состоянии человека, однако однозначной корреляции между повышением комфорта среды обитания и удалением от мегаполиса не наблюдается. Иногда даже наоборот: у горожан может повыситься уровень тревожности из-за переезда в пригород. Близость к природе, естественность ландшафта и окружающей среды не компенсируют затрудненного доступа к привычным благам цивилизации – торговым и развлекательным центрам, образовательным учреждениям, кафе и ресторанам, музеям и театрам. Кроме того, ежедневные поездки на работу потребуют больших временных затрат, а альтернатива в виде общественного транспорта иногда вовсе отсутствует.

Одним из концептуальных принципов планирования деятельности города является создание гармоничного социального климата [10]. В связи с этим к индикаторам оценки уровня счастья горожан можно отнести демографические и социальные показатели качества городской среды.

К демографическим показателям относятся численность населения (естественный прирост, показатели рождаемости, смертности); показатель плотности населения; коэффициент демографической нагрузки; показатель ожидаемой продолжительности жизни населения; показатель заболеваемости населения; миграционная активность и т. д. Социальная инфраструктура определяет обеспеченность населения основными элементами социального обеспечения. К социальным показателям качества городской среды относят следующие: обеспеченность учреждениями детского дошкольного образования; обеспеченность общеобразовательными учреждениями; обеспеченность врачами; обеспеченность больничными койками; мощности амбулаторно-поликлинических учреждений [14].

Социальные параметры общества имеют ключевое значение с точки зрения характеристики его социальных особенностей, косвенно влияющих на демографические процессы. В их составе, например, показатель «благополучие граждан» рассчитывается как разница между доходами населения и величиной прожиточного минимума.

Как показывает имеющийся опыт [15 и др.], современная практика градостроительной деятельности очень слабо сориентирована на социальные показатели. Зачастую индикаторами градостроительной деятельности служат лишь показатели экономики жилой застройки и технико-экономические показатели генеральных планов, не всегда направленные на удовлетворение рациональных потребностей людей через функции города.

Следующий концептуальный принцип – реализация функций города. Данный принцип отражает удовлетворение рациональных потребностей человека через выполнение поселением определенных функций: жизнеобеспечение, развлечения и отдых, власть, милосердие, знания, творчество и связь с природой.

При очевидном историческом аспекте и преобладании функции «Жизнеобеспечение» в современных городах проблемы, связанные с жизнеобеспечением и функционально-планировочной организацией территории, сегодня занимают 90% времени работы городской администрации. Несмотря на реализуемые программы инвестирования, в том числе программы жилищного строительства, расселения ветхого и аварийного жилого фонда и реконструкции объектов недвижимости, остается нерешенной проблема доступности жилья и его эксплуатационных характеристик: безопасности и комфорта. Сегодня две трети россиян хотели бы улучшить свои жилищные условия, около полутора миллионов ждут жилья в порядке выполнения государством своих обязательств, еще 4,5 млн. граждан десятилетиями (15–25 лет) стоят в очереди на получение социального жилья. Каждая четвертая семья проживает в жилье, находящемся в плохом или очень плохом состоянии. Острая потребность населения России в комфортном и качественном жилье в значительной мере сказывается на психоэмоциональном состоянии населения, следовательно, и на уровне счастья.

Значимой проблемой современного градостроительства, продиктованной рыночными отношениями, является стратификация городской застройки по виду собственности, расселение жилых зон на территории с застройкой для богатых, обеспеченных и финансово необеспеченных жителей. Все это способствует разобщению населения, создает ощущение дискомфорта в городе.

^ Рис. 6. Кольцово.
– URL: https://polit.ru/news/2013/10/23/ps_inkubator/

Кроме того, большое значение имеют вопросы состояния комплекса технической эксплуатации городского хозяйства: содержание застройки, благоустройство территорий, поддержание в рабочем состоянии конструкций зданий, инженерных систем и элементов внешнего благоустройства.

Особенностью многих урбанизированных территорий является отсутствие или слабая реализация таких функций города, как «Милосердие», «Познание мира и творчество», «Связь с Природой».

Городские территории нельзя считать комфортными, если в состав показателей качества пространственной городской среды на этих территориях не включены и многообразные условия общественной жизни, учитывающие национальные, этнические и религиозные интересы. С позиции биосферосовместимого градостроительства комфорт на городских территориях обеспечивается не только архитектурно-градостроительными решениями, но и внедрением социальных стандартов в градостроительство, которые в каждом муниципальном образовании, регионе, стране предоставляются всем и каждому за счет общественных ресурсов, в т. ч. и путем законодательного их закрепления.

Принцип социальных стандартов для обеспечения уровня комфортности среды жизнедеятельности в настоящее время не отражен в нормативных документах: номенклатуру социальных стандартов и стандартов качества жизни только предстоит разработать и законодательно утвердить. В этих стандартах в качестве нормируемых индикаторов следует отразить показатели оценки социальной напряженности, морального климата – то, что называется «земным счастьем»: семейное благополучие, рождение детей и другие данные о социальном положении по регионам (браки и рождаемость, распространенность девиантного поведения вследствие алкоголя и наркотиков, продолжительность жизни), качество рабочей силы, фактическая оценка человеческого потенциала и др. Целью градостроительного планирования жилых территорий города должно стать решение именно социальных проблем; иначе эти проблемы могут приобрести угрожающий характер, перерастая не только в уличную преступность, но и в межэтнические конфликты, распространение экстремистских идей, терроризм. Отсутствие социальных стандартов в градостроительстве может способствовать образованию анклавов и гетто «спальных районов» с присущей им социальной апатией и отчуждением, кварталов трущоб с деградирующим населением и повышенным уровнем агрессии по отношению к окружающей городской среде и горожанам. Эта агрессия при отсутствии градостроительных регламентов базируется, прежде всего, на социальных факторах – неустроенности и неудовлетворенности условиями жизни.

Таким образом, можно сформулировать ряд демографических, социальных показателей, а также показателей качества городской среды, влияющих на уровень счастья городского населения:

– демографические показатели: численность населения (естественный прирост, показатели рождаемости, смертности); показатель плотности населения; коэффициент демографической нагрузки; показатель ожидаемой продолжительности жизни населения; показатель заболеваемости населения; миграционная активность и т. д.;

– социальные показатели: обеспеченность населения основными элементами социального обеспечения (обеспеченность учреждениями детского дошкольного образования; обеспеченность общеобразовательными учреждениями; обеспеченность врачами; обеспеченность больничными койками; мощность амбулаторно-поликлинических учреждений); уровень качества жизни; уровень образования и культуры; уровень семейного благополучия; уровень жизни граждан пожилого возраста;

– показатели реализации функций города: жизнеобеспечение, развлечения и отдых, власть, милосердие, знания, творчество и связь с природой;

– показатели состояния комплекса технической эксплуатации городского хозяйства: уровень содержания застройки; уровень благоустройства территорий; уровень поддержания в рабочем состоянии конструкций зданий, инженерных систем и элементов внешнего благоустройства;

– уровень внедрения социальных стандартов и стандартов качества жизни в градостроительстве;

– экологические показатели: показатели рационального использования и воспроизводства земельных ресурсов (площадь территории, площадь застройки, коэффициент использования территории); показатели рационального использования и воспроизводства атмосферных, водных, лесных, минеральных и энергетических ресурсов; уровень загрязнения атмосферного воздуха; уровень загрязнения водных ресурсов; уровень загрязнения почвенных ресурсов; уровень биоразнообразия;

– показатели безопасности: уровень правонарушений; уровень ДТП; уровень пожарной безопасности; уровень соблюдения требований безопасности территорий, инженерно-технических требований, требований гражданской обороны; уровень предупреждения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; уровень принятия мер по противодействию террористическим актам и т. д.

На основе имеющихся статистических данных выполним укрупненный расчет показателя реализуемости функций города (для некоторых городов России) по разработанной ранее методике [16] и сравним полученные данные с результатами социологического опроса (рейтингом счастливых городов РФ).

Для расчета были выбраны Москва, Санкт-Петербург и Новосибирск как города, в которых живут наиболее счастливые люди России, а также Владикавказ, Хабаровск и Тамбов как города с наименьшим уровнем удовлетворенности населения жизнью.

Результаты расчета представлены в таблице 2.

Значения показателя реализуемости функций города ζ_{σ_i}	Москва	Санкт-Петербург	Новосибирск	Владикавказ	Хабаровск	Тамбов
Φ_1 : Жизнеобеспечение	0,89	0,82	0,74	0,55	0,65	0,63
Φ_2 : Развлечения и отдых	0,85	0,80	0,59	0,43	0,52	0,45
Φ_3 : Власть	0,82	0,81	0,64	0,33	0,45	0,54
Φ_4 : Милосердие	0,65	0,69	0,35	0,21	0,24	0,31
Φ_5 : Знания	0,85	0,84	0,66	0,36	0,54	0,47
Φ_6 : Творчество	0,75	0,81	0,45	0,41	0,45	0,42
Φ_7 : Связь с природой	0,55	0,51	0,54	0,64	0,26	0,45
Среднее значение показателя реализуемости функций города ξ	0,77	0,75	0,56	0,41	0,44	0,47

< Таблица 2. Результаты расчета показателя реализуемости функций городов

Результаты расчета показали, что города, в которых достаточно полно реализуются все функции города, являются, согласно социологическому опросу, местами проживания наиболее счастливых людей. Напротив, те, в которых недостаточно полно реализуются функции города, отличаются наименьшим уровнем удовлетворенности населения жизнью. Например, основными проблемами столицы Северной Осетины Владикавказ являются сложная экологическая ситуация из-за работы завода «Электроцинк»; низкая социальная поддержка ветеранов локальных войн и военнослужащих, уволенных в запас; отъезд населения из горной части республики; жизнь вынужденных переселенцев и разорванные связи с родственниками.

По итогам 2020 года Хабаровск стал одним из худших в стране. Такой результат показало исследование качества жизни в городах с населением более 250 тыс. человек, проведенное Финансовым университетом при правительстве РФ. Хабаровск занял 71 место из 75 благодаря самым худшим показателям по качеству медицинского обслуживания, работы ЖКХ, готовности к миграции, высоким ценам на недвижимость и уровню благополучия в целом. Кроме того, важную роль в падении рейтинга города сыграл рост социальной напряженности.

Город Тамбов также не лишен многих проблем. Городская среда Тамбова характеризуется плотной многоэтажной застройкой, обилием искусственных материалов в жилище, в учреждениях и на улицах, высоким уровнем шума, вибрации, электромагнитных полей и радиационного фона. Сильно изменен городской грунт, загрязнены поверхностные и подземные воды, воздух. В пределах городских кварталов создается своеобразный микроклимат. Выбросы промышленных предприятий города в воздушный бассейн содержат вещества 1-го класса опасности. Кроме экологических проблем, горожане жалуются на крайне низкие зарплаты (средняя заработная плата в полтора раза ниже, чем в среднем по стране) и достаточно высокие цены.

Выводы и перспективы исследования

Таким образом, чтобы город стал «счастливым», необходимы конкретные градостроительные решения по созданию комфортной и безопасной городской среды, связанные с реализацией в практике градостроительства новых концепций структурной организации и планирования общественных пространств, в том числе и адаптивных с точки зрения использования низкоскоростного транспорта, проектирования пешеходной инфраструктуры на принципах инклюзивности, внедрения технологий «умного» города и принятия решений с учетом мнения общественности.

Необходимо разработать и законодательно утвердить номенклатуру социальных стандартов и стандартов качества жизни, где в качестве нормируемых показателей требуется отразить показатели, влияющие на уровень счастья городского населения. Решение конкретных социальных проблем должно стать основополагающей целью градостроительного планирования, прежде всего – жилых территорий города во избежание различных конфликтов и агрессии по отношению к окружающей городской среде и непосредственно между горожанами.

Однако «счастье для городов возможно», считает английский историк и урбанист Лео Холлис: надо лишь научиться понимать город и правильно пользоваться теми возможностями, которые он предоставляет человеку.

Литература

1. Холлис, Л. Города вам на пользу. Гений мегаполиса. – Москва : StrelkaPress, 2015. – 427 с.
2. Смолева, Е. О., Морев, М. В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога : монография / под науч. рук. д. э. н. А. А. Шабуновой. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. – 164 с.

3. Ахмедова, Е. А., Солодилов, М. В. Современные направления развития архитектурно-планировочной структуры индустриального моногорода // Современные направления развития архитектурно-планировочной структуры индустриального моногорода: Традиции и инновации в строительстве и архитектуре : Градостроительство / под ред. М. И. Балзаникова, К. С. Галицкова, Е. А. Ахмедовой. – Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2016. – С. 8–11
4. Ильичев, В. А., Емельянов, С. Г., Колчунов, В. И., Бакаева, Н. В. Инновационные технологии в строительстве городов. Биосферная совместимость и человеческий потенциал // ABC, 2019. – 208 с.
5. Антропов, В. А. Дорога к «счастью» или «счастье» — категория экономическая? // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения, 2012. – № 4. – С. 91–106
6. Бочко, В. С. Теория экономического счастья человека: необходимость формирования и направления поиска // Журнал экономической теории, 2012. – № 4. – С. 7–18
7. Монтгомери, Чарльз. Счастливый город: как городское планирование меняет нашу жизнь / науч. редактор Лев Гордон; пер. с англ. Ю. Константиновой. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 365 с.
8. Лидин, К. Кварталы, пять слоев счастья: способно ли горожанство сделать людей счастливей? / К. Лидин // Проект Байкал. – 2015. – № 12 (46). – С. 58–62
9. Рappaport, А. Архитектурная фелицитология // Проект Байкал. – 2015. – № 12 (46). – С. 64–65
10. Ильичев, В. А., Каримов, А. М., Колчунов, В. И., Алексашина, В. В., Бакаева, Н. В., Кобелева, С. А. Предложения к доктрине градоустройства и расселения (стратегического планирования городов) // Жилищное строительство. – 2012. – № 1. – С. 2–11
11. The World Happiness Report. – URL: <https://worldhappiness.report/ed/2021/> (дата обращения: 07.02.2022)
12. The Economist Intelligence Unit (EIU). – URL: <https://www.eiu.com/default.aspx> (дата обращения: 07.02.2022)
13. Оценка удовлетворенности российских граждан своей жизнью. – URL: <http://www.fa.ru/org/div/cos/press/News/2019-01-15-1.aspx> (дата обращения: 07.02.2022)
14. Бакаева, Н. В., Черняева, И. В. Алгоритм оценки градостроительной деятельности на основе принципов биосферной совместимости // Градостроительство и архитектура. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 5–14
15. Ильичев, В. А., Колчунов, В. И., Бакаева, Н. В. Реконструкция урбанизированных территорий на принципах симбиоза градостроительных систем и их природного окружения // Промышленное и гражданское строительство. – 2018. – № 3. – С. 4–11
16. Бакаева, Н. В., Черняева, И. В., Чайковская, Л. В. Численные исследования реализуемости функций биосферосовместимого города (на примере субъектов РФ) // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2017. – № 4 (73). – С. 88–100

References

- Ahmedova, E. A., & Solodilov, M. V. (2016). *Sovremennye napravleniya razvitiya arhitekturno-planirovochnoj struktury industrialnogo monogoroda* [Modern trends in the development of the architectural and planning structure of an industrial monoton]. Samara: Traditions and innovations in construction and architecture. Urban planning. 8-11.
- Antropov, V. A. (2012). *Doroga k "schastyu" ili «schaste» — kategoriya ekonomicheskaya?* [Road to "happiness" or "happiness" – an economic category?]. Herald of USURT, 4, 91-106.
- Bakaeva, N. V., & Chernyaeva, I. V. (2019). *Algoritm ocenki gradostroitelnoj deyatel'nosti na osnove principov biosfernoy sovmetimosti* [An algorithm for evaluating urban planning activities based on the principles of biospheric compatibility]. Urban planning and architecture, 9(2), 5-14.
- Bakaeva, N. V., & Chernyaeva, I. V., & Chaykovskaya, L. V. (2017). *Chislennyye issledovaniya realizuemosti funkciy biosferosovmetimogo goroda (na primere sub'ektorv RF)* [Numerical studies of a biosphere-compatible urban area (RF constituent entities)]. Proceedings of the Southwest State University, 21(4), 88-100. <https://doi.org/10.21869/2223-1560-2017-21-4-88-100>
- Bochko, V. S. (2012). *Teoriya ekonomicheskogo schastyia cheloveka: neobhodimost formirovaniya i napravleniya poiska* [The theory of human economic happiness: the need for the formation and direction of the search]. Russian Journal of Economic Theory, 4, 7-18.
- Hollis, L. (2015). *Goroda vam na polzu. Geniy megapolisia* [Cities are good for you. The genius of the metropolis]. Moscow: StrelkaPress.
- Ilyichev, V. A., Emelyanov, S. G., Kolchunov, V. I., & Bakaeva, N. V. (2019). *Innovacionnye tekhnologii v stroitel'stve gorodov. Biosfernaya sovmetimost i chelovecheskij potencial* [Innovative technologies in the construction of cities. Biosphere compatibility and human potential]. Moscow: ABC.
- Ilyichev, V. A., Karimov, A. M., Kolchunov, V. I., Aleksashina, V. V., Bakaeva, N. V., & Kobleva, S. A. (2012). *Predlozheniya k doktrine gradoustrojstva i rasseleniya (strategicheskogo planirovaniya gorodov)* [Proposals for the doctrine of urban planning and settlement (strategic planning of cities)]. Housing construction, 1, 2-11.
- Ilyichev, V. A., Kolchunov, V. I., & Bakaeva, N. V. (2018). *Rekonstrukciya urbanizirovannyh territorij na principah simbioza gradostroitelnyh sistem i ih prirodnoho okruzeniya* [Reconstruction of urbanized territories based on the principles of symbiosis of urban planning systems and their natural environment]. Industrial and civil construction. 3, 4-11.
- Lidin, K. (2015). *Quarters, five layers of happiness: Can urbanism make people happier?* Project Baikal, 12(46), 58-62. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.945>
- Montgomery, Ch. (2019). *Schastlivyj gorod: kak gorodskoe planirovanie menyaet nashu zhizn* [Happy city: Transforming our lives through urban design] (L. Gordon, Ed.; Yu. Konstantinova, Trans.). Moscow: MIF.
- Ocenka udovletvorennosti rossijskih grazhdan svoej zhiznyu [Assessment of satisfaction of Russian citizens with their lives] (n.d.). Financial University under the Government of the Russian Federation. Retrieved February 7, 2022, from <http://www.fa.ru/org/div/cos/press/News/2019-01-15-1.aspx>
- Rappaport, A. (2015). *Architectural felicitology*. Project Baikal, 12(46), 64-65. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.946>
- Smoleva, E. O., & Morev, M. V. (2016). *Udovletvorennost zhiznyu i uroven schastyia: vzglyad sociologa: monografiya* [Life satisfaction and happiness level: a sociologist's view: Monograph]. Vologda: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences.
- The Economist Intelligence Unit (EIU) (n.d.). Retrieved February 7, 2022, from <https://www.eiu.com/default.aspx>
- The World Happiness Report (2021). Retrieved February 7, 2022, from <https://worldhappiness.report/ed/2021/>

В статье сделана попытка провести типологию существующих университетских и межвузовских кампусов. Проведено междисциплинарное исследование и рассмотрен объект не только в поле архитектуры и городского планирования, но и в поле социологии города. Приведен анализ общественного мнения для выявления ожиданий, потребностей академического сообщества и горожан, которые лягут в основу технического задания на проектирование, делая его максимально реалистичным и ориентированным на улучшение «качества жизни» хабаровчан.

Ключевые слова: межвузовский кампус; типы кампусов; общественное мнение; Хабаровск. /

The article attempts to give a typology of existing university and interuniversity campuses. The authors conduct an interdisciplinary study and consider the object not only in the field of architecture and urban planning, but also in the field of urban sociology. The analysis of public opinion is presented as a method of identifying the expectations, needs of the academic community and citizens, which subsequently form the basis of the design specification, making it as realistic as possible and focused on improving the “quality of life” of Khabarovsk residents.

Keywords: interuniversity campus; types of campuses; public opinion; Khabarovsk.

Концепция межвузовского кампуса в Хабаровске / The concept of the Interuniversity Campus in Khabarovsk

текст

Анастасия Гарнага

Тихоокеанский государственный университет

Евгения Самсонова

Тихоокеанский государственный университет /

text

Anastasia Garnaga

Pacific National University

Evgeniya Samsonova

Pacific National University

Введение

Если говорить простыми словами, счастье – это показатель благополучия и качества жизни человека. Трудно-уловимое «качество жизни» нетождественно «уровню жизни», который измеряется доходом. Качество жизни – сложносоставной индикатор, включающий доступность жилья, здравоохранения, образования, транспортную мобильность, экологию и культуру.

Если нет возможности кардинально изменить все составляющие «качества жизни», то стоит выделить один фактор, который выступил бы компенсатором негативного влияния всех остальных и позволил бы решить одну из ключевых проблем региона – оттока населения. Таким компенсатором может выступить изменение городского пространства. Так, в Хабаровске запланировано выстраивание кампусной градостроительной системы различной функциональной направленности как общегородского центра притяжения и интеграции образовательных, научных, общественных и бизнес-сообществ.

По-латыни *campus* – «поле, равнина, степь»; в XVI веке – это «место, где временно останавливается армия», от французского «*camp*»; итальянское «*campo*» – «открытое пространство для военных учений» [3]. Что касается русского языка, то первое упоминание находим в 1865 году в словаре А. Д. Михельсона в двух значениях: мера поверхности в северной Италии и род испанской шерсти из Севильи [1, с. 287]. В словаре А. Н. Чудинова 1910 года трактовка не изменилась. В «Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык», составленный Е. Ефремовым в 1912 году, слово вовсе не вошло. При этом в США из понятия сельскохозяйственной и военной терминологии уже начинает формироваться именно академическое значение кампуса. В привычном для нас смысле впервые в мире оно было использовано еще в 1770-е годы для обозначения поля, отделявшего колледж Нью-Джерси в Принстоне от соседнего городка (College of New Jersey, ныне Принстонский университет). На это ссылаются многие англоязычные источники [3; 4; 12]. В советский период в словаре иностранных слов появляется португальское «кампосы» в значении южно-американских (бразильских) саванн [5, с. 274]. В сравнительно недавнем словаре иностранных слов 2014

года кампус трактуется уже в двух значениях: первое – территория университета, колледжа или школы; второе – университетское общежитие [6, с. 298]. Таким образом, обозначается некая локация с учебными корпусами и жильем для обучающихся. В тематическом номере «Университет» журнала «Проект Байкал» отмечена особая роль университета в жизни города как места встречи многовековых традиций прошлого с будущим [2, с. 1].

Таким образом, уже пришло осознание кампуса как сложного градостроительного кластера, а не просто студгородка, но организовать на практике систему, которая будет реально рабочей – трудная задача. Для формирования технического задания на проектирование современного университетского кампуса следует ответить на ряд вопросов. Так, например, для объектов учебного назначения до пандемии были сформулированы вполне понятные критерии. Очевидно, сейчас многие онлайн-новшества в учебном процессе останутся, значит, изменятся требования и к учебному пространству. А как должна выглядеть современная студенческая библиотека, научные лаборатории, инженерные и творческие мастерские, НТЦ, технополис? Немного проще с организацией жилого комплекса, но сопряженная с ними инфраструктура уже не может быть закрытой: она интегрирована в город, т. к. ВУЗ позиционирует себя как точка роста и центр развития российских поселений. Тема популярна; более системное развитие с позиции архитектуры и градостроительства она получила в трудах М. В. Пучкова, М. Г. Зобовой, З. Ф. Низамутдиновой.

1. Типология современных кампусов

Сегодня университетские кампусы – это городские комплексы, которые большинством исследователей [7; 8; 10] так или иначе делятся на следующие типы планировочной градостроительной структуры:

- 1) распределенные (рассредоточенные);
- 2) городского локального типа;
- 3) загородные/пригородные;
- 4) интегрированного типа.

1. *Распределенные (рассредоточенные)*. В первом варианте – это совокупность объектов, рассредоточенных в городской среде. Нью-Йоркский университет – самый

< Рис. 1. Кампус Нью-Йоркского университета в г. Гринвич-Виллидж (США). – URL: <https://www.nyu.edu/>

яркий пример этого типа и самый крупный из перечисляемых нами университетов по количеству филиалов в 25 странах. Его головной кампус в Нью-Йорке состоит более чем из 20 колледжей и школ, расположенных в 5 разных местах Нью-Йорка и его окрестностях. Схема кампуса в районе Гринвич-Виллидж показывает, насколько рассеяны объекты в городской среде (рис. 1). К этому же типу относятся Сорбонна в Латинском квартале Парижа и Болонский университет в Италии. Последний признан старейшим действующим ВУЗом в мире. Процессы урбанизации повлияли на старейшие академические школы, изначально спроектированные в теле города; рано или поздно они разрастались и хаотично распределялись. Подобная организационная схема хороша четкими фиксированными функциональными внутренними и внешними связями. Как правило, преобладание студенческого контингента стимулирует развитие в данной части города соответствующей инфраструктуры.

2. Городского локального типа. Второй тип кампуса – локальная закрытая территориальная единица высокой плотности. С одной стороны, обособленное положение в городской застройке предопределяет визуально компактную ясную композиционную структуру с блокированной застройкой. С другой – развитие кампуса в рамках ограниченной территории приводит к усложнению внутренних коммуникаций. Например, университет Хоккайдо в г. Саппоро (Япония) – закрытая территория с учебными и административными зданиями, исследовательскими лабораториями, студенческими общежитиями, растянутыми на 2,4 км вдоль одной из центральных улиц города. Сельскохозяйственные угодья вне кампуса. Между корпусами курсирует автобус (рис. 2).

3. Загородные/пригородные. Третий тип кампуса за пределами города: Массачусетский институт технологий в Кембридже, Йельский университет в Нью-Хейвене, Колумбийский университет в Нью-Йорке. В России один из ярких примеров – новосибирский Академгородок. По аналогичной схеме устроены современные кампусы ДВФУ на острове Русский и кампус Иннополиса (рис. 3). Так, в Иннополисе в агломерации Казани Республики Татарстан отдельные кухня и санузел в номерах со всей

необходимой бытовой техникой и мебелью, клининг-сервис и прачечная значительно отличают условия проживания от аналогичных среднестатистических по стране. Здания жилого комплекса оборудованы по программе «Доступная среда». Все 4 корпуса соединены между собой пешеходной галереей, которая плавно перетекает в университет. Благодаря крытому теплomu переходу передвигаться по территории удобно в любую погоду. Большое внимание уделено безопасности студентов: на территории жилого комплекса действует пропускной режим. Тем не менее, изолированность создает сложность транспортной доступности; в этом минус такого типа кампуса.

4. Интегрированного типа. Четвертый тип, пожалуй, самый популярный современный тренд кампуса. Его функциональная схема совмещается с существующей городской территорией в единое общественное пространство. Финский университет Аалто – один из примеров нового интегрированного типа. Расположен в современном районе ОтаниEMI города Хельсинки. На территории кампуса несколько высокотехнологичных компаний, совместная экспериментальная лаборатория финской лесной промышленности KCL, бизнес-инкубаторы Innpoli и Technopolis, архитектурно-дизайнерские мастерские. В непосредственной близости – деловой квартал города КейланиEMI, где находится Центр наук о жизни и многочисленные штаб-квартиры крупных корпораций, например, известных финских компаний Kone и Fortum. Развитая инфраструктура включает все элементы сферы услуг для студентов, сотрудников и жителей района ОтаниEMI.

В подобном направлении ориентировано развитие кампуса Научно-технологического университета «Сириус» в Сочи. Этот проект реновации здания Главного медиацентра и северо-западной части Олимпийского парка интегрирует обе территории через новое двухуровневое пространство парка университета, органично соединяя современную архитектуру с природой. В отделке фасадов и интерьеров активно применяются натуральное дерево и вертикальное озеленение.

> Рис. 2. Кампус университета Хоккайдо. Макет и план. Саппоро (Япония). Фото авторов

Кампус Венского экономического университета в Австрии представлен центральным зданием, библиотекой и учебным центром, окруженными пятью комплексами зданий. 35 тыс. м² территории кампуса застроены, остальные 55 тыс. м² являются общедоступными территориями. В дополнение к традиционным объектам академической инфраструктуры, таким как классы, библиотеки и офисы, кампус также предлагает ряд объектов, открытых для общественности: рестораны, кафе, пекарню, супермаркет, книжные магазины, детский сад и спортивный центр. Многие помещения доступны для аренды в качестве площадок для проведения мероприятий, особенно во время летних и семестровых перерывов.

Вопрос о проектировании и строительстве университетского кампуса в Хабаровске рассматривается более 10 лет. В 2012 году архитекторами Тихоокеанского государственного университета была разработана концепция развития существующего комплекса учебного здания университета и общежитий на прилегающей территории. Нерешенный вопрос о финансировании крайне дорогостоящего проекта помешал его реализации. В 2021 году краевая и городская политическая повестка изменились, развитие коммуникационной среды в городе выдвинулось на передний план, и в качестве такой базы для коммуникаций образования, науки, властей и граждан стал вновь рассматриваться кампус. Принципиальная разница с прежними разработками: кампус должен объединить несколько учебных заведений города и стать межвузовским. Какие функции он должен в себя вместить, какой уровень открытости для горожан должен иметь, чего ждут от его появления представители науки, власти и общественности – необходимо выяснить.

2. Общественное мнение по поводу создания межвузовского кампуса

«Уровень жизни» как показатель своего счастья, обозначение своих потребностей могут оценить только люди. Поэтому для сбора первичной информации был проведен социологический опрос, посвященный изучению общественного мнения студентов, аспирантов, научно-педагогических работников, научных сотрудников образовательных организаций высшего образования и других

хабаровчан о потребности в создании межвузовского кампуса.

Опрос проводился на территории Хабаровского края с 10 по 18 июня 2021 г. Был опрошен 1181 респондент из числа жителей Хабаровска и обучающихся хабаровских вузов, в том числе прибывших из других регионов. Выборочная совокупность учитывала особенности социально-демографического состава генеральной совокупности. Географические рамки установлены в границах Хабаровского края. Соответственно, генеральная совокупность социологического опроса равна численности населения края и составляет 1113127 человек. При доверительном интервале, равном 3,75%, обеспечивается надежность (доверительная вероятность) на 99,00% выборкой, составляющей 1181 человек.

Целевая аудитория – население в возрасте от 16 лет и старше, проживающее или пребывающее на территории Хабаровска.

Более 60% респондентов в возрасте от 16 до 24 лет – это именно та часть населения, которая станет пользователем новых пространств межвузовского кампуса; выявление их потребностей наиболее важно для проектирования и строительства новых объектов.

Большинство опрошенных имеет отношение к ВУЗам города Хабаровска, 59,1% обучающихся подтверждает результаты ответов на 1-й вопрос о возрасте.

Большая часть респондентов (42,3%) отметила в качестве места проживания локацию в пределах улиц Тихоокеанской и Бондаря – территорию, запланированную под застройку объектами межвузовского кампуса или сопряженную с ней. Этой категории респондентов были заданы вопросы 4–6, касающиеся оценки общественных и личных пространств этой локации.

Следующая категория (41,7%) проживает в других районах города, 4,8% в пригороде, среди респондентов также есть жители других городов и поселков Хабаровского края и других регионов. Им дополнительно заданы вопросы о транспортной доступности современной территории Тихоокеанского государственного университета.

Транспортная доступность, озеленение и парковые зоны оцениваются респондентами как высококомфортные по пятибалльной шкале (1 – низкий, 5 – высокий).

< Рис. 3. Кампус ДВФУ, г. Владивосток, о. Русский. Фото авторов

Соответственно, эти положительные характеристики территории останутся в основе архитектурно-ландшафтной модели межвузовского кампуса. Отмечаются проблемы комфорта существующих досуговых зон, детских площадок и пешеходных дорожек.

Износ жилых, общественных зданий исследуемой локации и зданий и сооружений ТОГУ оценен преимущественно на 3 по пятибалльной шкале, что можно интерпретировать как удовлетворительное состояние существующей застройки.

Абсолютное большинство (70,6%) проживающих в пределах улиц Тихоокеанской и Бондаря – территории, запланированной под застройку объектами межвузовского кампуса или сопряженную с ней – отметило необходимость увеличения личного пространства (жилой площади).

Общегородская ситуация такова, что 32,7% добираются до места работы/учебы пешком, что означает близкое расположение жилья респондентов. Остальные 67,3% добираются на транспорте, в том числе: 29,7% – на общественном транспорте без пересадок, 13,3% – с пересадками, 18,9% – на личном транспорте. Незначительная часть пользуется услугами такси, другим транспортом (велосипедом, самокатом и пр.).

Большая часть (56,4%) опрошенных хотела бы проживать ближе к месту работы/учебы. Предположительно, это респонденты из числа тех, кто добирается до места учебы/работы на транспорте (67,3%).

Среди положительных моментов близости проживания к месту работы/учебы отмечены: сокращение времени на дорогу (87,4%), экономия транспортных расходов (81,4%). Более половины (53,8%) респондентов указала, что близость проживания к месту работы/учебы позволит улучшить их здоровье и эмоциональное состояние, а 35,4% считает, что это положительно скажется на качестве их работы/учебы.

Безусловным показателем необходимости появления новых объектов инфраструктуры в районе ТОГУ является абсолютное большинство (94,7%) респондентов, ответивших положительно на данный вопрос.

В ответах на вопрос о необходимых общественных пространствах лидируют следующие объекты инфра-

структуры: досуговые (кинотеатры, игровые зоны, творческие студии) – 66,1%, культурно-образовательные (коворкинги, конференц-залы, выставочные галереи, технические центры и лаборатории, центры детского развития) – 56,8%, спортивные – 51,9%, жилые (общежития, квартиры, коалинги, хостелы, гостиницы) – 49,9%, объекты общественного питания (столовые, кафе, рестораны) – 48,5%, медицинские (поликлиники, лаборатории, стационар) – 47,1%.

Абсолютное большинство (88,5%) респондентов считает необходимым создание межвузовского кампуса на территории ТОГУ.

«Университетский кампус – это не просто архитектурный проект, это важная часть программы развития университетов. При этом необходимо принять во внимание особенности модели университета в каждом конкретном регионе. Кампусы должны включать три составляющие: образование, науку и инновации, при этом обеспечивать комфортное проживание студентов и содействовать их активному образу жизни», – подчеркнул В. Н. Фальков, Министр науки и высшего образования РФ.

Открытый вопрос дал возможность респондентам высказать пожелания и рекомендации по созданию межвузовского кампуса. Контент-анализ выявил наиболее повторяемые.

Создание принципиально новой научно-образовательной и инновационной инфраструктуры должно сопровождаться проектированием разных функциональных блоков. Среди таковых:

- 1) университетско-образовательный: новые учебные корпуса, информационно-библиотечный центр, инженерные мастерские и лаборатории по отраслям (биология, химия, медицина), центр международного обучения;
- 2) жилой комплекс: комфортабельное жилье для сотрудников и обучающихся, молодых семей, медицинские, спортивные, досуговые, бытовые объекты; временное жилье с разными ценовыми сегментами;
- 3) пространства для коммуникации бизнеса, науки и общества;
- 4) общественно-деловые зоны: культурный центр, выставочные и конференц-залы, кафе; многоуровневые паркинги; досугово-развлекательные учреждения;

^ Рис. 4. Кампус университета Аалто в Отаниеми. Хельсинки (Финляндия). – URL: <https://virtualtour.aalto.fi/>

5) спортивно-оздоровительные: спорткомплекс, спортивная площадка, медицинский центр, лаборатории.

Отмечается, что кампус должен стать общегородским центром притяжения и интеграции образования, науки, бизнеса и общественности.

3. Предложения с учетом исходных данных локации

В рамках подготовки конкурсного проекта рабочей группой Тихоокеанского государственного университета была разработана концепция межвузовского кампуса в городе Хабаровске (рис. 5).

Земельные участки ТОГУ и ХГУЭП в Хабаровске в перспективе станут площадкой для проектирования межвузовского кампуса. Общая площадь территории 56,5 га, предполагаемая общая площадь застройки 350 тыс. м². Расположение на основных городских магистралях Краснофлотского района – ул. Тихоокеанской и ул. Воронежской, соединяющих Северный район города с Центральным. Транспортная доступность до Международного аэропорта им. Г. И. Невельского – 20 минут (12 км). До авто- и ж/д вокзалов – 15 минут (6 км). Компактная схема зонирования в пределах улиц Тихоокеанская, Бондаря и Воронежская для проживающих и/или работающих на территории кампуса будет обеспечивать удобные пешие маршруты и смену деятельности за короткое время. Для жителей других районов города и пригорода доступ к кампусу – через сеть общественного транспорта, включая автобусные маршруты, трамвайные линии и ж/д сообщение. Близость к аэропорту предполагает удобство наполнения пространств временного проживания и деятельности. Например, размещение в непосредственной близости к месту проведения участников мероприятий, планируемых в объектах общественно-деловой зоны.

В локациях ТОГУ и ХГАЭиП проживает более 30 тыс. человек. В общежитиях двух университетов проживает около 5 тыс. студентов.

В непосредственной близости расположены 2 школы и 2 детских сада, 3 средних специальных учебных заведения, 4 точки продовольственных товаров.

Безусловным плюсом является непосредственная близость к крупной городской рекреационной зоне – парку Северный, который уже является центром притяжения

для горожан. В парке размещается ряд организаций, православный храм, детский парк развлечений, скейт- и футбольно-баскетбольная площадки.

В архитектурной концепции нельзя не воспользоваться тем фактом, что этот район улицы Тихоокеанской является одним из самых высоких мест северной части города. Это место может быть использовано для размещения архитектурно-образной доминанты кампуса – объекта со смотровыми площадками на панорамные виды парковой зоны и Амур. Она имеет все шансы стать визитной карточкой всей северной части г. Хабаровска.

Результаты опроса по необходимым объектам инфраструктуры дают повод задуматься над расширением традиционных «академических» функций территории. Добавление досуговых, культурно-образовательных и спортивных объектов представляется просто необходимым. На основании такого порядка приоритетов респондентов, с учетом мирового опыта и исходных данных локации, возможна следующая функциональная структура кампуса:

- университетско-образовательный комплекс как укрупненная многоуровневая образовательная структура, объединяющая программы высшего и профессионального образования, а также дополнительного образования для всех возрастных групп населения;
- жилой комплекс должен представлять собой комфортабельное жилье на реорганизованной территории студенческого городка ТОГУ и ХГУЭП. Для сотрудников и обучающихся, молодых семей необходимо возведение современных объектов коллективного проживания и быта со встроенной инфраструктурой (медицинские, спортивные, досуговые, бытовые объекты; колинг с разными ценовыми сегментами для гостей города);
- инновационно-технологический центр видится как модульные пространства для инновационных проектов по отраслям научно-технических и социальных сфер Хабаровского края и Дальневосточного федерального округа;
- общественно-деловые зоны могут выступать в качестве комплекса досугово-развлекательных учреждений и культурно-делового центра. Это выставочные и конфе-

ренц-залы, бизнес-отель, кафе и театральнo-концертный зал, здесь же необходимы многоуровневые паркинги;

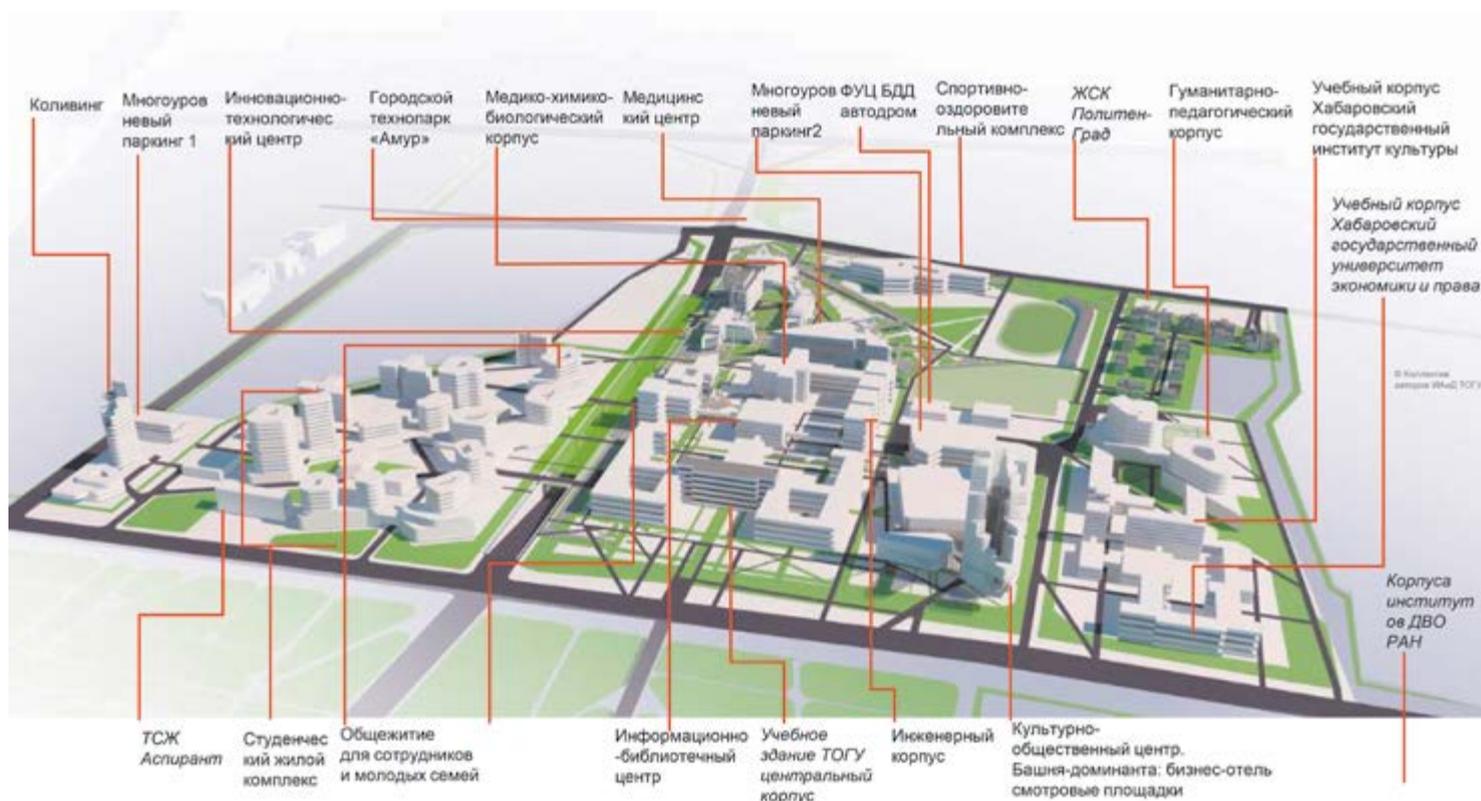
– спортивно-оздоровительные: спорткомплекс, гоночный трек, открытая спортивная площадка с трибунами; медицинский центр, примыкающий к медицинскому учебному корпусу и химико-биологическим лабораториям.

Заключение

Из анализа обширной литературы по устройству университетских кампусов очевидны две вещи. С одной стороны, обобщать опрoметчиво. Разные регионы России и мира в целом развиваются по разным траекториям не только из-за географического положения. Университеты различаются по размеру, форме и содержанию. Как не бывает одинаковых личностей, у каждого из них свой контекст. С другой стороны, университетский кампус не может не отвечать культурному духу времени, он восприимчив к социальным тенденциям. Именно поэтому архитектура

университета воплощает в себе исторические изменения и несет в себе глубоко индивидуальные черты.

Архитектурно-градостроительная ситуация участка, предполагаемого под застройку, позволяет предложить функциональную структуру кампуса как локального комплекса интегрированного типа. Предполагается концепция межвузовского кампуса как общегородского центра притяжения и интеграции образовательных, научных, общественных и бизнес-сообществ. Это принципиально новый многофункциональный объект городской инфраструктуры, выраженный в равновесной системе с пятью разными функциональными блоками. Такая структура позволит улучшить показатели «качества жизни» по основным факторам: образования, доступности жилья, транспортной мобильности, культуры, здравоохранения, экологии, а хабаровчанам стать счастливее. Таким образом, среда межвузовского кампуса, учитывая разнообразие функциональных зон, образует особую безбарьерную

^ Рис. 5. Схема размещения объектов в концепции межвузовского кампуса в Хабаровске

структуру социальных, профессиональных и общественных коммуникаций. Объектами взаимодействия, в первую очередь, становятся медицинский и спортивно-оздоровительный комплекс с рекреационной зоной, а также многофункциональный культурно-деловой центр. Все они должны быть доступны не только для университетского круга, но и для горожан. Безусловно, необходимо провести работу по проектированию комплексной застройки и реорганизации с учетом существующей структуры прилегающих территорий, соблюсти соразмерность и высотность всех объектов. Важно решить проблему функционально-пространственных связей сетями пешеходных и транспортных маршрутов. Цель проектирования – создать целостный комплекс с логически связанными элементами, способствующий повышению «качества жизни» горожан.

Считаем, что полученные выводы могут лечь в основу технического задания на проектирование межвузовского кампуса в городе Хабаровске.

Литература

1. Михельсон, А. Д. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней : Сост. по словарям : Гейзе, Рейфа и др. – Москва : «Русская тип.» А. О. Лютецкого, 1883. – 752 с.
2. Григорьева, Е. И. Университет // Проект Байкал. – 2015. – № 44. – С. 1
3. Harper, Douglas. “Campus (n.)”. Online Etymology Dictionary. campus | Etymology, origin and meaning of campus by etymonline (дата обращения: 20.12.2021)
4. Paul V. Turner The Enlightened American Campus // Baltic Journal of Art History Vol. 16 (2018). In Search of the University Landscape: The Age of the Enlightenment, Volume II Published: 2019–11–18. P. 49–58
5. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. – 804 с.
6. Егорова, Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. – Москва : Аделант, 2014. – 800 с.
7. Зобова, М. Г. Обновление архитектурно-градостроительной типологии университетских кампусов в России // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 5 (180). – С. 137–141
8. Пучков, М. В. Кампусные модели: методические рекомендации по проектированию современных градостроительных структур университетских, научно-исследовательских и корпоративных комплексов : методическое пособие. – Екатеринбург : Архитектон, 2012. – 37 с.
9. Пучков, М. В. Университетский кампус : Принципы создания пространства современных университетских комплексов // Вестник ТГАСУ. – 2011. – № 3. – С. 79–88
10. Низамутдинова, З. Ф. Разработка модели архитектурно-ландшафтного каркаса университетского кампуса // Вестник ИрГТУ. – 2015. – № 10 (105). – С. 144–150
11. Anja Kervanto Nevanlinna Universities in urban history: the university of Helsinki as a landscape of dialogue / Baltic Journal of Art History Vol. 16 (2018). In Search of the University Landscape: The Age of the Enlightenment, Volume II Published: 2019–11–18. – P. 89–100
12. Michael Hebbert From Campus Landscapes to Knowledge Quarters: How Learning Returned to Its Urban Roots / Baltic Journal of Art History Vol. 16 (2018). In Search of the University Landscape: The Age of the Enlightenment, Volume II Published: 2019–11–18. – P. 115–139
13. Simha O. Robert. MIT Campus Planning, 1960-2000: An Annotated Chronology. MIT Press: Cambridge, MA. 2001, p 135. – URL: (http://web.mit.edu/thecity/archive/projects_2015/linak/FutureCity/site.html) (дата обращения: 15.12.2021)
14. Yale University A Framework for Campus Planning. SUPPLEMENT, 2009. – 64 p.
15. URL: <https://www.cityu.edu.hk/about/campus/map> (дата обращения: 03.12.2021)

References

- Campus Map (n.d.). City University of Hong Kong. Retrieved December 3, 2021, from <https://www.cityu.edu.hk/about/campus/map>
- Egorova, T. V. (2014). Slovar inostrannykh slov sovremennogo russkogo yazyka [Dictionary of foreign words of the contemporary Russian language]. Moscow: Adelant.
- Grigoryeva, E. (2015). University. Project Baikal, 12(44), 1-1. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.44.807>
- Harper, D. (n.d.). Campus. In Online Etymology Dictionary. Retrieved December 20, 2021, from <https://www.etymonline.com/word/campus>
- Hebbert, M. (2019, November 18). From Campus Landscapes to Knowledge Quarters: How Learning Returned to Its Urban Roots. Baltic Journal of Art History 16 Autumn 2018. In Search of the University Landscape: The Age of the Enlightenment (Vol. II, pp. 115-139).
- Lekhin, I. V., & Petrov, F. N. (Eds.). (1949). Slovar inostrannykh slov [Dictionary of foreign words] (3rd ed.). Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannykh i nacionalnykh slovarей.
- Mihelson, A. D. (1883). Obyasnitel'nyy slovar inostrannykh slov, voshedshih v upotreblenie v russkiy yazyk, s ob'yasneniem ih korney: Sost. po slovar'yam: Gejze, Nevanlinna, A. K. (2019, November 18). Universities in urban history: the university of Helsinki as a landscape of dialogue. Baltic Journal of Art History 16 Autumn 2018. In Search of the University Landscape: The Age of the Enlightenment (Vol. II, pp. 89-100).
- Nizamutdinova, Z. F. (2015). Razrabotka modeli arhitekturno-landshaftnogo karkasa universitetskogo kampusa [Developing a model for the architectural and landscape framework of a university campus]. Vestnik IrGTU, 10(105), 144-150.
- Puchkov, M. V. (2011). Universitetskij kampus. Principy sozdaniya prostanstva sovremennykh universitetskiy kompleksov [University campus. Principles of architectural and urban design for modern university complexes]. Vestnik TGASU, 3, 79-88.
- Puchkov, M. V. (2012). Kampusnye modeli: metodicheskie rekomendacii po proektirovaniyu sovremennykh gradostroitelnykh struktur universitetskiykh, nauchno-issledovatel'skiykh i korporativnykh kompleksov: metodicheskoe posobie [Campus models: Guidelines for the design of modern urban structures of university, research and corporate complexes]. Ekaterinburg: Arhitektkon.
- Rejfa i dr. [Explanatory dictionary of foreign words used in the Russian language, with explanation of their roots: Compiled from dictionaries: Geise, Reif, et al] (9th ed.). Moscow: “Russkaya tip.” A. O. Lyuteckogo.
- Simha, O. R. (2001). MIT Campus Planning, 1960-2000: An Annotated Chronology. MIT Press: Cambridge, MA. Retrieved December 15, 2021, from http://web.mit.edu/thecity/archive/projects_2015/linak/FutureCity/site.html
- Turner, P. V. (2019, November 18). The Enlightened American Campus. Vol. 16 (2018): Baltic Journal of Art History 16 Autumn 2018. In Search of the University Landscape: The Age of the Enlightenment (Vol. II, pp. 49-58).
- Yale University (2009). A Framework for Campus Planning. SUPPLEMENT.
- Zobova, M. G. (2015). Obnovlenie arhitekturno-gradostroitel'noy tipologii universitetskiykh kampusov v Rossii [Updating the architectural and urban typology of university campuses in Russia]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 5(180), 137-141.

Creative self-expression is one of the highest forms of happiness. At least that's what many authoritative sources claim. After the release of *The Creative City* by Charles Landry, the phrase became a trendy meme and a beacon for urban planners. It is believed that the opportunity for creativity can attract the most valuable, educated, efficient and productive residents to the city.

How reasonable is this attitude to creativity? How realistic are the hopes for a 'creative class' (R. Florida) in the development of cities? Or is it a poetic myth, a dream of some 'blue cities' from an old song? The materials in this section reflect on the relationship between poetry and urban planning, the search for happiness in the nostalgic memories, in the transformation of old industrial buildings into cultural centers, and vice versa, in the transformation of old districts into centers of new technologies filled with the romance of tomorrow. An article on the dreamlike substance of such a familiar element as the staircase concludes this section.

Elena Grigoryeva
Konstantin Lidin

креативный город / creative city

Творческое самовыражение является одной из высших разновидностей счастья. По крайней мере, так утверждает множество авторитетных источников. После выхода книги Чарльза Лэндри «Креативный город» это словосочетание стало модным мемом и маяком для градостроителей. Считается, что возможность для творчества обладает абсолютной привлекательностью и притягивает в город самых ценных, образованных, эффективных и продуктивных жителей.

Насколько оправдано такое отношение к творчеству? Насколько реалистичны надежды на «креативный класс» (Р. Флорида) в развитии городов? Или же перед нами поэтический миф, мечта о неких «голубых городах» из старой песни? В материалах этого раздела – размышления о связи поэзии с градостроительством, о поисках счастья в ностальгических воспоминаниях, в превращении старых промышленных зданий в культурные центры – и наоборот, в преобразовании старых районов в центры новейших технологий, овеянных романтикой завтрашнего дня. Материал о сновидческом содержании такого привычного элемента, как лестница, завершает этот раздел.

Елена Григорьева
Константин Лидин

Одним из важнейших показателей качества жизни в современном городе гуманитарная урбанистика считает уровень счастья его населения. Статья посвящена прояснению смыслов взаимосвязи города и городской культуры с понятием счастья, с историческими изменениями образов счастья и их места в актуальных практиках городской жизни. Предпринята попытка анализа мифопоэтического дискурса счастья в контексте города.

Ключевые слова: город; счастье; сообщество; пространство; городское развитие; будущее; поэтика города. /

According to the humanitarian urbanistics, one of the most important indicators of the quality of life in a modern city is the level of happiness of its population. The article seeks to clarify the meaning of the relationship of the city and urban culture with the concept of happiness, with historical changes in the happiness images and their place in the contemporary practices of urban life. An attempt is made to analyze the mythopoetic discourse of happiness in the context of the city.

Keywords: city; happiness; community; space; urban development; future; poetics of the city.

Счастливы в месте? / Happy in the place?

текст

Леонид Салмин

Уральский государственный архитектурно-художественный университет / text

Leonid Salmin

Ural State University of Architecture and Art

Нижеследующий текст сопрягает понятия «город» и «счастье». Он написан автором, исходя из чувства страха за будущее, ответственности и надежды. После того, как предыдущие подобные сопряжения, развернутые в статьях «Город и чума» [4] и «Город и война» [5] показали актуальность соответствующих исследований и прогнозов, кажется, самое время написать уже, наконец, о счастье.

Итак, город и счастье... Как часто в своих профессиональных и просто человеческих размышлениях мы ставим рядом эти понятия? Зависит ли счастье человека от места, в котором он проживает свою жизнь? В какой мере сам горожанин связывает представление о собственном счастье с феноменом города, его пространством, средой, архитектурой, мифологией и прочим? Говоря о связи города и счастья, имеем ли мы в виду нечто коллективное, то, в чем индивидуальный опыт счастья соединяется с опытом социального общежития? Насколько понимание города как места возможного (или невозможного) счастья важно для наук, теоретических представлений и деятельностных практик, связанных с развитием города, городского социума, городской культуры и многих других аспектов гуманитарной урбанистики?

В XXI веке все эти вопросы, как и веками ранее, остаются открытыми. Но, возможно, впервые в истории развития городов вопросы эти обретают исключительный насущный характер. Сегодня невозможно проектировать, строить и развивать города, формировать урбанизированные ландшафты, не задумываясь о том, способствует ли современный город появлению у своего жителя чувства счастья. И дело тут совсем не в утопическом образе некоего вожделенного «города счастья», где все жители круглосуточно пребывают на общей волне ничем не замутненного, блаженного самоощущения, а в том, что вне ценности счастья в принципе обесмысливаются любые проекты и программы в сфере урбанизации. Гипотеза, которой инспирированы нижеследующие размышления, заключается в том, что категория счастья является ключевым пунктом всякого проектного целеполагания. Город, не создающий условий для человеческого счастья, бессмыслен. Впрочем, ровно то же можно сказать о любого масштаба локальном людском сообществе – от семьи до страны. Город – лишь один из важнейших уровней, один из наиболее очевидных пространственно-географических контекстов возможности/невозможности человеческого счастья.

Испытываем ли мы счастье от того, что живем в каком-то конкретном городе, в определенном географическом месте (собственно, город и есть место; в ряде славянских языков «место» и означает город)? Или, быть может, главное – не столько город, сколько люди, с которыми мы соседствуем, разделяя многочисленные и многообразные особенности локальной истории, уклада, культуры, ценностей и т. д.? Иначе говоря, что ближе к истине: мы «счастливы в месте» или мы «счастливы вместе»? В какой мере локация с ее пространственными, пластическими и визуальными чертами, а в какой мере комьюнити с его бытовыми, деловыми, эмоциональными и прочими связями являются источниками, детерминантами, средой нашего счастья? И главное – в какой степени счастье городской жизни связано с повседневным проживанием опыта чувственной эмпирики, а в какой – с ментальными рефлексиями этого опыта? В каких мифопоэтических формах городской культуры находит как вдохновение, так и воплощение счастье горожанина?

> Клод Адриан Гельвеций

^ Примеры визуальной репрезентации счастья горожанина в медиасреде

Много ли нужно для счастья?

Расхожий вопрос «Много ли нужно для счастья?» обычно употребляется в качестве чисто риторического выражения, предполагающего сам собой разумеющийся ответ. При этом вопрос исходит из синтетического опыта таких непреходящих человеческих пороков, как жадность, стяжательство, гордыня, чрезмерное самомнение, отсутствие чувства меры – в общем, всего того, что переводит дискурс счастья в пространство количественных показателей. Ответ же состоит в том, что условия персонального человеческого счастья на самом деле более чем скромны. Суть ответа основана на различии понятий удовлетворенности и счастья, имеющих совершенно разный смысл (что мы хорошо знаем, в частности, по различным быденным выражениям типа «деньги есть, а счастья нет»). Проецируя это различие понятий на ситуацию жизни в городе, на ее историю и актуальность, мы легко можем понять, что город вообще редко (если не сказать – почти никогда) говорит с человеком о счастье. В основном он говорит об удовлетворенности жизнью в ее внешнем проявлении.

Такие опции современной жизни горожанина, как дом, работа, дача, машина, досуг и т. п. репрезентируют в социальном пространстве его образ жизни и знаки удовлетворенности своим положением в городе и его сообществах. Но это крайне опосредованно связано с тем, счастлив ли этот удовлетворенный жизнью горожанин, поскольку счастье верифицируется не внешней репрезентацией, а внутренним самочувствием, ощущением внутреннего согласия с самим собой. Способствует ли городская жизнь этому?.. Может ли она этому способствовать?.. Насколько вообще правомерно искать смысловые корреляции между городом и счастьем?.. Все это важнейшие вопросы для современных исследований как в сфере эвдемонических и фелицитологических теорий (учений о счастье как причинном основании морали и о путях его достижения), так и в области гуманитарной урбанистики.

Многие века город, во всяком случае, европейский, пост-античный, развивался в такой системе социальных координат, где разговор об индивидуальном человеческом счастье или о коллективном счастье городского сообщества (в современном значении этих понятий)

не имел смысла. Религиозная парадигма культуры (речь, прежде всего об иудеохристианской парадигме) определяла столетиями неизблемые полюса общественных и индивидуальных ценностей, оформленные в образах мифологических дуальностей – хаоса и творения, рая и ада, неба и преисподней, ангелов и демонов, греха и святости и т. д. Фундаментально важный ветхозаветный сюжет «Изгнания из рая» на многие века вперед предопределил такой ментальный конструкт европейской цивилизации, в котором счастье (определявшееся в разное время разными, но сходными по смыслу терминами) было категорией утраченного «прекрасного прошлого» («потерянного рая»). Религиозным сознанием счастье понималось не столько как состояние, которого нужно достичь,

< Аньоло Бронзино. Аллегория счастья. 1567

^ Примеры визуальной репрезентации счастья горожанина в медиасреде

сколько как состояние, к которому нужно возвратиться. Актуальная же жизнь человека и общества, их повседневное существование мыслились как состояние страдания, единственно возможное в земном мире. Таким образом, на протяжении длительного исторического времени счастье, будучи предметом как индивидуальной мечты, так и общественного устремления, парадоксально мыслепологалось не в будущем, а в прошлом и потому отсутствовало в футурологическом урбанистическом дискурсе.

Пожалуй, лишь со времени Возрождения и Реформации можно заметить некоторые, поначалу робкие, рефлексии счастья как внерелигиозной ценности. Позднее, по мере идеологической эмансипации культуры, счастье начинает вырисовываться как этический идеал, как цель социальных устремлений. Эпоха Просвещения, вслед за Возрождением наследующая идеалы античного гуманизма и интерес к человеку, рождает уже вполне светский дискурс счастья. Представитель великой плеяды французских просветителей, философ-материалист и поэт Клод Адриан Гельвеций в своей поэме «Счастье» размышляет об истоках и природе счастья, в метафорической форме представляя условия его достижения. Следуя мыслям и суждениям Эпикура, а также непосредственно обращаясь к сенсуализму Локка, Гельвеций критически осмысляет эфемерные удовольствия жизни, ее преходящие ценности. Он ищет опытные основания «правильного» мировоззрения, открывающего двери в «храм счастья» через просвещение, науки и искусства. В итоге своего поэтического философствования Гельвеций приходит к такому концепту счастья, в котором личное удовольствие в конце концов абсорбируется общественным благом, а счастливым представляется человек, много преуспевший в освоении наук и искусств, отличающийся разнообразием вкусов и в наименьшей мере ставящий собственное счастье в зависимость от других людей.

Именно этот концепт, пройдя последующие дополнения и трансформации в XIX–XX веках, определил современный интерес к теме счастья в психологии, социологии, антропологии, политике и, конечно, в теориях урбанистического развития. Представление о городе как «месте счастья» (вне зависимости от того, является оно мифом или рациональной моделью) движет сегодня

теми, кто принимает решения в сфере формирования городской среды, в области градостроительных стратегий, в программах развития городских общественных практик и т. п. В своем стремлении институционализировать это «движение к счастью» на государственно-управленческом уровне некоторые страны и регионы создают «министерства счастья», финансируют исследования и проекты, направленные на реализацию стратегий развития, предполагающих достижение максимальной удовлетворенности населения качеством жизни. Однако, как уже было отмечено выше, удовлетворенность и счастье – разные категории, за которыми стоят разные смыслы. Конечно, в контексте современной городской культуры и жизни они взаимообусловлены. Но абсолютно не тождественны. Развитие экономики и социальной сферы, техники и технологий за последние полвека сформировали устойчивое убеждение (а скорее – иллюзию) в возможности достижения счастья через материальное и социальное благополучие. Счастье стало трактоваться как некий ментальный общественный (и даже национальный) ресурс. Сегодня оно выступает объектом квалиметрии и статистики, отображается в разного рода экспликациях и инфографике, включается в качестве критерия качества жизни в разнообразные программы, доклады и презентации и все более трактуется как показатель успешности управленческой деятельности в сфере городского развития.

Нельзя, однако, не признать, что в ходе всего этого содержательное наполнение понятия счастья довольно существенно изменилось. Некогда будучи почти метафизической категорией, счастье сегодня обрело целый ряд семантических модусов – от экзистенциального до политического. На пути от антифеодалного и просветительского пафоса Гельвеция до пропагандистского пафоса революционных идеологов XX века счастье трансформировалось в обязательный маркер социального оптимизма, пережив при этом свою темпоральность и переместившись из прошлого в будущее.

...И хочется счастья добиться

Перемещение образа счастья в неизменно туманную область будущего – важнейший момент возникновения

^ Примеры визуальной репрезентации счастья горожанина в медиасреде

интереса к нему со стороны урбанизма и проектной культуры в целом. Дело тут в том, что такая смена исторического топоса счастья дала возможность видеть в нем некую потенциально достижимую цель, в то же время, не неся ответственности за меру счастья в настоящем, здесь и сейчас. При этом в общественной риторике понятие счастья все более объективируется, обобществляется, отчуждается от индивидуума и переносится из пространства «мое» в пространство «наше». Соответствующий дискурс счастья любопытно отражается в архитектуре и градостроительстве, пластических и изобразительных искусствах, в литературе и кино. В кино, вероятно, особенно явно; фабрика грез в этом не знает себе равных. К примеру, в снятом в 1934 году знаменитом фильме Григория Александрова «Веселые ребята» (читай – счастливые) главная героиня – простая девушка Анюта в исполнении Любови Орловой поет:

*Радость поет, как весенний скворец,
Жизнь и тепла, и светла,
Если б имела я десять сердец,
Все бы ему отдала.
Сердце в груди
Бьется, как птица,
И хочешь знать, что ждет впереди,
И хочется счастья добиться.*

Ее оптимистичное пение вселяет уверенность, что счастье (которое «ждет впереди») – это то, чего можно «достичь», «добиться», «сделать» индивидуальной силой воли и активностью решительного личного действия. Уже через два года, в фильме того же Александрова «Цирк» образ счастья предстает куда более коллективным, общественным. «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», – поет хор устремленных в будущее героев.

Десятилетием ранее Владимир Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин» возглашал:

*Пройдут года
сегодняшних тягот,
летом коммуны
согреет летá,
и счастье*

*сластью
огромных ягод
дозреет
на красных
октябрьских цветах.*

Пропагандистский дух 1920-х – 1930-х годов способствовал выхолащиванию понятия счастья как индивидуальной ценности, как ценности мелкобуржуазного, «мещанского» уклада и все более утверждал его в качестве социально-психологического инструмента манипуляций коллективным бессознательным. По сути, происходило постепенное слияние дискурсов города и счастья в тоталитарно-утопический дискурс «Города счастья», где «холодок бежит за ворот» то ли от блаженства, то ли от ужаса. Впрочем, под сияющей поверхностью «счастья как общественного блага» культурой проявлялись, проговаривались и иные его модусы. В связи с городом и частным опытом городской жизни счастье (даже под тяжким прессом коллективистской культуры XX века) оставалось вариативным, субъективно различающимся.

Я хотел бы жить...

Наш современник, поэт Владимир Вишневский весьма иронически выразил вариативность счастья известными строчками:

*А счастье было так возможно,
И так возможно, и вот так...*

При всей юмористичности эта мысль неожиданно глубока, поскольку указывает на счастье как на возможное, но не обязательное к свершению. В XX веке, пожалуй, именно поэзия концептуализировала счастье как нечто ожидаемое, желаемое, предполагаемое, возможное (причем во множестве альтернативных сценариев), как некую многообразную потенциальность. Эта поэтическая концептуализация счастья касается и его связи с городом. Возможность счастья предстает в некой сослагательности – «если бы..., то...». При этом, как уже было отмечено выше, условие счастья в одном случае связано с возможностью «быть в месте» (то есть в конкретном городе), а в другом – с возможностью «быть вместе» (с другим человеком). Эти возможности всегда так или иначе

^ Примеры визуальной репрезентации счастья горожанина в медиасреде

взаимоотносятся в пространстве поэтического текста, но редко пересекаются таким образом, чтобы образовать некую пространственно-временную точку счастья.

Поясним эту мысль на трех поэтических примерах. Вышеупомянутый В. В. Маяковский в стихотворении 1925 года «Прощанье» сообщает нам, используя сослагательное наклонение:

*Я хотел бы
жить
и умереть в Париже,
если б не было
такой земли –
Москва.*

Словосочетание «жить и умереть» определяет Париж (заметим, задолго до хемингуэевского «Праздника, который всегда с тобой») как место потенциального счастья, которое, впрочем, не осуществится, оставшись лишь возможностью, потому что есть другой город – Москва. Зная подробности личной жизни поэта в этот период и то, как всего через пять лет в самом центре Москвы завершится его земной путь, мы понимаем, что желанного пересечения **«в месте»** и **«вместе»** не произошло. Слияния города и счастья в единство умиротворительного хронотопа не случилось.

Спустя полвека Иосиф Бродский ровно теми же словами начинает свое стихотворение «Развивая Платона»:

*Я хотел бы жить, Фортунатус, в городе, где река
высовывалась бы из-под моста, как из рукава – рука,
и чтоб она впадала в залив, растопырив пальцы,
как Шопен, никому не показывавший кулака...*

И далее, в отличие от Маяковского, не развернувшего никаких образных экспликаций Парижа, Бродский плотно и подробно, в великом множестве деталей, описывает воображаемый желанный город, в котором он мог бы ощущать себя счастливым. Впрочем, буквально говорит об этом лишь единожды, в последней строфе:

*я бы втайне был счастлив, шепча про себя: «Смотри,
это твой шанс узнать, как выглядит изнутри
то, на что ты так долго глядел снаружи;
запоминай же подробности, восклицая «Vive la Patrie!»*

Бродский обращается к воображаемому адресату с латинизированным именем Фортунатус, что можно перевести как «Счастливчик». Это (да и само название стихотворения, явно отсылающее к платоновской концепции идеального города) не просто адресует нас к античным истокам образов, связывающих в пространстве поэтического воображения город и возможное счастье. Фортунатус – словно бы альтер-эго автора, его зеркало, через диалог с которым он одновременно смотрит на город снаружи и изнутри, как бы эксплицируя его как место возможного счастья. Бродский говорит: «<...> я бы втайне был счастлив», и это «втайне», внутренне, невидимо – имеет ключевое значение в понимании того, как должны сходиться город и счастье, наполняя глубоко интимным смыслом образ «места», «малой родины» («Vive la Patrie!»).

За четырнадцать лет до этого стихотворения Бродский написал свое знаменитое:

*Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать...*

«Город счастья» предстает здесь как место, где ты (в своем воображении) готов умереть. Как и «<...> я хотел бы жить и умереть...» у Маяковского. В этом ощущении места счастья как места обретения вечного покоя видна интуиция особого, вневременного топоса счастья. Счастье не в прошлом и не в будущем, оно внутри, в сердце того, кто его ищет. Посему нет никакого противоречия в том, что в реальности место счастья и, одновременно, обретения вечного покоя у Бродского как бы двойится, что, пообещав прийти умирать на Васильевский остров Петербурга, он фактически оказывается на венецианском острове Сан-Микеле. Счастье (как и смерть) сшивает воедино разные города, обнаруживая, что «в месте» иногда означает не столько «в городе», сколько «вместе с городом», то есть отражает невозможность расстаться с ним, даже если это не один, а несколько городов.

Третий поэтический пример – написанное в 1916 году (заметим – задолго до вышеупомянутых стихотворений авторов-мужчин) стихотворение Марины Цветаевой, начинающееся все с того же сослагательного наклонения:

^ Примеры визуальной репрезентации счастья горожанина в медиасреде

*Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола...*

Уже в первых двух строчках есть все, что нужно для счастья – «с Вами» и «в маленьком городе». **«Вместе в месте»** – в любимом городе с любимым человеком. То, что город маленький, принципиально важно для возникновения хронотопа счастья. Будь даже в реальности город большим, поэтическое масштабирование приводит его в соответствие с внутренним космосом автора. И в этом видится восходящая к Гельвецию идея независимости персонального чувства счастья от внешних условий. Даже когда к этим условиям принадлежат чувства того, с кем ты **«вместе»**.

*...И может быть, Вы бы даже меня не любили...
И далее –
Вы бы лежали – каким я Вас люблю: ленивый,
Равнодушный, беспечный.*

Щедрая на любовь двадцатичетырехлетняя Цветаева находит удивительно тонкое и точное сопряжение города и счастья. В отличие от Маяковского и Бродского ее «я хотела бы жить...» практически совпадает с «я живу» и означает: «я счастлива», безусловно, без «если» и «когда».

Уходя еще далее, вглубь истории поэтических рефлексий счастья, объясняющих многое в том, почему городской человек может быть вполне удовлетворен текущей жизнью, но не быть при этом счастливым, невозможно не вспомнить еще две великие строчки, принадлежащие двум великим авторам. Речь о лермонтовской строке из стихотворения «Парус» – «Увы! Он счастья не ищет...» и о пушкинской – «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Применительно к сегодняшнему, все более экзальтированному дискурсу счастья (особенно в контексте урбанистического развития) эти строки звучат как разоблачение политического, административно-управленческого или маркетингового мифа.

Мифология счастья сегодня – это мифология жизни без страдания, мифология замещения страдания счастьем, в пределе – мифология достатка, здоровья и бессмертия. В реальности это выражается в формировании у городского жителя (через повышение уровня социаль-

ной и материальной удовлетворенности) устойчивой иллюзии счастья или возможности его достижения. Сам же горожанин при этом мыслится пассивным «потребителем счастья». Сам он «счастья не ищет», он индифферентен к нему как феномену внутренней самоидентификации. Беда лишь в том, что и предлагаемая ему пушкинская альтернатива – «покой и воля» – остается ему чуждой и непонятной.

Литература

1. Абрамзон, Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. – 2015. – №1. – С. 116–133. – URL: <http://lm.magtu.ru/zhurnal/1-2015/64-abramzon-t-e-k-voprosu-o-russkom-schaste-poeziya-xviii-veka> (дата обращения: 14.07.2022)
2. Гельветий, Клод Адриан. Счастье. Поэма / вступ. статья и пер. М. А. Дынника. – Москва : Гослитиздат, 1936. — 101 с.
4. Самолдина, С. Р. О государственном счастье в одах «A La Fortune» Ж. Б. Руссо и «На счастье» М. В. Ломоносова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 10 (339). – С. 116–118
3. Топография счастья. Этнографические карты модерна : [сборник статей] / [сост. Н. Ссорин-Чайков]. – Москва : Новое лит. обозрение, 2013. – 404 с. : ил.
4. Салмин, Л. Город и чума // Проект Байкал. – 2019. – № 60. – С. 64–69
5. Салмин, Л. Город и война // Проект Байкал. – 2021. – № 69. – С. 114–121

References

- Abramzon, T. E. (2015). To the Question of the Russian Happiness (18th-Century Poetry). Libri Magistri, 1, 116-133. Retrieved July 14, 2022, from <http://lm.magtu.ru/zhurnal/1-2015/64-abramzon-t-e-k-voprosu-o-russkom-schaste-poeziya-xviii-veka>
- Helvetius, C.-A. (1936). Happiness. Poem (M. A. Dynnik, Trans.). Moscow: Goslitizdat.
- Salmin, L. (2019). The city and the plague. Project Baikal, 16(60), 64-69. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.60.1475>
- Salmin, L. (2021). The city and the war. Project Baikal, 18(69), 114-121. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1862>
- Samoldina, S. R. (2014). O gosudarstvennom schast'e v odah "A La Fortune" Zh. B. Russo i "Na schast'e" M. V. Lomonosova [About the State Happiness in odes "A La Fortune" by J.-B. Rousseau and "For Happiness" of M. V. Lomonosov]. Bulletin of Chelyabinsk State University, 10(339), 116–118.
- Ssorin-Chaykov, N. (Ed.). (2013). Topografiya schast'ya. Etnograficheskie karty moderna [Topography of happiness. Ethnographic maps of modernity] [collection of articles]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.

Креативность, будучи реальным стимулом современного развития, отвечает на вызовы времени, способствует генерации инновационных идей, созданию новых продуктов и сред. Креативный город и креативная среда, являясь имманентными свойствами современного мира, представляются ключевыми стратегиями развития городов/территорий/сред и проявления их аутентичности, способствуют формированию нового образа жизни, служат символами успеха. Креативные кластеры активно используются для реновации и джентрификации деградирующих территорий и сред.

Ключевые слова: креативность; город; городская среда; образ жизни. /

Creativity as a real stimulus for modern development responds to the challenges of time, contributes to the generation of innovative ideas and the creation of new products and environments. A creative city and creative environment, being immanent properties of the modern world, are the key strategies for the development of cities/territories/environments and manifestation of their authenticity, contribute to the formation of a new way of life, and serve as symbols of success. Creative clusters are actively used for the renovation and gentrification of degrading territories and environments.

Keywords: creativity; city; urban environment; lifestyle.

«Креативный город»: образ жизни и способ формирования среды / “Creative city”: A way of life and a way of shaping the environment

текст

Ольга Железняк
Иркутский национальный
исследовательский техни-
ческий университет /

text

Olga Zheleznyak
Irkutsk National Research
Technical University

Переживая перемены, равнозначные смене ключевых парадигм, современные города сталкиваются с невозможностью решать существующие городские проблемы с использованием устаревшего понятийного аппарата и традиционного образа мышления. Сделать города местом, «где хочется жить», возможно, только превратив их в «человечные», жизнеспособные, полные энергии и комфорта центры активности [11].

Для решения новых задач необходимы новые подходы к пониманию жизни городов и их развитию. По мнению специалистов, существенную роль в этом играет креативность, которая не сводится к традиционному представлению о творчестве как сфере искусств, а получает более пространную интерпретацию: креативная среда, креативный кластер, креативный город и пр.

Creativity

Впервые понятие «creativity» как термин, фиксирующий способность индивида отказываться от стереотипных, стандартных форм и методов мышления и деятельности, использует Д. Симпсон в 1922 году. Креативность определяется специалистами как творческие способности человека, которые характеризуются умением и готовностью к генерированию инновационных концепций и идей, проектированию принципиально новых продуктов и объектов, отличающихся от общепринятых моделей и схем мышления. Она включается в структуру одаренности личности в качестве «независимого фактора», а также предполагает наличие навыков для разрешения возникающих внутри системы противоречий. По мнению А. Маслоу, такие способности, врожденно присущие всем, со временем теряются под воздействием устоявшихся социальных практик и существующих систем воспитания и образования.

В качестве ключевых параметров креативности Д. П. Гилфорд [1] выделяет: способность к выявлению и постановке проблем; гибкость (продуцирование вариантов и разнообразных идей) и «беглость мысли» (количество и «скорость» порождения идей); оригинальность («производство» нестандартных идей и концептов, отличных от общепринятых представлений и точек зрения); способность к усовершенствованию и модерни-

зации объектов; возможность и умение решать проблемы, навыки анализа и синтеза. В интерпретации М. А. Холлоуэя «беглость» и «оригинальность» как исходные критерии креативности дополняются восприимчивостью и метафоричностью.

Наиболее популярным среди исследователей «определителем» креативности является тест Е. Торренса с четырьмя основными критериями [8].

Идеология «Креативного города»

Одним из первых концепцию «Креативного города» сформулировал Чарльз Лэндри. Она предполагает, что любое поселение «может вести свои дела с большей долей воображения, более творческим и новаторским образом» [11, с. 6]. При определении ключевых позиций креативного города внимание акцентируется на двух основных факторах: формирующих наше мировоззрение идеях и мышлении и осознании важности культуры как значимого творческого ресурса.

Креативность используется, чтобы добиться сдвигов в мышлении, позволяющих по-новому посмотреть на возможности и оценить потенциал городов. Городская креативность проявляется в разных формах и видах деятельности в качестве циклов городского творчества; концепций городских инноваций; особой формы азбуки «урбанистической» грамотности, которая складывается в «способности «читать» и понимать города, кем бы вы не были» и пр. [11, с. 17].

Ключевыми факторами креативного развития городов и территорий являются гибкость, адаптивность и способность находить инновационные, нетипичные решения, «делать что-то из ничего» [11, с. 7] как базовый, руководящий принцип работы с городом и его ресурсами. Открытие «мира культурных ресурсов» для Ч. Лэндри фактически означает, что любой город может и должен иметь собственную уникальную нишу. Кроме того, креативность является методом эксплуатации указанных выше ресурсов и формой их возобновления; она не всегда связывается с открытием нового, но представляется и как «поиск нового применения старым вещам» [11, с. 27].

В качестве примера осуществленных инновационных пилотных проектов, позволяющих городам сделать шаг

^ Рис. 1. Монпелье – шаг к креативному городу, «история в знаках». а – дизайн трамваев (дизайнер Кр. Лакруа) выполнен в соответствии с цветом и символом ветки/линии, каждый из них носит имя исторического деятеля (<https://inwander.ru/in/france/montpellier/montpellier-to-see-and-do/>); б – современная античность – знаменитый квартал Антигона и Esplanade de l'Europe (ведущий архитектор Р.Бофил) (<https://travel.rambler.ru/guide/50731-KvartalAntigona/#1>)

к креативному городу, можно обратиться к г. Монпелье, девиз/лозунг которого «Монпелье: история в знаках». Ключевые стратегии города, характеризующие новую идеологию города и воплощенную в системе визуальных образов-знаков, отражены в четырех слоганах: «Монпелье – международный город», «Монпелье – экологический город», «Монпелье – город новых технологий», «Монпелье – здоровый город». Стремление представить новую стратегию креативного города через знаки демонстрирует потенциал дизайна в достижении целей и решении актуальных проблем города.

По концепции, предложенной Чарльзом Лэндри, среди существующих городов к идеалу креативного города больше всего приближаются Нью-Йорк, Париж, Лондон, Амстердам, Вена, которые в течение столетий вновь и вновь «изобретали себя заново», приспосабливаясь к новым условиям.

Программы и конкурсы развития творческих/креативных городов и регионов

Проблема креативности городов получает свое развитие в различных программах формирования креативных городов и регионов, в рамках которых реализуются пилотные проекты.

В частности, Программа Европейского Союза и Восточного партнерства «Культура и творчество» позволяет малым и средним городам в шести странах Восточного партнерства (Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Молдова, Украина) принять участие в пилотных проектах «Креативные города и регионы» [2], чтобы повисить свой креативный потенциал. Как пилотные локации 6 небольших городов из 6 стран в ходе реализации этого проекта получают возможность проанализировать собственные креативные ресурсы; составить планы индивидуального развития культурного и креативного секторов; работать в сотрудничестве с узкопрофильными специалистами, в т. ч. с коллегами из других стран.

Еще одна инициатива – серия проектов, посвященных становлению креативных городов России. Мониторинг креативности, выполненный Британским изданием «The Calvert Journal», в рамках проекта «Индекс творческого капитала Calvert 22 Foundation» позволил выделить де-

вать пилотных городов (Воронеж, Екатеринбург, Казань, Краснодар, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Санкт-Петербург, Тюмень), раскрыть жизненно важные качественные аспекты творческой жизни (открытость, культурное, религиозное, расовое и гендерное разнообразие) и способствовать их развитию как креативных и инновационных городов [9].

Для каждого из 9 пилотных городов разрабатывается концепция и «легенда», выявляющие уникальность города, выстраивается проект внедрения и креативного развития города/места/территории. Так, для Казани, названной британцами «плавильным котлом разных культур», наиболее перспективным креативным проектом признан «Иннополис», который является «переосмыслением советского наукограда». Москва имеет большой нереализованный потенциал для творческого прорыва: здесь складывается «пул талантов и знаний», трансфор-

в Рис. 2. Казань – «плавильный котел» разных культур с богатым потенциалом для креативного развития места

^ Рис. 3. Центр современного искусства «Винзавод» – наиболее популярный креативный кластер в Москве. а – цех Красного (<https://www.winzavod.ru/residents/places/red-hall/>); б – бродильный цех (<https://www.winzavod.ru/residents/places/brodilnyy-tsek/>)

мирующих креативный ландшафт города. Новосибирск представляется «многогранным городом» с человеческим капиталом как базовым преимуществом, привлекательным и для туристов, и для предпринимателей. Санкт-Петербург – это уникальное собрание классики (дворцов, музеев и театров), перспективных IT-компаний и экспериментальных творческих мастерских, делающих город процветающим креативным кластером. Тюмень «щеголяет» обилием театральных трупп, концертными залами, площадками для «возвращения» различных субкультур и продвижения экстремальных видов спорта. «Творческая сцена Воронежа растет, как дикий сад». Екатеринбург наделен «атмосферой свободы» и одержим «творческой лихорадкой», что заставляет креативный класс города непрерывно двигаться вперед [7; 9].

«Креативный кластер»

Изначально образующий онлайн- или офлайн-пространство, объединяющее представителей творческих профессий и предпринимателей из сферы искусства, креативный кластер сегодня, став частью городской/градостроительной структуры, формой организации жизнедеятельности и виртуальной средой, предстает фрагментом креативного города – пространством порождения инноваций, «фабрикой идей» и творческих инициатив, сообществом нестандартно мыслящих людей и пр. Среди наиболее популярных креативных кластеров – Factoria Cultural в Мадриде, CodeBase, Impact Hub Birmingham, FuseBox в Великобритании, проект «Этажи» в Петербурге, «Красный Октябрь», дизайн-завод «Флакон», центры «Гараж» и «Винзавод» в Москве, галерея «Смена» в Казани [10] и др.

Организация креативных кластеров сегодня активно используется для вовлечения неиспользуемых промышленных территорий в экономику регионов и модернизации заброшенных промзон. Опыт джентрификации территорий деградировавших промзон за счет их преобразования в крупные креативные площадки демонстрирует возможность формирования развитых индустриальных кластеров, объединяющих различные, наиболее востребованные сферы. Их жизнь и функционирование порождают появление вокруг себя особых «атмосфер-

ных общественных пространств», социальных объектов и комфортного жилья.

Для распространения этого опыта за пределы Москвы и Санкт-Петербурга, его активного внедрения в других городах России «Rurban Creative Lab» Агентства Стратегических инициатив (АСИ) при участии ДомРФ предлагает «Программу по преобразованию территорий в креативные кластеры», в соответствии с которой в 2021 году выбраны 10 команд-победителей из Иркутской, Новгородской, Новосибирской, Рязанской, Самарской, Свердловской, Тюменской и Ульяновской областей, Удмуртской Республики и Ханты-Мансийского автономного округа, где должны появиться креативные кластеры.

Для их организации командам отведены территории, обладающие культурной ценностью, на которых располагаются исторические объекты и памятники архитектуры. Например, в Рязани – электростанция конца XIX – начала XX вв. в стиле неоготики и территория ВДНХ в 15 минутах ходьбы от Рязанского Кремля; в Ижевске/области – комплекс республиканской типографии, градообразующий металлургический завод XVIII в. и старый хлебозавод в поселке Якшур-Бодья; в Самарской области выделено купеческое село Екатериновка, «Мельница Соколова» и пр. [13].

В Иркутской области кластер «Байкальская Сибирь» превратится в площадку для творчества, продюсирования, обучения, запуска новых медиа. Единый культурно-исторический центр региона и «Байкальский экологический центр» планируется создать в «Квартале декабристов».

Еще одна актуальная для Иркутской области проектная ситуация – тематический креативный кластер «Архитектон» на месте бывшего БЦБК. Задачей является создание туристически и инвестиционно-привлекательного креативного пространства, включающего в себя «Музей бумаги и целлюлозно-бумажной промышленности. Мемориальный музей БЦБК», «Музей бумажной архитектуры», Архитектурную школу и Архитектурно-инженерный коворкинг, Арт-парк и Демонстрационную площадку раздельного сбора мусора, учитывающих современные тенденции, перспективы развития «места» и потенциал креативной экономики.

^ Рис. 4. Креативная среда – пространство свободного генерирования идей (бюро Cun Design, Пекин, фото Su Tang, Want Ting, Wang Jin) (<http://berlogos.ru/work/cun-design-sam-sebe-klient>)

^ Рис. 5. Первый коворкинг ИРНИТУ – новый тип полифункциональной среды, центр формирования креативного мышления

Креативные среды – компонент «креативного города» и фактор порождения новых форм архитектурно-градостроительных объектов

Чтобы пространство (физическое и виртуальное) обладало свойствами креативной среды, в соответствии с современными требованиями и представлениями оно должно иметь способность к перестраиванию и трансформациям (согласно изменениям потребностей и запросов личности, окружающей среды, общества); обладать непрерывностью взаимодействия и преемственности; вариативностью развивающей среды; интегрированностью различных структур; открытостью и установкой на совместную деятельность и общение.

Будучи социокультурным пространством, креативная среда обуславливает интеграцию культурных и общественных институтов и структур, различных форм общения, типов и назначений деятельности, взаимодействие которых способствует процессам формирования творческой личности, ее развитию и саморазвитию. Предполагая наличие изначальных условий и средств, обеспечивающих развитие креативности и саморазвитие творческого потенциала личности, креативная среда предопределяет деятельностное общение и активное взаимодействие включенных субъектов, задает нормы и формы организации такой среды и ее предметно-пространственного наполнения. Креативная среда играет особую роль в теориях креативности как фактор творческого развития, интеграции духовных, социальных и материальных условий существования человека и общества, их формирования и жизнедеятельности, в процессе функционирования которой создается что-либо нетривиальное, оригинальное в различных сферах [6].

В концепциях «развивающей среды» и представлениях о креативности важное место занимает создание комфортной и безопасной атмосферы, т. к. в компаниях, фирмах, организациях и коллективах, ценящих креативность, как правило, принято поддерживать комфортную и безопасную среду для творчества, обеспечивающую свободное генерирование идей, где сотрудники не испытывают ни физического, ни эмоционального дискомфорта, всегда готовы к преобразованиям и творческим экспериментам [14].

При этом креативная среда предполагает не только создание творческой атмосферы, но и формирование особых пространств, уникальной предметно-пространственной среды, соответствующих современным трендам и идеалам креативности, с особыми формами ее организации, образами и системами функционирования.

Развитие креативности, креативных сред, индустрий, городов порождает возникновение и становление новых форм архитектурно-градостроительных объектов. Весьма показательным в этом плане представляется появление коворкинга как новой проектной реальности, нового типа общественного пространства и системы коммуникации, способа джентрификации территории, «третьего места» и/или новой формы организации производственной среды, образовательного хаба, новой социально-экономической модели, инновационной технологии, модели необычного функционально-пространственного «симбиоза» и импульса развития новых форм жизни города.

Ломая привычную систему построения жизненного пространства, трансформируя характер и структуру повседневной деятельности, коворкинги задают новые реалии существования человека, развития его креативного потенциала, становления креативных городов и индустрий. Превращаясь в значимый элемент современной городской среды, выступая специфической формой повышения ее качества и креативности, коворкинги начинают играть все более заметную роль в жизни города [4].

Представление коворкинга в качестве модификации «третьего места» расширяет потенциал городских общественных пространств, служащих для творческого взаимодействия и коммуникации в креативных кластерах, фактически став их неизменной структурной единицей. Географическая локация и характер городского контекста при этом нередко являются существенным фактором проявления специфики и успешного развития. Так, эволюция «Нейрона» во многом предопределена его нахождением внутри креативного кластера «Хохловка», расположенного в центре Москвы.

Как полифункциональная среда – «третье место» для досуговой и научной деятельности, центр формирования креативного мышления, образовательный хаб

^ Рис. 6. Сказочный замок TreeHouse в Далласе построен St. и J. Wakefield для внуков (<http://www.epwr.ru/interesting/357/>)

^ Рис. 7. Стекланный дом на дереве (Ж. Бройссин, Мехико) – современная версия воплощенной детской мечты (<https://www.admagazine.ru/architecture/10-effektnyh-domov-na-dereve>)

и креативное пространство – работает первый коворкинг ИРНИТУ. Выступая исходной точкой развития креативного кластера, в настоящее время он является успешным экспериментом развития креативной среды ИРНИТУ, формирования Студгородка как центра научно-технического творчества и перспективной имиджевой территории.

Творчество и креативная среда как «фактор счастья» и/или «дорога, ведущая к нему»

Образ «Творчества как дороги, ведущей к счастью», активно продвигаемый новозеландскими учеными [3] – не только литературная метафора; он имеет под собой достаточно серьезные научные основания, и практические наработки, порождает «культ творчества». По мнению исследователей, в дни творческой активности человек переживает особое чувство счастья, испытывает положительные эмоции, связанные с высокой активацией положительного аффекта (ПА). Креативные модели Tamlin S. Conner как инструменты повышения благополучия используются для замера показателей креативности [3].

Не менее важной частью получения позитивных впечатлений, стимулом возникновения положительного «эмоционального тона» является уникальная креативная предметно-пространственная среда.

Одной из своеобразных интерпретаций, версией креативной среды, отражением и воплощением детских грез, мечтаний и представлений об уюте и комфорте можно считать «дом на дереве», приобретший популярность сегодня как особая «формула счастья» – возвращение в детство. Проект дома на дереве для любого архитектора является своего рода игрой и уникальной возможностью вновь почувствовать себя ребенком, пережить счастливые моменты творческой свободы, погружения в детство. Treehouse – это, чаще всего, умные и креативные инженерные решения, совмещенные с оригинальным авторским подходом к формообразованию и планировочному решению, экологичностью и неординарным дизайном предметно-пространственной среды.

Арт-объект, жилье, отель, ресторан, научная станция или обсерватория – любой из объектов может стать воплощением детской мечты, счастливым и креативным пристанищем на дереве, позволяющим «соединить

несоединимое», вспомнить детство, создать уникальное пространство или погрузиться в общение с природой.

Примером таких объектов может служить своеобразное экзотическое «жилище эльфов», которое как авторскую версию дома на дереве создает Э. Гиббон, воплощая мечту о фантастических мирах. В следующей версии дома на дереве автор создает необычную «избушку на курьих ножках», на самом деле представляющую собой комфортабельный особняк, который идеально вписывается в окружающую природу [12].

Причудливой материализацией детской сказки становится похожий на маленький замок домик в Далласе. Treehouse for Birds and People (Япония) – необычный дом от студии Nendo, позволяющий людям жить «в гнезде» рядом с птицами и наблюдать за ними через перфорированную стенку. Радикальный вариант дома на дереве предлагает Ж. Бройссин в Мехико. Стекланный домик, больше похожий на инсталляцию эфемерностью своей конструкции, отсылает нас к романтическим образам хрустальных дворцов и создает оригинальное креативное пространство с разными формами освоения.

Еще одним креативным домом на дереве, попыткой «соединить несоединимое» является Галерея IK Lab С. Р. Гуггенхайма. Здесь атмосфера «расслабленности» пляжного отеля сталкивается с утонченным и уникальным миром и образами современного искусства. Фантазийная архитектура здания и уникальный дизайн интерьеров, креативное сочетание оригинальных форм и материалов делают галерею похожей на муравейник или гнездо, органично встроенные в природный контекст [12].

Примером использования концепции домов на деревьях для создания креативной и более комфортной среды, стимулирующей продуктивную, творческую работу, позволяющей подходить нестандартно к решению задач, являются три дома, построенные на деревьях Корпорацией Microsoft. В домах предусмотрено все необходимое: рабочие места, конференц-залы, кафе, Wi-Fi и пр. Инициатива Microsoft приобретает необычную популярность в Силиконовой долине, одном из мировых центров креативной жизни; ряд известных компаний уже анонсировал строительство своих «домов на деревьях».

< Рис. 8. Галерея IK Lab (С. Р. Гуггенхайм) – «креативное гнездо», попытка «совместить несовместимое» (<https://www.admagazine.ru/architecture/10-effektnyhdomov-na-dereve>)

В целом креативность является реальным стимулом и движителем современной жизни. Отвечая на вызовы времени, она способствует генерации инновационных идей, созданию новых продуктов, формированию умений «делать что-то из ничего» и нахождению невидимых на первый взгляд связей. Креативный город и креативная среда как ментальное, виртуальное и реальное пространства, будучи имманентными свойствами современного мира, являются перспективой развития современных городов и представляются одной из ключевых стратегий развития аутентичности городов/территорий/сред; способствуют формированию нового образа жизни, служат знаком успеха. При этом креативные кластеры активно используются для реновации и джентрификации брошенных и деградирующих территорий и сред, а творчество все больше проявляет свой потенциал в качестве деятельности, «делающей человека человеком» [5].

Литература

- Guilford J. P. Trait of Creativity // P. E. Vernon (ed.). Creativity. 1972
- Open call: eu-eap culture and creativity programme - pilot towns and regions for creative towns and regions initiative. – URL: <https://www.culturepartnership.eu/en/article/open-call-pilot-towns>
- Tamlin S. Conner. Everyday creative activity as a path to flourishing// The Journal of Positive Psychology. Dedicated to furthering research and promoting good practice. Volume 13, 2018 – Issue 2
- Zheleznyak, O., Korelina, M.. Co-working: gentrification method, “third place” and/or new form of educational environment organization // IOPConf. Series: Materials Science and Engineering 667 (2019) 012043 doi:10.1088/1757-899X/667/1/012043
- Бердяев, Н. А. Философия свободы; Смысл творчества. – Москва : Правда, 1989. – 607 с. (Из истории отеч. филос. мысли)
- Железновская, Г. И., Абрамова, Н. В., Гудкова, Е. Н. Креативная среда как фактор творческого саморазвития личности // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 1. – С. 120–125
- Журавлева, М., Паньков, В. Культура в «цифре». Почему растет интерес к культурному наследию и академическому искусству. – URL: <https://plus.rbc.ru/specials/kultura-v-cifre> (дата обращения: 18.05.2022)
- Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. – Москва [и др.] : Питер, 2009 (Санкт-Петербург : Печатный двор им. А. М. Горького) . – 444 с. (Мастера психологии)
- Кирсанов, С. Британское издание назвало самые креативные города России. – URL: <https://rg.ru/2016/06/20/reg-pfo/britanskoe-izdanie-nazvalo-samyie-kreativnye-goroda-rossii.html> (дата обращения: 01.07.2022)
- Креативные кластеры: что это. – URL: <https://www.begin.ru/novosti-i-stati/kreativnye-klasteri/> (дата обращения: 30.06.2022)
- Лэндри, Ч. Креативный город / Пер. с англ. В. Гнедовский, М. Хрусталева. – Москва : Классика–XXI, 2006. – 399 с.
- Ощепкова, К. Движение вверх: 10 эффектных домов на деревьях. – URL: <https://www.admagazine.ru/architecture/10-effektnyh-domov-na-dereve> (дата обращения: 11.05.2022)
- Сторожко, О. Нужны ли регионам креативные кластеры. – URL: <https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2021/07/05/877008-kreativnie-klasteri> (дата обращения: 27.06.2022)
- Что такое креативность и почему это важно сейчас. – URL: <https://flashart.ee/kreativnost/zagolovok-stati-4> (дата обращения: 02.07.2022)

References

- Berdyayev, N. A. (1989). *Filosofiya svobody; Smysl tvorchestva* [Philosophy of Freedom; The Meaning of Creativity]. Moscow: Pravda.
- Conner, T. S. (2018). Everyday creative activity as a path to flourishing. *The Journal of Positive Psychology*, 13(2).
- Chto takoe kreativnost i pochemu eto vazhno seichas [What is creativity and why it is important now] (n.d.). *Flash Art*. Retrieved July 2, 2022, from <https://flashart.ee/kreativnost/zagolovok-stati-4>
- Guilford J. P. (1972). Trait of Creativity. In (P. E. Vernon, Ed.), *Creativity*.
- Ilyin, E. P. (2009). *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of creating, creativity, giftedness]. Saint Petersburg: Piter.
- Kirsanov, S. (2016). *Britanskoe izdanie nazvalo samye kreativnye goroda Rossii* [A British periodical named the most creative cities in Russia]. RGRU. Retrieved July 1, 2022, from <https://rg.ru/2016/06/20/reg-pfo/britanskoe-izdanie-nazvalo-samyie-kreativnye-goroda-rossii.html>
- Kreativnye klasteri: chto eto [Creative clusters: What they are] (2015). *BEGIN.ru*. Retrieved June 30, 2022, from <https://www.begin.ru/novosti-i-stati/kreativnye-klasteri/>
- Landry, Ch. (2006). *The Creative City* (V. Gnedovsky, & M. Khrustaleva, Trans.). Moscow: Classica-XXI.
- Open call: eu-eap culture and creativity programme – pilot towns and regions initiative (n.d.). *Culture & Creativity*. Retrieved June 29, 2022, from <https://www.culturepartnership.eu/en/article/open-call-pilot-towns>
- Oshchepkova, K. (2019). *Dvizhenie vverkh: 10 effektnyh domov na derevyakh* [Moving up: 10 spectacular houses on trees]. *AD magazine*. Retrieved May 11, 2022, from <https://www.admagazine.ru/architecture/10-effektnyh-domov-na-dereve>
- Storozhko, O. (2021). *Nuzhny li regionam kreativnye klasteri* [Do regions need creative clusters?]. Retrieved July 2, 2022, from <https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2021/07/05/877008-kreativnie-klasteri>
- Zheleznyak, O., & Korelina, M. (2019). Co-working: Gentrification method, “third place” and/or new form of educational environment organization. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. doi:10.1088/1757-899X/667/1/012043
- Zhelezovskaya, G. I., Abramova, N. V., & Gudkova, E. N. (2014). Creative environment as a factor of creative self-development. *Perspectives of science and education*, 1, 120-125.
- Zhuravleva, M., & Pankov, V. (n.d.). *Kultura v "tsifre". Pochemu rastet interes k kulturnomu naslediyu i akademicheskomu iskusstvu* [Culture in “digital”. Why interest in cultural heritage and academic art is growing]. *RBC*. Retrieved May 18, 2022, from <https://plus.rbc.ru/specials/kultura-v-cifre>

Статья посвящена обзору московских работ по реконструкции исторических памятников промышленной архитектуры, созданных на протяжении последних двух десятилетий. На примере представленных объектов автор рассматривает два подхода к проблеме их сохранения – реставрационный и радикально реконструктивный. Первый из них наиболее отвечает российскому законодательству в сфере наследия, второй – вызывает жаркие споры. Приведены примеры кардинальных реконструкций из зарубежной практики, которые показывают грамотные и рациональные приемы такого подхода, позволяющие достичь положительных результатов. Описаны два московских примера радикальных реконструкций – уже осуществленный («Пресня-Сити») и существующий пока только в виде проекта архитектурного бюро Herzog & de Meuron. Его обсуждение позволяет выработать альтернативные пути реконструкции старинных промышленных зданий.

Ключевые слова: Москва; промышленная архитектура; реставрация и реконструкция исторических строений; лофт. /

The article reviews projects of reconstruction of historical monuments of industrial architecture, which were worked out in Moscow during the last two decades. By the example of presented projects, the author considers two approaches to the problem of their preservation: restorative and radically reconstructive. The first one is the most compliant with the Russian legislation in the field of heritage, while the second one is hotly debated. The author gives examples of radical reconstruction from foreign practices, which show competent and rational methods of this approach, making it possible to achieve positive results. The author describes two examples of radical reconstruction in Moscow: the realized project Presnya-City and the project by Herzog & de Meuron which has not been implemented yet. Its discussion allows to develop alternative ways of reconstruction of old industrial buildings.

Keywords: Moscow; industrial architecture; restoration and reconstruction of historic buildings; loft.

Старый пром – XXI: два подхода / Old industrial architecture XXI: Two approaches

текст

Мария Нащокина

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства /

text

Maria Nashchokina

Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning

Иллюстрации взяты из открытых источников в интернете /
Images are taken from open-access Internet sources

v Бахметьевский гараж со стороны ул. В. Образцова

Рубеж XX–XXI веков во всей Европе ознаменовался небывалым интересом к промышленному наследию, вернее, к его обновлению и новому использованию. Фабричные корпуса и газгольдеры, гаражи и склады неожиданно стали притягательным местом для обустройства музеев, торговли, жилья или офисных помещений. Появился даже новый архитектурный стиль – лофт, которым сначала обозначали только хозяйственный чердак или верхнюю часть здания промышленного назначения (фабрики, заводы или склада), переоборудованные под жилье, мастерские, офисы или зрительную площадку. Теперь название «лофт» часто применяют к полностью реконструированным под иные цели промышленным объектам, сохраняющим первоначальную лапидарность отделки – кирпичные стены, деревянные и металлические конструкции и т. д.

Последний Генеральный план развития Москвы (2015), как известно, предусматривает вывод большинства существующих промышленных предприятий за границы города и перепрофилирование их территорий для дру-

гих функций – культурных, общественных, торговых, жилых и т. д. Вследствие этого предметом пристального внимания становятся фабрики и заводы, созданные в XIX – начале XX века, обладающие исторической и архитектурной ценностью и состоящие в списках объектов культурного наследия. В последние годы в Москве появились новые деловые комплексы, созданные на основе старой промышленной застройки.

В прошедшие два десятилетия в мировой архитектуре определилось два основных подхода к реконструкции старых промышленных и складских зданий. Первый базируется на полном сохранении старого объекта, который реконструируется с минимальными внешними дополнениями к его облику, по этому пути идут и многие московские архитекторы.

В число лучших реконструкций производственных объектов, безусловно, входит Бахметьевский гараж (Автобусный парк № 1), созданный в 1927 году по проекту Константина Мельникова с конструкциями Владимира Шухова, в 2001 году переданный в безвозмездное пользование еврейской общине, которая провела в нем масштабные реставрационные работы под руководством архитектурного бюро Алексея Воронцова (архитектор-реставратор Г. В. Мудров). Поэтапная реставрация шла с максимальным вниманием к сохранившимся историческим деталям, были воссозданы даже первоначальные надписи на фасаде по улице В. Образцова. Не были забыты и требования современных пользователей: в итоге здесь обособился современный, высокотехнологичный культурно-образовательный комплекс Еврейского музея и центра толерантности, который сразу вошел в число посещаемых достопримечательностей Москвы. Приспособлением интерьеров занимались архитектурное бюро Юрия Григоряна «Меганом» и лондонский архитектор Джемми Фоберт, дизайнер выставок в галереях Тейт и Тейт-Модерн.

В прошлом году открылся после реконструкции комплекс Миусского трамвайного депо на Лесной улице. Это один из старейших транспортных объектов Москвы (объект культурного наследия), открытый для конок еще в 1874 году, в 1903–1911 годах перестроенный в камне (архитекторы Н. К. Жуков, М. Н. Глейнинг,

^ Интерьер Бахметьевского гаража – Еврейского центра толерантности

1. Проект реставрации возглавил директор бюро John McAslan + Partners архитектор Эйдан Поттер.
2. Известное московское архитектурное бюро IND architects разработало несколько вариантов интерьеров: те, кто не любит классический индустриальный стиль, выбирают фьюжен – отделку в современном стиле с элементами стиля лофт. См. подробнее: <https://realty.rbc.ru/news/5bed5f189a7947305ee01e62>.

инженер Н. А. Сытенко) и преобразованный сначала в Миусский трамвайный парк, потом в троллейбусный. Интересно, что этот парк был флагманом развития трамвая в Москве: именно с него началась история конки, а затем – электрического трамвая. За последние два-три года все здания парка были реконструированы с полным сохранением внешнего облика (руководитель работ по реконструкции Михаил Фурсов). Реставраторы очистили кирпичные стены от краски, укрепили кладку, восстановили утраченные элементы декора, заделали трещины и швы, привели в порядок кровлю, а также вернули проемам ворот исторические габариты (в середине прошлого века депо перестроили под троллейбусный парк и увеличили их размеры). В 2019 году проект реставрации Миусского депо получил высокую оценку (премия конкурса «Московская реставрация – 2019» в номинации «Лучший проект реставрации/лучший проект приспособления к современному использованию»). Обновленный ансамбль, в котором открылись ярмарка фермерских продуктов и несколько кафе и эксклюзивных ресторанов, получил название «Депо». Уже сегодня он чрезвычайно популярен, в нем кипит жизнь, каждую минуту подъезжают новые посетители, тем более что здесь есть где поставить машину.

Примерно по такому же принципу на Новодмитровской улице по соседству с дизайн-заводом «Флаконт» в 2015–2017 годах старые здания памятника московского конструктивизма «Хлебозавод № 9» (один из семи хлебозаводов-автоматов, построен в 1934 году по проекту инженера Г. Марсакова) были преобразованы (под руководством Алексея Капитанова) в общественное пространство с офисами, кафе, магазинами, лофт-апартаментами и вместительной автостоянкой.

В центре города бережный подход к реставрации и реконструкции промышленной архитектуры XIX века продемонстрировали два крупных деловых комплекса – «Большевик» и «Новоспасский». Проект реновации фабрики «Большевик» – бывшей кондитерской фабрики Товарищества А. Сиу и Ко (архитектор О. Дидио, 1884) – был разработан британским бюро John McAslan + Partners¹, авторами проекта обновления знаменитого лондонского вокзала Кингс-Кросс. Для основных

сохранившихся промышленных зданий был избран метод сохранения и реставрации всех фасадных особенностей, сочетающийся с обновленным дизайном и перепланировкой внутренних пространств.

Наиболее радикальной реконструкции подверглось здание бывшего хранилища муки, блестяще приспособленное для размещения частного Музея русского импрессионизма (коллекция Б. Минца), открытого в 2016 году. Английские проектировщики, сохранив цилиндрическую форму кирпичной постройки, заключили ее в блестящий металлический кожух и, разбив на пять этажей, разместили в нем выставочные залы, учебную студию и книжный магазин; с уровня третьего этажа был устроен выход на летние террасы и кафе на крыше музея. Кроме того, в многофункциональном комплексе появился блок ультрасовременных жилых апартаментов в популярном сегодня стиле лофт², которые по своей пространственной структуре и внешнему облику вторили старым корпусам. Жилой комплекс апартаментов, спроектированный IND architects, расположен в глубине территории бизнес-цен-

^v Одно из зданий фудмолла «Депо». Фото И. Иванко

^ Один из проездов в фудмолл «Депо» в вечернее время

^ Интерьер кафе в фудмолле «Депо»

v Аксонометрия проекта преобразования Хлебозавода № 9

тра «Большевик», наследника одноименной фабрики, и включает три отреставрированных корпуса. Кирпичные поверхности его фасадов украшены орнаментом белого цвета, напоминающим вышивку, который отличается от декора остальных корпусов с более скромной отделкой – с историческим орнаментом. Ярких элементов дизайна стала лестница. Основные материалы – кирпич, металл и стекло.

Команда IND architects не только спроектировала корпуса, создала концепции интерьеров и благоустройства, но и разработала дизайн малых архитектурных форм,

> Старые корпуса кондитерской фабрики «Большевик» со стороны Ленинградского проспекта

^ Остекленная улица внутри квартала «Большевик»

^ Музей русского импрессионизма

почтовых ящиков, велопарковок, спроектировала кафе и ресторан, приняла участие в рекламном обеспечении и разработке фирменного стиля. Кроме того, на территории была создана улица, накрытая стеклянным куполом, где можно погулять и посидеть в кафе и кондитерских в любое время года. Примером для архитекторов послужил проект вокзала Кингс-Кросс в Лондоне, который в ходе реконструкции обрел стеклянный купол, преломляющий свет. Таким образом, несмотря на то что со стороны Ленинградского проспекта исторический вид комплекса не изменился, при реконструкции фабричных зданий был использован не только консервативный реставрационный подход, но и методы радикального обновления старых построек и дополнения новыми сооружениями. Эта незаурядная работа была удостоена престижной международной премии International Property Awards в номинации «Редевелопмент. Коммерческая реновация»³.

Сходные функции и подходы к реконструкции использованы в московском деловом квартале «Новоспасский двор», созданном в 2000–2006 годах на основе комплекса знаменитой ситценабивной мануфактуры «Эмил Циндель», выпускавшей лучшие в России мебельные ткани, ситец, сатин, батист. Наружный облик всех корпусов 1870–1890-х годов (архитектор В. Г. Залесский) и 1906 года (архитектор Т. Я. Бардт) был сохранен и отреставрирован (архитектурное бюро «Мегастрой 2000» под руководством архитектора Игоря Лапунова). Со стен исторических корпусов был снят слой штукатурки, чтобы освободить краснокирпичную кладку. В числе современных добавлений надстроены мансарды с зелеными крышами и наружные металлические выносные лестницы, необходимые в качестве запасных выходов. Эти новшества, сделанные на редкость аккуратно и стильно, подчеркивают образы скромной фабричной архитектуры. Несмотря на современные надстройки корпусов, получившийся ансамбль выглядит органично. Таким образом, архитектура фабричных корпусов в проекте Новоспасского делового квартала была фактически полностью сохранена, умело и рационально приспособлена к новому использованию и не нарушила панораму этого района со стороны Москвы-реки. Попадая внутрь бывшего пред-

приятия, невозможно не оценить качество реставрации, благоустройства и пространственный комфорт.

Интерьеры всех построек Новоспасского делового квартала были обновлены и приспособлены к новым функциям. Здесь расположились офисы 150 российских и международных компаний, банки, медицинская клиника, фитнес-центр с бассейном, аптеки, салоны красоты, кафе, рестораны, магазины и даже детский сад, а также обширный паркинг для автомобилей и остановка транспорта, от которой сотрудников квартала возят до метро специальные автобусы-шаттлы. Центром общественной жизни комплекса стала обширная внутренняя площадь, позволяющая проводить самые разные массовые мероприятия.

3. <https://strelkamag.com/ru/article/bolshevik>.

v Внутренняя улица в жилом комплексе реконструированной фабрики «Большевик»

^ Одна из внутриквартальных площадей в комплексе «Новоспаский»

^ Внутри Новоспасского делового квартала

4. Судьба собрания сейчас под угрозой: в июне 2019 года дирекция объявила о закрытии музея. Причиной послужил арест имущества и активов Алексея Ананьева. По состоянию на 2022 год музей закрыт, коллекция живописи (более 6500 единиц хранения) находится под арестом.

Июминкой комплекса и одним из главных факторов притяжения горожан, безусловно, стал Музей русского реалистического искусства, открытый здесь в 2011 году на основе богатейшей коллекции А. Н. Ананьева⁴. Великолепная экспозиция живописи русского и советского периодов расположена в бывшей котельной, вход в которую отмечает круглое основание сохраненной фабричной трубы с аббревиатурой ИРПИ. Площадь выставочного пространства составила более 4,5 тыс. м². Пространство музея и дизайн экспозиции разработаны в 2016 году (архитекторы Игорь Чиркин и Павел Пришин).

Более скромный по масштабу обновленный бизнес-центр «Фабрика Станиславского» разместился в исторических корпусах золотоканительной фабрики купцов Алексеевых, основанной в 1850-х годах. С 1905 года здесь развивалось меднопрокатное и кабельное производство, для чего были выстроены дополнительные корпуса. В 1905–1912 годах по красной линии Малой Алексеевской (ныне ул. Станиславского) возвели корпус для производства кабеля, а в 1909-м открылись меднопрокатный и кабельный заводы. В 2003-м производство волоконно-оптических кабелей было переведено в Ивантеевку, а здания, приобретенные компанией Horus Capital,

в 2004–2007 годах были переоборудованы под офисы, кафе и рестораны. До настоящего времени сохранились два исторических здания, включая главный заводской корпус с протяженным фасадом, повторяющим естественный изгиб улицы, которые были бережно отреставрированы снаружи и переоборудованы внутри. Проект реконструкции фабрики принадлежит уже упомянутому в связи с реконструкцией фабрики «Большевик» лондонскому бюро John McAslan + Partners, которое в 2011 году получило премию Королевского института британских архитекторов за лучший международный проект 2011 года. Любопытно, что с 1904 по 1909 год при фабрике существовал театр, спектакли в котором ставил ее владелец К. С. Алексеев (Константин Станиславский). С 2008 года в этом историческом здании разместилась Студия театрального искусства под руководством Сергея Женовача, поддерживавшая традицию места, а рядом с театром был разбит необычный вишневым сад.

Второй подход к реконструкции устаревших промышленных объектов, в отличие от первого, – более радикальный. Он предполагает, как правило, энергичное внедрение в их конструкции, облик и силуэт, а иногда и полное их изменение. Лидерами в области таких реконструкций стали ведущие мастера современной европейской архитектуры.

К классике мировой архитектуры относятся реконструированные газгольдеры (1899–1899) в Вене (четыре цилиндрических резервуара диаметром 60 м при высоте 70 м). Конкурс на лучший проект реконструкции этих сооружений был объявлен 1995 году при поддержке администрации города. В итоге части комплекса «Газометр-сити» (1999–2001) были созданы разными архитектурными бюро, но объединены в единое целое (секция А – французское архитектурное бюро Ж. Нувеля; секция В – компания «Кооп Химмельблау»; секции С и D – австрийские архитекторы М. Ведорн и В. Хольцбауэр).

Наружные нарядные кирпичные стены газгольдеров были сохранены, кровли и их интерьеры полностью изменены (разделены на этажи) и получили внутренние и наружные пристройки для размещения жилья или офисов, подземный уровень приспособлен для парковки.

v Комплекс Новоспасского делового квартала с высоты птичьего полета

^ Основное фабричное здание в квартале «Фабрика Станиславского»

^ Студия театрального искусства С. Женовача

Комплекс состоит из жилой и деловой части, в апартаментах проживает 1,5 тыс. чел.

Особый интерес для демонстрации подхода, радикально меняющего образные параметры старого сооружения, представляет секция В, которая получила эффектную 18-этажную пристройку снаружи в виде сложного, как бы надломленного корпуса, изменившего геометрию, облик и силуэт оригинального сооружения. Теперь это не только прекрасный памятник XIX века, сохранивший свой образ, но и выдающийся памятник современной архитектуры, служащий образцом для дальнейших смелых реконструкций промпредприятий. Он убедительно показал, что этот подход также имеет право на существование, а все компромиссы при реконструкции были оправданы.

Нельзя не упомянуть и примеры реконструкции промышленных объектов, не являющихся памятниками архитектуры. В этом аспекте обращают на себя внимание реконструкции зерновых элеваторов в Осло и Копенгагене. Первый из них был переоборудован под 19-этажное студенческое общежитие с устройством в его бетонных цилиндрах 226 одно- и двухкомнатных квартир (бюро HRTB, 1999–2000). Второй элеватор располагался в старой части копенгагенского порта и был также переоборудован под 17-этажное жилое здание с общественными зонами на нижнем и верхнем этажах (датское архитектурное бюро Sobe, 2017). Сегодня эта часть порта превратилась в полноценный жилой район Нордхавн с офисами, жилыми домами и школами.

В 2014 году в Копенгагене стали жильем еще два зернохранилища (диаметр – 25 м, высота – 42 м), соединенные и остроумно дополненные квартирами, располагающимися снаружи двух бетонных башен, внутри которых поместились дворики-атриумы и все коммуникации – кольцевые этажи-коридоры, лестницы и лифты (нидерландская компания MVRDV, при участии датской фирмы Jensen + Jørgensen + Wohlfeldt). Немало и других примеров – реконструированные доки в Копенгагене, старый металлургический завод Дуйсбург, превращенный в парк развлечений, шахта в Рурском округе Германии, вместившая музей и общественный центр «Цольферайн». Еще один заброшенный элеватор на набережной в Кейптауне преобразился в крупнейший музей современного

< Аксонометрия проекта реконструкции «Фабрики Станиславского»

африканского искусства (бюро Heatherwick Studio). Массивные бетонные трубы элеватора разрезали, получив высокое (27 м), перекрытое стеклянным потолком пространство атриума, похожее на собор и т. п.

Любопытно, что в скандинавских реконструкциях промышленных объектов подчеркивается экологический аспект, который пока вовсе не учитывается в нашей практике. К примеру, по подсчету специалистов, реконструкция бетонного цилиндра в порту Копенгагена сохранила природу от нескольких тысяч кубических метров выброшенного бетона. Более того, вырезанный при реконструкции объекта бетон был повторно исполь-

v Вход в Музей русского реалистического искусства

^ Район газгольдеров в Вене с высоты птичьего полета

^ Внутренний двор газгольдера

> Вишневый сад внутри квартала «Фабрика Станиславского»

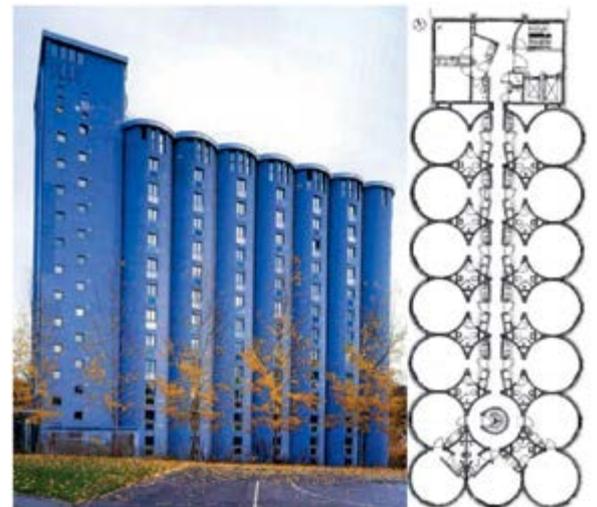
> Вид пристройки к секции В в комплексе газгольдеров в Вене

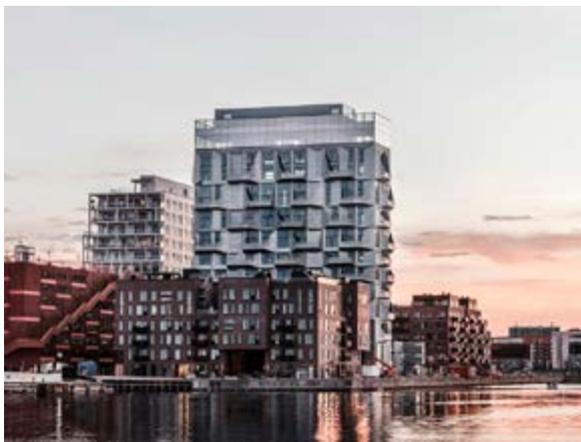
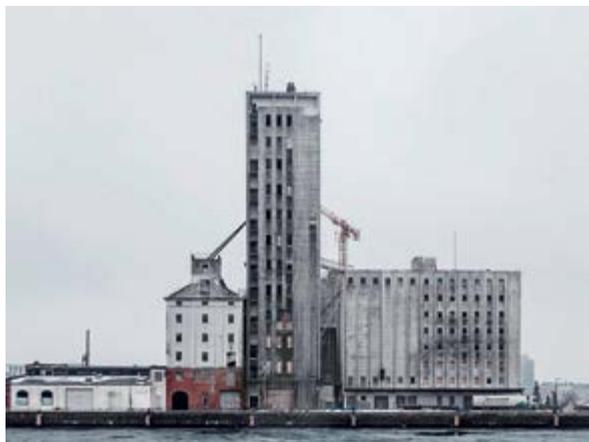
> Реконструкция зернового элеватора в Осло, превращенного в студенческое общежитие

зван для малых архитектурных форм на прилегающей территории. Разумное и рачительное отношение ко всем сторонам строительного дела не может не вызывать уважения. Жаль, что при наших масштабах реконструкции об этом никто не думает и миллионы кубов строительного мусора продолжают загрязнять нашу природу.

Однако перед автором не стоит задача перечислить и проанализировать все новинки европейских промышленных реконструкций – их много. Важно, что подобные примеры стали появляться и в Москве, хотя в нашей реальности у такого радикального подхода есть немало препятствий.

У нас проекты, кардинально обновляющие или дополняющие прежние характеристики памятников промышленной архитектуры, почти невозможны. Существующее законодательство по охране наследия предполагает только один способ обращения с памятником – реставрацию, которая в очень многих случаях невозможна не только по причине отсутствия средств, но и в силу ее нецелесообразности, поскольку обеспечить современные условия комфорта и продлить жизнь тому или иному памятнику может только действительно качественная реконструкция, произведенная настоящими архитекторами-профес-

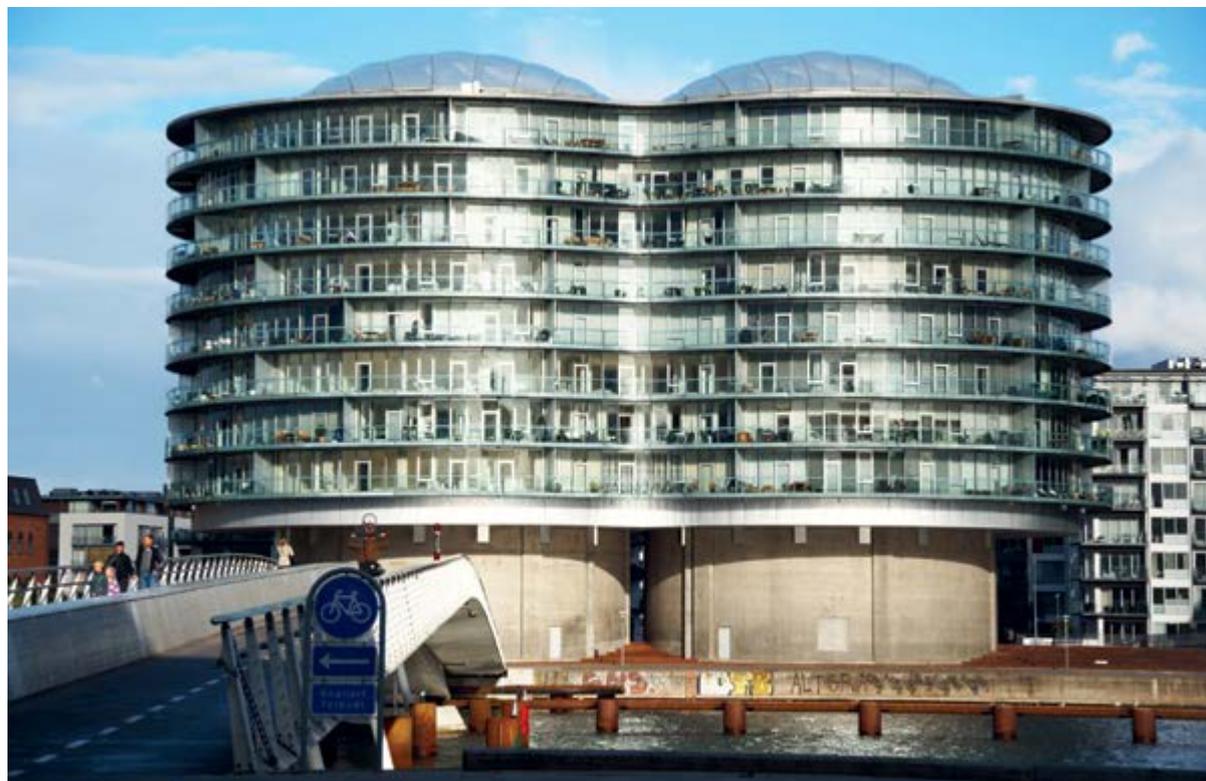

< Первоначальный вид зернового элеватора в порту Копенгагена и вид после реконструкции

сионалами. Ведь, даже несмотря на статус памятника, постройки на территориях промышленных предприятий, как правило, неравноценны по архитектурному, инженерному качеству и техническому состоянию. Наряду с лицевыми и архитектурно выразительными строениями есть и сугубо утилитарные (или предназначенные для утраченной функции) части зданий – исторические или пристроенные в советское время, которые могут быть при необходимости снесены. Необходимость диктует обычно проектные решения, которые предлагаются для реконструкции старых промышленных комплексов. Как к ним относиться?

К сожалению, приоритет сугубо материальных соображений и невнимание к историческому промышленному наследию часто приводят к его потере. До сих пор старые предприятия, иногда архитектурно яркие, но по ка-

< Реконструированные зернохранилища в Копенгагене: вид снаружи и внутри одного из цилиндров

^ Реконструированный элеватор на набережной в Кейптауне, превращенный в музей современного африканского искусства

^ Жилой комплекс «Пресня-Сити» с включенным в ансамбль реставрированным зданием Хлебозавода № 5

ким-то причинам не успевшие обрести полноценный статус памятника, у нас просто сносятся без сожаления. Последний пример – Московский электромашиностроительный завод памяти Революции 1905 года (МЭМЗ). В мае 2019 года здания цеха завода были массово исключены из перечня объектов, обладающих признаками культурного наследия, сейчас идет снос этих исторических и очень выразительных объектов. На их месте вдоль путей Белорусской железной дороги поднимутся огромные жилые башни по японскому проекту. Это лишний раз заставляет задуматься о необходимости поиска компромисса между практикой сохранения памятников промышленной архитектуры и развитием городских территорий. Архитектура – это искусство вариантов, и для создания современных, значительных с архитектурной точки зрения новых ансамблей необходимо не только точное понимание ценности сохраняемого здания, но и смелые выразительные архитектурные предложения.

По такому пути пошли авторы реконструкции 5-го хлебозавода в Москве. Сам хлебозавод вывели на окраину

города. Компания Coalco, купившая территорию завода в 2006 году, сохранив и отреставрировав производственный корпус (объект культурного наследия, в нем должен разместиться выставочный центр ГМИИ им. А. С. Пушкина), с помощью генпроектировщика ООО «Рилайд-Проект» выстроила многофункциональный жилой комплекс «Пресня-Сити», состоящий из трех башен (каждая по 44 этажа), многоуровневой парковки и объектов социальной и торговой инфраструктуры.

Композиция состоит из замечательно реставрированного круглого здания хлебозавода и трех новых башен, обступивших его с тыльной стороны. В основу образа комплекса положен контраст четырех основных форм – невысокого круглого объема хлебозавода и узких высоких призматических объемов на заднем плане. Важную роль в новом комплексе играет цвет – тщательно воссозданная первоначальная окраска хлебозавода и сложная многоцветная в земляных тонах облицовка башен, цвет стен которых, интенсивный внизу, с нарастанием высоты становится светлее.

Любопытно, что, несмотря на сугубый рационализм этого очень высокого комплекса, авторы (мастерская «SPEECH Чобан & Кузнецов») внесли в проект элементы символизма: центральная башня олицетворяет стихию огня, восточная – стихию земли, западная – стихию воды. Принятое градостроительное решение придало перекрестку Пресненского Вала, улицы 1905 года и Большого Тишинского переулка новое качество. Комплекс на макроуровне перекликается с высотным комплексом на Беговой улице и с Сити. Рассматривая комплекс отдельно от городской ситуации, невозможно не отдать должное архитекторам. Комплекс задуман и построен мастерски, хотя его контраст с окружающей застройкой пока чересчур велик: если бы башни были несколько ниже, их пропорции были бы более привычными.

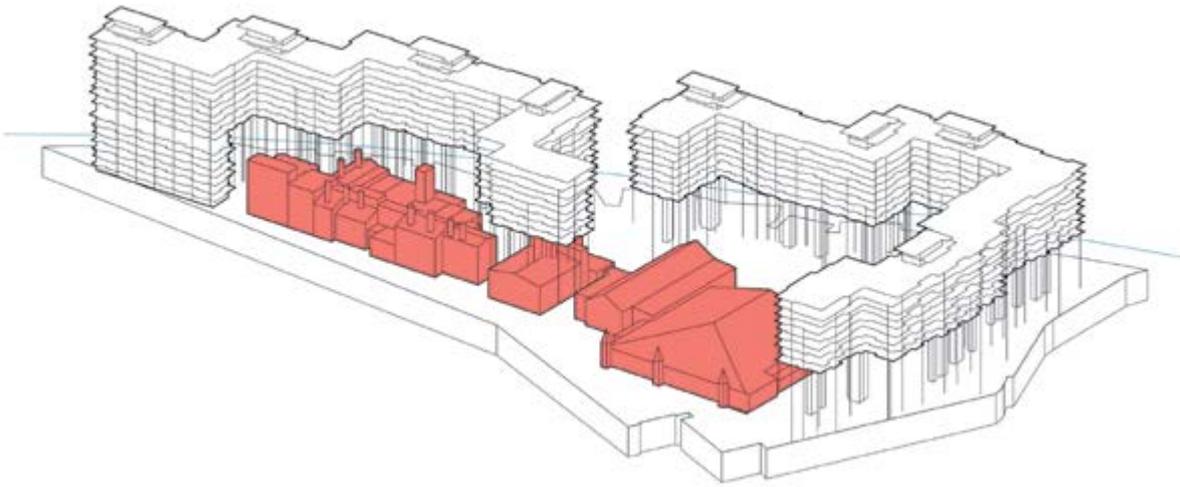
Сочетание реставрационного подхода с созданием ультрасовременного архитектурного окружения демонстрирует одна из самых спорных и горячо обсуждаемых в последнее время работ – проект застройки территории Бадаевского пивоваренного завода на набережной Тараса Шевченко. Предприятие, основанное в 1875 году, не работает с 2006-го. Судьба завода волнует городские

v Реконструированные доки в Копенгагене

^ v Проект реконструкции территории Бадаевского завода

< Сохраняемое здание Бадаевского завода во дворе нового жилого комплекса. Макет

власти: на эту площадку уже делали проекты, предполагающие реставрировать исторические части комплекса за счет инвесторов-застройщиков, призванных развить территорию, но они так и не получили бесспорной поддержки. Наконец, для разработки было приглашено знаменитое швейцарское архитектурное бюро Herzog & de Meuron, авторы нового корпуса галереи Тейт в Лондоне и превосходной Эльбской филармонии в Гамбурге, основанием которой стали старые складские постройки.

Поскольку речь идет о территории Бадаевского пивоваренного завода – памятника промышленной архитектуры XIX века, авторы проекта предусматривают реставрацию и реконструкцию исторических строений, качественное благоустройство в границах набережной и создание уникального офисно-жилого комплекса, который двумя скобками окружит комплекс промышленных зданий XIX века со стороны реки, открыв его со стороны Кутузовского проспекта. Исторические здания Бадаевского завода с характерной башенкой, подробно описанные и оцененные в историко-архитектурном плане, составленном замечательным архитектором-реставратором И. И. Кроленко в 2008 году, и давно стоящие на охране, будут реставрированы (в них предполагают разместить бары, рестораны, магазины, конференц-центр, спортивные и детские центры). Корпуса, пристроенные к старым заводским зданиям в советское время и не имеющие статуса памятника архитектуры, будут демонтированы для увеличения парковой территории, которая по новому проекту соединит территорию завода с набережной Москвы-реки.

Для того чтобы с обеих сторон реки вид на живописный краснокирпичный исторический силуэт Бадаевского завода был сохранен, швейцарское бюро, специализирующееся на строительстве в среде старых промышленных предприятий и складов, предложило беспрецедентное решение – поднять новое строение над землей на тонких столбах высотой 35 м.

Во время презентации проекта архитектор Пьер де Мерон, сооснователь Herzog & de Meuron, отметил, что основным преимуществом комплекса Бадаевского пивоваренного завода станет создание новых общественных пространств – прогулочной территории вдоль

набережной Москвы-реки и парка с полянами и лесными рощами. По его словам, «новое здание приподнимется над землей на стройных опорах, связывающих его с окружающим парком, открывая впечатляющие панорамные виды на Москву-реку, парк, отреставрированные здания, гостиницу «Украина», Кутузовский проспект, Дом Правительства и ММДЦ «Москва-Сити». При разработке проекта необходимо будет достичь, казалось бы, взаимоисключающие цели – восстановить исторические здания, с одной стороны, и внести качественно новые архитектурные решения для жизни и работы – с другой». В новом причудливом здании, вознесенном над землей на тонких опорах, разместятся офисы, квартиры и апартаменты, на кровле здания предусмотрены виллы с террасами, а под землей организуют парковки и технические помещения. Общая площадь многофункционального комплекса составит 100 тыс. м². Построить его рассчитывают за пять лет.

Представленный недавно экстравагантный швейцарский проект, вызывающий жаркие споры градозащитников и градостроителей, еще находится в стадии разработки, он будет уточняться, поэтому в полной мере сегодня оценить все его архитектурные достоинства трудно. Нельзя не признать, что наибольшие и справедливые опасения вызывает сочетание здания гостиницы «Украина» с новым высотным комплексом над Бадаевским заводом, который кардинально изменит силуэт не только набережной, но и всего этого района города. Однако сомнений в высочайшей квалификации его авторов нет. В этом убеждает созданная по их проекту и недавно открытая Эльбская филармония, облик которой формирует не только общая концепция проекта, но и многие изысканные дизайнерские решения элементов. Уверенность есть только в одном: в этом случае в Москве появится не только отреставрированный и обновленный объект промышленной архитектуры XIX века, но и оригинальный памятник архитектуры XXI века, созданный мастерами, имя которых уже вписано в историю мировой архитектуры.

Литература

1. 000 «Бюро архитектора Воронцова» [Электронный ресурс]. – https://www.mosarchinform.ru/arh_org_msk/p2_articleid/7280 (дата обращения 10.05.2022)

< Проектный рисунок предполагаемого благоустройства нового комплекса около Бадаевского завода

2. История Миусского трамвайного депо – фудмолла «ДЕПО. МОСКВА» // Antenna Daily. – 2019 [Электронный ресурс]. – https://antennadaily.ru/2019/04/13/istoria_depo_moskva/ (дата обращения 11.05.2022)

3. Самборская, О. Старый «Большевик» // Строительная газета. – 2016. – 18 окт. [Электронный ресурс]. – <https://stroygaz.ru/publication/infrastructure/staryu-bolshevik/> (дата обращения 10.05.2022)

4. Хлебозавод № 9 [Электронный ресурс]. – https://ru.wikipedia.org/wiki/Хлебозавод_№_9 (дата обращения 19.05.2022)

5. John McAslan+Partners [Электронный ресурс]. – <https://www.mcaslan.co.uk/> (дата обращения 10.05.2022)

6. Herzog & de Meuron [Электронный ресурс]. – <https://www.herzogdemeuron.com/index/projects/complete-works.html> (дата обращения 13.05.2022)

References

Herzog & de Meuron (n.d.). Retrieved May 13, 2022, from <https://www.herzogdemeuron.com/index/projects/complete-works.html>

Istoriya Miusskogo tramvainogo depo – fudmolla “DEPO. MOSKVA” [History of Mius tram depot – foodmall “DEPO. MOSKVA”] (2019). Antenna Daily. Retrieved May 11, 2022, from https://antennadaily.ru/2019/04/13/istoria_depo_moskva/

John McAslan+Partners (n.d.). Retrieved May 10, 2022, from <https://www.mcaslan.co.uk/>

Khlebozavod № 9 [Bakery plant № 9] (2021, November 26). In Wikipedia. Retrieved May 19, 2022, from https://ru.wikipedia.org/wiki/Хлебозавод_№_9

000 “Buro arkhitekтора Vorontsova” [Bureau of Architect Vorontsov Ltd] (2012). Retrieved May 10, 2022, from https://www.mosarchinform.ru/arh_org_msk/p2_articleid/7280

Samborskaya, O. (2016, October 18). Staryi “Bolshevik” [Old Bolshevik]. Stroitel'naya Gazeta. Retrieved May 10, 2022, from <https://stroygaz.ru/publication/infrastructure/staryu-bolshevik/>

v Эльбская филармония

В статье изложено содержание проекта пространственной трансформации города Хайдельберга (район Вестштадт) с использованием метода синхронизированных типологий в условиях бывшей промышленной территории, предложена новая модель производственной системы района.

Ключевые слова: промышленная территория; производство; пространственная трансформация; синхронизация типологий. /

The article considers a design solution for the spatial transformation of the city of Heidelberg, Weststadt district, using the method of synchronized typologies in the conditions of a former industrial area, as well as a proposal for a new production system for the area.
Keywords: industrial area; production; spatial transformation; synchronization of typologies.

Производство и пространственная трансформация города / Manufacturing and the spatial transformation of the city

текст

Барбара Энгель

Институт городского и ландшафтного планирования, Технологический институт Карлсруэ

Валерий Козлов

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Ксения Гуляева

Иркутский национальный исследовательский технический университет /

text

Barbara Engel

Institute for Urban and Landscape Planning; Karlsruhe Institute of Technology

Valery Kozlov

Irkutsk National Research Technical University

Ksenia Gulyaeva

Irkutsk National Research Technical University

Представленный дипломный проект магистра по теме «Пространственная трансформация города Хайдельберга: район Вестштадт» (Spatial transformation of the city of Heidelberg: Weststadt district) разработан в рамках совместного руководства и международной академической кооперации университетов: кафедры архитектурного проектирования Иркутского национального исследовательского технического университета и кафедры международного градостроительства Технологического института Карлсруэ. Структурные трансформации города как предмет трансдисциплинарного обучения основывается на результатах исследований широкого немецко-российского консорциума университетов, полученных в результате первого этапа исследовательского проекта.

Проблема, контекст

Город Хайдельберг находится в густонаселенном Рурском бассейне Германии на стыке земель Гессен, Баден-Вюртемберг и Райнланд-Пфальц и вместе с городами Манхайм и Людвигсхафеном образуют регион-агломерацию в треугольнике под названием Рейн-Неккар, являющийся седьмым по размеру экономическим регионом Германии. Важнейшее градообразующее значение старейшего университета Европы и Германии – Хайдельбергского университета, входящего в число 50 лучших университетов мира, состоит в том, что потенциал города Хайдельберг создает предпосылки агломерации высокотехнологичных производств, связанных со строительством, медициной, химией, автомобилями.

Территорией проектирования является район Вестштадт в г. Хайдельберге: участок является бывшей промышленной зоной в центре города. Он имеет смешанную структуру застройки; здания на территории района выработали свой срок и морально устарели. Промышленный парк Вестштадт разрабатывался с 1950-х годов и был частью городской системы производств. Это развитие было прекращено с течением времени и наложением самых разнообразных типологий зданий и пространственных структур (рис. 1).

Сегодня в районе Вестштадт доминируют следующие функции: большое количество мест, связанных с ремонтом и продажей автомобилей и их частей; гостиницы

и рестораны; крупные ритейлеры; строительные магазины; металлообрабатывающие компании; сервисные компании с жилыми помещениями и место обитания некоторых деятелей культуры. Частью градостроительного контекста является историческая ось, проходящая через район и соединяющая дворец Шветцинген и холм лесопарка Кенгштутьль на расстоянии более 30 км. Она была задумана курфюрстом Карлом I Людвигом в XVIII веке как связь между регулярным парком дворца и возвышенностью: по оси были высажены тутовые деревья, чтобы иметь возможность производить природный шелк (рис. 2). Творческое переосмысление наследия является самым интересным свойством современного градостроительства и архитектуры.

Методология проекта

Проектный подход основывался на пространственной трансформации как перспективной тенденции современного развития городов. Высокотехнологичное производство рассматривается как мотор пространственной трансформации города на разных планировочных уровнях. Методы проектного анализа включали анализ специальной литературы и документов местного, городского и регионального планирования; интервью с руководством, дискуссии в проектных группах, наблюдение и картографирование.

Термин «пространственная трансформация» в проекте обозначает комплексное изучение и определение многослойных пространственных приоритетов: исторических, социокультурных, пространственных, функциональных, экономических и других. Вместе с тем, в проекте установлено, что важным является обеспечение баланса изменяемых и сохраняемых потенциалов территории, определение ценности градостроительного структурного наследия. Отличительной особенностью пространственных трансформаций является гибкость, которая выражается в многофункциональности использования архитектурной среды; изменениях пространственных характеристик объекта. В контексте данной работы особый интерес представляет принцип многофункциональности, а именно – метод смешанных типологий. Синхронизация типологий – это микс функций, взаимосвязь между

< Рис. 2. Контекст исторической оси, или Историко-градостроительная ось как градостроительное наследие и пространственный каркас развития города

производством и городской активностью, их влияние на общество. Проектом предложена интеграция различных функциональных процессов в едином пространстве городского квартала на основе смешанной типологии застройки, подразумевающей гибкость в объединении производственных, жилых и общественных пространств. Одно здание может работать для нескольких функций, например, 1 этаж – кафе/магазины, 2 этаж – локальное чистое производство, 3 этаж – офисы, 4 этаж – детский сад, 5 этаж – жилые помещения и т. д. Смешанные типологии создают особый пространственный динамизм не только внутри дома, но и внутри целого квартала/района/города. Ключевым инструментом метода смешанных типологий является реинтеграция производственной системы, которая в данном проекте может стать мотором трансформации целого района. В контексте смешанных типологий для производственной и городской среды создаются новые роли и новое видение. Производство внутри города может стать генератором экономического подъема, развития новых моделей пространственной среды.

Проектное решение

Основная задача проекта – синхронно переплести два аспекта: производство и городскую жизнь. Вопросы проектирования: как может выглядеть район, предлагающий как девелоперские, производственные площади, так и пространство для жизни и отдыха? Как с помощью инноваций можно стимулировать социальный обмен? Как гармонично соединить производство и городскую жизнь? Как можно пространственно и функционально объединить разрозненные и фрагментированные территории бывшего промышленного района?

Градостроительное наследие: идея проекта начинается с контекста исторической оси Шветцинген-Кенигштуль, подкрепленной планировочным решением: ось подчеркивает новую идентичность и создает основное ориентирование для велосипедистов и пешеходов. Контекст оси помогает в создании композиционной иерархии функционального и объемно-пространственного решения. Основными видимыми узлами являются открытые общественные пространства, соединенные

между собой на уровне улицы. Пространства дворов между зданиями как полупубличное пространство взаимодействует с исторической осью и принадлежит всем пользователям городской среды.

Функциональная система: район проектирования образует границу между плотной центральной частью города с однородной жилой застройкой и сельской открытой местностью. Преобладающей функцией района является автомобильный сервис – продажа запчастей, ремонт, продажа автомобилей. Кроме того, в районе находятся отели, рестораны, жилая зона средней этажности, несколько памятников архитектуры, компания Autz Herrmann, занимающаяся производством листового металла, местный театр и неэксплуатируемые городом закрытые пространства. В проектируемом районе нет четких узнаваемых кварталов, так как различные группы пользователей, в настоящее время делящие эту область, затрудняют дифференциацию. В районе не хватает мест общественного питания и снабжения. Существующая застройка района является средней: она составляет 2–4 этажа, максимальная 8–10 этажей. Жители района сконцентрированы в южной части территории.

Транспортная система: основные подъездные пути в Вестштадт проходят по улицам Sprenger и Kirchheimer – дорогам, ведущим в сторону старого центра города. Также Вестштадт связан с городом несколькими трамвайными линиями и велосипедными дорожками, которые пересекаются с автомобильными, подразумевая перекрестки различных типов мобильности. Железнодорожное сообщение делает этот район доступным, так как на севере района находится главный железнодорожный вокзал, до которого можно дойти за 10–15 минут (рис. 3).

Озеленение района: во время натурального исследования констатировалось отсутствие комфортных парковых зон, колоссальная тепловая нагрузка на территорию из-за преимущественно асфальтового покрытия района.

Таким образом, можно сказать, что в районе возникают пользовательские интересы диверсифицированного общества, вызванные социальными изменениями, новыми технологиями и экономическими преобразованиями. Подобное явление возможно качественно изменить архи-

> Рис. 3. Район Вестштадт, исходная ситуация

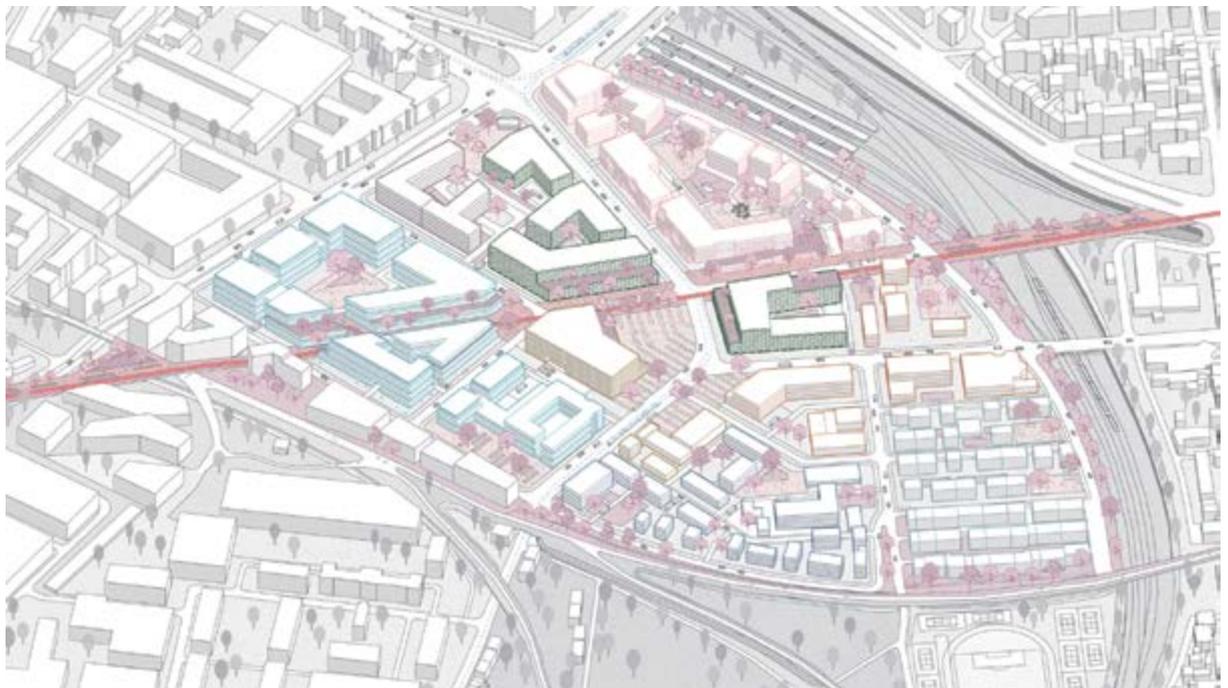
тектурно-планировочными решениями на основе анализа потенциала проектируемой территории.

На градостроительном уровне предложено уплотнение застройки и сочетание разных функций внутри комплекса зданий. Такие центры с синхронизированной типологией служат аттракторами района. Желаемый характер использования территорий под застройку – меньше пустотности, больше функциональных смыслов. Создастся своего рода город в городе: промышленные здания прошлого, в которых фабричные здания взаимодействуют с новой планировочной структурой (рис. 4).

Окрестности района работают по схеме снаружи внутрь: вокруг района по главным автомобильным магистралям продолжается движение автомобилей, однако внутри района преимущество отдается пешеходам и велосипедистам. Связь с городской территорией осуществля-

ется через трамвайную линию № 26, проходящую через торговый район с остановкой на улице Рудольф-Дизель; важный велосипедный маршрут проходит к югу от площади через зеленую зону в направлении старого города. Зеленый пояс района обеспечивает основную ориентацию, поскольку он соединяет все узлы общественных пространств. Между пространствами «зеленых крыш» могут быть визуальные отношения, открытые для создания точек соприкосновения между разными пользователями – будь то рабочий текстильной промышленности или работник административного офиса (рис. 5).

Интеграция производства: в проектируемом районе предполагается новое функциональное зонирование с акцентом на интеграцию производств – технологический кластер: текстильная промышленность, производство игр и защитных систем, биомедицинская индустрия

> Рис. 4. Проектное решение с сохранением гетерогенной структуры застройки

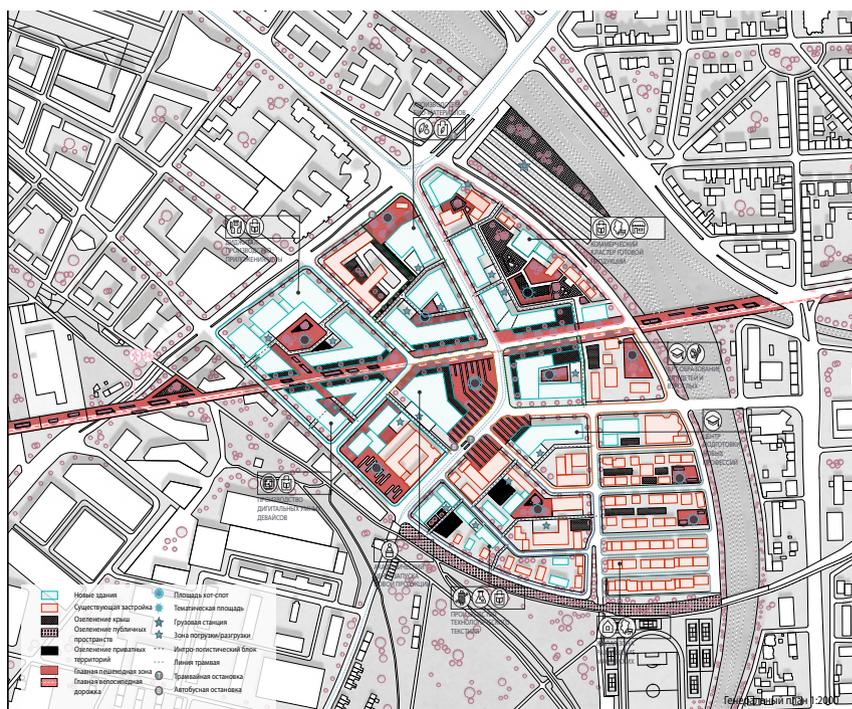
в Рис. 5. Пространственная трансформация главных узлов

стрия, производство биоматериалов, арт-образование для детей, мастерские для горожан, культурный кластер, академический центр, коммерческий холл, образовательная индустрия по подготовке кадров для представленных выше производственных структур и жилая зона. Технологический кластер функционирует вместе с контекстом всего города. Устойчивое развитие территорий городского центра основывается на формировании градостроительного каркаса на принципах доступности для общественного транспорта, выстраивания безбарьерных пешеходных связей, пешеходно-рекреационных связей при формировании маркетинговых стратегий развития места, культурной, идентичной и туристической привлекательности территории (рис. 6).

Усиление производственных мощностей гарантируется градостроительными инструментами. Будущая производственная структура обеспечивается синергией, комбинацией и кооперацией различных форм производств – как материальных, так и нематериальных. Места и учреждения также помогают создавать идентичность района. В Вестштадте необходимо стимулировать симбиозы – сотрудничество внутри области: например, тех, кто уже живет в этом районе, с теми, кто находится в региональном контексте.

Амбициозная цель новой производственной системы заключается в дополнительной разработке продуктов, реализуемых не только в Вестштадте, но и во всем городе. Ценность продуктивности района создается через симбиозы производств. В проекте представлена схема интеграции новой производственной системы. Предполагается взаимосвязь трех основных новых типов производств: производство цифровых продуктов (разработка дронов, противопожарного оборудования, спасательных систем); производство технического текстиля (униформа для рабочих на производстве, изделия автомобильного текстиля, защитная униформа для пожарных); агрокультурное биопроизводство (производство экологически чистых материалов, создание живых моделей животных и растений для биопродуктов, био-сельскохозяйственные лаборатории). Новаторская идея интеграции новых производственных мощностей заключается в совершенствовании существующих производств в контексте историче-

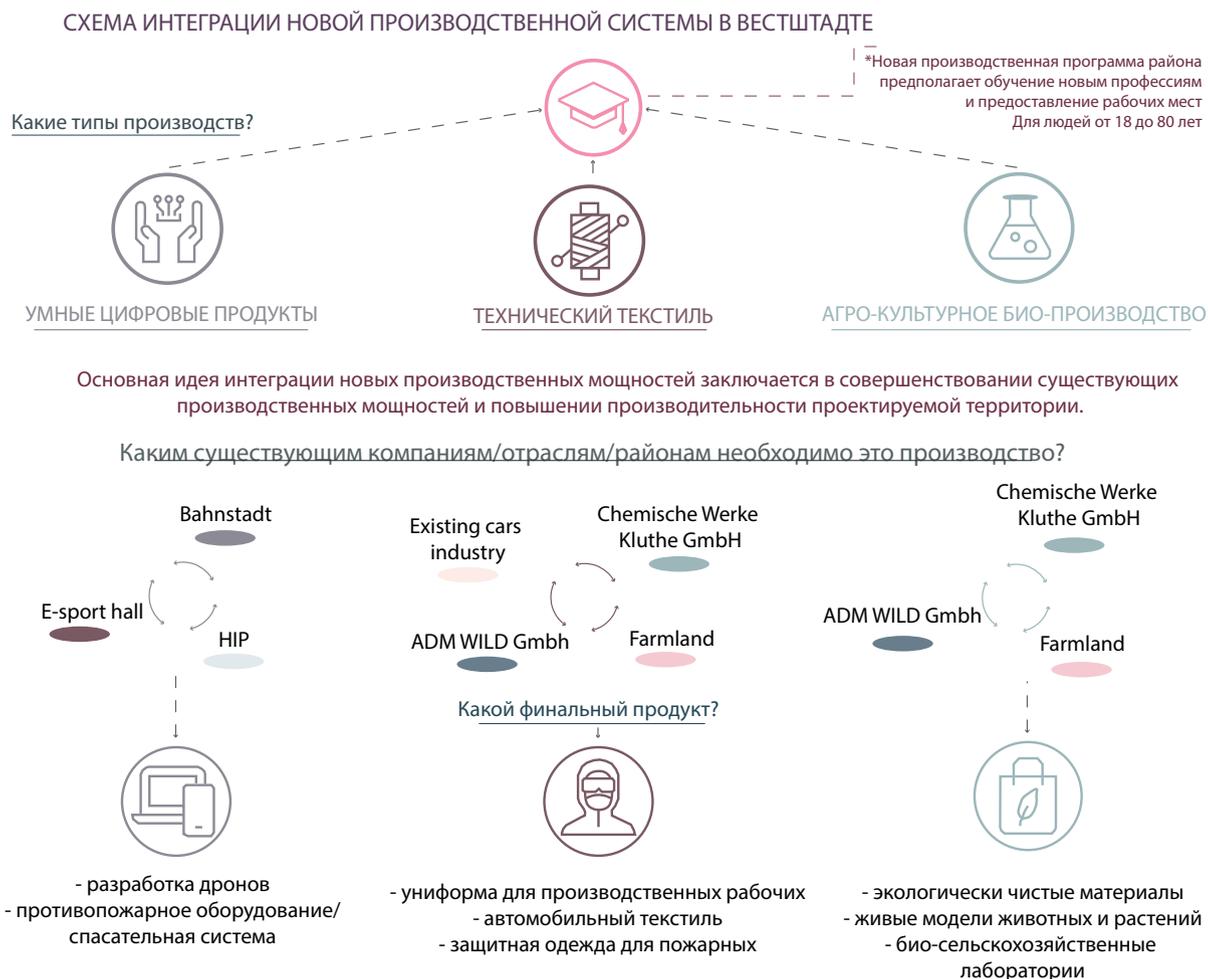
ской оси (производство еды и напитков ADM WILD GmbH; химическая лаборатория Chemische Werke; фермерские земли; существующие автомобильные сервисы) и повышению производительности территории района за счет внедрения новых производств, которые бы объединяли существующие в большую самодостаточную систему.

Производственная система выигрывает от объединения интересов, и от того, что окружающие подрайоны также привлекают заинтересованных социальных партнеров, учащихся, преподавателей и рабочих. Саморазвивающаяся структура интегрированных производств обладает экономической эффективностью, что говорит о тенденции к перманентному развитию (рис. 7).

Выводы. Возвращение высокотехнологичных производств в застройку города создает предпосылки интеграции различных функциональных процессов в едином

^ Рис. 6. Генеральный план района Вестштадт

> Рис. 7. Схема интеграции производственной системы в ВЕСТШТАДТЕ

пространстве городских кварталов на основе смешанной типологии застройки, подразумевающей гибкость объединения производственных, жилых и общественных пространств. В проекте использовался метод синхронизации типологий в условиях не используемой городом бывшей промышленной территории. На примере района Вестштадт в г. Хайдельберге в результате применения основных положений предлагаемой концепции для улучшения качества жизни и среды обитания можно оживить многие смешанные селитебно-промышленные зоны, изолированные от населения городов сегодня.

Литература

- Ахундов, М. Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. – Москва : Наука, 1982. – 224 с.
- Баженов, Л. Б. Проблема пространства – времени // Философия естествознания. – Москва, 1966. – Вып. 1. – С. 137–207
- Данилова, О. Н., Шеромова, И. А., Еремина, А. А. Архитектоника объемных форм : учебное пособие : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Дизайн». – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2005. – 100 с.
- Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецова. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – С. 37–39. (Библиотека словарей «ИНФРА-М» : БСИ)
- Минабутдинова, А. Р. Принципы формирования трансформируемого пространства // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2019. № 3 (49). – С. 62–70

- Тагаров, Б. Ж. Анализ теоретических подходов к факторам концентрации промышленности и населения в системе «центр-периферия» // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Том 10. – № 2. – С. 1–17

- Шубенков, М. В. Структура архитектурного пространства // Архитектура и строительство России. – 2007. – № 1. – С. 2–8

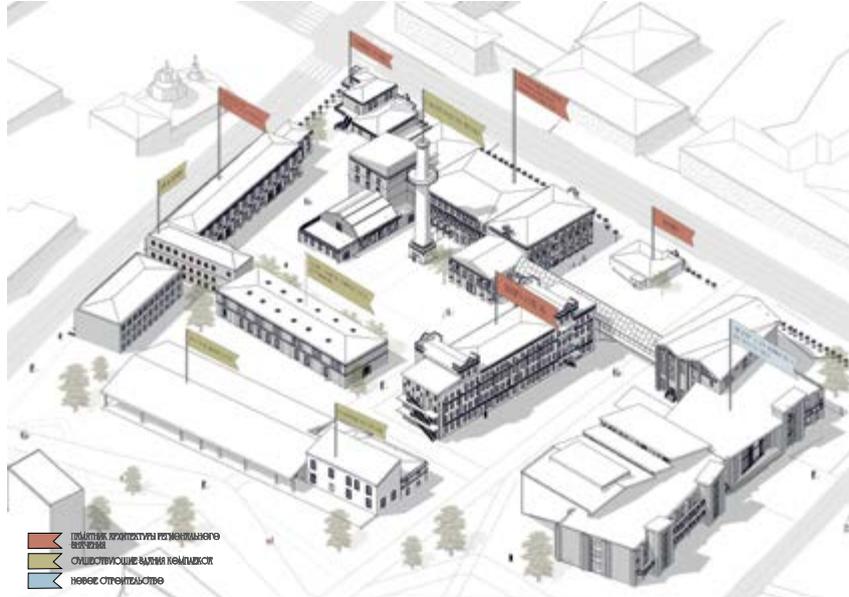
References

- Akhundov, M. D. (1982). Kontseptsii prostranstva i vremeni: istoki, evolyutsiya, perspektivy [Concepts of space and time: origins, evolution, prospects]. Moscow: Publishing house "Nauka".
- Bazhenov, L. B. (1966). Problema prostranstva – vremeni [The problem of space and time]. Philosophy of natural science, 1, 137-207.
- Danilova, O. N., Sheromova, I. A., & Eremina, A. A. (2005). Arkhitektonika ob'yemnykh form [Architectonics of volumetric forms]. Vladivostok: Publishing house VGUES.
- Kuznetsov, V. G. (Ed.) (2007). Dictionary of philosophical terms (pp. 37-39). Moscow: INFRA-M.
- Minabutdinova, A. R. (2019). Principles of forming a transformable living space. News of the KSUAE, 3(49), 62-70.
- Shubenkov, M. V. (2007). Struktura arkhitekturnogo prostranstva [Structure of architectural space]. Architecture and Construction of Russia, 1, 2-8.
- Tagarov, B. Zh. (2020). The analysis of theoretical approaches to the factors of concentration of industry and population in the "center-periphery" system. Journal of Economics, Entrepreneurship and Law, 10(2), 1-17.

Рассматриваются причины деградации территории ликеро-водочного завода «Кедр» в Иркутске и возможности сохранения заброшенной территории, преобразования редкого исторического и градостроительного производственного комплекса Прибайкалья. Потенциал территории завода и Знаменского предместья раскрывается благодаря формированию единого общественного центра развития креативных индустрий в Иркутске.
Ключевые слова: конверсия; ликеро-водочный завод; креативный кластер; памятник архитектуры. /

The author considers the reasons for degradation of the territory of Kedr distillery in Irkutsk and possibilities of preservation of the abandoned territory and transformation of a rare historical and town-planning industrial complex of the Baikal Region. The potential of the territory of the distillery and the Znamensky district is revealed through the formation of a single public centre for the development of creative industries in Irkutsk.

Keywords: conversion; distillery; creative cluster; architectural monument.

Конверсия завода «Кедр» в креативный кластер / Conversion of the Kedr distillery into a creative cluster

Комплекс зданий бывшего иркутского ликеро-водочного завода «Кедр» является памятником архитектуры, объектом наследия регионального значения. Тем не менее, уже долгие годы территория пребывает в состоянии стагнации: изношенность внутренних конструкций зданий не позволяет их эксплуатировать, различными надстройками нарушена изначальная структура объемов, фрагменты фасадов разрушаются. Отдельные помещения используются арендаторами не по назначению, что усугубляет нынешнее состояние ансамбля.

Завод «Кедр» функционировал с 1904 года (в те годы он назывался «Казенный винный склад № 1»). За время своего существования свидетельства о нем помогли узнать интересные страницы быта горожан [1]. В настоящее время комплекс переживает один из худших периодов своей истории.

Термин «конверсия» (от лат. *conversio*) означает «обращение вспять, переверот» или «изменение направления» [2]. Понятие, используемое во многих сферах жизни, в архитектуре и градостроительстве подразумевает процесс реконструкции или реформатирования объекта, в результате которого может поменяться его функция. В сравнении с редевелопментом конверсия архитектуры предполагает сохранение образа существующих зданий, их фасадов. Основными предпосылками конверсии зданий и сооружений являются: сохранение исторической ценности территории, восстановление исторических объемов, фасадов, сохранения духа места и минимизация затрат на перестройку. Это и ставится главной задачей проекта.

Введение развлекательных, образовательных, научных и коммерческих функций на территории бывших промышленных предприятий, расположенных внутри поселения или за его пределами на землях природных памятников, становится популярным и положительно влияет на экологию среды, повышает социальную активность населения, туристическую привлекательность, улучшает экономическую ситуацию в целом [3; 4].

Противоречия, возникающие между существующей городской тканью и современными потребностями общества, не могут быть решены только посредством создания новых построек; необходимо перепрофилирование

старых зданий, формирование новых востребованных функций [5].

Одним из основополагающих факторов в создании кластера должно быть сохранение исторического наследия комплекса с его четырьмя памятниками архитектуры регионального значения. Это обусловит корректность реконструкции при определении назначения дальнейшего использования зданий. Каждому из них задана новая функция, отвечающая потребностям кластера, где ключевое – трансформация внутренних объемно-планировочных и конструктивных решений.

Опираясь на вышеизложенное, предлагается следующее распределение функций:

- труба: высотная доминанта, символ места со смотровой площадкой для обзора комплекса и города;
- здание главного корпуса: памятник архитектуры, включает коворкинг, мастерские для архитекторов, игровую комнату; библиотеку по архитектурно-художественной тематике на четырех этажах, работающую автономно; на втором и третьем этажах – архитектурные бюро и офисные помещения;
- административное здание комплекса;
- картинная галерея площадью 1000 м²: памятник архитектуры;
- пекарня;

текст

Ольга Фомина

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Инна Дружинина

Иркутский национальный исследовательский технический университет

Дипломный проект
(бакалавриат)

автор

Ольга Фомина

руководитель

Инна Дружинина /

text

Olga Fomina

Irkutsk National Research Technical University

Inna Druzhinina

Irkutsk National Research Technical University

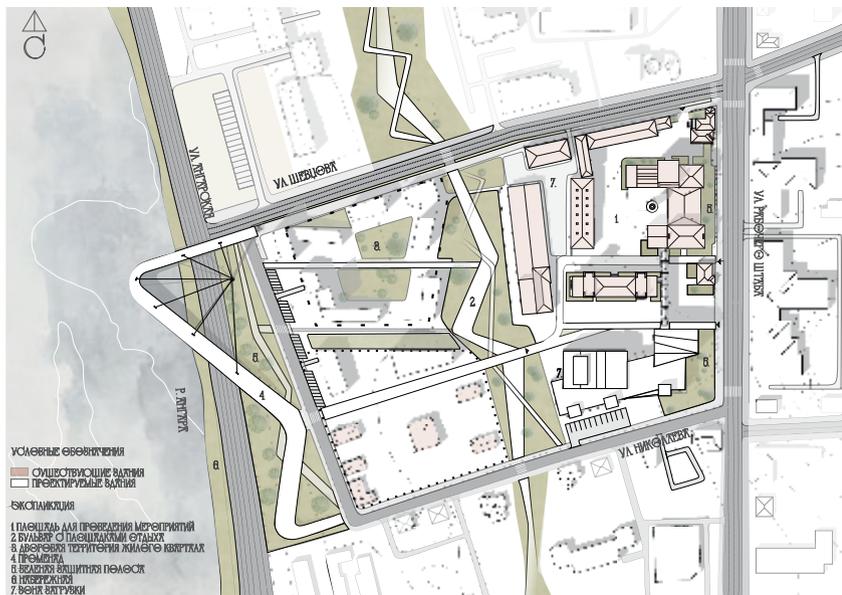
Bachelor diploma project

author

Olga Fomina

supervisor

Inna Druzhinina

- здание со свободной внутренней планировкой для проведения мероприятий разного масштаба резидентами кластера;
- ресторанный холл площадью 1200 м²: единое пространство с большим количеством ресторанов, помещениями для проведения мастер-классов и обучения кулинарному искусству;
- апартаменты для резидентов кластера и гостей: самое высокое 5-тиэтажное здание комплекса.

На месте бывшего заводууправления в пределах кластера предусматривается новое здание – Центр студийного искусства. Корпус представляет собой объем переменной этажности, включающий театрально-зрелищный блок с залом на 500 мест; общественно-культурный блок со студиями для занятий хореографией, театральным искусством и другими креативными направлениями. Предусмотрен отдельный административно-служебный блок. С главным корпусом новое здание и апартаменты связаны надземным переходом. Это позволяет рационально сократить пешеходные связи между корпусами для удобства посетителей. Центр студийного искусства успешно дополняет функции кластера, формируя общественное пространство.

Во многих городах мира на бывших промышленных территориях возникают новые творческие пространства, которые позволяют сообществам города обрести площадки для реализации потенциала и, в частных случаях, даже вывести имидж и развитие города на новый, более высокий уровень [6]. Преобразование промышленного комплекса зданий «Кедр» в кластер, учитывающий современные потребности всех слоев населения, позволит привлечь и творческую молодежь для реализации ее потенциала. Одной из предпосылок служит острая потребность в наличии таких центров притяжения по интересам в разных районах города. Таким образом, решение задач и желание сохранить на территории исторического

поселения в предместье Знаменском нескольких памятников архитектуры комплекса обосновывают создание нового общественного центра – уникального креативного кластера.

Появление такого кластера – это возможность создания прогрессивной творческой и образовательной среды, востребованной не только в районе предместья, но и в Иркутске в целом. Объект повысит привлекательность места, расположенного в непосредственной близости к историческому центру города. Подобное решение поможет сохранить памятники архитектуры и воссоздать их первоначальный облик при изменении изначальной функции.

В предместье Знаменском крайне плохо развита социальная инфраструктура, отсутствует сеть пешеходных связей, в запущенном состоянии находятся производственные объекты. Для создания комфортной среды возникла необходимость сформировать зеленую пешеходную ось с поперечными связями через весь район вдоль Ангары, объединяющую Знаменский монастырь и жилой комплекс «Видный». Главным центром притяжения станет креативный кластер «Кедр», рядом с которым предусматривается новый жилой комплекс, кедровая роща с различными зонами отдыха и нависающий вантовый прогулочный променад над Ангарой. В кластере предусмотрены поперечные пешеходные оси, соединяющие все его объекты и элементы благоустройства.

Такие градостроительные решения позволят сделать территорию привлекательной для жителей и гостей города. Завод обретет «новую жизнь», раскроет альтернативные возможности территории Предместья. Новое «дыхание» получат сохраненные памятники архитектуры, активизируется жизнь, пространство преобразится благодаря благоустройству с развитой пешеходной сетью, установится совершенно другой ритм жизни и режим полноценного использования территории.

Литература

1. Дамешек, Л. М., Дамешек, И. Л. «Кедр», обгоняющий время : очерки истории винокуренной промышленности Прибайкалья, XVIII-XX вв. – Иркутск ; Братск : Каскад, 1998. – 151 с. – С. 5–100
2. Словарный запас: конверсия. – URL: https://strelkamag.com/ru/news/vocabulary_convers (дата обращения: 10.06.2022)
3. Балабанова, Ю. П. Будкевич, Н. М. Анализ опыта реновации и развития постпромышленных территорий в исторических городах. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-opyta-renovatsii-i-razvitiya-postpromyshlennyh-territoriy-v-istoricheskikh-gorodah> (дата обращения: 15.07.2022)
4. Запова, Е., Дружинина, И. Исследовательский центр науки и культуры в пос. Ангасолка на Байкале. // Проект Байкал – 2021. – № 65. – С. 96–97
5. Хорн, Кристиан. «Конверсия» – промышленные объекты и территории // Проект Байкал. – 2018. – № 55. – С. 114–124
6. Ермакова, Л. И., Суховская, Д. Н., Яшан, Т. В. Становление и развитие креативных индустрий на примере Германии // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 55. – С. 43–46. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/470072.htm>. (дата обращения: 18.08.2022)

References

- Balabanova, Yu. P., & Budkevich, N. M. (2018). Analysis of renovation experience and development of post-industrial areas in historic cities. *News of the KSUAE*, 1(43), 19-27. Retrieved July 15, from <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-opyta-renovatsii-i-razvitiya-postpromyshlennyh-territoriy-v-istoricheskikh-gorodah>
- Dameshek, L. M., & Dameshek, I. L. (1998). [“Kedr”, obgonyayushchii vremya: Ocherki istorii vinokurennoi promyshlennosti Pribaikalya, XVIII-XX vv. [“Kedr”, ahead of time: Sketches on the history of the distillery industry in Pribaikalye, XVIII-XX centuries]. Irkutsk; Bratsk: Kaskad.
- Ermakova, L. I., Sukhovskaya, D. N., & Yashan, T. V. (2017). Formation and development of creative industries on the example of Germany. *Scientific and methodical electronic journal “Koncept”*, 55, 43-46. Retrieved August 18, 2022, from <http://e-koncept.ru/2017/470072.htm>
- Horn, C. (2018). ‘Conversion’: Industrial facilities and territories. *Project Baikal*, 15(55), 114-124. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.55.1297>
- Slovarnyi zapas: Konversiya [Vocabulary: Conversion] (2015). *Strelka Mag*. Retrieved June 10, 2022, from https://strelkamag.com/ru/news/vocabulary_convers
- Zapova, E., & Druzhinina, I. (2021). The research center for science and culture. *Angasolka settlement, Baikal. Project Baikal*, 17(65), 96-97. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.65.1683>

Неотъемлемый и необходимый элемент зданий и сооружений – лестница – рассматривается не с обычных позиций нормирования и конструирования, но в презумпции самостоятельного и независимого от нашей воли существования, как если бы мы ничего не знали о лестницах и, впервые встретившись с ними, начали их удивленно и вдохновенно осваивать. Представляется, такой взгляд способен открыть новое в привычном.
 Ключевые слова: лестница; ступени; мифопоэтика архитектуры; феноменология архитектуры; смысл в архитектуре. /

Being an integral and necessary element of buildings and structures, stairs is considered not from the common point of view of regulation and construction, but in the presumption of the existence independent of our will, as if we knew nothing about stairs and, first seeing them, began to master them with surprise and inspiration. It seems that such a view is capable of discovering the new in the familiar.

Keywords: stairs; steps; mythopoetics of architecture; phenomenology of architecture; meaning in architecture.

Лестница. Труд и счастье в архитектуре / Stairs. Labour and happiness in architecture

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Грезы

Somnis scalam stantem – так называли лестницу латиняне: для них близость лестницы и грезы была очевидна. И греза, мечта, сон (somnus) ведут, конечно, вверх.

Онейрические фантазии о лестницах наиболее сильны у детей, выросших в одноэтажных домиках и попавших к 7–10 годам в многоэтажное здание, например, школу (прим. 1).

Этот перебор одинаковых ступеней... Он слишком рационален и логичен для онейрического. От нудной логики можно ведь и проснуться. Оттого снится лестница в своих измененных состояниях, особенно если имеет место фиксация взгляда, внимания на ней, а не простое, естественное и «функциональное» использование. Тогда она теряет ступени, марши, перила или приобретает лишние, сужается до невозможности идти двумя ногами или расширяется до горизонта; в ней уже нельзя найти повторы, ритм и метр, одинаковые ступени или надежные пропорции... Лестница играет с нами в «королевский крокет» Л. Кэрролла.

Один онейрический авторитет лестницы уже мог бы высоко держать ее статус в мифопоэтике архитектурных элементов. Лестница в этом статусе могла бы рассматриваться как форма сильная, самодостаточная, автономная настолько, что все остальное в зданиях могло бы лишь дополнять ее, служить ей. Домá можно было бы строить ради одних только лестниц.

Итальянское «Scala» – лестница, шкала, измерение пути и нас, идущих по нему, нашего подъема или спуска. Но нет таких устойчивых систем знаний и практики, где лестница была бы достаточно автономна и эталонна (кроме сонников и прочих духовидческих сочинений). Напротив, лестницы служат; измеряют не они, а их; с XX века их служба строго нормирована и регламентирована, там шагу нельзя ступить без ГОСТа и СНиПа.

Лестницы, несомненно, самый «функционалистский» элемент архитектуры. Хоть и возможны лестницы как декор или имитация, но такое случается с ними гораздо реже, нежели со стенами, порталами, арками. Мы пишем «функционалистский», но не функциональный, поскольку здесь важнее коннотировать причастность к идефиксу «функция», чем указать на пользу или «работу».

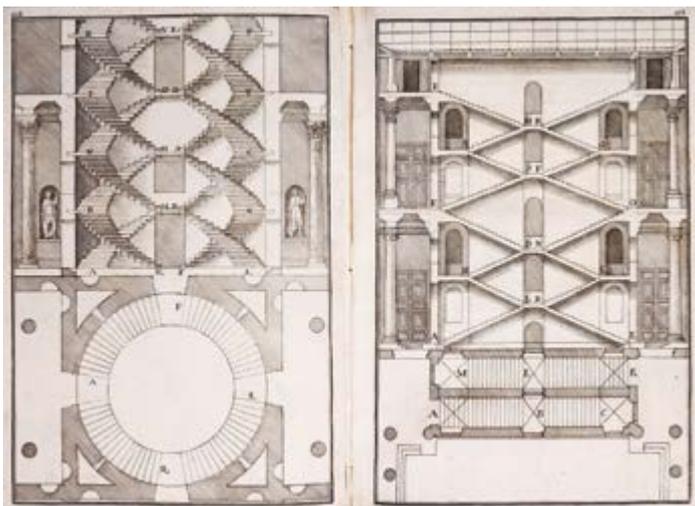
Работы у лестницы очень много. Среди лестниц встречаются все сословия: дворяне, военные, пожарные, слуги, кухарки, грузчики... Лестница, неся свою «функцию», тем самым соглашается быть частью целого – собственно элементом. Но с нею случаются чудеса. Она вспоминает вдруг не о функции, но о миссии своей, становится враз той частью, что равна целому, заполняет собою целое, вытесняя прочее: Вавилонская башня (реальная и мифологическая), зиккураты Месопотамии, пирамиды Мезоамерики... Такие сооружения убедительно воплощают дух лестничной автономии, вырвавшийся на свободу. Самодостаточность тут граничит с самодовольством, но плата за свободу – метаморфоза: Лестница становится Башней. Лестница-на-Небо – предел лестничной гордыни, конец ее порыва на грани утраты всех смыслов, кроме одного – подъема. И только гнев богов не позволяет Лестнице состояться как типу здания.

Приходится спускаться на землю и служить: где-то скромно и едва заметно, где-то не без пафоса и с намеками на причастность к «небесному». Служба лестниц (прим. 2) строга и целесообразна, однообразна, даже уныла (стоит ли удивляться тяге к онейрическому, к фантазии и мифу!). Лестницы – рыцари Архитектуры, ее верные мушкетеры. Но в спартанской дисциплине их гарнизонов тайно культивируются экзотические цветы романтического воображения. Лестницы постоянно топчут, но о них же и грезят.

Метаморфозы

Декоративное применение лестниц является, вероятно, проявлением комплекса вины перед ними: так относятся к певчей птичке в клетке (прим. 3). Декоративность, разумеется, редко мешает их прямому использованию, скорее напротив: в глазах декораторов она долженствует повысить некую... субъективную заинтересованность лестницы, принужденной к исполнению функции. Здесь лестницы – генералы и куртизанки! Их изящно завивают, одевают в мундиры или пестрые одежды или хотя бы вызывающе красят. Их ритм намеренно сбивают, ставят им подножки и ставят на котурны. Лестница превращается в знак, в иероглиф, не обязательно означающий саму лестницу, подъем или вообще хоть что-либо означаю-

^ Рис. 1. Лестница – базовый сюжет Casa Malaparte – постройки, традиционно приписываемой авторству Адальберто Либера. Во-площение Felicita! Капри, 1937

^ Рис. 3. Чертежи лестниц из трактата Андреа Палладио «Четыре книги об архитектуре». 1570

^ Рис. 4. Лестница в Palazzo Reale. Архитектор Джузеппе Пьермарини. Милан, 1773–1778

щий. Не сказать, чтобы лестницы от всего этого умирали, но архетип Лестницы, стоящий за всеми ними, наблюдающий эти наши прыжки и ужимки, – он точно помирает со смеху.

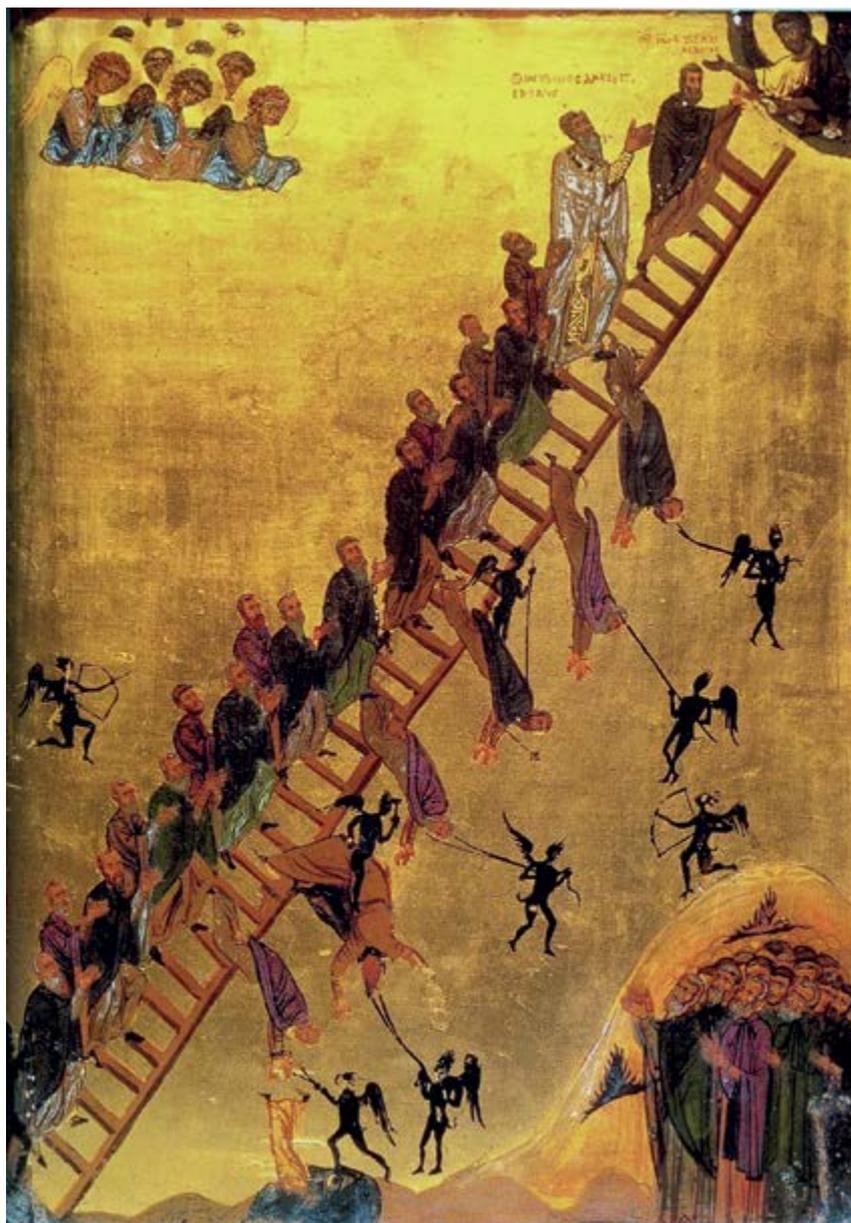
Оттого так сильна чистая – белая – лестница с постоянным метром ступеней, с простыми и однородными перилами (или вовсе без оных). Или стремительная, зажата между свободно стоящих стенок. Такую лесенку однажды соорудил Альдо Росси в Перудже, и это было откровением. Такая не только выглядит надежной и приглашает ступить на нее, но просто вводит нас в состояние гомеостаза, в которое мы приходим при каждой встрече с архетипом.

Модное ныне стремление сделать лестницу эфемерной, избавить от бремени вещности и телесности идет во вред ее природе и субстанциальности. В отличие от Лабиринта [1], другого излюбленного героя архитектурной онейронавтики, Лестница истаивает при приближении к своему нематериальному эйдосу. Однако указанное стремление, кажется, неодолимо, ведь лестница интересна архитекторам и дизайнерам своими страданиями *rag excellence*.

Нельзя обойти молчанием лестницы винтовые. Их изобретение было гениальным поступком, позволившим подниматься с ничтожной площадки на большую высоту, давшим доступ к фонарям куполов и капителям гигантских полых колонн и сделавшим возможными колокольни, минареты, иные башни. Но как были винтовые лестницы неудобными в седой древности, таковыми остались и сегодня. Применение их в домах и общественных зданиях – торчащими из дыры в перекрытии сверлами, окруженными пустым и бессмысленным «пространством», – не более чем дурная привычка (увы!) чрезвычайно распространенная. Дизайнерские изыски или декор иногда спасают их, драматургия вертиго может закрутить существенную часть интерьера, как в Шамборском замке, или быть уравновешенной обратной спиралью, как там же. Но все это – способы лечения выдуманной болезни.

Отчего лестницам так особенно «повезло» с «креативными поисками» архитекторов и дизайнеров, ввергающими их в постоянные метаморфозы, если не сказать в метемпсихоз? В самом деле, представление о том, что у лестниц есть душа и что она ранима, кажется, совер-

v Рис. 2. Лестница Иоанна Лествичника. За банальной способностью лестницы вести как вверх, так и вниз кроется миссия предельного различия: совершенное Благо или абсолютное падение

^ Рис. 6. Ступени Казанского собора в Санкт-Петербурге. Фото Сергея Соколовского

^ Рис. 5. Кадр из фильма Альфреда Хичкока «Головокружение» (Vertigo). 1958

шенно недоступно архитектурному воображению. Душу мы готовы признать за уникальным зданием, на худой конец – за местом, ландшафтом. Такую душу мы видим прекрасной и описываем в прекраснотушных выражениях и образах. Остальное же рассматриваем как пластичный материал нашего самовыражения. Но призраки опер, привидения замков, змеи места и прочие inferнальные сущности, неосторожно разбуженные нашим сомнением, вовсе не испытывают благодарности к архитекторам, изгаляющимся в опусах по их неуспокоенные души. А уж что обитает под лестницей – в этом издревле признанном мистическом месте – лучше к ночи не упоминать... Лишая лестницу ее природы, изгоняя из нее сущность, мы рискуем дать место чему-то иному, природу чего совсем не знаем, от чего не защитит прозрачность и эфемерность конструкций, не спасет яркое освещение, убивающее все тени; не поможет даже бассейн с хлорированной водой под висющими в воздухе ступенями, как у Э. Сааринена в офисе GM в Детройте. У лестниц собственная гордость, они помнят миф о Вавилонской башне: надземная гордыня, надменность взгляда сверху вниз, искушающая многих, распространяется от библейского прототипа и на малые отблески его, даже и те, что едва отрываются от земной юдоли.

С чем бы не стоило экспериментировать, так это с лестницами! Впрочем, эксперименты эти довольно молоды – не старше сотни лет. Раньше лестницы уважали, их побаивались.

Стихии

Как бы ни были тяжелы иные лестницы, их стихия – воздух. Воздух роднит лестницы с аркадами и колоннадами, но не он является субстанцией этих форм. «Организация воздуха» – это, как пошутил А. К. Буков, не об архитектуре, а о пневматическом насосе. Скорее уж воздух организует лестницы, обволакивает их заботой и дыханием, светом и тьмою: ведь лестница – подчеркнута объемный, даже пространственный элемент архитектуры.

Лестница в ландшафте и лестница в клетке отличаются, как и птицы в подобных условиях. На рельефе у лестницы гораздо больше пластических и планировочных возможностей, она разворачивается свободно, но и спрос с нее

^ Рис. 8. Piazza del Bacio в Перудже. Альдо Росси. 1983

^ Рис. 9. Лестница в соборе Нотр-Дам. Париж. Фото Геннадия Ярославцева

v Рис. 7. Разномасштабные ступени Кносского дворца. Крит

большой: она видна со всех сторон, целиком, а значит – обязана быть красивой. Поставить такие же требования лестнице в структуре здания – значит, обеспечить ей хотя бы сносное подобие ландшафтных условий. Это достижимо в больших холлах, вестибюлях, пассажах и атриумах, в расширенных пространствах вертикальных коммуникаций – т. е. за счет преодоления лестничной клетки. Такое не всегда возможно и не всегда нужно, но, когда получается, возникают шедевры, вроде Лауренцианы, лестницы Парижской оперы, Ватиканского пандуса.

Клетка содержит в себе опасность при пожаре: связывая этажи, она связывает, множит и их уязвимость, концентрируя коммуникации – делает их заложниками случая. Винт, за счет объемной жесткости самонесущей конструкции, дает простор, но его пламенеющая эстетика не спасет от реального огня. Огонь вообще остается вне домашних стихий; он не стал позитивной субстанцией в архитектуре: ведь очаг, камин или печка – не устройства огненной стихии, не воплощения ее, как стена для камня или водопад для воды, но приборы утилизации ее оскопленной «пользы» (хотя бывает, что и они выходят из-под контроля). Когда стихия огня берет свое, лестницы первыми предают архитектуру и всех ее обитателей.

Отдельной главой в опыте о лестницах должны стать т. н. «ступенчатые колодцы» Индии. Это не столько колодцы (накопительные водоемы, пополняющие свои запасы во время дождей), сколько грандиозные лестничные орнаментации. Мой вузовский преподаватель любил выражение «вакханалия лестниц»; это как раз о них. Нет, никакой критики – чистый восторг! В этих сооружениях легко забыть, зачем пришел – до воды ли тут! А головокружение они вызывают даже больше, чем лестницы винтовые или изощренно гнутые. Здесь все ровно: чистая геометрия, но геометрии так много, ее правильность настолько безупречна, а ритмика столь навязчива, что они кажутся придуманными чертежником-параноиком. Эти чудесные сооружения показывают, насколько может быть выразительной простая линейная лестница. Впрочем, есть среди них и винтовые, круглые в плане. Но даже ровное полотно широкого спуска, глубоко уходящего в воду, потрясает. И чем меньше в ко-

^ Рис. 10. Фьезоле, монастырь Сан-Доменико. Одна из лестниц. Архитектор Маттео Нигетти. 1574

^ Рис. 11. Резиденция Olivetti в Венеции. Лестница холла. Карло Скарпа. 1957–1958

лодце воды, тем больше видны лестницы: их архитектура отнюдь не заинтересована в утолении народной жажды, их функциональность напускная. Вода в Индии мутная и зеленая, так что, освобождаясь от нее полностью, эти колодцы предстают в своем великолепии как кристальные воплощения архитектурной автономии.

Но начало истории лестниц, видимо, все же лежит на земле. В комплексе Кносского дворца можно увидеть широкий и длинный пандус, высеченный в скале. Угол его подъема в конце увеличивается, и естественные слои камня перерастают в искусственно выровненные, в ступени. Перед нами, возможно, первая лестница (по крайней мере, увидеть ее в Кноссе несравненно легче, нежели лабиринт). Успех изобретения закрепляется здесь же – в совершенной форме одномаршевой лестницы, устроенной в параллельных стенах и уже интегрированной в постройку.

Возникновение этажности в строительстве зданий, очевидно, шло через этапы чередующихся находок и их рефлексии. Постройки на различных уровнях (отметках) одного склона, частично объединенные общей конструкцией (стеной), могли сообщаться открытыми наклонными путями, переходящими в подобие ступеней на естественных неровностях рельефа. Далее – ступени, созданные искусственно. Потом – совмещение уровней постройки в одном «многоэтажном» (2–3 этажа) плане и размещение лестницы в структуре этого плана. Все это и можно видеть в Кносском дворце на Крите. Лестница не предшествовала изобретению этажа, она формировалась, пестовалась вместе с ним.

Жесты

В архитектуре – искусстве статики – лестница едва ли не одна коннотирует движение. Да еще, пожалуй, аркада, но та развертывается траверсом, без набора или потери высоты. Аркада шивает ландшафты, позволяя архитектуре накапливать массу, обретать объем, превышающий витрувианскую хижину. Лестница – та нить, которая шивает объемы: этажи, уровни, отметки.

Но сентенции – вроде «<...> лестницы были задуманы для того, чтобы перемещаться в пространстве...», находимые в Интернете – лживы, несмотря на свою

якобы очевидную здавомысленность (как раз из-за нее и лживы). Лестницы – не автомобили, не самолеты и даже не порталы для телепортации. Кстати, последнюю иногда называют нуль-транспортировкой, имея в виду исключение потерь времени на «перемещение в пространстве» и полное отсутствие ощущений: был там – стал здесь, и никакого «тогда» и «теперь». Лестницы именно не «нуль» в перемещениях: они не только требуют затрат времени и мышечных усилий, они еще и дарят протяженные, топические и темпорально насыщенные, чувственные впечатления. Последние могут не нравиться, но лестницы как ничто иное в архитектуре, напоминают нам о нашей телесности (оттого, видимо, они и снятся, что хорошо впечатываются в сознание и бессознательное, в мышечную и сенсорную память). Лестницы, видимо, задуманы для того, чтобы напоминать нам о бренности и намекать на возможность ее преодоления – пусть иллюзорную возможность, отсроченную и удаленную – но намекать весомо и убедительно, здесь и теперь, постоянно.

Лестница – то немного, что легитимно и осмысленно задает в архитектуре диагональ. Диагонали часто не хватает, а она, в самом деле, – «одно из самых сильных измерений архитектуры» (К. С. Мельников). Поэтому замена лестничных диагоналей на эффектные «винты» еще и попросту расточительна.

Широкие или узкие лестницы – не различие размеров, но разные характеры. У них разные смыслы, которые напоминают: подъем и спуск – не единственные смыслы лестниц. По узкой мы взлетаем (особенно в стенах и с открытым верхом/верхним светом). По широкой – переваливаемся, перетекаем: она рассеивает стремление к движению, провоцирует созерцательность. Широкая и фигурная в плане лестница и вовсе не обязывает вас по ней ходить: довольно и заинтересованного разглядывания, любования. Таковы лестница Лауренцианы великого Микеланджело или Испанская лестница в Риме. Узкую и изящную, даже восхитившись ею, оскорбишь, если пройдешь мимо; да по ней и трудно не взойти, даже если тебе туда не надо.

Несомненно, лестница – один из приемов вменения пути, направления движения в архитектуре. Архитектура вообще довольно жестка к поведению и его свободе,

^ Рис. 12. Один из примеров феноменологически превратной, но дизайнерски «выразительной» трактовки лестницы

^ Рис. 13. Лестница библиотеки Лауренциана. Микеланджело Буонаротти. Флоренция. 1525–1571

иногда и жестока. Однако, в отличие от коридоров, галерей, замощенных дорожек и мостов, в феноменологию лестниц органично входит и право выбора: вид открывающегося лестничного марша не столько навязывает вам предуготовленное движение, сколько предоставляет самую возможность подъема/спуска (или уж право остаться на своем уровне); и, если не спешить с выбором, а взглянуть в зрелище расходящихся тропок, можно и успеть что-то понять в себе и в том, что это такое – ваш путь. Можно не принять вызов лестницы, а можно пережить труды подъема и в итоге обрести счастье достигнутой лично вами высоты – выхода на верхнюю площадку, такую, как солярий в Casa Malaparte. Лестница, таким образом, – инструмент управления судьбой.

Что значит поворот при движении по лестнице? Так идут серпантином в гору, удлиняя путь, но уменьшая угол подъема. Поворот – отдых на площадке, иллюзия смены занятия. Что же, пропасть не перепрыгнуть за два прыжка (прим. 4), но на гору взойти за несколько коленцев можно, удобно. Лестничные марши структурируют подъем и спуск, придают им ритм и метр, переводят подвиг восхождения и грех нисхождения в разряд стандартных повседневных процедур – профанируют символическое содержание вертикальных проекций движения. Лестницы – универсальные утилизаторы трансцензуса, почти полностью утратившие событийность (ее еще удерживают эскалаторы и лифты за счет машинерии). Событийность возвращается им посредством специальных сценариев зрелища, оттого, видимо, столь любимых архитекторами. Однако такие игры дорого стоят, а их индивидуальность оставляет привкус насильственности. Но экономия (в т. ч. и экономия усилий), комфорт и норма делают свое дело: событие поворота и восприятия каждого нового марша как нового вызова – давно уже стандартизованный суррогат, доступный всякой типовой конструкции.

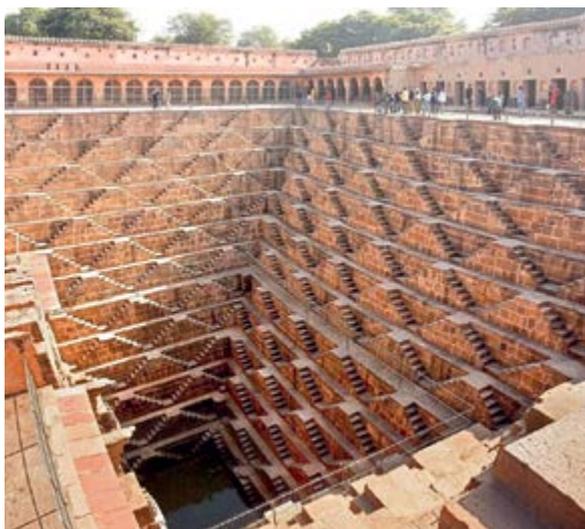
Главный жест на лестнице – шаг. «Все начинается с шагов. Их множество не складывается в четкие ряды. Они не поддаются статистике – у каждого свой голос, каждый ощущается и приводится в движение по-своему. Их оглушительная масса – это коллекция неисчислимых индивидуальностей. Благодаря шагам точки соприкасаются и пространства обретают плоть», – пишет

М. де Серто [2, с. 28]. В отличие от метафор духовного или интеллектуального восхождения («Лестницы идиотов» Гурджиева, например, или передвижения к выходу из Пещеры Платона), архитектурные лестницы не предполагают качественного перехода от ступени к ступени, когда каждый следующий шаг дается с большим и новым усилием – новым по типу. Напротив, их переходы сугубо количественные, а ступени в норме – одинаковые. Усилия также примерно одинаковы, если не учитывать усталость, это неотъемное телесное переживание; не она ли и придает совокупности пройденных шагов качество «коллекции индивидуальностей», о которой пишет Серто? Собственно, перехода и нет (как есть он в случае моста – «мостового перехода»), есть дискретное нарастание количества пройденного и уменьшение оставшегося. Но эта тривиальная линейка не уничтожает ни эстетиче-

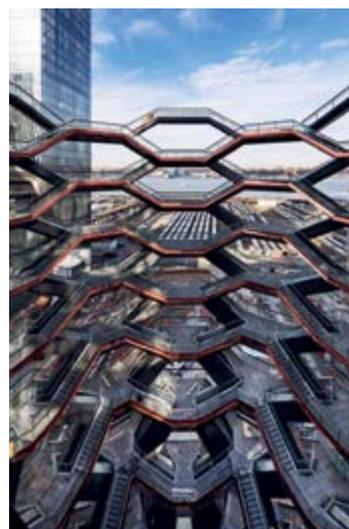

< Рис. 14. Главная лестница Парижской оперы. Архитектор Шарль Гарнье. 1860–1875

> Рис. 16. Ступенчатый колодец Чанд Баори. Индия. Строительство начато между IX и XI вв., закончено в XV в.

> Рис. 17. Vessel в центре района Hudson Yards на Манхэттене. Томас Хизервик. Нью-Йорк. 2019

ское, ни метафорическое достоинство лестниц; напротив, она завораживает, гипнотизирует. Лестницы, видимо, каким-то образом анестезируют и тело, и рефлексию, притупляют критицизм, что позволяет им подsunуть нам под ноги симулякр восхождения и заставить использовать его утилитарным способом, переживая и принуждение, и восторг. Лестница – редкий, пожалуй, уникальный симулякр, за которым мы согласны признавать всю полноту магического и художественного, духовного и эзотерического, гносеологического и онейрического, если не за этим вот конкретным, то за типом, за парадигмой. Реальные лестницы, в отличие от их идеологизированных литературных родственников, учат нас: восхождение,

как и нисхождение, могут быть незаметными, складываться из «малых дел», быть вопросом времени.

Лестница, даже если это структурированный пандус, как у Микеланджело на Кампидольо, настраивает на пересчет – шагов ли, ступеней ли, – то есть задает метр. Поэтому, в отличие от подъема по склону, подъем по лестнице не бесконечен, он психологически (не только эргономически) легче. Для спуска же здоровому и нестарому телу был бы удобней плоский склон (пандус, рампа), но уложить его в заданные размеры, совместить с лестницей получается далеко не всегда. Приходится спускаться по той же лестнице, «проваливаясь» на каждом шагу, ведь спуск и подъем несимметричны по антропомеханике. Спускаться по лестнице легко и красиво удается только Марике Рёкк в «Девушке моей мечты» и Обнаженной Марселя Дюшана.

Марш! Пролет! Ступень (ступай)! Какими поэтически и экспрессивными терминами оперирует Лестница! Но нам мало этой латентной экспрессии: нам нужна очевидная, интенсивная, быстро исчерпывающая собственные ресурсы в поисках все более сильной дозы. Лестница деградирует до аттракциона. Стоит ли удивляться: форсированная «выразительность» – единственное, что остается при вековой деградации плана содержания. Лестницам в этой возгонке досталось сильно, не меньше, чем стенам (прим. 5). Тектоника падет тут жертвой одной из первых, вслед за нею сразу же – субстанциальность, затем открытость к персонификации, а потом и сама подлинность.

Ценности

Лестница – редкий феномен, для которого достижение индивидуации не означает непременно и сохранение подлинности. Ее дизайнерские эйдолоны далеко заходят в поисках привлекательности и индивидуальности, уходя от подлинности. Но их ли вина, что ценятся в последнее время лишь чувственные симулякры?

Лестницы подобны женщинам: можно лишь догадываться об их генуинной природе, раскрыть которую стремились века эстетизации Лестницы и эротизации Женщины. Но века, скорее, преуспели в другом – в усложнении до бесконечности задач постижения в камуфляже

> Рис. 15. Испанская лестница в Риме. Архитекторы Алессандро Спекки и Франческо де Санктис. 1721–1725

^ Рис. 18. Лестница в Casa del Fascio. Джузеппе Терраньи. Комо. 1932–1936

^ Рис. 19. Casa Malaparte. Капри. 1937

и макияже природы, «подчеркивание» и «выявление» которой лишь создает новые условия для ее ускользания. У лестницы, как и у женщины, эйдос не совпадает с архетипом; эталон использования (от витрувианской *utilitas*; такие эталоны задают ГОСТы, медицинские и прочие параметрические справочники) – с идеалом красоты (*venustas* Витрувия – привлекательность, прелесть, соблазнительность); сказочность повествования – с морфологией истины. Их природа лукава и двойственна (тройственна, множественна), их надежность (*firmitas*) идет рука об руку с их несогласием на функциональные интерпретации. За это мы их (лестницы) и любим. Оттого и видим во сне, не без жутки и удовольствия вступая в особый вид гипноэротомехии.

Наконец, лестницы нередко сопровождают балюстрады, а они уже сами – стайки изящных женских ножек. Разумеется, всегда найдутся шутники, и здесь склонные к гротеску, но в своей классической норме балюстры (балясины) изящны и несказанно женственны; проблемы с ними, очевидно, ровно те же, что и проблемы у Женского в этом безумном мире.

Иметь дело с лестницами трудно, значительно труднее, чем представляется инженерно-конструкторскому или креативно-дизайнерскому сознанию. Лестница существует в довольно узком диапазоне возможного (оттого ее нормирование, в самом деле, имеет смысл). Хорошая лестница незаметна. Она, кажется, предпочла бы оставаться в недрах своего архетипа; она не любит, когда амбициозные личности ее оттуда извлекают и волокут на подиум дизайнерского тщеславия (случайно ли Л. Б. Альберти опасливо относился к женщинам и лестницам: статус папского секретаря обязывал?). Но, выйдя на сцену, лестница, как и иная женщина, преобразуется, расцветает, обнаруживает в себе и желание, и право быть примадонной. Кто способен запретить им это!

Не порывая со своей идеальной генетикой, лестница состоялась как вещь: ведь протяженность – атрибут вещи, а лестницы протяженны (пусть бы и насчитывали пару-другую ступеней). Протяженность означает несвободу от локализации, от телесности, от материала и места. Все это лестнице нужно принять в себя, осмыслить, переработать, поднять на должную высоту. Трудное

счастье иметь дело с архитектурой; мало каким другим способом его можно столь наглядно и телесно предъявить, как это удается лестницам.

Паттерны

«Лестница как сцена» – паттерны 125 и 133 у Кристофера Александра и Ко [3]. Сидеть на ступеньках – одно из традиционных развлечений людей. Хорошо сидеть на широкой лестнице вроде Испанской (что запрещено римскими властями с августа 2019): никому не помешаешь, никто не потревожит тебя, всех видишь и сливаешься с толпой. Сидение на узкой лестнице с высоким подступенком, напротив, придает сидящему значительность, прежде всего в его собственных глазах. Театры и амфитеатры приучают нас к этой привычке? Или лестница сама, своей театральной морфологией провоцирует присесть на нее, утомив до того? То есть вопрос опять об эйдосе и архетипе: откуда взялось это сидение, изначальное ли оно, или наведенное? Ведь ничто в архитектуре, кроме специализированной керамики, так не расположено к общению с интимным местом человеческого тела. А ступень – это элемент, никакая предметная «функция» которого, казалось бы, подобного отношения не предполагает!

Можно, конечно, присесть и на капитель – но лишь когда она стоит не на своем законом месте.

Лестница же всегда уместна. Неуместные лестницы не только разорительны и бессмысленны, но и кошмарны в точном значении: их место в ночных кошмарах, в снах-хоррорах (заметим здесь: бестелесные лестницы столь же ужасны, в частности, стекло – не материал для лестниц. И именно поэтому стеклянные лестницы еще долго нас не покинут!).

И все же лестнице надо отдать должное: это самый человеческий из элементов архитектуры. Ее параметры единственно привязаны к антропометрическим константам. Двери могут быть гигантскими или кукольными, любые помещения – безмерно высокими или ужасно низкими, просторными или крошечными, окна – щелями или витражами во весь фасад; капители и замковые камни, карнизы и кронштейны – все вообще детали построек бывают размером с Баальбекские блоки и со спичечный коробок. Ни ограничения мышечной силы человека, ни его чувства

^ Рис. 20. Monumento a Sandro Pertini. Альдо Росси. Милан. 1990

^ Рис. 21. Городская лестница в Гурзуфе. Фото Петра Капустина

(подавленности или возвышенности) никогда ничего не запрещали в архитектуре. И только лишь размер подступенка способен свидетельствовать, для кого, для существа какого роста (прим. 6) и со сколькими конечностями строилась веками вся земная архитектура.

Старая лестница в древнем городе: ступени, истертые прошедшими поколениями, многовековые следы событий, отшлифованное подошвами время; мысль и чувство, талант и измена, вера и надежда... Арка, оставаясь над головой толп, сохраняет следы стрел и пуль, стена (хорошо, если не расстрельная) тоже; колонны, пилястры – все предметы случайных касаний, неудачных движений, негабаритных грузов и негарантированных авантур. Их следы могут быть множественны, а раны глубоки, но камень, постоянно и непрерывно, веками контактирующий с людьми, испытывающий всякий час их удары, топот, шарканье, знаком лишь лестнице и, пожалуй, порогу. Но лестницу, в отличие от иного порога, не перешагнешь; в ее копилку нельзя не сделать взнос: уж если кто-то великий прошел здесь, то вот этот камень наверняка контактировал с его ступней. Тому, что такие факты не перерастают в культ (а если перерастают, то лишь в силу неумеренного человеческого фетишизма), мы можем быть обязаны протяженной природе лестничного хронотопа: в нем все следы сохранены, но все и стерты, все смешались с потоком предшествующих и последующих контаминаций.

Примечания

1. Мало того, что школа и так является травматическим для сознания институтом, так еще и размещается обычно в зданиях, чей образ не отпускает и по ту сторону бодрствования. Спрашивается, достаточно ли разумна сегодняшняя тенденция форсирования образности школьных зданий, не повышает ли она детский травматизм? Стоит ли забывать о том, что стремление создать впечатление может оставить неизгладимые следы на всю жизнь?
2. Кому льстят лестницы? Карьеристам? Или тем, от кого зависят карьеры? Восходящий к старофранцузскому «каррьер» – каменоломня, глубокий провал, но также и каменная плита (carre) – краеугольный камень, основание, ступень, ступив на которую можно начать подъем со дна, восхождение... Словари указывают на происхождение русского «лестница» из старославянского «лѣствица», от глагола «лѣзть» («лѣзти») по схеме образования слов «звонница», «бритва», «битва»,

«конница». Буквально лестница – «то, с помощью чего лезут», то есть приставная конструкция (продвинутые исследователи находят в корнях слова отголоски двух столпов и перекладин между ними (см. [4]). Шагать, идти, бежать по лестнице – видимо, гораздо более позднее достижение.

3. Таков и новый «Vessel» Томаса Хизервика в Нью-Йорке – 2500 ступеней в никуда. Такие сооружения демонстрируют и неумирающую тягу к мифу лестницы, и неспособность достичь его.
4. Если не подставить предварительную опору. Но это уже к мостам.
5. Если возвращать архитектуре реальную субстанциальность, то в первую очередь – лестницам и стенам. Им пора дать возможность быть, наконец, самими собой, а не полигонами наших экспериментов.
6. Вариации по эпохам и нациям известны. Так, Корбузье все собирался дорасти до ступеней Парфенона, но, потерпев в этом неудачу, выставил вперед своего гомункулуса – Модулора.

Литература

1. Капустин, П. В. Лабиринт // Проект Байкал. – 2018. – № 58. – С. 68-75
2. Серто, М. де. По городу пешком // Социологическое обозрение. – 2008. – Том 7. – № 2. – С. 24-38
3. Alexander, C., Isikawa, I., Silverstein, M. A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction. – London: Oxford University Press, 1978. – 1216 p.
4. Этимология слова Лестница // Энциклопедия латиниста. – URL: <http://littera.listbb.ru/viewtopic.php?f=7&t=1524> (дата обращения: 30.06.2022)

References

- Alexander, C., Isikawa, I., & Silverstein, M. (1978). A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction. London: Oxford University Press.
- De Certeau, M. (2008). Walking in the city. Sociological Review, 7(2), 24-38.
- Etimologiya slova Lestnitsa [Etymology of the word Staircase] (n.d.). Encyclopedia of the Latinist. Retrieved June 30, 2022, from <http://littera.listbb.ru/viewtopic.php?f=7&t=1524>
- Kapustin, P. (2018). Labyrinth. Project Baikal, 15(58), 68-75. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.58.1405>

Современная арабская культура сохраняет множество живых элементов, перенятых у древних, ныне исчезнувших культур. На примере традиционного музыкального инструмента рабаб показана связь современной культуры с культурами далекого прошлого (начиная с шумеро-аккадского периода Месопотамии), а также с другими аспектами традиционного образа жизни. Показана связь эмоциональной и акустической специфики звучания рабаба с особенностями традиционного жилого дома региона Левант, востребованными в современном энергосберегающем домостроении. Ключевые слова: арабская культура; традиции; Левант; история; музыка; архитектура; рабаб. /

Modern Arab culture retains many living elements adopted from ancient, now extinct cultures. Using the example of the traditional musical instrument rabab, the connection of modern culture with the cultures of the distant past (starting from the Sumero-Akkadian period of Mesopotamia), as well as with other aspects of the traditional way of life, is shown. The relationship between the emotional and acoustic specifics of the sound of the rabab and the features of a traditional residential building in the Levant region, which are in demand in modern energy-saving housing construction, is shown. Keywords: Arab culture; traditions; Levant; history; music; architecture; rabab.

How much of what surrounds us in everyday life has a chance to survive for two, three, five thousand years?

The oldest written civilization existed in Mesopotamia more than five thousand years ago, and the large cities of Ur, Kish, Lagash, Akkad were powerful states already in the middle of the third millennium BC. As the population density of the Middle East grew, trade routes connecting peoples and countries became increasingly important. The region now called the Levant (the land where the sun rises in Old French), or the Land of Canaan, as it is called in the books of the Old Testament, grew in importance. It was the Levant that became the crossroads at which the most ancient cultures of the Mediterranean met and mutually enriched. The "Road of the Kings" led from southern Yemen to the Gulf of Aqaba on the Red Sea and further north through Rabbat-Ammon (today Amman, the capital of Jordan) to Damascus (Gardiner & Saggs, 1999).

In the first millennium BC the general cultural flow of the Eastern Mediterranean was divided into separate centers in Egypt, Greece, Persia and the city-states of Mesopotamia. War pressed trade; kings and emperors preferred to seize foreign lands and actively practiced the most monstrous forms of genocide. Only

Музыка повседневной жизни (на примере арабского музыкального инструмента рабаб) / Music of everyday life (on the example of the musical instrument rabab)

Многое ли из того, что окружает нас в повседневном быту, имеет шансы сохраниться на протяжении двух, трех, пяти тысяч лет?

Древнейшая из письменных цивилизаций существовала в Месопотамии больше пяти тысяч лет назад, а крупные города Ур, Киш, Лагаш, Аккад были могущественными государствами уже в середине третьего тысячелетия до н. э. По мере роста плотности населения Ближнего Востока, все большее значение приобретали торговые пути, связывающие народы и страны. Росло значение региона, который теперь называют Левант (Страна, где восходит солнце на старофранцузском), или земля Ханаан, как она называется в книгах Ветхого Завета. Именно Левант стал тем перекрестком, на котором встречались и взаимно обогащались древнейшие культуры Средиземноморья. «Дорога царей» вела от южного Йемена к заливу Акаба на Красном море и дальше на север через Раббат-Аммон (сегодня Амман, столица Иордании) в Дамаск [1].

В первом тысячелетии до н. э. общий культурный поток Восточного Средиземноморья разделился на отдельные центры в Египте, Греции, Персии и городах-государствах Месопотамии. Война потеснила торговлю: цари и императоры предпочитали захват чужих земель и активно практиковали самые чудовищные формы геноцида. Только Левант остался верен принципам транзитности и культурного обмена. В результате арабские народы Леванта стали единственными наследниками культуры шумеров и аккадов и пронесли это наследие через тысячелетия.

К началу нашей эры шумеро-аккадская культура не только исчезла, но и оказалась прочно забыта почти на две тысячи лет, пока в начале XIX века ее не начали исследовать археологи. Постепенно, по мере расшифровки клинописных документов и накопления археологических фактов, начала вырисовываться уникальная цивилизация, возникшая и расцветавшая в, казалось бы, совершенно неподходящих для этого условиях.

Во всем Восточном Средиземноморье нет месторождений металлов, нет строительного камня, нет лесов с деловой древесиной – нет ничего, кроме воды и глинистого ила. Именно из этого ила, по словам Генри Саггса, и была построена великая цивилизация [2].

текст

Альшурман Али Салем
Колледж технического университета Luminous (LTUC-SAE), Амман, Иордания /

text

Dr. Ali Salem Alshurman
Luminous Technical University College (LTUC-SAE), Amman, Jordan

< Арабские (мусульманские) музыканты при дворе норманнского короля Рожера II Сицилийского. Начало XII века. Иллюстрация из книги Antonino Buttitta "Les Normands de Sicile".

Музыкант играет на ребеке – переходный вариант от классической рабабы к скрипке / Arab (Muslim) musicians at the court of the Norman king Roger II of Sicily. Early 12th century. Illustration from Antonino Buttitta's book "Les Normands de Sicile". The musician plays the rebec – a transitional version from the classical rababa to the violin

Некоторые находки той дальней эпохи, как ни странно, дожили до наших дней. Необходимость рассчитывать сроки разлива рек вызвала к жизни календарь и математику, причем шестидесятеричная система счисления принята сейчас для измерения времени во всем мире. Вероятно, первые колесные повозки, первые чиновники и первые врачи. Кстати, только в русском языке есть уникальное слово «врач», синоним латинского «доктор» и славянского «лекарь». Это слово неведомыми путями

the Levant remained true to the principles of transit and cultural exchange. As a result, the Arab peoples of the Levant became the sole heirs of the culture of the Sumerians and Akkadians and carried this legacy through the millennia.

By the beginning of our era, the Sumero-Akkadian culture not only disappeared, but was also firmly forgotten for almost two thousand years, until archaeologists began to study it at the beginning of the 19th century. Gradually, as cuneiform documents were deciphered and archaeological facts were accumulated, a unique civilization began to emerge. It seemed to arise and flourish in completely unsuitable conditions.

In the entire Eastern Mediterranean there are no metal deposits, no building stone, no forests with industrial timber – there is nothing but water and clayey silt. It was from this silt, according to Henry Suggs, that a great civilization was built (Saggs, 1987).

Some finds of that distant era, oddly enough, have survived to this day. The need to calculate the timing of the flood of rivers gave rise to the calendar and mathematics, and the sexagesimal number system is now adapted to measure time throughout the world. Probably, the first wheeled carts, the first officials and the first doctors

appeared there. By the way, only in Russian there is a unique word “vrach”, a synonym for the Latin “doctor” and the Slavic “lekar”. This word came into the Russian language from Sumero-Akkadian in unknown ways and means “knowing water and oil”, that is, who knows how to cook mixtures on a water and oil basis. In Mesopotamia, the first poets known to us appeared, cosmetics and even the first comics appeared in Mesopotamia.

The world's first bow musical instrument, the rabab, also appeared there.

The design of the rabab is very simple. This is a wooden resonator box, covered on one side with a goat or sheep skin membrane. Attached to the top of the resonator is a long straight neck without nut, like a violin. Several strings are stretched on this design – from one to four. The strings are pressed with fingers, and the sound is extracted with a bow in the form of an elastic arc with stretched horsehair.

Over the centuries, the rabab roamed from region to region and from one culture to another throughout vast Eurasia and even beyond. The Egyptians, ancient and modern, know and love it under the name “rebab”. With a slight change in form, it migrated to the

в Современный исполнитель музыки рабаб (Иордания). Неяркие краски пейзажа, небогатая растительность, тяжелое солнце... И внешний вид, и поза музыканта, и звуки музыки гармонично соединяются в единый образ этой древней земли. – URL: <https://www.resurichify.com/impact/details/21100902662/> Contemporary rabab music performer (Jordan). Dim colors of the landscape, sparse vegetation, heavy sun... The appearance, the posture of the musician, as well as the sounds of music are harmoniously combined into a single image of this ancient land

пришло в русский язык из шумеро-аккадского и означает «познавший воду и масло», то есть умеющий готовить микстуры на водной и масляной основе. В Месопотамии появились первые известные нам поэты, косметика, и даже первые комиксы появились в Месопотамии.

А еще там появилась первый в мире смычковый музыкальный инструмент – рабаб.

Конструкция рабаба очень проста. Это деревянная коробка-резонатор, с одной стороны затянута мембраной из козлиной или овечьей кожи. Сверху к резонатору прикреплен длинный прямой гриф без порожков, как у скрипки. На эту конструкцию натянуто несколько струн – от одной до четырех. Струны прижимаются пальцами, а звук извлекается при помощи смычка в виде упругой дуги с натянутым конским волосом.

С течением веков рабаб кочевал из региона в регион и из одной культуры в другую по всей необъятной Евразии и даже дальше. Египтяне, древние и современные, знают и любят его под названием «ребаб». С небольшим изменением формы он перекочевал в страны Южной

Европы и был известен во французской деревне как «рабелла», в Испании – как «рабель», «рап» и «крабикен», а в Италии его называли «ребек». Вместе с португальцами он пересек Атлантику и распространился по разным регионам Бразилии под названием «рубек» [3].

Долгие странствия рабаба, уже на гребне распространения ислама, привели его в Западную Сибирь. Сибирские татары, удмурты, марийцы и чуваша рассказывают жутковатую сказку. Молодую женщину выдают замуж в чужую семью, но родители мужа оказываются живыми мертвецами-оборотнями «убырами». Женщина пытается бежать, но свекровь принимает облик волка, настигает и убивает ее. Позже братья убитой находят ее растерзанный труп и делают музыкальный инструмент из ее волос (в другой версии – из ее кишок). Но, как только они проводят смычком по струнам, инструмент плачет человеческим голосом и рассказывает историю гибели женщины. Сказка заканчивается тем, что братья убитой мстят оборотням, уничтожая всю их семью [4].

В этой истории, вероятно, отразились реальные воспоминания о некоторых эпизодах переселения народов по просторам Сибири. Но нас больше интересует мотив отождествления музыкального инструмента с частями человеческого тела. инструмент – это не механическое, мертвое изделие. Он плоть от плоти человека, такой посмертный ребенок погибшей женщины.

После упадка и исчезновения шумерской культуры сохранение рабаба взяли на себя арабы южной части Аравийского полуострова. Это суровая, недоброжелательная к человеку местность. Жаркий и засушливый (аридный) климат, беспощадное солнце, постоянное ощущение близости великих пустынь – Руб-эль-Хали, Большой Нефуд и, конечно, царица пустынь Сахара. Именно кочевники-бедуины сохранили живую традицию изготовления рабаба и игры на нем. После перехода к оседлому образу жизни в эпоху исламизации рабаб стал частью городской культуры арабов [5].

Звучание рабаба негромко. Конструкция инструмента не позволяет получать сильный звук. Подобно тому, как предки рояля спинет и клавесин предназначались для камерных, интимных интерьеров и домашнего музицирования, так и рабаб предполагает небольшой круг

countries of Southern Europe and was known in the French countryside as “rubella”, and in Spain – as “rabel”, “rap” and “rabiken”, and in Italy it was called “rebec”. Together with the Portuguese, it crossed the Atlantic and spread to different regions of Brazil, under the name rubeca (Farmer, 1929).

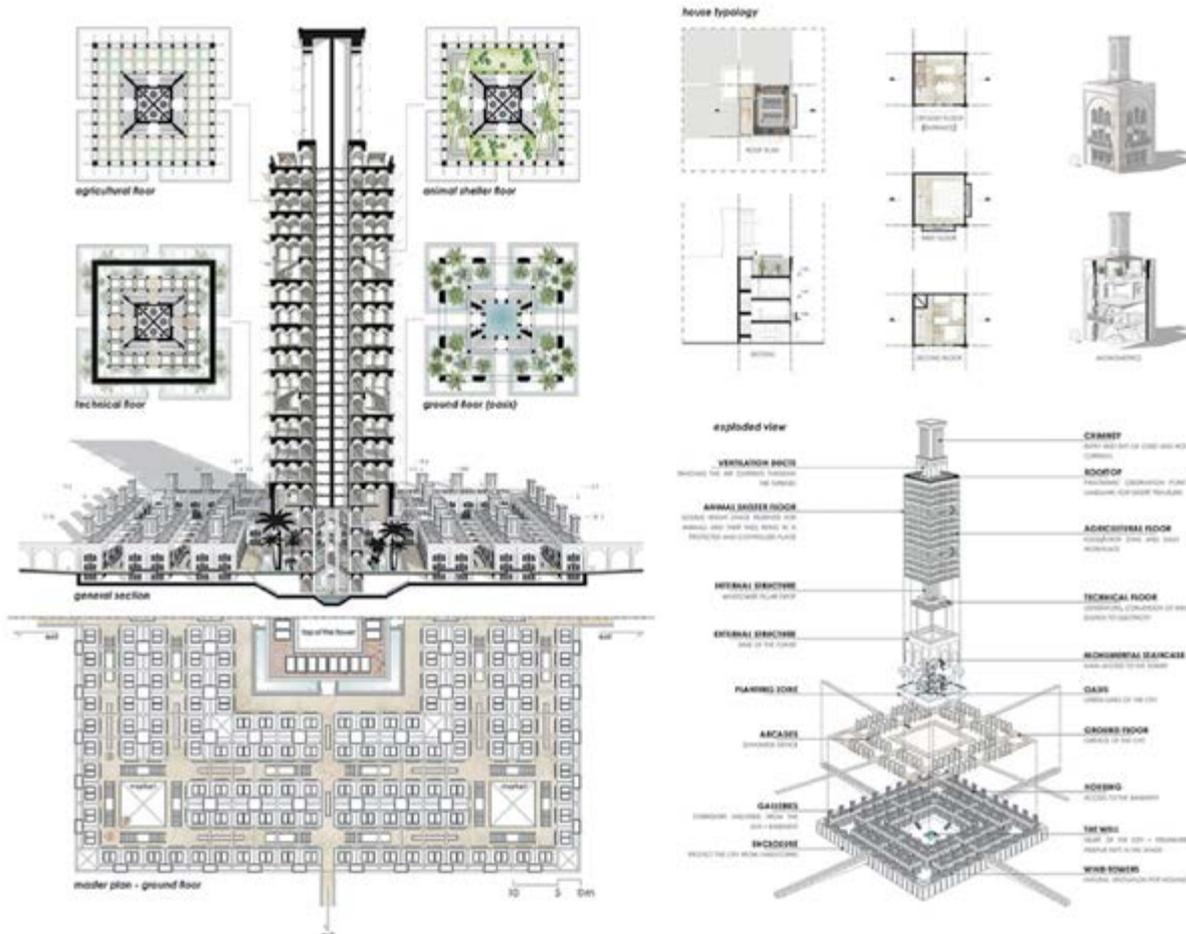
The long wanderings of the rabab, already on the crest of the spread of Islam, brought it to Western Siberia. Siberian Tatars, Udmurts, Maris and Chuvashs tell an eerie tale. A young woman is given in marriage to a strange family, but her husband’s parents turn out to be living dead werewolves “Ubyrs”. The woman tries to run, but her mother-in-law catches up and kills her. Later, the brothers of the murdered woman find her torn corpse and make a musical instrument from her hair (in another version, from her intestines). But, as soon as they pass the bow along the strings, the instrument cries in a human voice and tells the story of the death of a woman. The tale ends with the fact that the brothers of the murdered woman take revenge on the werewolves, destroying their entire family (Rakhno, 2017).

This story probably reflected real memories of some episodes of the migration of peoples across the expanses of Siberia. But we are

more interested in the motive of identifying a musical instrument with parts of the human body. An instrument is not a mechanical, dead product. It is flesh of the flesh of a human, a kind of posthumous child of a dead woman.

After the decline and disappearance of the Sumerian culture, the Arabs of the southern part of the Arabian Peninsula took over the preservation of the rabab. This is a harsh area where life is extremely hard. A hot and arid climate, a merciless sun, a constant feeling of proximity to the great deserts – Rub al-Khali, Great Nefud and, of course, the queen of deserts Sahara. It was the Bedouin nomads who preserved the living tradition of making rabab and playing it. After the transition to a settled way of life in the era of Islamization, the rabab became part of the urban culture of the Arabs (Panum, 1939).

The voice of the rabab is not loud. The design of the instrument does not allow you to get a strong sound. Just as the ancestors of the royale – spinet and harpsichord – were intended for chamber, intimate interiors and home music-making, so the rabab assumes a small circle of listeners and a modest interior. This may be a Bedouin tent made of woolen fabric, which additionally muffles the sound. In a modern concrete house, traditionally, there are carpets that play the same role (Al-Shurman, 2018).

^ Проект «Бадгир Скайскрепер». Adam Fernandez, архитектурное бюро Evolo (France). – URL:

<https://www.evolo.us/badgir-skyscraper/>

Древние приемы кондиционирования воздуха в жарком климате Леванта привлекают повышенное внимание на фоне энергетического кризиса / Project “Badgir Skyscraper”. Adam Fernandez, architectural bureau Evolo, France. – URL: <https://www.evolo.us/badgir-skyscraper/>.

Ancient air-conditioning techniques in the hot climate of the Levant gain heightened attention amid energy crisis

The timbre of the classical rabab is minor, melancholy. Some ancient sadness is heard in this sound, even in fast and cheerful melodies.

The great Arab sage, encyclopedist, commentator on Aristotle and Plato Abu Nasr al-Farabi dedicated a significant part of his treatise on music *Kitab al-musiki al-kabir* to rabab. Written at the end of the ninth century AD, the treatise continues Pythagoras's ideas about the healing nature of music. Al-Farabi believes that music originated as singing – perhaps the lonely song of a Bedouin wandering in the desert. Therefore, he considers singing as a natural phenomenon. Only later does the idea of a musical instrument accompanying the voice appear. For singing you only have to have the relevant stance of your soul. In order to make a musical instrument, you need to know the properties of wood, metals and other artificial entities (Al-Farabi, 1987).

It should be noted that traditional Arabic poetry assumes a continuous sound, it is more of a recitative than a declamation in the *bel canto* style. A singer is always a poet, and a poet is a sage. And in much wisdom, as the prophet said, there is a lot of sadness.

в Организации Emergency Architecture & Human Rights строят школы из мешков с песком и глины для сирийских и иорданских детей в деревне Заатари, расположенной недалеко от лагеря беженцев Заатари, в 10 км от сирийской границы. Иордания принимает значительное количество беженцев, хотя бюджет страны вовсе не велик. Местные жители обращаются к традиционным строительным технологиям. Как ни странно, эти древние способы домостроения успешно справляются с тяжелым климатом и резкими перепадами температуры / Emergency Architecture & Human Rights is building schools out of sandbags and clay in the village of Zaatar, located near a refugee camp, 10 kilometers from the Syrian border. Jordanian and Syrian refugee children study together at school

слушателей и скромный интерьер. Это может быть шатер бедуина из шерстяной ткани, дополнительно приглушающей звук. В современном доме из бетона по традиции обязательно присутствуют ковры, играющие ту же роль [6].

Тембр классического рабаба минорный, меланхоличный. Какая-то древняя печаль слышится в этом звуке, даже в быстрых и веселых мелодиях.

Великий арабский мудрец, энциклопедист, комментатор Аристотеля и Платона Абу Наср аль-Фараби посвятил рабабу значительную часть своего трактата о музыке «*Kitab al-musiki al-kabir*». Написанный в конце IX века н. э., трактат продолжает идеи Пифагора о врачующем характере музыки. Аль-Фараби полагает, что первоначально музыка возникает как пение – возможно, одинокая песня бедуина, странствующего в пустыне. Поэтому пение он рассматривает как естественный, природный феномен. Лишь затем появляется идея музыкального инструмента, аккомпанирующего голосу. Для того, чтобы изготовить музыкальный инструмент, нужно знать свойства древесины, металлов и прочих искусственных существей [7].

The smooth undivided sound of the rabab echoes the flowing nature of the space of the traditional Arabic interior. The Arab residential building is fenced off from the external environment, it turns to the street with a solid wall, and in general there are few windows and they are of the minimum size. This is practical – you need to protect yourself from the heavy heat of the sun. Patterned lattices of *mashrabiya* serve the same purpose – it covers the openings of the building, like sunglasses. The patio with large plants is also included in the traditional residential building of the urban Arab. All these elements are designed, in addition to defense from the heat of the sun, to provide a mood of intimacy, the protection of the internal space from immodest looks from the outside. The confidential sound of the rabab, close to the unprocessed voice, is in tune with the shady courtyard, but is completely out of place in the open spaces of streets and squares.

The classic rabab performer makes the instrument by own hands. For this, materials are used that are as accessible and common as possible for the place where the musician lives. In Brazil, the resonator is made from half a coconut, in India it is made from precious woods, and in Arabia it is most often made from inexpensive leather

Надо заметить, что традиционная арабская поэзия предполагает слитное звучание: это, скорее, речитатив, чем декламация в стиле *бельканто*. Певец – всегда поэт, а поэт – это мудрец. А в многой мудрости, как известно, много печали.

Плавная нерасчлененность звучания рабаба перекликается с перетекающим характером пространства традиционного арабского интерьера. Арабский жилой дом отгораживается от внешней среды, он поворачивается к улице сплошной стеной, да и в целом окон мало, и они минимального размера. Это практично: от тяжелого солнечного жара надо защищаться. Той же цели служат узорчатые решетки *машрабия* – они прикрывают проемы здания, как темные солнечные очки. Внутренний дворик с крупномерными растениями также входит в традиционный жилой дом городского араба. Все эти элементы призваны, кроме защиты от солнечного жара, обеспечить настроение интимности, защищенности внутреннего пространства от нескромных взглядов извне. Доверительный, близкий к необработанному голосу звук рабаба созвучен тенистому внутреннему дворику, но совсем неуместен на открытых пространствах улиц и площадей.

Классический рабаб исполнитель изготавливает своими руками. Для этого используются материалы, максимально доступные и обычные для того места, в котором живет музыкант. В Бразилии резонатор делают из половинки кокосового ореха, в Индии – из ценных сортов древесины, а в Аравии чаще всего из недорогой кожи и палок. Настоящий традиционный рабаб не обязан выглядеть роскошно, но должен быть достаточно прочным и удобным в руках музыканта. Интересно сопоставить этот принцип с древним законом шумеров, строивших свои дома из сырцового кирпича. Топлива, как и дождей, было мало, поэтому большинство зданий строилось просто из необожженной смеси глины с соломой. Но если такой дом разваливался и жилец погибал под руинами, то строителя этого злослучного здания тоже ждала смерть. Если же при обрушении дома погибал сын хозяина, то казнить надлежало сына архитектора-строителя [2].

Традиционный арабский дом сегодня привлекает внимание архитекторов и ученых, занятых проблемой здания с нулевым энергетическим балансом. Жилой дом,

and sticks. A real traditional rabab does not have to look luxurious, but should be strong enough and comfortable for the musician. It is interesting to compare this principle with the ancient law of the Sumerians, who built their houses from raw bricks. Fuel was scarce, as was rain, so most buildings were built simply from an unbaked mixture of clay and straw. But if such a house fell apart, and the tenant died under the ruins, then the builder of this ill-fated building also faced death. If the son of the owner died during the collapse of the house, then the son of the architect-builder was to be executed (Saggs, 1987).

The traditional Arab house is now attracting the attention of architects and scientists concerned with the zero energy building problems. A residential house that does not require external sources of electricity for its operation is a bright dream of urbanists, which is becoming more and more desirable against the backdrop of a growing energy shortage. In hot climates, the main consumers of electricity are air conditioners and refrigerators. The engineering solutions of a traditional Arab house are justly admired by specialists. For example, the malkaf or badgir wind tower (windcatcher) is a kind of wind trap that captures air movements high above the

heated ground and directs a cool breeze into the building. Sometimes the air duct runs through the basement, which additionally cools and humidifies the air without the slightest consumption of electricity (Zabalueva & Yusifi, 2017).

The principles of a healthy home were formulated by Abu Ali Hussein ibn Abdullah ibn al-Hasan ibn Ali ibn Sina, known in the West as Avicenna, a student and follower of al-Farabi. Just as music is built on the natural basis of human voice, so a healthy home is based on the natural needs of a person. The artificial, instrumental part of music and architecture is only a transient and optional adornment. The natural basis is based on the constant features of the place, climate, landscape. An artificial superstructure can follow fashion or imitate popular models, but only externally, superficially, in no way infringing on the natural basis (Nuryшева et al., 2021).

The philosophy of music, like the philosophy of the traditional Arab home, is based on the thesis of the identity of a person, his body and soul with his personal belongings. A musical instrument, like a house, is an extension of the person himself. It is his quiet, not luxurious, perhaps not at all rich, but unique and individual happiness.

который не требует внешних источников электричества для своего функционирования – это светлая мечта урбанистов, которая становится все более желанной в контексте растущего дефицита энергии. В жарком климате основной потребитель электроэнергии – кондиционеры и холодильники. Инженерные решения традиционного арабского дома вызывают справедливый восторг специалистов. Например, ветровая башня малькаф или бадгир – своеобразная ловушка для ветра, которая улавливает движения воздуха высоко над нагретой землей и направляет прохладный ветерок внутрь здания. Иногда воздухопровод проходит через подвал, что дополнительно охлаждает и увлажняет воздух без малейшего расхода электричества [8].

Принципы здорового жилища сформулировал Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина, известный на Западе как Авиценна, ученик и последователь аль-Фараби. Подобно тому, как музыка строится на естественной основе человеческого «звучания», так и здоровый дом в основе своей следует естественным потребностям человека. Искусственная, инструментальная часть музыки и архитектуры – лишь украшение, преходящее и необязательное. Естественная основа опирается на особенности места, климата, пейзажа. Искусственная надстройка может следовать моде, подражать популярным образцам, но только внешне, поверхностно, ни в коем случае не посягая на естественную основу [9].

Философия музыки, как и философия традиционного арабского дома, опирается на тезис о тождестве человека, его тела и души с его личными вещами. Музыкальный инструмент, как и дом, – продолжение самого человека. Его негромкого, нероскошного, возможно, совсем не богатого, но уникального и индивидуального счастья.

Литература

- Gardiner A. J. M., Saggs H. W. F. (1999) *Empires of the Ancient Near East: the Babylonians, the Hittites, the Egyptians, the Persians*. London: Folio Society
- Saggs H. W. F. (1987) *Everyday Life in Babylonia and Assyria*. NY: Hippocrene Books
- Farmer H. G. (1929). *A history of Arabian music to the XIIIth century*. London : Luzac

4. Рахно, К. Ю. (2017) Создание скрипки в народной сказке татар Западной Сибири // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции (Курган, 21–22 апреля 2017 г.). – Курган : изд-во Курганского гос. ун-та. – С. 113–117

5. Panum, Hortense (1939) *The stringed instruments of the Middle Ages, their evolution and development*. London : William Reeves

6. Al-Shurman A. (2018) *Architectural and Aesthetic Characteristics in the Interior Design of Umayyad Palaces in Jordan*, Ph.D. thesis. Moscow: Stroganov State Academy of Design and Architecture

7. аль-Фараби, Абу Наср Мухаммед. *Естественно-научные трактаты* : пер. с араб. / – Алма-Ата : Наука КазССР, 1987. – 495 с. : ил.

8. Забалуева, Т. Р., Юсифи, Р. А. (2017). Традиции арабской архитектуры в энергоэффективных зданиях // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2017. – № 2 (39). – С. 239–254

9. Nuryшева, Gulzhihan & Tercan, Nurfer. (2021). Al-Farabi's philosophy of music "The Legality of Music". *Central Asian Journal of Art Studies*. 6. 10–26

References

Al-Farabi. (1987). *Natural science treatises*. Alma-Ata: Nauka.

Al-Shurman, A. (2018). *Architectural and Aesthetic Characteristics in the Interior Design of Umayyad Palaces in Jordan* [Ph.D. thesis]. Moscow: Stroganov State Academy of Design and Architecture.

Farmer, H. G. (1929). *A history of Arabian music to the XIIIth century*. London: Luzac.

Gardiner, A. J. M., & Saggs, H. W. F. (1999). *Empires of the Ancient Near East: the Babylonians, the Hittites, the Egyptians, the Persians*. London: Folio Society.

Nuryшева, G., & Tercan, N. (2021). Al-Farabi's philosophy of music "The Legality of Music". *Central Asian Journal of Art Studies*, 6, 10–26.

Panum, H. (1939). *The stringed instruments of the Middle Ages, their evolution and development*. London: William Reeves.

Rakhno, K. Yu. (2017). *Creation of a violin in the folk tale of the Tatars of Western Siberia. History, economy and culture of the medieval Turko-Tatar states of Western Siberia: Proceedings of the III All-Russian (with international participation) scientific conference* (pp. 113–117). Kurgan: Publishing House of the Kurgan State University.

Saggs, H. W. F. (1987). *Everyday Life in Babylonia and Assyria*. NY: Hippocrene Books.

Zabalueva, T., & Yusifi, R. (2017). *Traditions of Arabic architecture in energy efficient buildings*. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2(39), 239–254.

Сделана попытка решить общую композицию квартала и внутреннюю организацию многофункционального центра в гармонии с окружением, а также реализовать главную идею – построить для молодежи в столице Приангарья новое прогрессивное здание – центр интеллектуального, профессионального и творческого роста.

Ключевые слова: многофункциональный молодежный центр; городок для молодежи; исторический центр; развитие подземного пространства; парцелляция; пассаж./

The authors tried to solve the general composition of the quarter and the internal organization of the multifunctional centre in harmony with the surroundings, as well as to realize the main idea: to build a new progressive building for young people in the capital of the Angara region, a centre for intellectual, professional and creative growth.

Keywords: multifunctional youth centre; youth campus; historical centre; development of underground space; parcellation; passageway.

Молодежный центр в историческом квартале 108 в Иркутске / Youth Centre in the historical quarter 108 in Irkutsk

текст

Диана Хвостанцева
Иркутский национальный исследовательский технический университет
Инна Дружинина
Иркутский национальный исследовательский технический университет

Дипломный проект
(бакалавриат)
автор

Диана Хвостанцева
руководитель
Инна Дружинина /

text
Diana Khvostantseva
Irkutsk National Research Technical University
Inna Druzhinina
Irkutsk National Research Technical University
Bachelor diploma project
author
Diana Khvostantseva
supervisor
Inna Druzhinina

В настоящее время в России развиваются и набирают популярность учреждения досуга – молодежные центры. Это прогрессивный тип многофункционального комплекса для молодежи, где особое внимание уделяется просвещению и саморазвитию, когнитивному и неформальному общению, популяризации здорового образа жизни и высокого уровня культуры отдыха.

В соответствии с Федеральным законом от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» верхняя возрастная граница молодых людей расширена с 30 до 35 лет, что привело к увеличению статистической численности молодежи на 9,3 процента [1]. По статистике на 2021 год, в Иркутске проживает 186723 человек в возрасте от 16 до 35 лет, что составляет чуть более 29 процентов от общего числа жителей города [2].

Рост численности молодежи, потребность в развитии и реализации собственных идей предъявляет повышенные требования к коммуникативным средствам. Активисты уже несколько лет не могут найти площадку под Молодежный центр в Иркутске. Рассматривались проекты и предложения по его размещению в кинотеатре «Чайка», в Доме профсоюзов, в ДК «Юбилейный» [3], но в силу разных обстоятельств ни один из них так и не осуществился.

Критерии выбора площадки проектирования основывались на особенностях расположения высших учебных заведений и существующих досуговых центров города. Автор выбрал исторический квартал №108, ограниченный улицами: Байкальская – Софьи Перовской – Подгорная. Размещение молодежного центра в исторической части города с сохранившимися архитектурными памятниками культурного наследия поможет в патриотическом воспитании молодежи, будет способствовать развитию интереса к истории малой родины, ее культуре.

Результатом анализа особенностей иркутской архитектуры в исторической части города стало применение в проекте некоторых приемов: парцелляция исторических кварталов; модульность фасадов; скошенные в плане углы зданий на пересечении улиц; применение пассажа и витринных окон; использование подземного пространства.

Опираясь на структуру близлежащих кварталов, с помощью пространственной решетки был сформирован Молодежный центр в соответствии с концепцией «город в городе», «квартал в квартале». В своей работе автор отходит от традиционного наполнения множеством функций одного большого сложносочиненного объема. Кроме того, максимально сохранено членение квартала по существующим границам земельных участков, что позволило учесть интересы собственников, конструктивные, противопожарные и иные требования.

Повысить эффективность использования участка проектирования в условиях ограниченной этажности (согласно ПЗЗ) предложено за счет развития подземного пространства [4; 5]. Все здания в 108 квартале объединены несколькими подземными этажами.

Комплекс из трех зданий пронизан пешеходными пространствами, на пересечении которых сформирован амфитеатр для проведения мероприятий на улице. Внутри блоков организовано несколько пассажей, позволяющих сократить путь от одного здания к другому. В итоге образ Молодежного центра сложился с учетом исторического контекста.

Реализация проекта помогла бы решить проблему нехватки комплексного учреждения досуга для реализации творческого потенциала, обмена опытом и возможности духовного и физического саморазвития, способствовала бы воспитанию у молодых людей бережного отноше-

Фасад в осях 17'-1" М 1:200

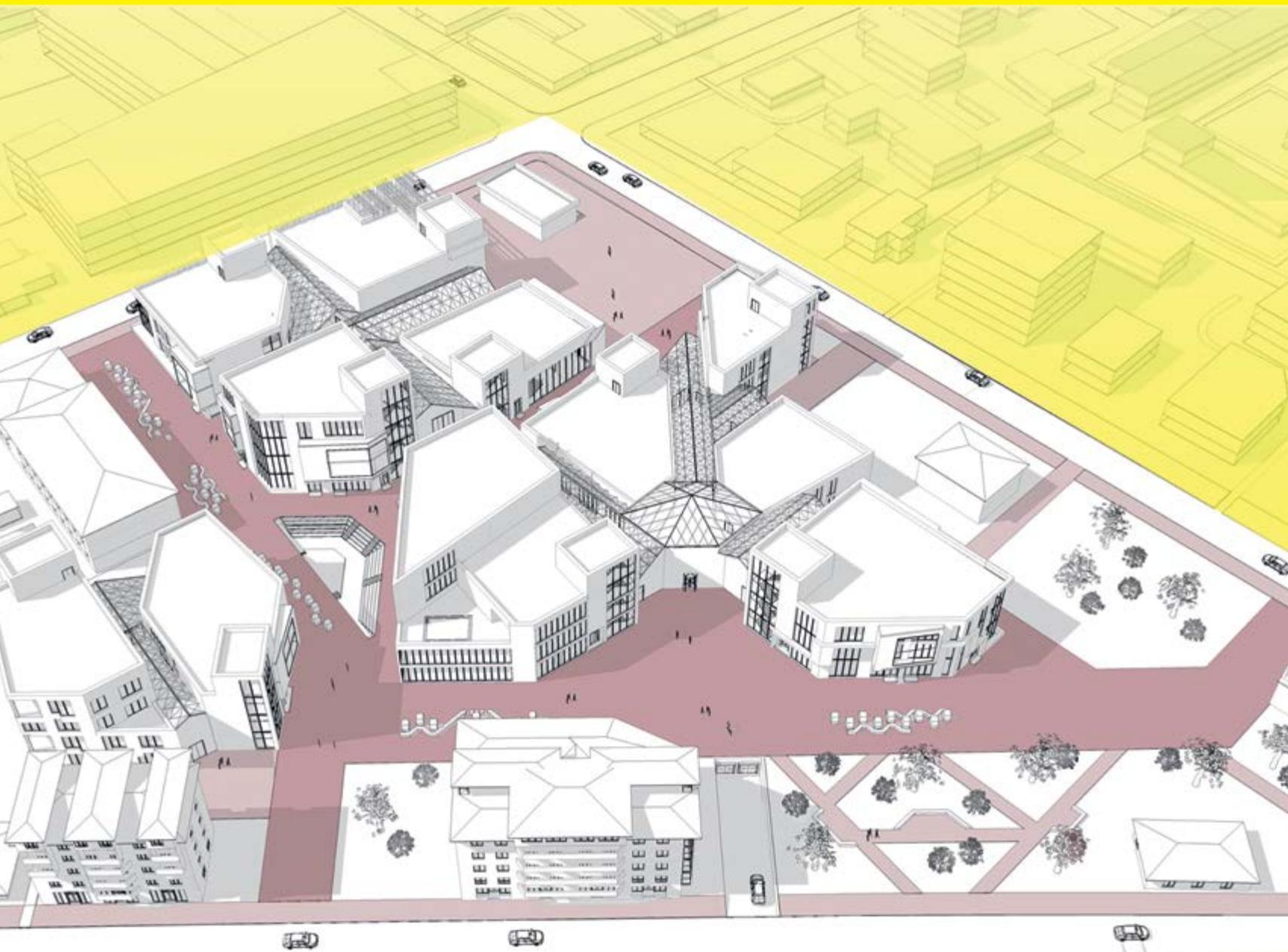
ния к памятникам архитектуры, тактичному взаимодействию современности и истории.

Литература

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (дата обращения: 23.04.2022)
2. Демография. Динамические таблицы. Иркутская область. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. – URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/45697> (дата обращения: 23.04.2022)
3. BezFormata. Площадка под Дом молодежи в Иркутске. – URL: <https://irkutsk.bezformata.com/listnews/pod-dom-molodyozhi-v-irkutske/84386335/> (дата обращения: 23.04.2022)
4. Холявко, А., Дружинина, И. Предпосылки формирования подземных пространств // Проект Байкал. – 2021. – № 69. – С. 46–49
5. Григорьева, Е. Прогулка по Иркутским кварталам // Проект Байкал. – 2015. – № 46. – С. 82–88

References

- Demografiya. Dinamicheskie tablitsy. Irkutskaya oblast [Demography. Dynamic tables. Irkutsk region] (n.d.). Territorial body of Federal State Statistics Service of the Irkutsk Region. Retrieved April 23, 2022, from <https://irkutskstat.gks.ru/folder/45697>
- Federal Law of 30.12.2020 No. 489-FZ “On Youth Policy in the Russian Federation”. Official Internet portal of legal information. Retrieved April 23, 2022, from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003>
- Grigorieva, E. (2015). A walk around Irkutsk’s quarters. Project Baikal, 12(46), 82-88. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.46.952>
- Kholyavko, A., & Druzhinina, I. (2021). Prerequisites for formation of underground spaces. Project Baikal, 18(69), 46-49. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1845>
- Ploshchadka pod Dom molodezhi v Irkutske [Site for the Youth House in Irkutsk] (2020). BezFormata. Retrieved April 23, 2022, from <https://irkutsk.bezformata.com/listnews/pod-dom-molodyozhi-v-irkutske/84386335/>

Интерьер жилого дома является важнейшим компонентом повседневного счастья. Одним из самых древних и сильных средств, позволяющих достичь психологического комфорта в доме, является станковая интерьерная живопись. На конкретных примерах рассмотрен процесс создания интерьерных картин для двух очень разных заказчиков. Показано, что конечный результат должен учитывать как личные особенности человека, для которого предназначена картина, так и эргономические характеристики жилого помещения, его размеры, освещенность и так далее.

Ключевые слова: живопись; интерьер; дизайн; счастье; психология; эргономика. /

The dwelling interior is an essential component of everyday happiness. One of the most ancient and effective means to achieve psychological comfort in the house is easel interior painting. The process of creating interior paintings for two very different customers is considered through specific examples. It is shown that the final result should take into account both the personal characteristics of the person for whom the picture is intended and the ergonomic characteristics of the living space, its size, lighting, and so on.

Keywords: painting; interior; design; happiness; psychology; ergonomics.

Живописное пространство интерьера / A picturesque interior space

текст

Наталья Ульянова

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет /

text

Natalia Ulyanova

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Интерьерная живопись – несомненно, самое древнее из изобразительных искусств. Сорок тысяч лет назад пещеры Ласко и Альтамира были домом для наших первобытных предков, и те украшали стены своих жилищ, не жалея времени и сил.

То, что мы сегодня видим в музеях, когда-то создавалось для интерьеров – например, парадно-дворцовых (а дворец для кого-то тоже дом). Живопись украшала интерьеры людей разных сословий и материального достатка – купеческих, мещанских, городских и земских. Наконец, целые течения и школы в живописи существовали благодаря обычаю украшать интерьер картинами [1].

Сегодня интерьерную живопись потеснили стандартная печатная продукция, постеры, плакаты. С другой стороны, «территорию живописи» активно осваивают разнообразие экраны [2].

Но интерьерная живопись не сдаётся.

Я беру трубку телефона и набираю номер своей давней подруги. Лена профессиональный скульптор, известный в своей области человек, глубоко и профессионально разбирающийся в искусстве, у нее огромное количество собственных произведений.

Задаю обычный житейский вопрос: какую живопись в своем доме она хочет видеть? Что внесет, на ее взгляд, радость, комфорт и счастье в дом? Сначала молчание, потом удивление, а далее ответ: «Я хочу видеть динамику, но вместе с этим умиротворение, возможно, архитектурный пейзаж или абстракцию, насыщенную в цвете».

Вот это задача. Пока ясно одно: живописная работа не должна быть большого формата. Лена – строгий критик, профессионал, и моя задача не из легких. Но всегда нужно сравнение, тот жизненный опыт, который подведет итог и расставит все на свои места.

Пожалуй, тут пригодится мнение человека совсем постороннего – мужчины, не имеющего никакого отношения к искусству.

У меня на даче замечательный сосед. Он на пенсии, труженик огорода и сада. И в какое бы время я ни выглянула в окно, он всегда «в поле». Даже не нужно звонить. Я ставлю табуретку к забору, оглядев просторы тщательно выкопанного и ухоженного участка, окликаю соседа.

Честно говоря, немного опасаясь – а ну как поднимет меня на смех?

К моему удивлению, на мой вопрос нет ни смеха, ни смущения. Внезапно, сосед твердо спрашивает сам: – А мне картину вы нарисуете?

– Обязательно. Но какую картину вы хотите?

Заказ звучит незамедлительно:

– В своем доме я хочу видеть большую картину. Она должна быть светлой, лирической. И знаете, что-нибудь мое самое любимое – цветы, растения.

Мы долго обсуждаем детали, и задача проясняется.

Итак, у меня два заказчика, два совершенно разных человека. Предложить уже готовую работу можно, но неинтересно. Нужно выполнить то, что нравится этим людям, незнакомым друг с другом, таким разным по социальному статусу, образу жизни и вкусовым приоритетам.

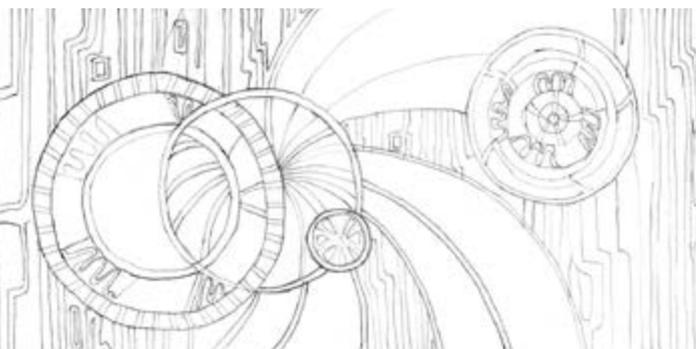
Я начинаю работать. Первый шаг в любом творческом процессе – это идея, художественный замысел, основанный на пожеланиях заказчика.

Кто из моих заказчиков окажется самым требовательным, я пока не знаю. Пожалуй, начну с эскизов для подруги Лены. Возможные варианты будущей живописи нужно показать заказчику; это прояснит задачу и определит конечный результат. Итак, эскизы и этюды.

Эскизы выполнены, остается утвердить сюжет, композицию и цветовое решение у моих друзей. Для Лены я выбрала абстрактное решение, яркую, но сближенную по цветам композицию, олицетворяющую образ динамичной вселенной. Пусть картина вносит в дом ритм и равновесие цветовых акцентов. Композиция задумана так, чтобы работа могла экспонироваться и вертикально, и горизонтально – в зависимости от размеров и характера помещения.

В самом начале мне казалось, что создавать произведение живописи для человека из мира искусства, каким является моя подруга, будет легче, но я ошиблась. Заказчик, знакомый со всеми гранями прекрасного, окупанный нюансами цветовой палитры, оказался придирчив, капризен. Моментами мне уже казалось, что она чрезмерно требовательна к созданию живописного полотна для своей квартиры.

Теперь этап утверждения эскиза пройден, и можно начинать работу в большом формате. О вкусах и капризах

^ Рис 1. Первый этап. Рисунок. Поиск решения абстрактной композиции в линиях

^ Рис 2. Второй этап. Начало работы в цвете. Прописка фона в холодных колористических сочетаниях

заказчика сейчас нужно временно забыть и опираться на объективные законы эргономики и живописи. Необходимо учесть все характеристики того помещения, где будет находиться картина.

Квартира Лены – обычная современная многоэтажка со стандартными габаритами. Квартира находится в северной части здания; значит, прямого солнечного света в квартире мало. Краски производства должны быть яркими, насыщенными и контрастными, чтобы уравновесить рассеянный «северный» свет. Выбирая яркие теплые цвета, мы добавляем квартире уюта и дружелюбия. Картина получается яркая и одновременно спокойная: ведь она будет висеть в спальне. Колорит картины локальный, гармоничный, способствующий созерцанию и душевному равновесию.

Для неожиданного заказа соседа Николая пришлось сделать больше вариантов, учитывая хорошо освещенное помещение дома. Для будущей картины выбрана техника витражной живописи; в этой технике выполнены этюды по композиции и сюжету. Помещение солнечное и больших размеров, для такого интерьера подходит яркая монументальная живопись и крупные массы цвета.

Спокойный и трудолюбивый сосед ждет картину. Тихо и ненавязчиво выполняя свой каждодневный труд, он хочет праздника и радости в доме. Тематика определена. В дальнейшей работе нужно учитывать габариты помещения, где будет экспонироваться картина и, безусловно, освещение. Картина будет висеть в гостиной, а в этой центральной комнате дома совмещается множество функций.

Разные функции помещения требуют особого внимания к его декору. Оформление помещения – сложная задача, но, независимо от критериев и вкусовых приоритетов хозяев помещения, задача живописного произведения – украсить дом. Картина не должна сливаться со стенами и заменять обои. Живопись должна работать в пространстве, в этом задача художника [3].

Создание художественного произведения требует от мастера полной самоотдачи. Художнику необходим опыт, знания, умения. Недостатком умения писать и рисовать, необходимо умение мыслить. Ремесло на грани философии жизни. Живописное произведение должно

^ Рис 3. Третий этап. Проработка живописных отношений фона и деталей абстрактной композиции. Поиск цветового образа композиции, единства цветового звучания красок. Опора на классические цветовые аккорды: «синий – желтый – ахроматические» и «зеленый – желтый – ахроматические». Поиск нужного уровня напряжения между основными тонами, динамикой и общим характером цвета (плотный, локальный)

^ Рис 4. Четвертый этап. Уточнение колористической гаммы. Поиск и создание образа и цветового звучания композиции за счет внесения света и воздуха в живописную композицию. Завершающий этап живописи

^ Рис 5. Первый этап. Рисунок. Поиски характера линии и общей композиции картины. Линия вибрирующая, передает тактильное ощущение бархатистых листьев. Композиция ненавязчивая, центр выделен нерезко. Также «намеком» обозначена восходящая диагональ из нижнего левого в правый верхний угол

^ Рис 6. Второй этап. Рисунок. Общая концепция цвета на контрасте холодного фона и теплых тонов изображения

v Рис 7. Третий этап. Живопись. Решение общего характера цвета. Цвет прозрачный, акварельный, нюансный

v Рис 8. Четвертый этап. Живопись. Подробная проработка цвета. Окончательный поиск выразительности образов и их цветовых сочетаний. Акцентировка Константин Лидин силуэта и графической выразительности. Гармонизация звучания главных и второстепенных (вспомогательных) элементов композиции.

v Рис 9. Пятый этап. Живопись. Завершение работы над картиной. Проработка деталей и формы декоративных элементов композиции, усложнение цвета и создание эффекта прозрачности тона за счет лессировок

быть построено и выполнено таким образом, чтобы прочтение идеи оказалось возможным и доступным [4]. Живопись должна быть выражением всех граней счастья. Наделять картину способностью дарить счастье по силам автору, художнику. Для этого существует путь, соединяющий ремесло с философией жизни, особый художественный язык, законы, совокупность принципов и способов, с помощью которых автор работает над произведением.

Литература

1. Ульянова, Н. Методологические подходы практического изучения живописи как фактора общекультурного развития в образовательной системе вузов // *Культура : управление, экономика, право*. – 2021. – № 1. – С. 39–43
2. Ульянова, Н. Цветовые и колористические задачи в организации методологии проектирования при подготовке архитекторов и дизайнеров в университете // *Научные исследования и разработки : Социально-гуманитарные исследования и технологии*. – 2021. – Т. 10. – № 4. – С. 57–61
3. Лидин, К. Этико-эстетические парадигмы и цветовая среда города // *Проект Байкал*. – 2022. – № 71. – С. 138–143
4. Ульянова, Н. Воспитание искусством, процесс формирования культуры нравственности, сотрудничества и созидания // *Культура : управление, экономика, право*. – 2019. – № 1. – С. 21–25
5. Ульянова, Н. Живопись как составляющая культуры воспитания в педагогической науке и практике // *Педагогическая поддержка*

«цифрового поколения»: технологии эффективности и безопасности образовательного пространства : материалы Международной научно-практической конференции. – Москва : изд-во Московского гос. ун-та технологий и управления, 2022. – С. 95–99

References

- Lidin, K. (2022). Ethico-aesthetic paradigms and the color environment of the city. *Project Baikal*, 19(71), 138-143. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1955>
- Ulyanova, N. (2019). Artistic upbringing: The process of establishment of culture of morality, cooperation and creation. *Culture: management, economy, law*, 1, 21-25.
- Ulyanova, N. (2021a). Color and coloristic tasks in the organization of the methodology of educational projects in the training of architects and designers at the university. *Scientific Research and Development: Socio-Humanitarian Research and Technology*, 10(4), 57-61.
- Ulyanova, N. (2021b). Methodological approaches to the practical study of painting as a factor of general cultural development in the learning system of higher educational institutions. *Culture: management, economy, law*, 1, 39-43.
- Ulyanova, N. (2022). Zhivopis kak sostavlyayushchaya kul'tury vospitaniya v pedagogicheskoi nauke i praktike [Painting as a component of upbringing culture in pedagogical science and practice]. *Proceedings of the International scientific-practical conference Pedagogical support of "digital generation": Technologies of efficiency and safety of educational space* (pp. 95-99). Moscow: publishing house of Moscow State University of Technology and Management.

Далай-лама XIV Лхамо Дондруб сказал: «К счастьем можно прийти двумя путями. Первый путь — внешний. Приобретая лучшее жилище, лучшую одежду, более приятных друзей, мы можем в той или иной степени обрести счастье и удовлетворение. Второй путь — это путь духовного развития...»

Но для архитектора духовное развитие неразрывно связано с жилищем, его устройством и обликом. Наверное, только то место, где человек бывает счастливым, может называться его домом. Дома и стены помогают, мой дом — это моя крепость и полная чаша, в гостях хорошо, а дома лучше... Жилище, которое человек называет своим домом, отражает и сохраняет образ этого человека и образ его жизни.

Интерьерная живопись — древний и вечно живой способ сделать жилище уютнее, доброжелательнее и ближе, то есть сделать жилище домом. Особенно в ситуации, когда жилье строится массовым порядком, изначально оно типовое и безликое. Строители могут обеспечить людей квадратными метрами жилья, но зачастую серьезные трансформации с жилищем происходят после заселения, силами хозяев квартиры. Как относиться к этим процессам? Проекты Александра Аравена приветствуют самостоятельность жильцов. Готовы ли к этому типовые проекты, которые сейчас тиражируются в массовом строительстве?

Объемность нашему взгляду на счастливый дом придает сопоставление типовой застройки с уникальными проектами талантливых архитекторов (материал об усадьбе по проекту Тотана Кузембаева). Сравнение традиций и обычаев разных, далеких друг от друга культур помогает увидеть комплексный характер счастливой дома — это не только стены и мебель, но и приемы защиты от крайностей климата, и звучащая в доме музыка, и та роль, которую играет в доме древняя стихия огня.

Не человек, угнетающие личность, а Дома — прочные, достойные долгой жизни нескольких поколений — и способные к обновлению. И так же, как в наших любимых книгах Стругацких, самые разные люди независимо от возраста, образования, взглядов на жизнь находят для себя свое, близкое, мы хотим, чтобы в наших городах каждый мог найти себе место для жизни и самореализации, для счастья.

Елена Григорьева
Константин Лидин

образ жизни и жилище / style of life and dwelling

The 14th Dalai Lama Lhamo Dondrub said that one can achieve happiness in two ways. The first way is external. By acquiring a better dwelling, better clothes, nicer friends, we can achieve happiness and satisfaction to a greater or lesser extent. The second way is the way of spiritual development...

But for the architect, spiritual development is inextricably linked to the dwelling, its arrangement and appearance. Probably, only the place where one is happy can be called home. At home even the walls help, my home is my fortress, there is no place like home... The dwelling that a person calls home reflects and preserves his or her image and style of life.

Interior painting is an ancient and everlasting way to make a dwelling cosier, friendlier and closer, that is to make it a home. Especially in the case of mass housing, when the houses are initially standard and impersonal. Builders can provide people with square meters of housing, but the houses are often seriously transformed by landlords after their occupancy. How should we deal with these processes? Alejandro Aravena's projects welcome the self-activity of tenants. Are the standard designs which are now replicated in mass construction ready for this?

Our view on a happy house is supplemented by comparing standard housing with unique projects of talented architects (the article about the manor designed by Totan Kuzembaev). Comparing traditions and customs of different and distant cultures helps to see the complex nature of a happy house. It includes not only walls and furniture but also methods of protection against climate extremes, the music playing in the house and the role that the ancient element of fire plays in the house.

Not human hills that oppress the individual, but Houses — stable, worthy of a long life span of generations, and renewable. Like in our favourite books by the Strugatsky brothers, where the most diverse people, regardless of age, education or worldview, find their own, intimate thoughts, we want everyone in our cities to find a place to live and fulfil themselves, a place to be happy.

Elena Grigoryeva
Konstantin Lidin

Массовая архитектура жилища требует особого рассмотрения; и в исторической перспективе, и в настоящем проектировщику необходимо осознание факторов, влияющих на процесс проектирования имплицитно, помимо воли заказчика и буквы задания на проектирование. Эти факторы поддаются систематизации, и основные из них рассматриваются в исторической перспективе как ключевые для формирования и бытования основных типов массового жилища.

Ключевые слова: архитектура жилища; типология; массовое жилище. /

Mass housing architecture requires special consideration. Both in the historical perspective and in the present, the designer needs to be aware of the factors affecting the design process implicitly, beyond the will of the client and the design brief. These factors lend themselves to systematization, and the main of them are considered in a historical perspective as essential to the formation and existence of the basic types of mass housing.

Keywords: housing architecture; typology; mass housing.

Массовая архитектура и ограничения / Mass architecture and limitations

текст

Николай Васильев

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет /

text

Nikolai Vassiliev

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Архитектура массового жилища – часто анонимная, а то и вовсе вернакулярная – зависит в большей степени не от замыслов, а от ограничений, спускающих с небес на землю реализацию любого замысла. Эти ограничения проистекают из объективных и безличных факторов – общности ожиданий, социальных практик, имплицитных конвенций, представлений о должном (составе семьи, наличии общей инфраструктуры и пространств, в конце концов, стиле и фасаде) и, тем паче, факторов архитектурных – от расположения несущих стен и типичных размеров пролетов до климатических требований, градостроительных регламентов и санитарных норм. Число этих Сцилл и Харибд огромно, стозевно и... – тут нельзя не вспомнить т. н. принцип «Анны Карениной» (перевернутый для городов – все города несчастливы одинаково...). Даже если свести основные ограничения к набору бинарных оппозиций, обнаруживается, что не все параметры универсально влияют на интегральный результат. Тем не менее стоит выделить основные. Некоторые из них, как будет видно, это не столько оппозиции, сколько ветвления. Например, растяжка по параметру количества жильцов мало осмыслена без второй – количества поколений, живущих вместе, а то и разницы в семейной структуре внутри группы жильцов.

Итак, с социальной точки зрения, основные ограничения – это должный (ожидаемый, подходящий) состав жильцов и их качества для группы жилых единиц. В разной пространственной организации это может быть и поселок саттерби, и квартал высокоплотной застройки, и привычный микрорайон, и т. п. Должный прежде всего по мнению заказчика (будь то частный девелопер, кооператив, государственная структура), у которого есть, скорее всего, маркетинговые ожидания и неясный в своей глубине набор презумпций совершенно субъективного свойства. Объективно же есть конечные жильцы – одиночки, пары, семьи с детьми, а то и семьи из нескольких поколений, живущих вместе. На самом краю этого спектра – меньшинство этнические, а то и профессиональные (временное жилье востребовано и студентами, и трудовыми мигрантами). На этой оси многомерной модели будет множество «засечек», а то и ветвлений – воспринимать ли группу одиночек как коллектив, к чему стремилась, к примеру, раннесоветская практика? Ви-

дят ли молодые семьи свои общие интересы? А видят ли его автомобилисты? Не является ли моноэтничная группа (условная махалля) прогрессивной, с точки зрения интеграции личности в городское общество, формой? Каждый раз это зависит от внешних обстоятельств, политических установок и т. п. Архитектору, понимаемому как лицо, ответственное за концептуализацию системы практик и отношений в материальную форму, приходится искать свой путь, каждый раз разную дорогу, что в конечном итоге оказывается кратно сложнее, чем «индивидуальное» проектирование, где согласие заказчика всегда может быть результатом не верности решений, а личного обаяния и добросовестных заблуждений. Так есть ли счастье в уравнении?

О возможной модели ограничений проектирования типологии массового жилища

Статья, рассматриваемая как реконструкция мышления архитекторов XX века, посвящена возможности создания методологической модели ограничений проектирования массового городского жилья.

В течение XX века в России и большинстве стран Запада были нормированы многие параметры в архитектуре жилища – как общие градостроительные показатели, так и характеристики конкретных жилых единиц. Решения эти были вынужденными, связанными прежде всего с удручающей санитарной и эпидемиологической обстановкой и чрезмерной плотностью населения быстрорастущих городов на рубеже XIX и XX веков. Обратимся не к анализу законодательства (Строительного устава, Строительных норм и правил и т. п.), но к объективным ограничениям, необходимым для встраивания методологической модели проектирования.

Наиболее распространенным типом массового городского жилища в Новое время, проследить который можно, в том числе и вплоть до Античности, служил галерейный дом, который можно считать в известной степени воспроизведением типологии сельского укрепленного поселения (типа фудзянских тулу, аналогичных им домов в южной Европе, корралей в Мадриде, конвентийо в Буэнос-Айресе и т. п.). Социальная модель в таких домах воспроизводила типичную для традиционного сельского общества модель, где община с перекрестными социальными связями и раз-

витым социальным контролем остается базовой ячейкой общества. С другой стороны шкалы можно обозначить, конечно, дом индивидуальный, который в позднее Новое время стал основой массовой застройки промышленных городов стран Северо-Запада Европы – Великобритании, Нидерландов, Фландрии, части Франции, Рурского бассейна и т. п.; односемейный дом превратился к концу XIX века в блокированный. При сохранении односемейности и изолированности жилой ячейки (брандмауэрами и глухим забором с трех сторон двора или дворов), стоимость земли и необходимость пешей доступности от места приложения труда привели к уменьшению домовладений и большей плотности. Общеизвестно, что еще со времени абсолютизма крупнейшие европейские столицы вынужденно застраивались многоэтажными доходными домами галерейного или секционного типа для расселения, в первую очередь, сословия чиновников и ихслуги, где предметом собственно архитектуры в понимании той эпохи были фасады, выходящие на главные улицы и площади. Только с распространением лифтов (а также современных инженерных коммуникаций) жилые единицы верхних этажей постепенно стали выходить из класса наиболее дешевого жилья.

Таким образом, спектр выбора типа определялся как сложившейся традицией (по «социальной» шкале коллективное-односемейное), формой собственности (найм, владение индивидуальное или доленое, в т. ч. кооперативное) и климатом. Вопрос строительной техники, конечно, чрезвычайно важен, но при рассмотрении типологии не в региональной и исторической перспективе, а в качестве важнейшей части социальной программы современного движения не имеет решающего значения.

Итак, первый тип – галерейный дом (особенно в версии с замкнутым двором) имеет четкое разделение пространств на приватные (жилые ячейки) и коллективные (галереи, лестничные площадки и дворы). Обычно жилые ячейки имеют двухстороннюю ориентацию (известны исторические примеры глухих внешних стен, игравших фортификационную роль, или просто огораживающих внешние к жилому дому пространства, к примеру, монастыря). Соответственно, проблема инсоляции в первом приближении решается (в теплых умеренных и тем более субтропических климатических зонах на первое место выходит вопрос солнцезащиты и сквозного проветривания). Также известны примеры вернакулярной, т. е. народной, архитектуры, где вынос кровли галереи закономерно определяется максимальной высотой солнца в зимние месяцы – для обеспечения тени летом и инсоляции зимой и другие подобные ухищрения, вызванные многосотлетней традицией проживания в конкретном ландшафте и климате.

Следующий тип, очевидно, можно считать развитием галерейного в более суровом климате – это коридорный тип, где жилые ячейки (или их блоки – в случае объединения санитарных помещений и кухонь) расположены по обеим сторонам коридора (в проектах редана Ле Корбюзье коридор предлагался с северного фасада для широтных «секций» и внутри для меридиональных). Тут основную роль играет инсоляция, а сквозное проветривание нереализуемо при сохранении квартиры в одном уровне. В практике позднесоветского строительства коридорная компоновка остается в гостиницах и общежитиях; в остальных случаях какой-то заметной эффективности коридорной компоновки не прослеживается при очевидных недостатках, в том числе градостроительного плана.

Третий тип, который можно проследить и в городах-садах при делении односемейного коттеджа на несколько семей (3, 6 или 8), и в доходных домах, выстраиваемых на небольших участках – односекционный. Здесь один лестничный узел обслуживает максимально возможное количество изолированных жилых единиц, расположен-

ных по всему периметру пятна застройки. Обычно квартир было не менее четырех; в современной практике максимальное число может достигать десяти и более; для массового крупноблочного домостроения 1960–1980-х – от шести до восьми (МГ-601, П-68, И-67 и их модификаций). Примеры же кооперативных и ведомственных домов довоенной эпохи показывают варианты в 2, 3 и 4 квартиры, в первые послевоенные годы – в четыре (серии, разработанные в САКБ, такие как МГ-1 и МГ-2).

Очевидные ограничения в данном случае – инсоляция и проблемы сквозного проветривания. Ориентация прямоугольного в плане здания достаточно ограничена: угловые квартиры требуют как минимум северо-восточного или северо-западного угла, при этом односторонние южные или юго-западные могут перегреваться. Более сложные планы имеют дополнительные ограничения, хотя известны и крестообразные, например серия П-4, где четыре из семи квартир сделаны трехсторонними, а оставшиеся – односторонними. Монолитное же строительство, конечно, позволяет сделать и круглый, и треугольный план (ориентированный на юг одной стороной). В советской строительной практике односекционные башни чаще всего строились для уплотнения менее высотных участков, застроенных 5- или 9-тиэтажными секционными домами. Их компактный силуэт не дает такой большой тени, как у протяженных корпусов, но позволяет заметно увеличить плотность застройки. В капиталистических странах односекционные дома зачастую самый распространенный тип: он позволяет застроить небольшой участок, сохраняя историческую парцелляцию города с частной собственностью на землю.

И, наконец, самый распространенный секционный дом. Уже в первой половине XX века появляются очень длинные многосекционные дома. Это еще не буквально километровые «мегаструктуры» 1960–1970-х, но очень заметные образования. В московской практике, к примеру, тринадцатисекционные «американские» дома в Дангаузровке (арх. М. И. Мотылев, 1928–1929), основанные на двухквартирной секции Моссовета; в Берлине – знаменитая «Подкова» (арх. Б. Таут, 1926–1930) длиной в 15 секций. Поселки Нового Франкфурта также имели иногда достаточно длинные секционные дома. Ключевые роли в компоновке (в том числе на участке, т. е. градостроительной) секционных домов играет инсоляция и ширина секции. Сквозные двухсторонние квартиры (в версии двухквартирных секций, а иногда и трехквартирных – когда двухсторонними будут две из трех) могут быть гораздо гибче скомпонованы с точки зрения инсоляции. В большинстве случаев, скажем, в московской практике основой была двух- или четырехквартирная секция. В четырехквартирных и двухкомнатных секциях Моссовета 1925 года лишь одна квартира могла получить третью комнату и сквозное проветривание – в случае компоновки двух секций углом (например, в поселке фабрики «Гознак» на Мытной ул., 1925–1926, арх. Н. М. Курочкин, Н. А. Алексеев). Моссоветовские секции с 1927 года становятся двухквартирными, что обеспечивает и сквозное проветривание (еще более важное при по-семейно-покомнатном заселении), и более свободную компоновку на участке (четыреквартирные дома вынужденно строили в меридиональной ориентации – в поселках «Гознака», «Дубровки», части «Русакówki», «Имени 9 января 1905 года» и др.). В 1970-е годы возникают версии шумозащитных домов, где сквозные квартиры имели только формально-нежилые помещения (кухни и гостиные), выходящие на внешний, уличный фасад.

Дополнительно стоит обозначить проблему угловых секций. В Москве такие появились только в третьей итерации секций Моссовета с 1928 года. В послевоенной практике угловые секции, по свидетельству севастановских архитекторов, проектировались индивидуально. В крупносерборном строительстве они исчезли и вновь появились в поздних панельных сериях – П-46 и др.

В конце 1950-х годов при разработке индексов классификации типовых проектов, достаточно запутанной даже в рамках одной Москвы, выделяют и такой ключевой параметр, как расположение внутренней несущей стены – I для поперечной (для почти не встречающейся в это время двухквартирной секции) и II для продольной, делающей дом на равные части. Эту же компоновку можно, конечно, проследить и в архитектуре дореволюционных доходных домов (к примеру, дома Прове на Новой Басманной), и тем более – в исторической жилой архитектуре, возводимой с деревянными перекрытиями и соответствующими конструктивными ограничениями. Таким образом, индустриальное домостроение унаследовало и это ограничение, по крайней мере, на этапе крупных блоков (используемых, в частности, в сериях САКБ II-05 и II-08) и небольших панелей.

Сущность этого ограничения – в традиционном (кирпич и деревянные перекрытия) и в индустриальном (размер панели перекрытия), в четкой зависимости толщины корпуса – квартиры сквозного проветривания с поперечной несущей стеной дают меньшую ширину корпуса и, соответственно, худшее соотношение площади поверхности к объему.

Градостроительные соображения

Взаимосвязь особенностей секции (и других типов компоновки жилых единиц) и градостроительных аспектов также играет роль. Кроме инсоляции и указанной выше разницы меридиональной и широтной ориентаций, стоит выделить и отношение с двором как социальным пространством. В этом случае кухни как места дневного пребывания домохозяйки должны ориентироваться внутрь двора (некоторые социальные концепции, подобно изложенной Н. А. Милютиным, предполагают вовлечение большинства женщин в экономическую жизнь и соответствующее отчуждение их от быта).

Важна также категория плотности, причем не только ее величина, но и собственно метод подсчета. Доминирующий в нашей стране как минимум с 1960-х показатель площади здания (площади жилых помещений) в отношении к площади участка (пятна застройки) ничего не говорит о городской ткани. Альтернативный и, во многом, более разумный подход предполагает отношение числа жилых единиц (то есть в общем случае семей) к площади участка. В профессиональной прессе и документах 1940-х фигурирует отношение порядка 400 жилых единиц на гектар. Очевидно, этот показатель достигается равно эффективно в разной пространственной организации, определяемой прочими обстоятельствами. Такой, более социальный, подход все еще остается достаточно абстрактным без понимания хотя бы среднего (типичного) размера семьи, но он лучше, чем чисто «площадной».

Следующим фактором стоит выделить использование угловых и поворотных секций, позволяющее более гибко осваивать участки произвольной формы. Отметим, что кирпичное, каменное строительство и монолитное железобетонное имеют преимущественные возможности для создания угловых секций перед сборным блочным и панельным.

В качестве третьего фактора отметим подход к организации иерархии общественных и общественно-приватных пространств в пределах планировочной единицы (квартала), а также учет и интеграцию (или изоляцию) транзитных (прежде всего пешеходных) потоков. Подход, получивший распространение в СССР во второй половине 1930-х, а на Западе – больше в 1980-х (в теоретических обоснованиях и проектах Альдо Росси, Роба Крийе и др.), хоть и основывается в том числе на концепции бульвара-редана Корбюзье, представляет собой отдельный концепт, почти утраченный в послевоенной модернистской практике. Генезис аналогичных подходов в архитектуре Запада 1960–1970-х (чаще основанных на линейной, а не сетчатой топологии), выработанных архитекторами,

условно называемыми (нео-) бруталистами, (И. и А. Смитсоны), требуют отдельного изучения.

Критики модернистской архитектуры (А. Росси) выдвигали любопытную концепцию повторения структуры города в меньшем масштабе: коридор мыслится как улица (это прослеживается не столько у Корбюзье, сколько у его последователей, хотя присутствовало уже в интерьерах барочных базилик), а двор – как площадь.

Ограничения социальной модели расселения

Модель распределения жилища, принятая в конкретном обществе (регионе, социальной группе), также влияет на архитектурную типологию (не обращаясь даже к вернакулярной архитектуре) как минимум на стадии задания на проектирование (конкурс), а также в процессе эксплуатации и принятия или непринятия жильцами своего жилья. Уже в первые годы советской власти архитекторы-практики публикуют статьи, а иногда и книги посвященные решению проблемы жилища [1; 2; 3]. Так, Вольфензон рассуждает о типе жилой единицы, подразумевая квартиру в доме, выделяя отдельные типы согласно роду занятий жильца: занятость на непрерывном производстве или же в обычное дневное время, интеллектуальный труд на дому и т. п. Делает он это в дополнение к обычным ограничениям – составу и размеру семьи.

Практика же расселения довоенных десятилетий выделила всего две основных модели, унаследованных с дореволюционных времен – собственно индивидуальной (односемейной) квартиры и квартиры коммунальной. Об однозначном соответствии модели заселения и проектов планировок секций/квартир можно говорить только в случае кооперативов и редких ведомственных домов для высокопоставленных работников вроде дома СНК, где (хотя прямые данные отсутствуют) об индивидуальном заселении говорит наличие комнаты домработницы (вторым, не таким однозначным, признаком служит размер кухни).

В общем случае в оценке секции (к примеру, при переходе в 1926–1927 году от четырехквартирных к двухквартирным секциями Моссовета) важную, если не ключевую роль играло соотношение жилой и нежилой площади (в послевоенной практике известное как коэффициент «К»). В двухквартирной секции появилось сквозное проветривание и, при покомнатном расселении, на семью стало 1/3 или 1/4 кухни, туалета и ванной вместо 1/2. Это дало экономии пространства и отчасти снизило требования к мощности коммуникаций и поставкам сантехоборудования. В настоящее время ограничения другие: массовое сборное строительство ориентируется все еще на вариации старых планировок секций и квартир; кирпичное и монолитное более свободно, но общего видения нет, кажется, ни у кого. Многоэтажные монолитные башни убеждением девелопера в экономичности такой подхода сведены к квадратным и прямоугольным планам секций, где вопросы сквозного проветривания, инсоляции и даже вида из окон сведены к минимуму. Верхний же сегмент в монолитном исполнении свободен для формальных экспериментов; многосмотровые площади и свободные планировки, однако, показывают лишь пустоту представлений о том, каким должно быть жилье, какие факторы его формируют. Представления конкретного человека (жильца, девелопера и архитектора) имеют определяющее значение, только роли внутри никак не расписаны.

Комбинации факторов: от оппозиций к многомерной модели

Ограничений, как в вышеприведенных примерах, можно найти еще много; суть в том, как вычленишь их позитивную роль – любое ограничение ведет к избирательности, самоограничению и саморазвитию. Проектировщик и города, и кофейной чашки вынужденно лавирует между СП, СНИПом и ГОСТом так же, как его заказчик между

На примере современной застройки многоквартирными жилыми комплексами исследуются параметры качества жилой среды, зависящие от планировочных характеристик квартир, количества комнат в квартире и процентного соотношения доли малометражных однокомнатных квартир и студий по отношению к многокомнатным квартирам в комплексе. Негативные характеристики планировки квартир выявляются на основе концепции POE (post-occupancy evaluation), учитывая коэффициент экономичности квартир, определяются наиболее оптимальные варианты планировок. Исследованы качественные параметры жилой среды, сопряженные с определенной степенью рисков. Проанализированы и предложены параметры оптимального процентного соотношения разных типов квартир в комплексе для формирования устойчиво развивающейся системы жилья.

Ключевые слова: многоквартирный жилой комплекс; защищенное пространство; зоны дневного и ночного пребывания; экономичность планировочного решения; маргинализация населения; рискогенность жилой среды; малогабаритные квартиры.

On the example of modern development of multi-apartment residential complexes, the article studies the quality parameters of the living environment depending on the planning characteristics of the apartments, the number of rooms in the apartment and the percentage ratio of small-sized one-room apartments and studios in relation to multi-room apartments in the complex. Negative characteristics of the layout of apartments are identified on the basis of the POE (post-occupancy evaluation) concept. Taking into account the efficiency coefficient of apartments, the most optimal layout options are determined. The article studies the qualitative parameters of the residential environment associated with a certain degree of risks. It analyses and proposes the parameters of the optimal percentage ratio of different types of apartments in the complex for the formation of a sustainable housing system.

Keywords: multi-apartment residential complex; protected space; day and night stay zones; economy of planning solutions; marginalization of the population; riskogenicity of the residential environment; small-sized apartments.

Современное рыночное жилище и депривация счастья / Modern market housing and deprivation of happiness

Приоритетный национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» ориентирован на создание у граждан Российской Федерации чувства удовлетворенности своими бытовыми условиями. Это одна из важных составляющих ощущения счастья и полноты жизни для самореализации и исполнения главного предназначения человека. Феномен счастья тесно связан с качеством жизни. В свою очередь, качество жизни напрямую зависит от состояния жилой среды, в которой человек проводит большую часть времени. Обитатель оценивает ее состояние через ощущения: хорошо ему или плохо, нравится или не нравится, хотя не может объяснить причину возникновения тех или иных эмоциональных состояний. Удел профессионала – анализируя суждения обитателя, диагностировать ошибки проектировщика и строителя.

Возведение новых многоквартирных рыночных комплексов в зонах регенерации аварийного жилого фонда, развернувшееся в Российской Федерации, призвано не только улучшить состояние жилого фонда, но и предложить новые стандарты качества жизни. Тем не менее, как показывает практика, обеспечение квадратными метрами жилья с новой технологической инфраструктурой чаще всего ориентировано на покупательную способность россиян, а также сопряжено с удовлетворением сиюминутных потребительских запросов населения. Уделяется недостаточно внимания исследованиям изменяющейся демографической структуры населения и прогнозированием новых потребностей горожан в изменяющемся ландшафте денуклеаризации семьи, а также поиску новых планировочных решений, соответствующих разнообразным запросам населения.

Вопросам качества жилища для нуклеарных семей посвящено много исследований отечественных и зарубежных авторов прошлого века. Отражению измененного образа жизни семей в жилище посвящены работы К. К. Карташовой и К. В. Кияненко [1; 2]. Диссертационное исследование К. К. Карташовой (1985) демонстрирует методику формирования архитектурно-планировочной структуры жилища в зависимости от социально-демографической структуры общества. Жилье может рассматри-

ваться только в неразрывной связи с окружающей его территорией и социальным субъектом-жильцом как единая жилищно-территориальная система. А многообразие форм социальных сообществ и различных стилей жизни должно компенсироваться широкой палитрой разнообразных форм жилища. В настоящее время актуальными становятся исследования комфортности и качества жизни. Исследованию проблем комфортности прототипов современного российского жилища посвящены работы А. В. Крашенинникова, В. М. Молчанова [3; 4].

Проблемы безопасности и приватности жилой среды анализируются в работах Ю. Круусвалля, М. Хейдметса, О. Ньюмана, в которых делается акцент на взаимодействие жильца со средой своего проживания. Среди них: возможность контролирования своей территории, способность соблюдения социальной дистанции, возможность с помощью жилой среды осуществить самоидентификацию через свою квартиру или дом [5]. И. Альтман, М. Черноушко, Л. В. Анисимова, Ю. В. Анисимов обращают внимание на приватность жилой среды и формирование баланса закрытости и открытости территории для нормального самочувствия человека. В этих исследованиях говорится, что соблюдение «границ приватности жизни» формирует у обитателя чувство защищенности и контроля над жилой средой, уверенность в собственных возможностях справиться с возникающими вызовами [6; 7; 8].

Исследований, посвященных анализу современного строительного рынка многоквартирной жилой застройки, которыми в настоящее время застраивается большинство крупных городов России, достаточно мало. Главным источником информации о качестве жилой среды является ее обитатель. Поэтому на современном этапе актуальны исследования и внедрение в практику комплексной оценки качества застройки на основе концепции POE – оценки после заселения (post-occupancy evaluation), которая достаточно эффективно используется в зарубежной практике и дает достоверную информацию о качестве строительства и комфортности жилой среды многоквартирного жилища [9; 10; 11].

текст
Людмила Анисимова
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет /

text
Lyudmila Anisimova
National Research Moscow State University of Civil Engineering

Материалы и методы

Методика работы базировалась на анализе открытых данных планировок квартир с сайтов застройщиков, предложенных для потребительского рынка в Московской области, Москве и Санкт Петербурге. Проводился обзор опубликованных документов, интервью фокус-групп, опросов обитателей, наблюдения и анализа строительных систем, целью которого явилось выявление наиболее существенных характеристик, определяющих комфортность жилища для разных категорий горожан. Исследовался рынок жилья комфорт-класса, доступного для ипотечного кредитования массового сегмента горожан для покупки в собственность. Обследованию подвергались такие параметры жилья, как планировка квартир, соотношение жилой и общей площади, количество комнат, этажность комплексов, процентное соотношение разнообразных типов квартир в комплексе. Следует оговориться, почему именно эти параметры жилища так важны на современном этапе для характеристики комфорта проживания. Исследованием удовлетворенности жилищными условиями после заселения, которое провели ученые Сибирского федерального университета, доказано: «<...> наибольший вклад в положительную оценку удовлетворенности жилищными условиями вносят относительные показатели, характеризующие просторность и комфорт места проживания: количество комнат, приходящееся на одного члена семьи; общая площадь жилого помещения, приходящаяся на одного члена семьи; планировка жилого помещения» [10, с. 118]. К этим показателям стоит добавить процентное соотношение разнообразных типов квартир в комплексе, так как достаточно плотная концентрация в одном пространстве квартир, сходных по жилищным ситуациям и типу жилья, его качеству создает высокую рискогенность жизненной среды [11, с. 9]. Этажность жилых комплексов также определяет гуманность и комфорт проживания.

Характеристики комфорта среды многоквартирного жилого дома, и почему он влияет на качество жизни

1. Количество комнат характеризует возможность реализации условия приватности жизни для домохозяйств, состоящих из 2 и более человек, и особенно для неродственных домохозяйств.
2. Показатель соотношения жилой и полезной общей площади с учетом летних помещений демонстрирует определенный уровень комфорта, позволяющий создать места хранения сезонного инвентаря и одежды, столь необходимых в российских климатических условиях. Он же характеризует показатель экономичности архитектурно-планировочного решения.
3. Планировка квартир рассматривается с позиции наличия буферных зон, способных отделить зону общей прихожей от приватной спальной зоны и зону двора от приватной зоны квартиры (балкон, лоджия, терраса), что важно для выполнения условия защищенного пространства и приватности жизни. Исследовался вопрос связи зоны ночного пребывания с санузлом и возможность зонирования жилого пространства для разных видов деятельности (активные, шумные, интеллектуальные и бытовые процессы). Планировка квартир рассматривалась с точки зрения возможности сквозного проветривания. Эти характеристики, на наш взгляд, являются обязательными для выполнения условий комфорта проживания.
4. Процентное соотношение разнообразных типов квартир в комплексе характеризует наличие не только разнообразных типов семей и домохозяйств, но и возможность более длительного сохранения контингента проживающих, соответственно, формирование соседских сообществ, позволяющих повысить устойчивость жилого комплекса к деградационным процессам.

5. Этажность комплексов имеет значение для комфортности проживания. Поскольку, начиная с 5 этажа, теряется аудио- и визуальная связь с дворовой территорией, возникают риски при эвакуации во время пожара и стихийных бедствий. Невозможность зрительно контролировать дворовую территорию и эвакуироваться в случае пожара в пределах 50-метровой дистанции повышает риски для безопасности жизни. Начиная с 6 этажа и выше, дом оборудуется лифтом, который не является средством эвакуации во время пожара.

Социально-демографическая структура современного общества очень подвижна и изменчива. Ответом на эту изменчивость становятся запросы на качественное жилище для разных социальных групп и домохозяйств. Если с запросами социально-экономических групп населения рынок жилища как-то справляется, сегментируя жилье по ценовой категории за квадратный метр на комфорт класс, бизнес-класс, эконом-класс и так далее, то стандарты комфортного жилья для различных типов домохозяйств так и не сформировались. А качество жизни не всегда связано только с качеством отделочных материалов и технологической инфраструктурой: это как раз то, что можно быстрее всего заменить и исправить. Важным показателем качества современного многоквартирного жилища является его социальная и экологическая безопасность, а также удобство для реализации всех жизненных потребностей и циклов для различных форм домохозяйства. Невозможность удовлетворять основные социальные и психофизиологические потребности в жилище приводят к депривации счастья: «Жилье в комплексе с территорией и реализующимися через них социальными отношениями образуют для человека «дом». Становясь частью образа Я, они свидетельствуют о личном и социальном благополучии» [11, с. 12].

Количество комнат в квартире. Данные переписи населения по субъектам РФ показывают значительный рост домохозяйств, состоящих из одиночек и так называемых неродственных домохозяйств, представляющих совместное проживание компаньонов. Число семей, состоящих в браке, в 2021 году на 1000 человек составляет всего 5,3 по сравнению с 2011, когда оно составляло 9,2 на 1000 человек. По сравнению с 2002 годом число семей, не регистрирующих брак, возросло с 62 до 84 на 1000 человек населения страны. Рождаемость с 1989 годом – до 1402834 детей в год по сравнению с 2160559 – и немного уменьшилась по сравнению с 2014 годом, когда она составляла 1944136 детей в год.

Если по данным Росстата средние показатели обеспеченности общей площадью жилых помещений на одного человека выросли к 2020 году и сейчас она составляет 26,9 м² на человека, то этот показатель становится неутешительным, если провести анализ доли студий, одно- и двухкомнатных квартир в общей массе современной застройки. Ниже будет приведен точный расчет доли каждого типа квартир в жилых комплексах комфорт-класса. Это означает, что при относительно благополучной норме обеспеченности общей площадью совсем не реализуется такой показатель уровня комфорта – количество комнат, приходящееся на одного члена семьи. Этот показатель очень важен для сохранения психологического комфорта человека, который позволяет ему обеспечить приватность жизни и возможность уединения. Усугубила эту ситуацию пандемия COVID-19. Невозможность уединения, когда вся семья в сборе, вызывала как психологическую напряженность, так и явные конфликты внутри семей. Согласно проведенному исследованию, элементарное наличие балкона или лоджии в 1,8 раза снижало уровень стресса у жителей многоэтажных домов в Москве [12].

^ Рис. 1. Нехватка количества комнат в квартире компенсируется самим жильцом. Попытка создания частных зон – в однокомнатной квартир. – URL: <http://ardexpert.ru/article/7472>

^ Рис. 2. Пристройки жилого и хозяйственного назначения в многоквартирных домах, возникшие по инициативе жильцов. Пристройки дополнительных площадей и остекление балконов, необходимых для повышения уровня комфорта проживания. Фото автора

Для неродственных домохозяйств количество комнат в квартире должно рассчитываться по формуле $n=m+1$, где n – количество комнат в квартире, а m – количество членов семьи. При этом места общего пользования, т. е. санузлы для отдельных членов неродственного домохозяйства должны быть отдельными. К этой категории домохозяйств относятся совместно проживающие члены бывших семей, ведущие самостоятельное хозяйство, или компаньоны, которые не могут себе позволить по каким-то причинам отдельное проживание, когда у каждого члена домохозяйства существует отдельный бытовой комплекс. Демонстрацией стесненных условий жизни является Российский «самострой», уникальное явление самостоятельного повышения уровня комфорта, которое активно развивалось в 1990-е годы в России (рис. 1).

Наиболее часто встречающимися в практике эксплуатации жилья попытки повышения удобства проживания в стесненных условиях малометражных квартир являются пристройки дополнительных объемов или приспособление нежилых площадей для полноценного использования. К ним относятся: остекление и утепление балконов и лоджий, пристройка лоджий на первых этажах многоквартирных домов, устройство отдельных входов в квартиры первого этажа с улицы, сооружение хозяйственных блоков у окон квартир первых этажей. Изучение опыта самоорганизации населения позволяет определить вектор приемов и средств повышения уровня комфорта жилой среды многоквартирного рыночного жилища. Анализ практики «самостроя» показывает, что таким образом обитатель пытается компенсировать недостающую комнату или место для хранения. Такими пристройками уродуется и без того невыразительная архитектура жилища, но необходимость в местах для хранения сезонного инвентаря в условиях континентального климата России частично оправдывает такие решения (рис. 2).

Очевиден вывод, что для создания полноценной жилой среды планировка квартиры должна предусматривать не только определенное количество комнат для каждого члена домохозяйства и общее пространство кухни-гостиной, но и места для хранения, которые могут быть освещены вторым светом или быть абсолютно темными. Санитарные узлы и их количество также определяется

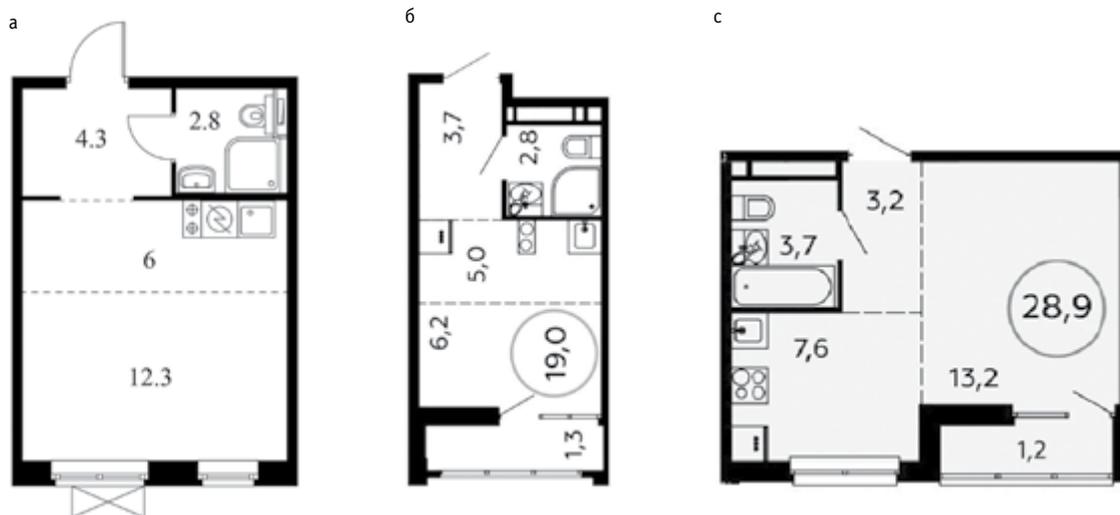
количеством проживающих домохозяйств. Остекление лоджий и балконов на стадии строительства жилого дома позволит сохранить архитектурный облик после заселения.

Планировка квартир. Для анализа потребительских качеств многоквартирных жилых домов была произведена выборка квартир одной ценовой категории на территории Москвы, Санкт Петербурга и Московской области. Выборка производилась по следующим признакам: квартиры в домах этих серий имеют одну ценовую категорию и предлагаются на рынке в сегменте комфорт-класса. Примерная стоимость одного квадратного метра в ценах 2021 года составляет от 175 тыс. руб. до 180 тыс. руб. с отделкой. Предварительному анализу были подвергнуты планировки жилых секций, материал строительства, конструктивные особенности. Исследовались жилые дома монолитных конструктивных схем с заполнением блоками. Далее сравнительному анализу подвергалось разнообразие планировок и количество комнат в квартире, размер кухонь и прихожих, размер санузлов, наличие лоджий и балконов.

Студии. На российском рынке 2020-х годов это самые востребованные, правильнее сказать – самые доступные для приобретения квартиры. Если оценивать комфортность проживания в данном типе квартир, то можно сказать, что даже для проживания там одиночки этот тип квартир имеет множество недостатков. Первым из них является метраж и ориентация. Площадь исследуемых студий колеблется от 22,2 м² до 28,4 м². Такой метраж не позволяет отделить друг от друга жизненно важные для человека циклы: прихожую, санитарные процессы, приготовление и прием пищи, сон и дневное пребывание. В планировке с помощью перегородок выделяется только санитарный узел. Все остальные зоны могут быть отделены друг от друга только мебелью, при этом не достигается полная изоляция процессов (рис. 3).

Ориентация только на одну сторону света и отсутствие сквозного проветривания плохо влияет на микроклимат в квартире. Балкон или лоджия может компенсировать в летнее время недостаток мест для хранения и уединения в пространстве квартиры.

> Рис.3. Типичные примеры планировок студий:
 а) студия с французским балконом, изолированной прихожей и двумя оконными проемами площадью 25,4 м² (Московская обл.);
 б) студия с лоджией и изолированной прихожей 19,0 м² (Новая Москва.);
 в) студия с лоджией и кухней-нишей площадью 28,9 м² (Москва).
 – URL: <https://reality.yandex.ru/moskva/kupit/kvartira/?from=404/>

Если говорить о коэффициенте экономичности K_1 , который выражает отношение жилой площади квартиры к полезной, то экономичность решения тем выше, чем больше значение коэффициента K_1 . Однако, не следует забывать, что при высоком K_1 сокращается подсобная площадь и это не способствует комфорту проживания. Наиболее оптимальным, рекомендованным СНИПом, считается K_1 в пределах от 0,65 до 0,75. В анализируемых примерах коэффициент экономичности: $K_1=0,49$, (рис. 2а); $K_1=0,39$ (рис. 2с); $K_1=0,4$ (рис. 2д). Следует сделать вывод, что студии являются самым неэкономичным типом жилья. Увеличение средней площади квартиры всегда приводит к снижению стоимости 1 м² жилой площади, это можно будет увидеть при анализе более просторных квартир. Известно, что стоимость 1 м² жилой площади уменьшается на 3–3,5%, если жилая площадь квартиры увеличивается, например, с 28 до 32 м². Этого не наблюдается в исследуемых сериях.

Если учесть, что жизненные циклы человека подвижны и он существо социальное, то о квартире-студии можно говорить только как о временном жилье. Это вариант достаточно дорогого гостиничного номера для одиночного проживания на период учебы, работы вахтовым методом либо как второе жилье на период командировок. В такой квартире невозможно проживание семьи или неродственных домохозяйств на длительный период времени. При этом опыт российской жилищной практики демонстрирует достаточно широкое распространение семей-

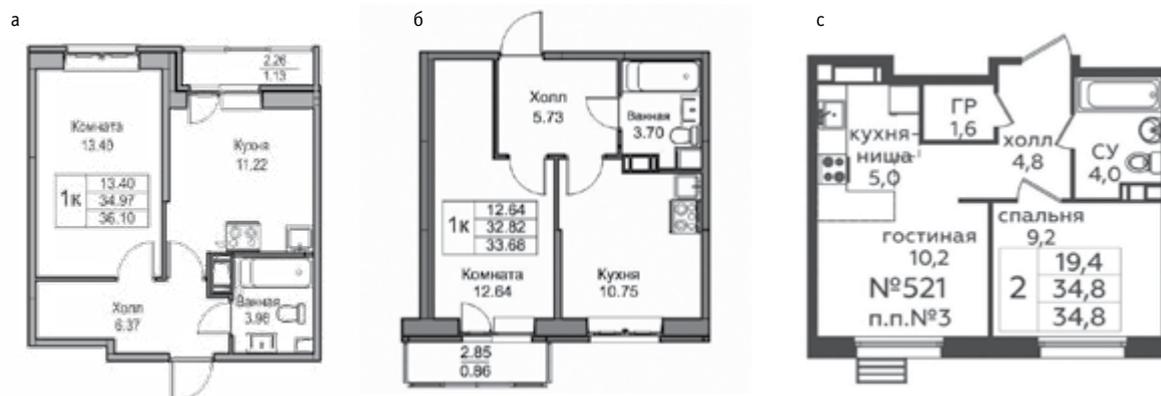
ного или партнерского проживания в квартирах-студиях, о чем жильцы говорят как о вынужденной мере.

Характеристиками относительного комфорта для такого типа квартир являются: наличие остекленной лоджии или балкона, наличие выделенной зоны алькова для сна, наличие ниши для кухни, С/У площадью не менее 3,5 м², наличие высоких потолков до 3 м для компенсации недостатка проветривания. При этом общая площадь квартиры, включающая санузел и лоджию, не может быть меньше 28–30 м², чтобы снизить ее себестоимость.

Однокомнатные квартиры современных жилых комплексов комфорт-класса, на удивление, ничем не отличаются ни по размеру, ни по планировке от типовых серий панельных домов. Метраж этого типа начинается от 33 м² и заканчивается 46 м² (рис. 4а, б, в).

По словам Алексея Щукина, «<...> типовое строительство в том виде, в котором оно существовало десятилетиями, не решало, а только усугубляло решение жилищной проблемы. Усугубляло именно за счет того, что эти типовые квартиры были чрезмерно малы, люди начинали покупать дачи, строить гаражи, стеклить лоджии, копать во дворах погреба и так далее – происходила хаотичная застройка города. И основой этой хаотичной застройки были маленькие типовые квартиры» [15]. Стоит ли это повторять в XXI веке? Кроме того, существенных различий в планировках квартир современных однокомнатных квартир не обнаружено.

> Рис. 4. Типичные примеры планировок однокомнатных квартир:
 а) квартира с лоджией $K_1=0,43$ (Санкт-Петербург);
 б) квартира с жилой площадью 12,64 м² $K_1=0,40$ (Санкт-Петербург);
 в) квартира с кухней-нишей и выделенной зоной спальни и гардеробной общей площадью 34,8 м² $K_1=0,41$ (Москва). – URL: <https://reality.yandex.ru/moskva/kupit/kvartira/?from=404/>; URL: <https://yuntolovo-spb.ru/planirovki-i-ceny/>

^ Рис. 7. Жилой комплекс средней этажности «Императорские Мытищи» (Московская область). – URL: <https://www.granelle.ru/objects/mytishi/>

^ Рис. 7а. поэтажный план секций 1,15–16 корпус 4. Преобладание однокомнатных квартир и студий в секциях типового этажа жилого комплекса «Императорские Мытищи» (из 21 квартиры только 4 двухкомнатные, 18 однокомнатных и студий). – URL: <https://www.granelle.ru/objects/mytishi/>

^ Рис. 7б. поэтажный план секций 29–31 корпус 7. Преобладание однокомнатных квартир и студий в секциях типового этажа жилого комплекса «Императорские Мытищи» (5 двухкомнатных квартир и 18 студий и однокомнатных). – URL: <https://www.granelle.ru/objects/mytishi/>

с увеличением размера квартиры и колеблется от $K_1=0,37$ до $K_1=0,58$ и уже приближается к нормативу.

Характеристиками комфорта двухкомнатных квартир является разделение квартиры на зоны дневного и ночного пребывания; кухня может быть объединена с зоной гостиной (зоной дневного пребывания), а спальная зона должна быть изолирована и приближена к санитарному узлу. Наличие лоджии или балкона является дополнительным местом для хобби или местом для хранения. Санитарный узел по площади должен вмещать стиральную машину и быть раздельным, особенно для неродственных домохозяйств. Ориентация квартиры должна быть на две стороны света: это улучшает инсоляцию и проветривание. Двухкомнатная квартира подходит для проживания двух человек, которые могут быть как семьей, так и компаньонами. Сегмент двухкомнатных квартир позволяет создать большее планировочное разнообразие, а соответственно и повысить комфорт проживания.

Трехкомнатные квартиры. Планировки трехкомнатных квартир в сегменте комфорт-класс демонстрируют большое разнообразие размеров от 52 м^2 до 83 м^2 и более, а также разнообразное зонирование. Положительно, что почти все трехкомнатные квартиры имеют двухстороннюю ориентацию. Практически у всех есть лоджии или балконы. Большинство квартир в этом ценовом сегменте имеют два санузла. Некоторые оборудованы кладовыми и гардеробными. Приведенные планировки демонстрируют разные варианты зонирования от совсем неудобных квартир с проходной кухней (рис. 6а, б) до очень комфортных с угловыми окнами и двумя лоджиями (рис. 6с, д). Остановимся на самой комфортной планировке трехкомнатных квартир. Две лоджии и два санузла в квартире общей площадью $83,3 \text{ м}^2$ (рис. 6д) повышают уровень комфорта проживания, так как правильно размещены на плане. По одной лоджии и по одному санузлу в гостевой зоне и приватной зоне повышают уровень комфорта в процессе эксплуатации квартиры. Зонирование выполнено таким образом, что зона дневного пребывания отделена от тихой ночной зоны специальным холлом. Входная группа в квартиру имеет гостевой санузел, просторную квадратную гостиную и примыкающую к ней кухню. Зона ночного пребы-

вания с двумя спальнями комплектуется вокруг полноценного санузла и гардеробной, а также отделена от входной зоны холлом.

Характеристики соотношения жилой площади к полезной, выраженные в коэффициенте экономичности квартир, достигают нормативного показателя $K_1=0,54$ в маленьких по площади квартирах и в больших трехкомнатных уже приближается к нормативу – до $K_1=0,58$ (рис. 6).

Характеристиками комфорта трехкомнатных квартир являются: обязательное разделение квартиры на зоны дневного и ночного пребывания; кухня может быть объединена с зоной гостиной или должна иметь с ней прямую связь, а ночная зона должна быть изолирована и приближена к своему санитарному узлу и иметь гардеробную. Обязательно наличие лоджий или балконов, позволяющих проводить время на открытом воздухе. Ориентация квартиры на две стороны света улучшает инсоляцию и проветривание. Трехкомнатная квартира ориентирована на проживание семьи, состоящей из двух-трех человек, компаньонов, ведущих самостоятельное хозяйство. Она более универсальна и могла быть наиболее распространенным типом квартир в комплексах. Планировка трехкомнатной квартиры для неродственных домохозяйств имеет свои особенности.

Четырехкомнатные квартиры и квартиры с большим количеством комнат также имеют разнообразные планировки и формы зонирования и относятся к высококомфортным. Они же являются наиболее экономичными из всех представленных на отечественном рынке недвижимости. Но в жилых комплексах сегмента «комфорт-класс» такой тип квартир представлен довольно слабо.

Таким образом, исследование планировочных особенностей квартир с различным числом комнат показало: чем меньше число комнат, тем сложнее организовать комфортное проживание нескольких человек в одном пространстве. Квартиры-студии не могут рассматриваться как полноценная форма жилья для длительного проживания даже одного человека. Однокомнатные квартиры наиболее сложно приспособляются для проживания неродственных домохозяйств и могут быть

ориентированы для проживания только семейной пары. Двухкомнатные квартиры (точнее, они должны быть названы квартиры с одной спальней) являются первой ступенью наиболее комфортной среды для проживания семьи с ребенком или двух взрослых. В зависимости от особенностей зонирования такой квартиры может быть предложена широкая палитра вариантов, ориентированных на разные формы домохозяйств. Сегмент трехкомнатных квартир позволяет создать еще большее планировочное разнообразие для проживания различных форм домохозяйств, что, соответственно, повышает уровень комфорта. Данный тип квартир является наиболее гибким для планировочного разнообразия, а поэтому должен стать одним из массовых в сегменте «комфорт-класс».

Вторым этапом оценки являлся анализ планировочных решений поэтажных планов строящихся жилых комплексов. Целью исследования было выявление скрытых

социальных проблем, вызванных концентрацией того или иного вида домохозяйств в одном архитектурном объеме, которые неминуемо возникнут в процессе эксплуатации. Предоставленная объективная информация о сильных и слабых сторонах типовых секций, которые строятся для удовлетворения потребительского спроса, поможет проектировщикам избежать последующих ошибок. Очень важным признаком комфорта проживания для жилых комплексов является **показатель процентного соотношения разнообразных типов квартир в секциях жилого комплекса**. Выборочное исследование некоторых жилых комплексов показало, что процентное соотношение студий, однокомнатных, двухкомнатных и трехкомнатных квартир в современных жилых комплексах комфорт-класса представляют собой следующие показатели, приведенные в таблице 1.

Анализ показал, что жилые комплексы комфорт-класса разной этажности, от малоэтажных до высотных, преи-

№	Наименование комплекса, местоположение, этажность	№ корпуса	Количество комнат в квартире	Процентное соотношение к общей численности квартир в корпусе
1	Жилый комплекс «Новое Медведково» (Москва) от 11 до 18 этажей Площади квартир: 1-комнатные от 26,7 м ² 2-комнатные от 60,1 м ² 3-комнатные от 78,8 м ²	36	1-комнатная	20%
			2-комнатная	60%
			3-комнатная	10%
			4-комнатная	10%
		37	1-комнатная	20%
			2-комнатная	60%
			3-комнатная	10%
		38	4-комнатная	10%
			1-комнатная	17,4%
2	Жилый комплекс «Весна» (Апрелевка Московская обл.) от 9 до 12 этажей Площади квартир: Студии от 23,8 м ² до 23,9 м ² 1-комнатные от 23,56 м ² 2-комнатные от 40,25 м ² 3-комнатные от 56,62 м ² 4-комнатные от 87,41 м ²	1	2-комнатная	43,6%
			3-комнатная	10,1%
			студии и 1-комнатные	46,3%
		2	1-комнатная, студия	45,4%
			2-комнатная	11,1%
			3-комнатная	33,4%
			4-комнатная	10,1%
		3	1-комнатная, студия	41,43%
			2-комнатная	48,27%
			3-комнатная	10,3%
		4.1	1-комнатная, студия	44,0%
			2-комнатная	54,0%
3-комнатная	2%			
3	Жилый комплекс «Императорские Мытищи» (Московская обл.) от 4 до 6 этажей Площади квартир: Студии от 22,2 м ² до 25,8 м ² 1-комнатные от 33,5 м ² до 38,5 м ² 2-комнатные от 51 м ² 3-комнатные до 76 м ²	4	студия	33,3%
			1-комнатная	36,2%
			2-комнатная	30,5%
		7	студия	42,85%
			1-комнатная	28,57%
			2-комнатная	23,8%
		17	студия	31,57%
			1-комнатная	36,84%
			2-комнатная	31,57%
4	Жилый комплекс «Светлый мир. «Сказочный лес» (Москва) от 12 до 25 этажей Площади квартир: Студии от 25,5 м ² до 29,4 м ² 1-комнатные от 40 м ² до 45,5 м ² 2-комнатные от 56 м ² до 69 м ² 3-комнатные до 78 м ²	1	студия	45%
			1-комнатная	29%
			2-комнатная	22%
			3-комнатная	4%
		2	студия	10%
			1-комнатная	69%
			2-комнатная	18%
			3-комнатная	3%
		3	студия	42%
			1-комнатная	28%
			2-комнатная	24%
			3-комнатная	6%

< Процентное соотношение разных типов квартир в жилых комплексах
Табл. 1

^ Рис. 8. Внешний вид многоквартирного комплекса «Светлый мир. Сказочный лес» (Москва). – URL: Фото <https://www.skazochniyles.ru/>

^ Рис. 8а. поэтажный план секции 4 корпус 1 в высотном жилом комплексе «Светлый мир. Сказочный лес». Преобладание малогабаритных квартир на типовом этаже (3 однокомнатных, 2 двухкомнатных и 7 студий). – URL: <https://www.skazochniyles.ru/>

^ Рис. 8б. поэтажный план секции 1 корпус 2 (1 трехкомнатная, 1 двухкомнатная, 8 однокомнатных квартир). – URL: <https://www.skazochniyles.ru/>

мущественно заполнены малометражными квартирами от 22 м² до 33 м² с самым низким уровнем комфорта. Среднее процентное соотношение студий и однокомнатных квартир в общем объеме жилых комплексов составляет 57%. Таким образом, больше половины всего объема квартир предназначено для одиночек или кратковременного проживания бездетных пар. Доля двухкомнатных квартир составляет 36,7%, трехкомнатных только 6,3%, а четырехкомнатных 0,7%. Эти цифры демонстрируют определенную жилищную стигму. Политика строительных компаний массово направлена на удовлетворение потребительского запроса только одного слоя социального сообщества и игнорирует разнообразие структуры сообществ.

Наличие большого процентного соотношения студий и однокомнатных квартир в комплексе ведет к нестабильности контингента проживающих, частой смене собственников или проживания в комплексе большого количества арендаторов. Высокий процент миграции контингента проживающих не способствует установлению добрососедских отношений, что ведет к полному отсутствию контроля над дворовой территорией комплекса и общего имущества внутри жилых блоков (рис. 7, 7а, 7б). Это не только не соответствует заявленному уровню комфорт-класса, но и формирует скрытый уровень рискогенности жилой среды и, как следствие, ее маргинализации. Пока комплекс только заселяется и находится в стадии строительства; основной контингент собственников – это одиночки и молодые семьи. Но в ближайшие 10–15 лет, с взрослением детей семьям понадобятся более просторные квартиры, которых в комплексе просто нет.

По мнению А. Ю. Казаковой, концентрация в одном жилом комплексе людей со сходной жилищной ситуацией как по типам квартир, так и по качеству жизни способствует неблагоприятию жилой среды и определенному уровню маргинализации. Особое внимание следует уделить высотным жилым комплексам, в которых доля малогабаритных квартир превышает полноценные многокомнатные квартиры в несколько раз (рис. 8, 8а, 8б). В лексиконе россиян сложилось понятие «малосемейный дом» описывающее одним термином перенаселенную и неблагоприятную жилую среду, из которой, при воз-

можности, каждый жилец стремился как можно быстрее выбраться. Что отличало жилую среду этих многоквартирных комплексов, ориентированных на временное проживание в малогабаритных квартирах одиночек и бездетных пар? Одним из основных признаков такого жилья была разруха в подъездах и во дворах. Эти признаки безразличия к общедомовому имуществу возникают у людей, которые понимают, что они живут здесь временно.

На протяжении всей жизни человека шесть раз происходят смены жизненных циклов, которые требуют разных жилищных условий [11, с. 126]. Потребность в отдельном жилье наступает с момента взросления человека, формирования семейной пары, рождения и воспитания детей. Ни квартиры-студии, ни однокомнатные квартиры не являются полноценным жильем, ориентированным на циклы, связанные с рождением и воспитанием детей. А это затрагивает не только вопросы комфортности проживания. Проблема намного глубже: преимущественная застройка квартирами-студиями ведет к национальным демографическим потерям общества. По результатам многочисленных социологических обследований жилищные условия, наряду с другими, являющиеся одним из основных факторов, влияющих на ограничение числа детей в семье или, по крайней мере, на откладывание времени их рождения. Среди основных сдерживающих факторов, влияющие на желание иметь большее число детей, выявлены: неуверенность в завтрашнем дне (63,0% женщин и 59,4% мужчин); жилищные трудности (48,8% женщин и 54,1% мужчин); большая занятость на работе (47,1% женщин и 45,8% мужчин) и отсутствие работы (42,5% женщин и 46,5% мужчин) [12]. Такие перенаселенные городские жилища не только не способствуют рождаемости, но и не создают благоприятной социализационной среды для воспитания детей и подростков [11, с. 4–5]. Попытки создать планировочными средствами замкнутые безопасные дворы, расположить жилые комплексы в экологически чистых районах города, изолировать двор от машин не приведет к желаемым результатам устойчивого развития [13]. Устойчивое социальное сообщество в таком жилом комплексе так и не сформируется. Частая смена жильцов не способствует установке устойчивых социальных контактов. Соответственно, говорить

об устойчивом развитии таких жилых комплексов также не приходится. А жилая среда, сопряженная с определенной степенью рисков, не является комфортной и удобной для жизни. Для устойчивого развития жилого многоквартирного комплекса процентное соотношение многокомнатных квартир должно превышать количество однокомнатных и студий.

Если присовокупить к отрицательным планировочным характеристикам этого жилья такое качество, как высотность жилых комплексов, которое усиливает дискомфорт и негуманность двадцатипятиэтажных зданий, то возникает вопрос в правильности вектора, выбранного строительным рынком. Многоэтажное жилье не только ресурсоемко в процессе возведения, оно очень сложно ремонтируется. Как пишет Алексей Щукин, «<...> индустрии капитального ремонта многоэтажек у нас нет. В любом случае придется железобетонные дома сносить, и тут появляются серьезные проблемы» [15]. Проблема устойчивого развития жилищного комплекса напрямую связана с удовлетворенностью человека качеством жизни. Данный тип жилья не позволяет реализовать потребность человека в стабильности.

Таким образом, массовое строительство жилых комплексов с высокой долей малометражных квартир, с одной стороны, пытается решить проблему доступности жилья для населения России, но, с другой стороны, ведет в тупик, называемый «жилищной стигмой». В данном контексте «жилищная стигма» означает навешивание социального ярлыка «малосемейки» на жилище и его обитателей, характеризующееся низким качеством жизни и концентрацией в одном комплексе семей со сходными социально-демографическими особенностями, так страна реализует новые оптимистические времена в давно ушедших жилищных стандартах [14]. Это ведет к угрозе депривации счастья, которая связана с невозможностью реализации утилитарных жизненных потребностей человека в сохранении приватности жизни, безопасности и стабильности, соответственно, надежде на счастье.

Литература

- Карташова, К. К., Благовидова, Н. Г. Архитектурные и социальные особенности отечественного жилища в условиях рынка // Известия вузов. Строительство и архитектура. – 2000. – № 9
- Кияненко, К. В. «Оценка после заселения»: от архитектуры к среде // Архитектон: известия вузов [сайт]. – 2016. – № 3 (55). – URL: http://archvuz.ru/2016_3/2 (дата обращения: 20.02.22)
- Крашенинников, А. В. Архитектурные прототипы жилища // Архитектура и строительство России. – 2009. – № 5. – С. 29–38
- Молчанов, В. М. Проблемы современной архитектуры и качество жизни // Жилищное строительство. – 2004. – № 11. С. 2–5
- Человек, среда, пространство : исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды / под ред. П. Кенкманна, Я. Круусвалля, М. Лауристина, П. Тульviste. – Тарту : Тартуский государственный университет, 1979. – 161 с.
- Altman, I. The environment and social behavior : privacy, personal space, territory and crowding. Monterey, California : Brooks / Cole. – 1975. – 237 p.
- Черноушек, М. Психология жизненной среды / пер. с чеш. И. И. Попа. – Москва : Мысль, 1989. – 174 с.
- Анисимова, Л. В. Архитектура границ общественных и частных пространств в городской среде // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. Естественно-технические науки. – 2017. – Т. 17. – № 5. – С. 120–125
- Post-Occupancy Evaluation of Main Library – San Francisco Public Library. – URL: <http://sfpl.org/index.php?pg=2000043301> (дата обращения: 10.02.2022)
- Крелина, Е. В., Саенко, И. А., Пухова, В. В., Кашина, Е. В. Исследование удовлетворенности населения жилищными условиями как основа для развития жилищного строительства (на примере крупного сибирского города) // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 10. – С. 110–120
- Казакова, А. Ю. Жилищная депривация и территориальная стигма как атрибуты маргинальности : автореф. дис. ... докт. социолог. наук. – Ставрополь, 2020. – 37 с.
- Влияние пандемии на социальный запрос россиян на улучшение жилищных условий // Строительный и архитектурный портал «Строительный эксперт» [сайт]. – URL: https://ardexpert.ru/contest/m_standard (дата обращения: 19.02.2022)
- Кукина, И., Ряпосов, И., Камалова, К., Чуй, Я. КРТ – панacea или нерегламентированное уплотнение города? // Проект Байкал. – 2021. – № 70. – С. 140–148
- Ван дер Хувен, Ф., Ивкович, М. Когда хулиганство и социалистический город становятся единым целым // Проект Байкал. – 2021. – № 68, С. 36–43
- Щукин, А. Многоэтажки – это токсичный актив с коротким сроком жизни // Эксперт [сайт]. – 2019. – 17.06. – № 25 (1124) – URL: <https://expert.ru/expert/2019/25/mnogoetazhki---eto-toksichnyj-aktiv-s-korotkim-srokom-zhizni/> (дата обращения: 19.02.2022)

References

- Altman, I. (1975). The environment and social behavior: Privacy, personal space, territory and crowding Monterey. California: Brooks/ Cole.
- Anisimova, L., & Anisimov, Y. (2017). Arhitektura granic obshchestvennyh i privatnyh prostranstv v gorodskoj srede. [Architecture of boundaries of public and private spaces in the urban environment] Vestnik kyrgyzsko-rossijskogo slavyanskogo universiteta. Seriya Estestvenno-tehnicheskie nauki, 17(5), 120-125.
- Chernoushek, M. (1989). Psihologiya zhiznennoj sredy [Psychology of the living environment]. Moscow: Mysl'.
- Kartashova, K. K., & Blagovidova, N. G. (2000). Arhitekturnye i social'nye osobennosti otechestvennogo zhilishcha v usloviyah rynka [Architectural and social features of domestic housing in market conditions] Izv. Vyzov.-Stroitel'stvo i arhitektura, 9.
- Kazakova, A. (2020). Zhilishchnaya deprivaciya i territorial'naya stigma kak atributy marginal'nosti [Housing deprivation and territorial stigma as attributes of marginality] [Doctoral dissertation]. Stavropol: S-KFU.
- Kenkmann, P., Kruusvall, Ya., Lauristin, M. & Tulviste, P. (Eds.) (1979). Chelovek. Sreda. Prostranstvo. Issledovaniya po psihologicheskim problemam prostranstvenno-predmetnoj sredy. [Man. Environment. Space. Research on psychological problems of the spatial-subject environment]. Tartu: Tartuskij gosudarstvennyj universitet.
- Kiyanenko, K. (2016). Ocenka posle zaseleniya: ot arhitektury k srede [Post-Occupancy Evaluation: from architecture to environment] Architektkon: Proceedings of higher education, 3(55). Retrieved from http://archvuz.ru/2016_3/2 .
- Krashennnikov, A. (2009). Arhitekturnye prototipy zhilishcha [Architectural prototypes of the dwelling]. Architecture and Construction of Russia, 5, 29-38.
- Krelina, E. V., Saenko, I. A., Puhova, V. V., & Kashina, E. V. (2021). Issledovanie udovletvorennosti naseleniya zhilishchnymi usloviyami kak osnova dlya razvitiya zhilishchnogo stroitel'stva (na primere krupnogo sibirskogo goroda) [The study of the population's satisfaction with housing conditions as a basis for the development of housing construction (on the example of a large Siberian city)] Innovacii i investicii, 10, 110-115.
- Kukina, I. V., Ryaposov, I., Kamalova, K. & Chui, Ya. (2021). A panacea or unregulated density of the city? Project Baikal, 18(70), 140-148. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1903>
- Molchanov, V. (2004). Problemy sovremennoj arhitektury i kachestvo zhizni [Problems of modern architecture and quality of life] Zhilishchnoe stroitel'stvo, 11, 2-5.
- Post-Occupancy Evaluation of Main Library (n.d.). San Francisco Public Library. Retrieved February 10, 2022, from <http://sfpl.org/index.php?pg=2000043301>
- Shchukin, A. (2019). Mnogoetazhki — eto toksichnyj aktiv s korotkim srokom zhizni [High-rise buildings are a toxic asset with a short lifespan]. Ekspert, 25 (1124). Retrieved February 19, 2022, from <https://expert.ru/expert/2019/25/mnogoetazhki---eto-toksichnyj-aktiv-s-korotkim-srokom-zhizni/>
- van der Hoeven, F., & Ivkovi, M. (2021). When hooliganism and the socialist city melt into one. Proekt Bajkal, 18(68), 36-43. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1798>
- Vliyanie pandemii na social'nyj zapros rossiyan na uluchshenie zhilishchnyh uslovij [Impact of the pandemic on Russians' social demand for better housing] (n.d.). Stroitel'nyj ekspert. Retrieved February 19, 2022, from https://ardexpert.ru/contest/m_standard

На примере усадьбы, созданной в Латвии Тотаном Кузембаевым, автор разворачивает анализ фундаментальных для архитектуры категорий и архетипов: пространство, стиль, граница, субстанция, время, дом. Постигание смысла своего дома идет синхронно с постижением самого себя. В контексте анализа рассматривается концепция границы у оседлых и кочевых народов, которые сегодня существуют в тесной связи. Их метаморфозы обнаруживаются в понимании стены и окна, культа Неба, образов Рая и Утопии. Кольцо, замыкающее Себя и Другого, Восток и Запад, открывается в любви как настоящем и истинном. Проблематизируется поиск архитектурного стиля, смысла дома как образа жизни в новом тысячелетии, осваивающем возможности свободной индивидуальности.

Ключевые слова: Усадьба Елены; Тотан Кузембаев; архитектура; пространство; время; граница; стиль; индивидуальность.

On the example of the manor created by Totan Kuzembaev in Latvia, the author develops an analysis of the categories and archetypes fundamental to architecture: space, style, border, substance, time and home. The understanding of the meaning of one's home is synchronous with the understanding of oneself. In the context of the analysis, the author considers the concept of the border among settled and nomadic peoples, who today exist in close connection. Their metamorphoses are revealed in the understanding of the wall and window, the cult of Heaven, the images of Paradise and Utopia. The ring enclosing the Self and the Other, East and West, is revealed in love as real and true. The author problematizes the search for architectural style, the meaning of home as a way of life in the new millennium, mastering the possibilities of free individuality.

Keywords: Elena's Manor; Totan Kuzembaev; architecture; space; time; border; style; individuality.

Путь к дому / The road to home

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

*...А снится нам трава, трава у дома,
Зеленая, зеленая трава.*

А. Поперечный

Жилищный вопрос

День в середине декабря, когда я оказался в Усадьбе Елены, был пасмурным. Солнца не было, но атмосфера ясная. Строения видны были хорошо, но понять замысел автора и хозяина еще предстояло. Историческое время наших дней остается туманным и переломным: и в судьбах нового образа жизни глобального человечества, и в архитектуре сам «дом», превратившись в городскую квартиру, с трудом возвращается к природе.

Бесполезно винить в этом историю, заказчиков, архитекторов, дизайнеров, теоретиков архитектуры. Не спасают и гуманитарные науки, предлагающие системы понятий, из которых следует только, что «что-то идет не так». Кризис городской культуры бесспорен, а выхода из него не видно.

В архитектуре это сказывается, в частности, на утрате стиля, отражающего реалии современного образа жизни.

«Война слишком серьезное дело, чтобы доверять его военным». Эти слова Талейрана, сказанные более ста лет назад, сегодня можно отнести и к архитектуре. Архитекторам доверять «жизнестроительство» опасно. Заявки авангарда на «жизнестроительство» себя не оправдали: будущее строится не по проектам, а по законам рынка, способного видеть не далее ближайшего сезона.

Талейран считал, что за успехи в войне несут ответственность политики, но сами политики не способны решать содержательные проблемы, которые остаются в ведении профессий, сегодня, увы, не готовых к их решению. Политики требуют решения проблем от профессий. Профессии в ответ требуют от политиков создания соответствующих условий. Заказчик и архитектор стоят перед рискованным выбором и стиля, и образа жизни.

В одних странах урбанизация набирает силу, и люди заселяют многоэтажные жилые комплексы, в других – семьи мечтают вернуться к природе и жить в собственных домах. Но мечты среднего горожанина чаще всего воплощаются в унылых пригородах на небольших садовых участках.

В последние годы вновь появляется элита, имеющая возможность не подчиняться общим нормам. В результате нередко появляются образцы квартир и загородные особняки в духе вульгарного китча. Но встречаются заказчики и архитекторы, готовые, сохраняя верность принципам аристократического совершенства, предлагать новые образы жизни на природе. Научно и беспристрастно оценить результаты таких экспериментов невозможно: у науки нет никаких критериев совершенства – она не может быть вкусовым арбитром.

Тем не менее, критика и теоретический анализ сохраняют свой смысл, потому что и заказчики, и архитекторы не прочь посмотреть на себя со стороны – пусть даже в тусклое зеркало.

Такой взгляд не может быть застрахован от ошибок и глупостей. Чтобы избежать их, стоит отказаться от претензий на объективность суждений и сосредоточить внимание на природе трудноразрешимых вопросов. Ибо глупых вопросов не бывает, а «жилищный вопрос» становится сегодня вопросом уже не о крыше над головой, а о смысле и новой жизни современного понятия «дом».

Эклектика и утопия

Вначале спросим себя, как, отказываясь от стандартов типового строительства, избежать безвкусной эклектики и наивной утопии. Начиная с авангарда, архитектура старается отказаться от самого понятия «стиль» и заменить его методом, но запутавшись в методах, все еще пестрит «измами». Сегодня так и не удалось теоретически обосновать связь архитектурного стиля с образом жизни, а без этой связи понятие «стиль» теряет смысл.

Исторические стили наследовались в рамках определенных сословий, внутри которых воспроизводство старых образцов и стилей поощрялось культурной традицией. Исключение составляла готика, появившаяся как бы на пустом месте. Попытки создать новый стиль как выражение нового образа жизни появились в новаторских утопиях XX века. Но сегодня и утопии, и антиутопии прошлого века, не вошедшие в быт, уже никого не соблазняют. Утопический дискурс практически вышел из употребления.

Тотан Кузембаев. Усадьба
Клаугу Муйжа, Латвия,
Мадонский край. Заказчик
Петр Авен. 2014–2018.
Фото Илья Иванов

^ Рис. 3. Фрагмент галереи

^ Рис. 4. Консоль. Вид со стороны озера

Понятие китча, как и понятие стиля, остается исторически неясным. Они стали головной болью эстетики, ищущей примирения «традиций и новаторства». Что касается архитектуры роскошных особняков, то опыты в поисках нового образа жизни все чаще возвращаются от космических фантазий к стилю дворянских гнезд XIX века, построенных по лекалам классического ордера. Отказ от пляски под дудочку модных журналов приводит к проектным экспериментам, играющим роль своего рода «синхрофазотрона» как устройства синхронизации фаз и векторов развития культуры, различных для разных народов и культур.

Проекты и постройки, не приемлющие китча и ищущие новый синтез городской и усадебной культуры, попадают в разряд уникальных экспериментов. К ним можно отнести и Усадьбу Елены.

Понять эту усадьбу с первого взгляда не так-то просто, хотя архитектурное мастерство создателей дома вызывает восхищение, его стиль и стоящий за ним образ жизни остаются весьма непривычными. Я с трудом представляю себе семью, живущую в таком доме: его атмосфера вызывает в моей памяти сюрреалистический дух фильмов Луиса Бунюэля, в которых поступки людей и интерьеры подернуты флером тайны. Тут игра воображения невольно обращается к старинным дворцам и особнякам, монастырям, хижинам отшельников и космическим станциям. Но искусство потому и искусство, что готово играть в эту игру. Возможно, что иным путем никогда и не удастся найти синтез художественных и архитектурных форм прошлого и современной техники, способный превратить экстравагантную эклектику в органическую «полифонию» нового стиля.

Метода такого синтеза не дали ни авангард, ни поп-культура, так что оценка подобных опытов остается интуитивной. Но, чтобы обсуждать их конструктивно, можно опираться на категории и архетипы – стиль, граница, субстанция, пространство и время и наконец, сама бессмертная категория – «дом».

Граница и стекло

В гостиничной части дома Елены непривычно отсутствие обычных стен и окон. Их заменяют огромные витрин-

< Рис. 1. План первого этажа

< Рис. 2. Фрагмент внутреннего двора

> Рис. 5. Гостиная

ные стекла, которые позволяют устранить визуальную преграду между миром природы и интерьером. Но тут мы сталкиваемся с новой двойственной ролью стен. В европейской и многих восточных архитектурных традициях границы жилища, воплощаясь в массивных и непроницаемых стенах, служили средством и символом защиты обитателя от угроз постороннего вторжения в интимный мир семьи. Заменяя их сплошным стеклом, уничтожающим видимую преграду и как бы приглашая природу войти в дом, мы отчасти выгоняем себя на улицу.

Приходится пристальнее взглянуть в саму концепцию границы, по-разному понимаемой оседлыми и кочевыми народами, которые сегодня существуют в тесной связи. Бывшие кочевники живут в городах, а горожане путешествуют по миру. Эти метаморфозы обнаруживаются и в понимании стены и окна.

Большие витринные стеклянные стены – характерная черта современной городской среды. В Усадьбе Елены они, уничтожая разделение дома и природы, внутреннего и внешнего мира, качественно меняют способ переживания Земли и Неба.

Границы миров в современной культуре смещаются не только в реальных сооружениях, но и в средствах современного технического мышления – языках схемы и чертежа, преобразующих архаические способы восприятия смыслов материальной культуры, в особенности выполненных на компьютерах и тем самым как бы теряющими связь с рукой художника. Нечто аналогичное происходит в проектном языке, основная часть слов которого, как и всех языков нашей культуры, все еще обозначает вещи и их свойства. Но у нас совсем мало понятий, обозначающих отношения вещей и людей к предметной и пространственной среде. Не исключено, что именно поэтому и претензии архитектуры на «жизнестроительство» остаются, скорее, в сфере желаемого, чем действительного.

Но не сама ли эта скудость языка одаряет наши чувства и переживания свободой воображения? Так что повсюду мы сталкиваемся с двойственностью и парадоксами.

Как сегодня меняется драматургия семейной жизни – мы не знаем. Мир меняется и в границах частного

дома, и на всем пространстве планеты, не имея готовых рецептов освоения новой свободы и новых конфликтов.

В работах Тотана Кузембаева можно видеть сдвиг, сближающий мировосприятие оседлого, хотя и путешествующего, горожанина с традиционным мировосприятием кочевника. В частности, это выражается в том, что Тотан часто превращает поверхность стен в трехмерную структуру, напоминающую геометрический орнамент конструктивистов.

Граница становится если не прозрачной, то сквозной, пористой, неуловимой. На первый взгляд эти приемы кажутся декоративными, но они вводят в жизнь непривычные формы организации пространства, требующие нового языка описания как физического пространства, так и его символического и феноменологического смысла.

В масштабе интерьера это ощущается не сразу, но для внимательного антрополога таит новое мироощущение земной и космической судьбы: фантастические образы архитектора могут быть сопоставлены с проблемами современной физики и психологии.

Адольф Лоос, современник Эйнштейна, считал украшения современных стен орнаментом признаком дикости, а философ Анри Бергсон спорил с автором теории относительности, призывая отказаться от линейной схемы времени, которую наука унаследовала из евклидовой геометрии. Он предложил в качестве альтернативы свое понимание времени «duree» как области длящегося настоящего.

Позднее структурализм, развивая идеи современной лингвистики, вернул структурам орнамента смыслы символической основы как архаической, так и современной культуры. Поэтому в трехмерных структурах и орнаментах Тотана, которые преодолевают поверхность и границы, мы можем видеть не только критику европейской культуры, но и ее новые перспективы.

Дом и движение

Движение человека постепенно захватило и его интерьеры – любые помещения с ограниченным пространством (сначала в карете, потом в каюте корабле, а теперь уже в кабине автомобиля, салоне самолета и жилом отсеке ракеты). Автомобиль – такой же движущийся домик,

^ Рис. 6. Столовая

^ Рис. 7. Фрагмент интерьера

как мотоцикл и велосипед – потомки коня. В переживание и эстетику зрительного восприятия пространства постепенно входят привычки человека, видящего природу через ветровое стекло автомобиля. Не исключено, что и «колючие» конструкции Кузембаева протыкают сложившиеся образы покоя и движения.

Но метаморфозы стены не исчерпывают темы исторического преобразования границ дома и природы. Окна открыты небу и солнцу – освещающих и греющих Землю. Но есть у дома и свое солнышко – очаг, представленный в Доме Елены несколькими каминами.

Метаморфозы границ можно видеть и в домашнем очаге и печи, каменные оболочки которых отсутствуют в юрте. Европейский дом оседлых народов «начинает танцевать от очага юрты и каменки-печки», а уже в наши дни идея «внутреннего сгорания» переходит от очага к бензиновому мотору. И пламя домашнего очага, как некогда свет керосиновой лампы, вслед за солнцем становится для Николая Заболоцкого эстетическим символом прекрасного:

*А если так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?*

Дерево и Память

Сводить смысл Дома Елены лишь к символике безграничной экспансии, конечно, нельзя. Здесь и конструктивная энергия форм, и Дерево как мифопоэтическая схема архаической культуры, и живая субстанция насыщенного запаха воздуха, предметно воплощенная с обеих сторон стеклянной стены. Снаружи это деревья – березы и ели, в интерьере – стены, полы, потолки, мебель. Но за всеми породами деревьев и видами древесины все еще стоит Мировое Дерево – архаичный космический символ Вселенной. Оно отражает трехчастное деление мира на корни, ствол и крону, соединяя землю и небо. В центре новой столицы Казахстана выстроена суперсовременная башня Байтерек, уходящая корнями в Землю и поднимающая яйцо птицы Самрук к Небу как символ, открытый всем ветрам и всем культурам.

Возможно, символы Неба, тюркский Тенгри и китайский Тан – еще старше символа мирового дерева.

В степном ландшафте кочевых народов Земля ассоциируется уже не столько с деревом, сколько с небом и травой.

Схема мирового Дерева обнаруживается и в родовидовой, иерархической системе логики Аристотеля; ей же следуют многие планировочные и архитектурные схемы, в том числе радиально-кольцевая структура Москвы, превращенная Николаем Ладовским в параболу. В середине XX века американский архитектор Кристофер Александер увидел в этой схематической структуре иерархический принцип, преодоленный в более сложной и хаотической структуре смысловых связей современной городской среды. В своей статье «Город – не дерево», написанной в середине 1960-х годов, он предложил в качестве архетипа городской структуры не древовидный ствол с ветвями, а схему «полурешетки» из математической теории графов. Казалось бы, лежащая далеко от конструктивистских проектов, она все же обнаруживает структурное родство со структурными орнаментами Тотана Кузембаева.

В руках Тотана дерево становится своего рода геометрическим узором, гладким цилиндром ствола и ювелирно связанных пучков прямолинейных элементов, своего рода лучистой геометрии в новом, по сравнению с конструктивистским, масштабе сложности, преодолевающим логику иерархии и вносящим в естественную стихию дерева древний архетип хаоса. Центростремительный смысл статичной схемы Дерева взрывается в динамике экспансии и преодоления границ. Но Кузембаеву важны не только конструкция и виртуозная вязь брусьев, но и мистика самой древесной субстанции. Здесь мы сталкиваемся уже не только с пространством и его схемами, но и со временем как следствием, хранителем культурной и биологической памяти в системе нервных клеток или кристаллах компьютерных чипов.

Первоначально в культуре память была символически воплощена в камне как идее преодоления разрушительной силы времени. Дерево относится к памяти принципиально иначе, хотя и камень, и дерево встречаются

> Рис. 8. Вид со стороны зеленого партера

> Рис. 9. Внутренний дворик. Вид сверху

в древнейших обрядах захоронения как символы хранения памяти предков.

Память встречается с забвением, как свет с тенью. Горячая субстанция древесины излучает вибрации света и живого пламени, как летучая стихия забвения.

На поверхности камня взгляд останавливается перед гранью вечности, недоступной превратностям судьбы. В архитектуре оседлых народов камень выступает как защитная оболочка, не боящаяся ни огня, ни влаги, как таинственная сила всякой власти.

Стекло сохраняет плотность камня, но прозрачная стена, исключая тайну, обретает новую субстанциальную магию. Прозрачность и призрачность металлических и деревянных конструкций стала не только новым символом прочности, но и скелетом строительного организма, его магией.

Иная магия открылась архитектуре в субстанции древесины, ставшей в Усадьбе Елены материалом сквозных структур.

Дерево, обработанное рубанками и пилами, храня свою податливость времени и тепло живого тела, не уничтожает память, но делает ее экзистенциальное присутствие излишним. Беспмятство древесины, чреватое пламенем костра и очага, напевает свою невнятную колыбельную ксилофоническим узором и навеивает сон без прошлого и будущего.

В интерьерах Тотана – целая энциклопедия приемов орнаментального использования древесины. Быть может,

их даже слишком много для одного сооружения, но зато эта энциклопедия может стать кладовой идей. Каменные массы удерживают прошлое и будущее в своих гранях, оберегая их от забвения. Дерево упраздняет время принципиально иным путем. На наружных стенах доски лиственницы имитируют в Усадьбе Елены камень или металл. В интерьере деревянная резьба пылает цветом и жаром, выражая стихию огня. Древесина не запрещает думать о времени как символе утрат, но соблазняет забыть о нем. Она сжигает память, как и сама сгорает в пламени очага.

В жилище XIX века этот же двойной символ темпоральности воплощался в камине и каминных часах. Часы символизировали необратимость времени, а огонь согревал этот образ самой жизни.

Тотан говорит, что дерево прочнее металла и камня. Это наблюдение – шаг к постижению древесной субстанции. Влага, растившая дерево из семени, в пламени покидает древесную плоть. Огонь, пожирающий сухое дерево в жертвенном костре, напоминает о вечном возвращении.

Дерево ближе человеку, чем камень. Его горячая краснота сама источает свет, подобный солнечному. Влага дерева и влага сырой глины исчезают в огне. Глина превращается в керамику, а дерево в пепел. Эта бесконечная, как пение акына, метаморфоза заставляет чувство и мысль расти, забывая и свое начало, и свою цель.

Обратная перспектива

И море, и Гомер – все движется любовью.

О. Мандельштам

В строениях Усадьбы Елены переплетаются парадоксы пространства и времени, дороги и дома. Дом человеку европейской культуры дан как икона в обратной перспективе: образы далекого прошлого в нем становятся близкими. Кочевые народы, принимая оседлый образ жизни, привносят в дом свой культ Неба, сливающийся с европейскими образами Рая и Утопии.

Парадоксальное сближение Востока и Запада еще не завершено; сегодня оно играет, порой обогащая или обедняя тысячелетние традиции противоположных культур. Когда полифоническая гармония культур сможет уравновесить их конфликты – мы еще не знаем.

Эти краткие наблюдения – лишь несвязные попытки познания пути к дому. Большинство этнографов и лингвистов видит начало этого пути в Мировом дереве или небесной сфере. Ее центр может пониматься и как начало, и как финал: «С небесного свода Тенгри льется Свет, для русского уха и духа означая – Мир».

Прямая перспектива и дорога уводит взгляд вдаль, в будущее. Обратная – смотрит из глубины мира в его центр, в человека, его сердце и его дом.

Постижение смысла своего дома идет синхронно с постижением самого себя. Дом Елены возвращает эту встречу прошлого с будущим в настоящее.

Настоящее же как подлинное, открывается в любви – кольце, замыкающем Себя и Другого, Восток и Запад.

Тотан уловил в европейском авангарде родные звуки степи – зов предков. Ему удалось сказать свое слово в этом мире, где все, казалось бы, уже сказано.

От утопий к снам

Язык – дом Бытия.

М. Хайдеггер

Ле Корбюзье сказал: «Дом – машина для жилья». Сегодня сам человек становится машиной. В отличие от автомобиля, у дома нет фар, освещающих путь. Но дом освещен Солнцем и... Любовью, о которой забыли функционалисты. Не став машиной, дом сделался местом для сна. Но Любовь XX века уходит в сновидения, в темный зал кино и... всегда таинственно играющую тенями архитектуру.

Внук Чингисхана, владыка Китая XIII века хан Хубилай показал итальянскому купцу Марко Поло свой дворец – архитектурное воплощение сна, приснившегося императору в состоянии опийного опьянения. В девятнадцатом веке этот же сон явился в наркотическом трансе английскому поэту Кольриджу, а его современник Пушкин вложил в уста Татьяны слова, в которых дворец уступает место памяти:

*...Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, встретила я вас...*

Эпилог

Возвращаясь, я вновь спрашивал себя – что же случилось с домом и стилем за последние сто лет? Отказавшись в начале прошлого века от стиля и ордера, то есть классцизма усадеб и уюта традиционной избы, архитекторы обрели свободу сближения авангарда и традиций мировых культур. Но одновременно был утрачен репертуар форм как надежный способ взаимопонимания людей, в том числе архитектора с заказчиком и, наконец, самый предмет архитектуры, начавшей стремительно превращаться в дизайн.

В Доме Елены заказчик и архитектор, кажется, смогли найти новый общий язык. Пытаюсь понять причины этого успеха, я неожиданно осознал еще одну категорию, нечасто всплывающую в современном профессиональном дискурсе – «поколение». В рамках поколенческого единства, как правило, удается достичь согласия на путях интуиции, не обремененной анализом.

Петру Авену и Тотану Кузембаеву сейчас шестьдесят с небольшим, они младше меня на десять с лишним лет. Я принадлежу к поколению «шестидесятников». В 1965 году, почувствовав невозможность практической работы в жанре так называемого советского модернизма, я ушел в область теории архитектуры и с тех пор там и остаюсь.

Но жизнь свела меня с яркими представителями следующего поколения архитекторов участниками движения «бумажной архитектуры». Их знаменитые конкурсные проекты, посвященные «концептам» и фантастическим идеям, не были утопиями, потому что и не предполагали реализации. В них молодые архитекторы играли с архитектурной графикой и формами, опираясь только на фантазию и графическое мастерство. Через десять лет это поколение, к которому принадлежит и Тотан, вернулось к практике, уже не связанной с крупнопанельным домостроением. К началу XXI века перед ними, наконец, открылась возможность не только фантазировать, но и строить.

Это возвращение от теории к практике произошло и в сфере экономики: от системных математических моделей экономисты вернулись к предпринимательской деятельности. И владелец, и архитектор дома Елены сумели найти себя в этих новых просторах практики.

Но проблемы поиска архитектурного стиля, сути (или смысла) дома как образа жизни в новом тысячелетии еще долго будут ставиться и решаться в мире, постепенно осваивающем возможности свободной индивидуальности. Авен и Кузембаев сделали свой шаг в истории архитектуры индивидуального жилища, но это еще далеко не финал.

Судьба Усадьбы Елены в руках наследников, судьба Дома и Архитектуры зависят от путей цивилизации. Будущим поколениям зодчих придется отвечать на вопросы, которые я попытался обозначить в рамках категорий, популярных среди теоретиков моего поколения – дома и стиля. Теперь архитектура в руках его будущих обитателей и будущих поколений зодчих. Пригодятся ли им категории пространства и времени середины XX века – не знаю.

Литература

1. Ревзин, Г. Как устроен город. – Москва : Strelka Press, 2019. – 270 с.
2. Ревзин, Г. Оправдание Утопии. – Москва : Пресса.ру, 2021. – 262 с.
3. Мастера архитектуры об архитектуре : Зарубеж. архитектура. Конец XIX–XX в. : Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов : Переводы / Сост. и авт. предисл. А. В. Иконников] ; Под общ. ред. А. В. Иконникова [и др.]. – Москва : Искусство, 1972. – 590 с. : ил.
4. Loos Sämtliche Schriften.pdf/152 – URL: https://de.wikisource.org/wiki/Seite:Loos_S%C3%A4mtliche_Schriften.pdf/152 (дата обращения: 10.06.2022)
5. Аристотель. Метафизика / пер. с греч. А. В. Кубицкого. – Москва : Эксмо, 2006. – 604. (Антология мысли)
6. Язык шаблонов : города, здания, строительство / Кристофер Александер [и др.] ; пер. с англ. И. Сыровой. – Москва : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. – 1093 с. : ил.
7. Каплун, А. И. Стиль и архитектура. – Москва : Стройиздат, 1985. – 232 с.

References

- Alexander, Ch. et al. (2014). A pattern language: Towns, buildings, construction (I. Syrova, Trans.). Moscow: Artemy Lebedev Studio.
- Aristotle (2006). Metaphysics (A.V. Kubitsky, Trans.). Moscow: Eksmo.
- Ikonnikov, A. V. et al. (Eds.) (1972). Masters arkhitektury ob arkhitekture: Zarubezhnaya arkhitektura. Konets XIX-XX v.: Izbr. otrivki iz pisem, statei, vystuplenii i traktatov: Perevody [Masters of architecture about architecture: Foreign architecture. Late XIX-XX centuries: Selected excerpts from letters, articles, speeches and treatises: Translations]. Moscow: Art.
- Kaplun, A. I. (1985). Stil i arkhitektura [Style and architecture]. Moscow: Stroyizdat.
- Loos Sämtliche Schriften (2018). Retrieved June 10, 2022, from https://de.wikisource.org/wiki/Seite:Loos_S%C3%A4mtliche_Schriften.pdf/152
- Revzin, G. (2019). Kak ustroen gorod [How the city works]. Moscow: Strelka Press.
- Revzin, G. (2021). Opravdanie Utopii [Justification of Utopia]. Moscow: Pressa.ru.

Одно из прежних значений слова «счастье» – доля, пай, часть, и произносилось это слово некогда как «со-частье». Для счастья мало иметь теплый дом, где по праздникам зажигают свечи, можно глядеть на игру пламени в камине, но такой дом – со-частье человеческого бытия, составляющая кратких мгновений блаженства. Огонь в человеческом жилище обитает с незапамятных времен, но у него двойственная природа. Он может быть благим и злым. Он освещает, освящает и согревает, игра огня в фейерверках создает иллюзию власти над стихией и напоминает о тайнах космоса. Факелы, свечи, светильники, печи, каминны во многом определяют архитектуру дома. Форма и конструкция вещей, связанных с огнем, – предмет изучения для искусствоведов и культурологов. Прирученный огонь – со-частье бытия.

Ключевые слова: счастье; со-частье; дом; огонь; архитектура./

One of the former meanings of the Russian word “schastie” (“happiness”) was a portion, a share or a part, and it used to be pronounced as “so-chastie”. To be happy, it is not enough to have a warm house with candles lit on holidays or flames flickering in the fireplace. But such a house is a part of human existence, which constitutes brief moments of bliss. Fire has inhabited the human dwelling since time immemorial, but it has a dual nature. It can be good and evil. It illuminates, blesses and warms. The fire sparking in fireworks creates an illusion of ascendancy over the elements and evokes the mysteries of the cosmos. Torches, candles, lamps, cookers and fireplaces largely determine the architecture of a house. The form and structure of the things associated with fire is a subject of study for art historians and culturologists. Tamed fire is a “so-chastie” of being.

Keywords: happiness; “so-chastie”; home; fire; architecture.

Огонь и дом – со-частье бытия / Fire and home: A part of a happy life

текст

Елена Багина

Строительный институт
Уральского федерального
университета им. Б. Н. Ель-
цина /

text

Elena Bagina

Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin

О счастье

По В. И. Далю, слово «счастье» происходит от «со-частье» и по смыслу соотносится с такими понятиями, как доля, пай, часть, участь, судьба. Другие значения – случайность, желанная неожиданность, удача, успех, благоприятное стечение обстоятельств. Далее словарь приводит толкование: благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насыщенная жизнь без горя, смут, тревоги. Это близко тому значению, которое в наше время стало для слова «счастье» основным: состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости [1].

Дом, согретый, освещенный и освященный огнем, – неперемный атрибут счастья. Но вспомним рефрен из известного стихотворения Арсения Тарковского «Вот и лето прошло...»: «Только этого мало» [2]. Архитектура создает декорации жизни, где краткие мгновенья счастья редки как извержения спящего вулкана. Для счастья мало иметь дом, где по праздникам зажигают свечи и можно глядеть на игру пламени в камине, но такой дом – со-частье, часть счастья.

Огонь и дом

Я не буду писать о божественной природе огня и мифах, где огонь крадут у богов и приносят людям разные персонажи. Достаточно открыть двухтомник «Мифы народов мира», и там можно найти истории на любой вкус [3]. Трудно представить себе дом, который не согревает и не освещает огонь. Трудно представить себе храм, без горящих свечей...

У огня двойственная природа: благой и злой, созидающий и разрушающий, очищающий и карающий, сакральный и мирской. Оппозиции можно множить.

Дом и огонь неразрывны. Дом согревает огонь. Храмы освящает и очищает огонь в любых религиях. Благодатный огонь в христианстве – символ благоволения Бога и продолжения жизни.

Огонь, вырвавшийся из-под контроля, – злой. В пожарах гибнут дома и города. Несмотря на опасность, огонь там, где обитает человек, с незапамятных времен. Лучины, факелы, масляные светильники, свечи, кероси-

новые лампы для освещения, печи и каминны для тепла и не только.

Огонь в доме: свеча

*Всего-то – чтоб была свеча,
свеча простая, восковая,
и старомодность вековая
так станет в памяти свежа.*

Белла Ахмадулина. Свеча [4].

«Там ждет уже вас дом и старый слуга, свечи уже горят...» (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита [5]).

Свеча, с одной стороны, предмет утилитарный, с другой – сакральный, символический. Читаем у Пушкина в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»: «...засветила Богу свечку, затопила жарко печку...» [6]. В Евангелии образ свечи (светильника) связывали с противопоставлением свет – тьма: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Толкователь литургии блаженный Симеон Солунский (XV век) утверждал, что чистый воск свечей символизирует чистоту людей, его приносящих. Мягкость и податливость воска говорит о готовности повиноваться Богу. Горение свечи в храме – символическое очищение человека огнем Божественной любви. В средневековой Европе рыцари давали обет поставить в церкви пудовую свечу, приравнивая это к пожертвованию храму золотой утвари или дорогостоящих тканей.

Немного истории. Свечи – один из самых древних источников света, но общеупотребительными предметами они стали только в последние 100–150 лет. До этого в силу своей дороговизны они относились к предметам роскоши. В пушкинские времена свеча в избе, бесспорно, свидетельствовала о зажиточности хозяев:

*Дверь отворила я.
В избе свеча горит;
Гляжу – везде серебро да золото.*

А. С. Пушкин. Жених [7].

«Игра не стоит свеч», – гласит популярная поговорка. В XXI веке смысл ее почти забыт, а два века назад свечное освещение могли позволить себе только состоятельные граждане. Самыми дешевыми были дурно пахнущие и коптившие при горении сальные свечи, подороже

^ Аутодафе. Средневековая миниатюра

^ Бал при свечах. Начало XIX века

– восковые. К началу XIX века сальная свеча стоила 12 копеек, а восковая – 50. Для сравнения: фунт осетрины в 1804 году стоил 13 копеек. В 1830-е годы появляются недорогие парафиновые свечи, но они считались неэстетичными – были мягкие и грязно-серого цвета. В 1825 году изобрели стеариновые. Парафиновая свеча стоила дешевле стеариновой. С развитием китобойной промышленности в конце XVIII века произошел настоящий прорыв в изготовлении свечей. Их стали делать из спермацетового воска, получаемого из спермацетового масла, которое находится в жировой подушке на лбу у кашалота. Как и пчелиный воск, спермацетовый горел без вони, но свечи из него были дорогими. В Россию их привозили из Франции. «Не будучи еще зажжены, украшают уже чрезвычайно своею белизною и прозрачностью», – писали в рекламе [8].

Свечи в бальных залах дворцов

Свечи в XVIII и XIX веках использовались экономно, но только не на балах и праздниках. В «Описании торжества в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила», написанном Гаврилой Романовичем Державиным, читаем: «Вступили в освещенные чертоги. Что ж представилось? Сама августейшая императрица вопрошает: «Неужели мы там, где прежде были?» Сто тысяч лампад внутри дома: карнизы, окна, простенки, все усыпано чистым кристаллом, наполненным возжженного белого благовонного воску. Граненые паникадила и фонари, висящие с высоты, а со сторон позлащенные светильники, одни как жар горят, а другие как воды переливаются и, совокупляя лучи свои в веселое торжественное сияние, все покрывали светозарностью. Какой блеск! Волшебные замки Шехеразады! сравните ли вы с сим храмом, униженным звездами, или лучше с целою поднебесностью, увешанною солнцами?» [9].

Праздник, устроенный Григорием Потемкиным для Екатерины, был уникален. В бальных залах не столь богатых дворян обыкновенно зажигали три люстры по 60 свечей. В XIX веке считали, что зал сиял, а на самом деле в нем было столько же света, сколько дают три электрические лампочки по 60 ватт. Правда, свет многократно усиливался за счет отражения в зеркалах, которые специально

размещали напротив друг друга. За настенными канделябрами для усиления света также размещали зеркала.

Дворцовые люстры в XIX веке не имели механизма подъема и спуска. В Зимнем дворце с 1840-х годов для обслуживания люстр применяли складные лестницы, передвигающиеся на медных колесах, обтянутых кожей. Снабжались механикой только театральные люстры. Для их обслуживания над центром зрительного зала устраивалась «комната для снаряжения» со специальным люком. При реставрации Александринского театра и большого зала филармонии старинные механизмы подъема и спуска люстр исправно работали и в XX веке, поэтому сооружения специальных лесов не потребовалось.

Приблизительно с 1860-х годов для быстрого зажигания свечей в люстрах начали использовать специальный тонкий шнур, сгоравший без остатка. Им последовательно оплетали фитили всех свечей в люстре или высоком торшере, а конец опускали вниз. Когда конец шнура поджигали, пламя огня за считанные секунды охватывало все свечи светильника [10].

Интерьеры домов, дворцов и храмов, построенных до изобретения электрического освещения, рассчитывались на специфическое освещение свечами. Не случайно в начале XX века люди, привыкшие к свечному освещению, нередко отказывались от электричества: свет лампочек накаливания казался им мертвым. Электрический свет и свет свечей соседствовали в Зимнем дворце вплоть до 1917 года.

Огонь в доме: камин и печь

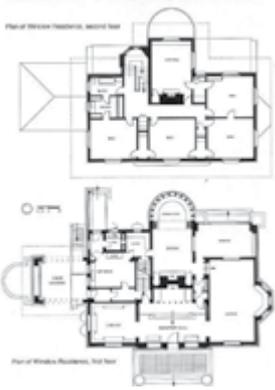
Хотела Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого и французская королева (1032 (1036?) – 1075 (1089?)), объяснить французам, что на Руси в любом деревянном доме есть печь и это не более опасно, чем камин, но ее не поняли. Вот что писала она в письме своему отцу: «И куды ж ты меня, грешную, заслал? В дырищу вонючую, во Францию, в Париж-городок, будь он неладен! Ты говорил: французы – умный народ, а они даже печки не знают. Как начнется зима, так давай камин топить. От него копать на весь дворец, дым на весь зал, а тепла нет ни капельки. Только русскими бобрами да соболями

^ Камин в Эрмитаже

^ Огненная Саламандра. Средневековая миниатюра. Алхимический трактат

^ Фрэнк Ллойд Райт. План особняка

здесь и спасаюсь. Вызвала однажды ихних каменщиков, стала объяснять, что такое печка. Чертила, чертила им чертежи – неймут науку, и все тут. «Мадам, – говорят, – это невозможно». Я отвечаю: «Не поленитесь, поезжайте на Русь, у нас в каждой деревянной избе печка есть, не то что в каменных палатах». А они мне: «Мадам, мы не верим. Чтобы в доме была каморка с огнем, и пожара не было? О, нон-нон!» Я им поклялась. Они говорят: «Вы, рюссы, – варвары, скифы, азиаты, это у вас колдовство такое. Смотрите, мадам, никому, кроме нас, не говорите, а то нас с вами на костре сожгут!» [11]. Опасения французов имели основания.

Практика публичных сожжений на кострах, не применявшаяся в течение шести столетий, во Франции была возобновлена в 1022 году. Пламя считалось средством «очищения» и могло «спасти душу» еретика. Интересно, что понятие очистительного огня имеет прямое отношение к слову «нефть», которое происходит от арабского «нафтар» – очищение, очистительный огонь.

Камин как атрибут счастья

Вариантов поддерживать комфортную температуру в помещениях великое множество. Печь в доме – вещь скорее утилитарная, хотя... Но камин... Come in, присаживайтесь в английское кресло, прикройте ноги пледом и забудьте обо всем, глядя на пляшущие язычки пламени.

> Шерлок Холмс и доктор Ватсон у камина. Кадр из кинофильма «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона», в главных ролях Василий Ливанов и Виталий Соломин

Камин – символ счастья, благополучия и уюта. Не видела ни одного человека, который бы заказал архитектору проект частного дома без камина. Заказывают с разными вариантами отопления, но даже «умный дом» без камина и не умный вовсе. В городских многоэтажных домах тоже некогда были настоящие камины. Они и сегодня есть в квартирах, но не настоящие – электрические. Огонь в тех, что подороже, прекрасно имитируется. Можно и греться, и любоваться. Но не то, совсем не то... Симулякр... Почти как у папы Карло, который жил в каморке под лестницей, где у него ничего не было, кроме красивого очага – в стене против двери. «Но красивый очаг, и огонь в очаге, и котелок, кипящий на огне, были не настоящие – нарисованы на куске старого холста» [12]. Как известно, старый холст прикрывал дверку, закрытую на замок. Золотой ключик открывал ее, а за ней было спрятано кукольное счастье. Говорят, Алексей Толстой писал не просто детскую сказку по мотивам «Пиноккио» Карло Коллоди. В образах Пьеро и Карабаса-Барабаса современники узнавали Александра Блока и Всеволода Мейерхольда, а Буратино у многих ассоциировался с Максимум Горьким. Но это другая история.

У каминов есть и утилитарная, и декоративная функции. В средневековых замках в особых каминных залах принимали гостей, хранили оружие, знамена, военное и охотничье снаряжение, трофеи и тому подобное. Такие камины иногда были огромными и богато украшенными.

Камин в европейской литературе – символ порядка, стабильности, семейного тепла. Образ Шерлока Холмса у Конан Дойля связан с камином. Греются у камина и мечтают о счастье герои Диккенса. Мисс Марпл у Агаты Кристи любит вязать у камина.

С давних времен «красное жерло» камина, где пламя и тлеющие угли создают фантазмагорические картины, завораживало людей. А потому камин часто воспринимается как предмет, связанный с иным миром.

На балу Сатаны в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» камин – врата ада: «В камине снова загорело, и из него выскочил гроб; пахло тленом, и из гроба поднялся человек в старинном костюме...» [5].

В XV – XVI веках появились новые технологии производства кирпича. Дымовые трубы стали выкладывать

^ Печь в Екатерининском дворце

^ Печь в Меншиковом дворце

из специальных фасонных кирпичей с орнаментальной отделкой. Дымоходы могли быть различной формы в соответствии с модными стилями. Например, их строили в виде античных саркофагов с архитектурными элементами – пилястрами, колоннами, маскаронами, профилями. Порталы каминов изготавливали из мрамора и гранита, отделывали декором, мозаикой, резными украшениями над каминными досками.

Во времена Людовика XIV отделка каминов была невероятно пышной. Их украшали раковинами, гирляндами, позолоченной лепниной, скульптурами. Каминные полки и пространство над ними часто отделывали пышной рамой, в которую вставляли бюсты. В Версальском дворце, к примеру, каминная полка в одном из залов украшена элегантными завитками, раковинами, а пространство над камином занимает зеркало в виде окна.

< Мартин Пепин. Бал при дворе. 1604

^ Русская печь

Менялись эпохи, менялись стилевые предпочтения, менялись и конструкции каминов. В XVIII веке американский изобретатель граф Румфорд изобрел камин с высокой и узкой камерой, обеспечивающей лучшую отдачу тепла. Обтекаемая форма горловины камина позволила холодному воздуху направлять в дымоход продукты сгорания. Это дало возможность встраивать камин внутрь стен, а не пристраивать к ним [13]. (Такие камины внутри стены проектировали впоследствии Фрэнк Ллойд Райт и Людвиг Мис ван дер Роэ.)

Планировка дома очень сильно зависит от способа расположения камина. Дымоход нередко становится композиционной доминантой. Если же случается беда и дом погибает в огне, камины и печи остаются на пепелище.

Напрасно Анна Ярославна просила французов соорудить печь в замке. В XI веке понять ее вряд ли могли. В это время на Руси наиболее распространенным типом была большая глинобитная печь без трубы, хотя встречались и печи с трубами. Только в XVI – XVII веках в Москве

v Адольф Менцель. Бал при дворе

> Салют в Пекине по случаю празднования Нового года

стали возводить печи с кирпичными дымовыми трубами, однако крестьяне по-прежнему сооружали в своих избах курные печи. Даже после выхода особого указа Петра I, запрещающего возведение курных изб, крестьяне продолжали пользоваться печами без трубы до 80-х годов XIX века [14]. Были у курных печей и преимущества. Ученые предположили, что дым, скапливающийся под потолком жилища, не только ел глаза, но и являлся своего рода профилактическим средством против многих распространенных болезней.

Печь как вместилище огня – таинственной субстанции – имела для людей особое значение. Это нашло отражение в фольклоре. В русской народной сказке «Гуси-лебеди» в качестве одного из чудесных помощников, которых встречает на своем пути девочка, ищущая похищенного гусями братца, выступает печь. Печь требует к себе такого же уважения, как молочная река и яблоня (символы рая). На волшебной печи развезжает Емеля. Илья Муромец 33 года на печи лежал, пока его не исцелили «калики перехожие».

В Европе только в XIV веке у многих владельцев замков появились кафельные печи, обогревавшие помещения. Кафельные и изразцовые печи в интерьере – особая искусствоведческая тема. Можно сказать одно: печь всегда является центральным элементом любого интерьера. В общем, интерьер и бедного, и богатого дома всегда «пляшет» от печи и камина.

Прирученный огонь: фейерверк

Салют, фейерверк – огненная феерия, иллюзорная власть над стихией огня, апофеоз праздников. Детское счастье наблюдать в небе разноцветные огненные букеты не забывается.

Feuerwerk с немецкого языка можно перевести как «огнеделание». Но изобрели фейерверки не в Германии. Полагают, что это произошло в I веке до н. э. в Древнем Китае, в период правления династии Хань. С изобретением пороха в IX веке огненные забавы стали весьма изощренными и, конечно, имели философский подтекст. Считается, что впервые порох получили даосские монахи, пытаясь найти эликсир вечной молодости и бессмертия. Микровзрыв рассматривали как возможность преобра-

< Константин Рихенталь. Хроника сожжения магистра. Средневековая миниатюра

жения. Но пути к вечной молодости и бессмертию порох не указал. Хотя солдаты, убитые с помощью пороха, остаются вечно молодыми и обретают бессмертие, но только в памяти потомков. А память, как показывают события последних лет, субстанция ненадежная, ее нужно поддерживать, в том числе и Вечным огнем на могилах героев. Даосские монахи, экспериментируя с легко воспламеняющимися веществами, хотели достичь физического бессмертия.

Смесь угля, серы и селитры давала невероятный эффект. Считалось, что взаимодействие холодной селитры

> Огненное шоу в Китае

(женское начало – инь) и горячей серы (мужское начало – ян) может помочь найти путь к просветлению и бессмертию.

В Европе долгое время средневековые мастера использовали порох только для оружия, но со временем стали создавать и различные пиротехнические зрелища. Лучшими европейскими мастерами огненных забав считались итальянцы. Идеи для огненных представлений придумывали самые знаменитые архитекторы и художники. Так были созданы бенгальские огни и различные формы фейерверков в виде свечи, фонтана, вертушки и колеса. Особенно зрелищным было представление, изображающее битву драконов. Конструкции делали из дерева и палье-маше, а потом набивали фейерверками. Во время представления заряды взрывались, и создавалось впечатление битвы огромных чудовищ.

В России расцвет пиротехнического искусства приходится на период правления Петра I. Первый в истории России большой салют был дан в 1683 году. Император лично проектировал огненную потеху. Известно, что Петр I в честь прихода нового века устроил самый яркий фейерверк, который продолжался целую неделю. Увлекались фейерверками Елизавета Петровна и Екатериной II. Со временем фейерверки стали обязательным атрибутом на всех больших праздниках в странах с различной культурой.

Знаковым для России стал салют 1943 года в честь освобождения Белгорода и Орла от оккупации немецкими войсками. Отмечать военным фейерверком успехи на фронте стало традицией. В честь победы в Великой Отечественной войне 9 мая на Красной площади был дан большой праздничный салют. Появившаяся в годы войны традиция уже не предавалась забвению ни в СССР, ни в современной России [15].

О счастье, огне и покое

Есть притча о том, как однажды монахи спросили у Будды о значении огня. Будда ответил: «Все в огне, о монахи, и замолчал». Монахи не осмелились больше спрашивать достигшего просветления. Жар, пламя, полымя, пыл – синонимы слова огонь. Мы говорим, когда у человека

повышается температура: у него жар, кого-то сжигает пламя любви; кто-то попадает из огня да в полымя.

Огонь мыслится как созидательная сила, когда он дает тепло и защиту. В этом случае он неизбежно связывается с домом. Трагедия, связанная с огнем, – война, пожар, разрушение...

Теплый, согретый огнем дом – достижимая мечта, счастье, которое быстро превращается в покой. И недаром комнаты в домах называли покоеми. Покой – помещение, комната и в то же время – тишина, спокойствие. Исходное значение этого слова – место для отдыха. А какое же может быть место для отдыха без огня!

Представьте себе на минуту: дождь, промокшая одежда, холод. Вы пытаетесь разжечь печь, которая дымит и гаснет. И вот наконец огонь разгорается. В доме становится тепло и уютно. В эти минуты можно испытать счастье. Оно будет длиться недолго. К теплу привыкают быстро. Покой и тишина тоже радуют и даже дарят счастливые мгновенья. Искусство сделать спокойный теплый дом дано немногим архитекторам. Дома-аттракционы беспокойны и навязчивы.

Мгновенья счастья с гарантией могут подарить человеку, выросшему в условиях железного занавеса в СССР, путешествия. Ах, Италия: Рим, Венеция, Апулия, Тоскана, колыбель цивилизации. Какие виды, какая архитектура!.. Но возвращаться хорошо в спокойный, теплый дом. Можно даже по поводу благополучного возвращения устроить ужин при свечах и фейерверк.

К перемене мест можно привыкнуть – к игре огня привыкнуть невозможно. Свеча, камин, печь в доме и фейерверк в праздники... Прирученный огонь – счастье бытия.

Литература

1. Счастье // Толковый словарь В. И. Даля [Электронный ресурс]. – <https://glosum.ru/> (дата обращения: 19.06.2022)
2. Тарковский, А. Вот и лето прошло... [Электронный ресурс]. – <https://www.culture.ru/poems/11096/vot-i-letoproshlo> (дата обращения: 15.06.2022)
3. Мифы народов мира : в 2 т. – Москва : Советская энциклопедия, 1980–1982. – Т. 1: А–К. – 1980. – 672 с.; т. 2: К–Я. – 1982. – 720 с.

< Фейерверк

4. Ахмадулина, Б. Свеча [Электронный ресурс]. – <https://www.culture.ru/poems/13437/svecha> (дата обращения: 12.06.2022)
5. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита [Электронный ресурс]. – <http://masterimargo.ru/book.html> (дата обращения: 18.06.2022)
6. Пушкин, А. С. Сказка о мертвой царевне и семи богатырях [Электронный ресурс]. – <https://deti-online.com/skazki/skazki-pushkina/skazka-o-myortvoi-carevne-i-semi-bogatyrjah> (дата обращения: 18.06.2022)
7. Пушкин, А. С. Жених [Электронный ресурс]. – <https://ilibrary.ru/text/559/p.1/index.html> (дата обращения: 18.06.2022)
8. Историческое развитие свечи [Электронный ресурс]. – https://www.kerzen.ru/candles/history_of_candles (дата обращения: 19.06.2022)
9. Державин, Г. Р. Описание торжества в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила [Электронный ресурс]. – [https://ru.wikisource.org/wiki/Описание_торжества_в_доме_князя_Потёмкина_\(Державин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Описание_торжества_в_доме_князя_Потёмкина_(Державин)) (дата обращения: 18.06.2022)
10. Юхнева, Е. Очерки из истории быта [Электронный ресурс]. – <https://zotych7.livejournal.com/2318148.html> (дата обращения: 19.06.2022)
11. Истории из истории. Как русская королева Франции французам мыться научила [Электронный ресурс]. – <https://mywordworld.ru/physics/kak-russkaya-koroleva-francii-anna-yaroslavna-francuzov-mytsya-nauchila-istorii/> (дата обращения: 10.06.2022)
12. Толстой, А. Н. Приключения Буратино, или Золотой ключик [Электронный ресурс]. – <https://deti-online.com/skazki/skazki-tolstogo/zolotoi-klyuchik> (дата обращения: 10.06.2022)
13. Огненное сердце жилища: как изменялся домашний очаг в течение тысячелетий [Электронный ресурс]. – <https://www.prostranstvo.media/ognennoe-serdche-zhylyshha> (дата обращения: 18.06.2022)
14. История печи [Электронный ресурс]. – <https://trubochist-yuga.ru/article/istoriya-pechi> (дата обращения: 17.06.2022)
15. История фейерверка [Электронный ресурс]. – <https://planetaf.ru/landings/istoriya-feyerverka> (дата обращения: 19.06.2022)

References

- Akhmadulina, B. (1960). Svecha [Candle]. Retrieved June 12, 2022, from <https://www.culture.ru/poems/13437/svecha>
- Bulgakov, M. A. (n.d.). Master i Margarita [Master and Margarita]. Retrieved June 18, 2022, from <http://masterimargo.ru/book.html>

Derzhavin, G. R. (n.d.). Opisanie torzhestva v dome knyazyza Potemkina po sluchayu vzyatiya Izmaila [Description of the celebration in the house of Prince Potemkin on the occasion of the capture of Ishmael]. Retrieved June 18, 2022, from [https://ru.wikisource.org/wiki/Описание_торжества_в_доме_князя_Потёмкина_\(Derzhavin\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Описание_торжества_в_доме_князя_Потёмкина_(Derzhavin))

Istoricheskoe razvitiye svechi [Historical development of the candle] (n.d.). Svechnoi Dvor. Retrieved June 19, 2022, from https://www.kerzen.ru/candles/history_of_candles

Istorii iz istorii. Kak russkaya Koroleva Frantsii frantsuzov mytsya nauchila [Stories from history. How the Russian queen of France taught the French to wash] (2020). Retrieved June 10, 2022, from <https://mywordworld.ru/physics/kak-russkaya-koroleva-francii-anna-yaroslavna-francuzov-mytsya-nauchila-istorii/>

Istoriya feyerverka [History of fireworks] (n.d.). Retrieved June 19, 2022, from <https://planetaf.ru/landings/istoriya-feyerverka>

Istoriya pechi [History of the cooker] (n.d.). Retrieved June 17, 2022, from <https://trubochist-yuga.ru/article/istoriya-pechi>

Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world] (1980-1982). In 2 vols. Moscow: Soviet Encyclopedia.

Pushkin, A. S. (n.d.a). Skazka o mertvoi tsarevna i semi bogatiryakh [A tale of the dead princess and the seven bogatyr]. Retrieved June 18, 2022, from <https://deti-online.com/skazki/skazki-pushkina/skazka-o-myortvoi-carevne-i-semi-bogatyrjah>

Pushkin, A. S. (n.d.b). Zhenikh [The Groom]. Retrieved June 18, 2022, from <https://ilibrary.ru/text/559/p.1/index.html>

Schastie [Happiness] (n.d.). V.I. Dal's Dictionary. Retrieved June 19, 2022, from <https://glosum.ru/>

Stepanyan, V. (n.d.). Ognennoe serdtse zhilishcha: kak izmenyalsya domashnii ochag v techenie tysyacheletii [Fire heart of dwelling: How the hearth changed during millenia]. Retrieved June 18, 2022, from <https://www.prostranstvo.media/ognennoe-serdche-zhylyshha>

Tarkovsky, A. (1967). Vot I leto proshlo... [Here the summer has passed...]. Kultura.RF. Retrieved June 15, 2022, from <https://www.culture.ru/poems/11096/vot-i-letoproshlo>

Tolstoy, A. N. (n.d.). Priklucheniya Buratino, ili Zolotoi klyuchik [Adventures of Buratino, or the Golden Key]. Retrieved June 10, 2022, from <https://deti-online.com/skazki/skazki-tolstogo/zolotoi-klyuchik>

Yukhneva, E. (n.d.). Ocherki iz istorii byta [Essays from the history of everyday life]. Retrieved June 19, 2022, from <https://zotych7.livejournal.com/2318148.html>

В статье рассматриваются экологические принципы разработки устойчивых прототипов и моделей архитектурно-пространственной организации территорий малоэтажной жилой застройки как основы экодевелопмента пригородных пространств. Обозначены его этапы, на которых внедрение цифровых технологий может обеспечить эффективное управление развитием территорий с градоэкологических позиций.

Ключевые слова: экодевелопмент; развитие территорий; индивидуальная малоэтажная жилищная застройка; принципы градоэкологического проектирования. /

This article discusses the ecological principles of creating sustainable prototypes and models in order to define architectural and spatial features of territories allocated for low-rise residential buildings as the basis for the eco-development of suburban spaces. It also describes its stages, where the introduction of digital technologies can provide effective management of the development of territories from an urban and environmental point of view.

Keywords: eco-development; development of territories; territories for individual low-rise residential buildings; principles of urban and ecological design.

Экодевелопмент территорий малоэтажной жилой застройки / Eco-development of territories allocated for low-rise residential buildings

текст

Елена Баженова

Московский архитектурный институт, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

Александр Баженов

Московский архитектурный институт /

text

Elena Bazhenova

Moscow Institute of Architecture (State Academy); National Research Moscow State University of Civil Engineering

Alexander Bazhenov

Moscow Institute of Architecture (State Academy)

Развитие жилищного строительства в стране иллюстрируют данные статистики: 40% годового объема ввода жилья уже происходит за счет индивидуального сектора. Это значит, что пригородные зоны не только столичных агломераций, но и городов меньшего размера будут территориально задействованы освоением свободных земель под малоэтажную застройку. В стране свыше тысячи городов с населением менее 200 тыс. жителей, где проживает более 60% ее населения. Предполагаемые площади для реализации задачи еще не подсчитаны, но можно предположить, что «горизонтальная территориальность», будучи «видовым» качеством индивидуальной и малоэтажной застройки в секторе жилья, определяет потребность в формировании современных подходов как в пространственном проектировании, так и в управлении территориальным развитием пригородных территорий при их освоении под жилую застройку (далее сокращенно ТИМЖ – территории индивидуального малоэтажного жилья).

Во второй половине прошлого столетия СССР уже демонстрировал успешный опыт массового строительства многоквартирного многоэтажного жилья в рамках системы государственного монопольного управления. Основной была жесткая экономическая модель типового проектирования и достаточно стройная система градостроительных нормативов размещения застройки в структуре генеральных планов городов. За этот период культурная преемственность и технологическая традиция освоения и «проживания» в пространстве индивидуального и в целом малоэтажного жилья городской периферии не только не развивалась, но и была прервана.

Анонсируемое Правительством РФ возрождение индивидуального строительства¹ ставит перед обществом и архитекторами и градостроителями задачу поиска идей новой культуры индивидуального (малоэтажного) жилья в современной парадигме устойчивого развития как последовательной реализации системных идей экологизации хозяйственной деятельности [1].

Особенности экономической оценки и рыночной привлекательности жилой малоэтажной индивидуальной застройки, впрочем, так же как и городской многоэтажной, непосредственно связаны с экологическими качествами

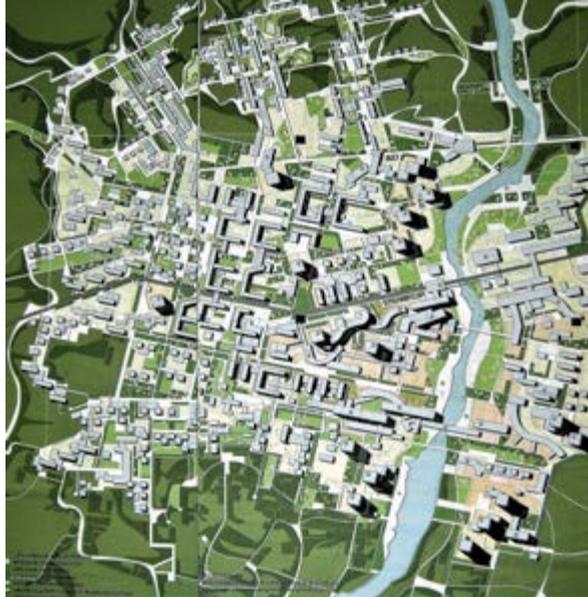
территории размещения, способами пространственного «потребления» и воспроизводства природной составляющей, в которой она существует. Актуальным становится выявление механизмов внедрения экологических принципов в практическую плоскость развития жилых территорий ТИМЖ в сферах градостроительного и архитектурного проектирования.

Углубление и расширение теоретических понятий и нормативов в области экологизации развития пригородного строительства ТИМЖ определяет важность фиксации положения «как сейчас есть». Методологическим инструментом для прослеживания характера связей (прерывных или непрерывных) при оценке экологических характеристик ТИМЖ во взаимодействии комплекса поселок – окружение и механизмов их реализации в девелоперском проекте является проектный и системный подход, вернее, вектор его системной ориентации на архитектурно-планировочные компоненты проекта.

В фактическом вакууме позитивного практического опыта в сегменте обустройства и развития ТИМЖ и его архитектурно-планировочной оптимизации, а также с учетом специфики российской системы рыночных отношений сегодня, в эпоху развития информационных технологий, существует уникальный шанс провести структурную трансформацию от экономической к экологической модели процессов проектирования и управления пространственным развитием таких территорий.

Основы теоретической базы такого перехода в России имеются. Сложилось следующее общее определение направления в градостроительной деятельности, изучающее закономерности протекания природных процессов в пределах городов и систем расселения. Градостроительная экология представляет собой раздел градостроительной науки и проектирования, определяющий цели, задачи и методы решения экологических проблем (проблем охраны, оздоровления и улучшения окружающей природной и городской среды), имеющий применение при планировке и застройке городов, разработке градостроительных прогнозов и реализации текущих задач городского развития и строительства [2]. Пространство воздействия застройки на окружение или восприятия ею обратного воздействия называют экологическим

1. Проект постановления Правительства РФ (2019) о госпрограмме «Развитие индивидуального жилищного строительства в Российской Федерации», разработанной в рамках национального проекта «Жилье и городская среда».

^ Рис. 1. Интегрированный ландшафт формируется на основе взаимопроникновения и смешения природных и антропогенных (урбанизированных) ландшафтов. Пример интегрированного ландшафта – проект реконструкции Климовска. Авторы – М. Гулида, А. Родионова

^ Рис. 2. Поляризованный ландшафт – это структура, в которой отсутствует или минимизирован промежуточный слой между полюсами – природным и антропогенным. Пример сочетания поляризованного и интегрированного ландшафта – историческое ядро и новые районы в проекте реконструкции Волоколамска. Автор – И. Маслякова

ареалом поселения [3]. Застройка, дороги, неоландшафты и распространяемые ими загрязнения – это архитектурно-планировочный каркас воздействия поселения на окружение, в котором пространственная структура озелененных территорий, почв, водосборного бассейна местности характеризует природную составляющую экологического ареала поселения. К ней также относятся потоковые структуры, связанные с ветрами, температурными градиентами, гидрогеологическими процессами, миграцией животных и пр. Инструментом фиксации, понимания уникальности каждого ландшафтного объекта, ландшафтной ситуации поселения, базисом инвентаризации территорий является экологическая картография. Однако теоретические принципы и методологические основы экологического картирования местности с помощью компьютерного анализа больших данных пока не нашли своей ниши в отечественной практике разработки схем территориального планирования генеральных планов городских округов.

Ретроспектива исторического мирового опыта развития пригородных территорий городов и городских агломераций под малоэтажную застройку на основе принципов ландшафтного урбанизма с акцентом на управленческую компоненту дана в книге В. Л. Глазычева «Город без границ» [4]. Современная тенденция перехода от ландшафтного урбанизма к экологическому, «зеленому» урбанизму отражена в многочисленных исследованиях, посвященных различным аспектам развития процессов регулирования городского планирования. В векторе общей оценки пространственного воздействия застройки на среду прослеживается ориентация на создание объектов, находящихся в гармонии с окружающей природой, ее ландшафтом и местными культурными традициями проживания [5, 6].

Для целей настоящей статьи предлагается уточнить некоторые определения, которые получили распространения в научной литературе. Понятие экоустойчивости, или устойчивого развития², как основы развития территориальных систем РФ в переводе на русский язык можно интерпретировать более точно – «жизнеподдерживающее развитие».

С точки зрения организации хозяйственной деятельности проектно-управленческий подход, который подразумевает возможность сосуществования природных ландшафтов и застроенных территорий, получил название «экологический девелопмент». В отечественной теории понятие «экодевелопмент недвижимости» определяется как «строительство и модернизация объектов недвижимости с использованием экологических подходов, материалов, технологий, соблюдением экологических норм и требований при проектировании и строительстве» [7]. Как видим, в последнем отсутствует архитектурно-планировочная компонента. Ввиду значимости пространственной составляющей в отношении жизнеподдерживающего развития ТИМЖ, этот термин необходимо дополнить и сформулировать следующим образом: «Экодевелопмент недвижимости – это процесс территориального планирования, обеспечивающий жизнеподдерживающее сосуществование природных ландшафтов и застроенных территорий, строительство и модернизацию объектов недвижимости с использованием дружественных природной среде экологических подходов, материалов, технологий, с соблюдением экологических норм и требований при проектировании и строительстве на всех этапах жизненного цикла объектов».

Для целей настоящей статьи важными являются:

- 1) определение субъектов экодевелопмента ТИМЖ;
- 2) выявление экологических принципов и требований к данным экопланирования в системе архитектурно-градостроительного проектирования и управления развитием территории муниципального образования;
- 3) потребность использования информационных градостроительных технологий по обеспечению приоритетности вопросов охраны окружающей среды на всех его этапах.

На начальном этапе разработки проекта субъектами деятельности по развитию территорий, согласно Градкодексу РФ, являются органы регионального и местного самоуправления. В их компетенции находятся система организации и подготовки всех видов градостроительной документации, региональных и местных нормативов градостроительного проектирования, мониторинга и контроля ситуации на территории. Это общеподготовительный

2. Термин «устойчивое развитие» был определен как «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» (Организация Объединенных Наций, 1987).

этап – назовем его «первичный экодевелопмент». Его нормативной и юридической базой являются документы СТП, ГП и ПЗЗ, в которых фиксируется выделение конкретных участков под застройку и развитие внешней транспортной и инженерной инфраструктуры. В них на основе информационного экологического картирования местности, (например, сведений об обводненных и озелененных территориях, климатических особенностях, зон ограниченный строительства в экологически уязвимых зонах и т. д.) должна формироваться общая экологическая концепция формирования пригородной зоны поселений [8].

В отечественных реалиях бурно развивавшееся в последнее время природоохранное законодательство существует как бы отстраненно от градостроительных нормативов. В градостроительном нормировании и регулировании, как системе взаимосвязанных между собой технических регламентов безопасности, градостроительных регламентов и норм градостроительного проектирования, под экологическим регулированием подразумевают преимущественно систему санитарно-гигиенических и природоохранных нормативов и инженерных мероприятий, эти требования обеспечивающих. В лучшем случае предлагается разработка карт-схем эколого-градостроительного зонирования как базиса для организации функционального зонирования территории. Однако последнее – практика уникальная³.

Данное обстоятельство порождает массу противоречий и невозможность интеграции современных природоохранных требований с результирующими пространственными задачами территориального планирования прилегающих к городу территорий. Вектор совершенствования системной ориентации экомониторинга был намечен, в частности, в теоретическом исследовании «Планировочные предпосылки рационального природопользования города» и ряде публикаций одного из авторов данной статьи [3, 9]. В них предлагались общие принципы, раскрытые в нескольких основных направлениях, по которым может развиваться первичный этап экодевелопмента территорий с точки зрения градостроительной и архитектурно-планировочной компоненты.

Первое – это ориентация на идентификацию полного жизненного цикла поселения (в том числе пространственно-планировочную). Смысл ее – увидеть, оценить и, главное, взять на себя ответственность за экологические последствия принятых решений. Проблема экологической ответственности связана с тем, что последствия антропогенной деятельности в природе имеют отсроченный характер или не идентифицируются, пока не проявятся достаточно определенно. Поэтому еще одним условием организации экодевелопмента надо считать развитие экомониторинга территорий, ситуации во времени.

Требуется создание карт мониторинга – точек своего рода «акупунктуры» места, наиболее важных пунктов, где можно отследить и измерить те или иные факторы воздействия или реакции. Сюда же можно отнести и экопрогнозирование как необходимую часть мониторинга. К сожалению, до сих пор отсутствуют общепризнанные понятийный аппарат и методы геоэкологического анализа, соответствующие задачам экологической оптимизации городской среды и ее пригородов. Поэтому все более актуальной становится задача обобщения всего ценного в теории и методологии этих дисциплин.

Ощутима необходимость разработки концепции и методов экологического анализа урбанизированных и вновь осваиваемых территорий на комплексной цифровой геоэкологической основе. В частности, необходима адекватная концептуальная цифровая модель районирования территории города с учетом ее природно-ландшафтных и градостроительных характеристик.

Применение информационных технологий позволит не только фиксировать, но и строить прогнозные модели для эффективного управления жизнеподдерживающим развитием ТИМЖ [10].

Ключевым условием устойчивости системы является наличие отрицательной обратной связи между ее компонентами. Этот принцип лежит в основе структурной организации обменных процессов, круговорота вещества в природных экосистемах и является принципом самоуправления, самоорганизации и соразвития этих систем. Если считать экологический ареал поселения зоной его экологической ответственности, то задача экодевелопмента – ориентация на сохранение приемлемого баланса исходной и целевой структуры участка, баланса воздействий и реакций в этой зоне. Более того, к задачам первичного экодевелопмента следует отнести формирование сети экологических ареалов поселений как взаимосвязанной системы территориального мониторинга и экологической ответственности. Формирование сетевых структур позволит контролировать территорию на основе принципа «хозяин – окружение», даст возможность избежать действий, лишенных адреса, действий вне сферы ответственности.

Характеристики ландшафта пригородных поселений чрезвычайно разнообразны, разнообразны и функциональный профиль, и пространственно-планировочные альтернативы их организации. В кратком изложении этих альтернатив три:

- Интеграция поселения с природным ландшафтом, отношение к последнему как к доминанте визуально-пространственной организации, когда проектное решение не трансформирует природную подоснову в «квадратно-гнездовую» структуру, а содержит в себе несущие элементы защищаемого природного ландшафта.

- Поляризация ландшафтной структуры системы поселения – природный ландшафт, т. е. формирование двухполюсной структуры с противопоставлением и относительным обособлением полюсов. Это чем-то похоже на деревню, где есть улица, на которую выходит застройка с палисадами, и двор или задний двор – садовый или огородный агроландшафт, приближенный к природному и связанный с ним. В такого рода поселениях, особенно в интегральном, легче реализуются функции формирования локального сообщества жителей – чрезвычайно важные с точки зрения развития экокультуры и хозяйского, ответственного отношения к земле.

- Трансформация природной подосновы в антропогенный ландшафт ТИМЖ, например застройки с небольшими придомовыми участками, не связанными, по сути, с природным ландшафтом – рядовой блокированной застройки таунхаусов, допустим.

Все три альтернативы имеют право на существование, все решают те или иные задачи экологического порядка. В этом аспекте важно выявление пространственно-планировочных принципов проектирования территорий поселений на экосистемных основаниях. К ним предлагается отнести:

- принцип ладошки – то есть сбережения или реинтеграции природных комплексов в систему, где «цепочки» малых комплексов соединены с обширным природным ядром как пальцы с ладонью;

- принцип экологической цепочки – принцип экомониторинга по оси, по направлению того или иного ресурсного потока (это может быть ветер, водоток, пешеходный ход и т. д.);

- принцип согласованности между природными и урбанизированными ландшафтами, когда урбо- или антропогенные ландшафты выстраиваются в зонах ослабления природных связей и формируют структуры, соединенные с природными как две гребенки.

3. Руководство по разработке раздела «Охрана окружающей среды» к проекту планировки (реконструкции) жилого района. Москомархитектура. Утверждено приказом председателя Москомархитектуры А.В.Кузьмина № 166 от 29.12.1997. – Москва, 1997.

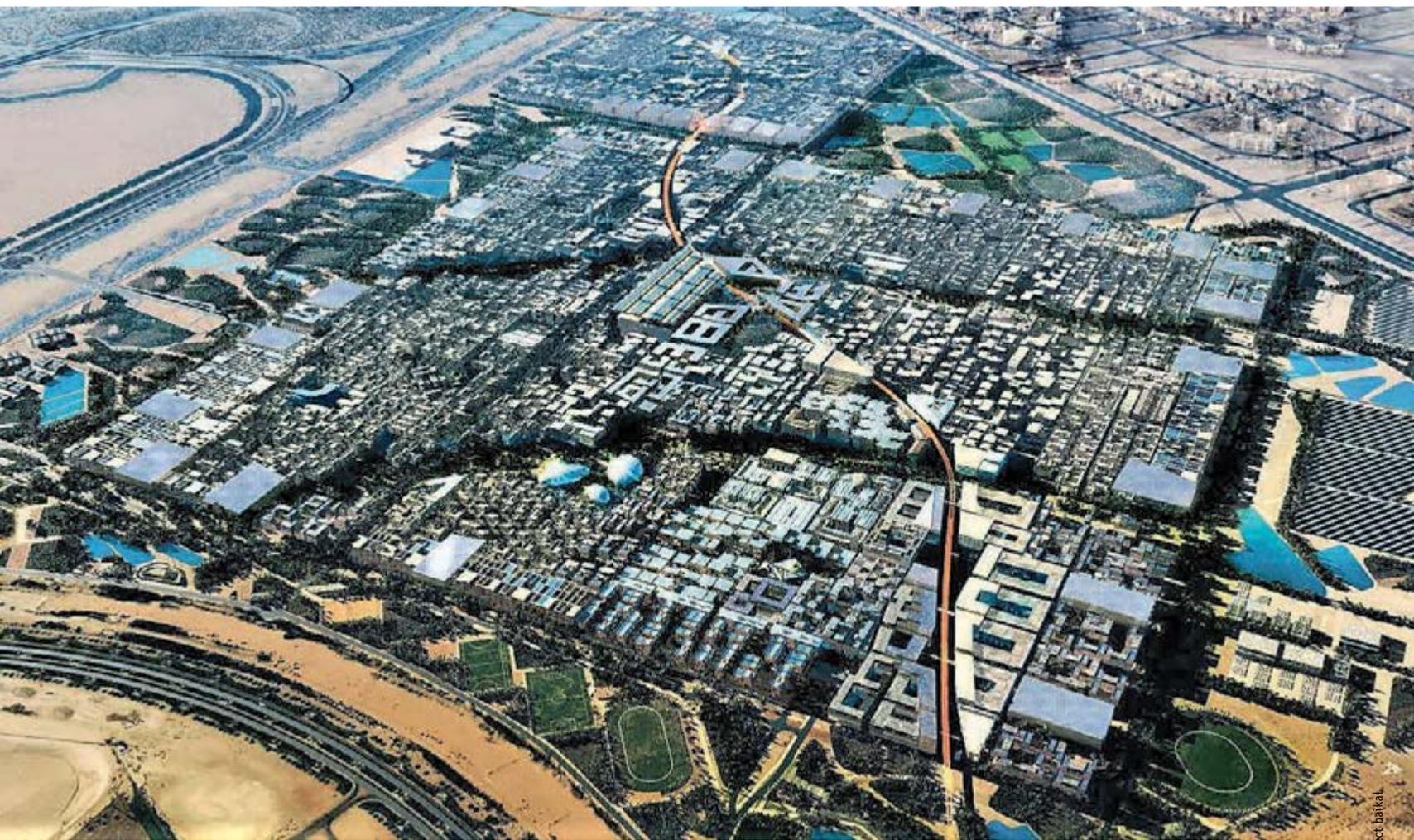
– принцип территориального круговорота, когда взаимозависимость в системе природопользования поселения формирует экологическую ответственность на основе отрицательной обратной связи. Скажем, когда зона отдыха размещается на ручье, вытекающем из поселения, или когда зона водозабора находится ниже зоны водопотребления.

– принцип локализованной компенсации, который гласит, что отрицательное воздействие должно быть компенсировано в месте его появления. Например, это означает, что надо восполнять утраченное озеленение, утилизировать мусор, там, где он появляется, или использовать безотходные технологии.

Эти принципы были «списаны» с закономерностей, свойственных природным экосистемам, и имеют планировочное, территориальное содержание. В проекте генплана конкретной территории следование указанным принципам проявляется: в адаптации физической формы

участка к ландшафту (так называемое размещение в ландшафте); в планировочной реакции морфологии застройки на вредные воздействия – природно-климатические и антропогенные (например, в эффективной ориентации зданий по сторонам света), которые диктуют особые приемы компоновки участков и размещение построек на них; в способах пространственной интеграции новых и существующих поселений в общую схему развития пригородной зоны с вновь выделяемыми территориями и др.

Перечисленные выше принципы имеют непосредственное отношение и к экодевелопменту «второго порядка» – развитию частным девелопером выделенного на этапе территориального планирования конкретного участка застройки. Здесь «экологичность», как свойство архитектурно-пространственного объекта, выходит за рамки неочевидного в графическую, а затем в пространственную проекцию гармоничного соединения – сосуществования

^ Рис. 3. Трансформированный (преобразованный) ландшафт – это антропогенный ландшафт с элементами природного происхождения, полностью зависими от человека. Пример трансформированного ландшафта – экогород Масдар (иллюстрация из открытых источников)

окружающего естественного и застроенного ландшафта поселения.

На начальных фазах собственником участка закладываются основные цели девелоперского замысла, которые раскрываются в процессе составления задания на проектирование в отношении функционально-пространственного развития территории. Расчет экономической модели проекта ведется на основе вариантного концептуального проектирования, а затем детализируются в базовом сценарии в ППТ. Экологическое регулирование на этом этапе в настоящем, как правило, ограничено разделом «Перечень мероприятий по охране окружающей среды» в ППТ и системой добровольной экологической сертификации объекта строительства.

В отсутствие «канала передачи» вводных данных с уровня девелопмента «первого порядка» на уровень ППТ конкретного участка строительства в виде карт-схем эколого-градостроительного зонирования в документах СТП или ГП, «девелопер второго порядка» руководствуется сегодня принципами экономической целесообразности, оставляя «за бортом» вопросы экологической ответственности за последствия реализации проекта. Реализованные частным девелоперским бизнесом коттеджные поселки (даже включая класс люкс) ориентированы на достижение максимальной финансовой отдачи для застройщика. А экологичность как маркетинговое качество поселка оценивается только с позиций потребления внешней ценной природной составляющей, а не как инструмент жизнеподдерживающего сосуществования «своей» и внешней окружающей территории.

Как правило, под экологическим проектированием девелоперами в России понимается преимущественно выполнение санитарно-гигиенических требований – для селитебных территорий – и внедрение энергоэффективных технологий и экологически чистых строительных материалов – в отношении зданий и сооружений. Отечественные системы добровольной экологической сертификации: GreenZoom, «Нострой» и CAP – находятся на стадии становления и в основном содержат инженерно-технологические оценки энергоэффективности и чистоты стройматериалов, а фактически являются сокращенной интерпретацией ведущих международных стандартов LEED, BREAM, DGNB. Последнее время в них добавился подуровень оценки ландшафтного дизайна территории объекта. В исследовании Е. А. Сухининой, посвященном анализу экологических нормативов и стандартов, принятых в РФ, подчеркивается необходимость ориентации национальных СЭС, в сторону безопасного для природы экологического архитектурно-градостроительного проектирования, а не автоматизации экопроцессов, зависящих от трудно возобновляемых энергетических ресурсов, также делается акцент на важности введения комплексной системы оценки экологичности архитектурно-пространственных качеств объекта недвижимости [11]. В отношении ТИМЖ такая оценка должна строиться на основе степени следования комплексу экологических требований к пространственным и архитектурно-планировочным характеристикам, закладываемым и поддерживаемым на всех уровнях и этапах реализации проекта. Указанные выше пространственно-планировочные принципы проектирования территорий поселений на экосистемных основаниях могут стать ключом для формирования таких критериев.

В процессе проектирования территории конкретного объекта блок его экологических целей реализуется в соответствии с заданием заказчика. В зарубежной практике интеграция общих экологических требований и действий архитектора на всех стадиях проекта обязательна и является специальной профессиональной задачей. В отечественной практике проектирования архитектор выведен

из управленческих процессов. В его перечне услуг и работ отсутствуют даже первичные стадии программирования проекта и концептуального эскизного проектирования. Соответственно, полностью исключена возможность следования вводным территориального экопланирования в архитектурно-пространственной организации территории. А намечающаяся ориентация на типовую разработку домокомплектов частных домов окончательно перечеркивает возможности по формированию пространственной среды гармоничного взаимодействия человека и природно-антропогенного ландшафта поселения.

С этой точки зрения важными являются идеи видеоэкологии. Теоретические принципы этой науки наиболее полно отражены в трудах зарубежных и отечественных исследователей [12–14]. Так, В. И. Иовлев [13] дает следующее определение: «В узком смысле экологическое архитектурное пространство рассматривается как материализация совокупности экологически обусловленных пространственно-временных дистанций, существующих в отношениях человека и окружающей среды (безопасные дистанции, соразмерность, связность) ... получая визуализированное воплощение в динамике визуально- (психологического) восприятия пространства». В систему функциональных, параметрических, визуально-стилевых характеристик застройки автор предлагает включить следующие ценностные качества пространства, отвечающие принципам видеоэкологии: позитивность (неагрессивность) визуальных полей, целостность пространственно-временной структуры, сценарность, соблюдение визуальных условий, обеспечивающих гармоничность восприятия» [14]. Наконец, важной чертой в контексте визуального восприятия, относящейся к экологичности застройки, является развитие архитектурно-пространственными приемами уникальной идентичности места, которая соединяет местное культурное наследие с новым миром [14]. В идеале экологическое архитектурное пространство должно быть ориентировано на создание целостного стилового решения, соразмерного местному культурному коду, следующему морфологии застройки на окружающей природной территории.

Что еще важно в экodeвелопменте? Надо понимать, что формат «нормирования» не подходит для характеристики природных систем, природных ландшафтов или подходит, но в форме диапазонного нормирования – с широким разбросом величин. Слишком разные ситуации здесь и там: климат одинаковый, зато рельеф разный, или гидрология, или почвы, ветры, характер природопользования и т. д. Нужны ландшафтно-экологические исследования. Картирование и моделирование процессов обмена с окружающей средой, прогнозирования. Необходимы также мониторинг и правовая защита существующих озелененных территорий и водотоков. Нужны карты правового регулирования использования территории поселения. Однако эта область выходит за рамки рассмотрения в данной статье. В целом экodeвелопмент должен опираться на развитую экокультуру и науку, на чувство ответственности хозяина за собственную территорию или территорию его сообщества. А это уже область социальной экологии, экологической гражданской ответственности, начало которой формируется на уровне первичных сообществ жителей поселения.

Естественно, структура поселения должна создавать условия для такого взаимодействия, в том числе экосоциального. Все это потребует более тщательного сбора и профессиональной обработки исходных данных для проектирования, фиксации перечня и сбора методик в отечественных системах добровольной экологической сертификации. В идеале экodeвелопмент ТИМЖ должен включать в себя связный «экологический слой» принципов, мер и действий на всех его этапах. Изначально

формируемые в стратегии развития поселения и реализуемые в документах территориального планирования, эти принципы должны детализироваться в задании на разработку конкретного проекта и принятых критериях добровольной экологической сертификации объекта. Применение современных информационных технологий при дальнейшем развитии проекта, включая его реализацию и мониторинг хозяйственной деятельности на территории, открывают действительные возможности жизнеподдерживающего развития пригородных территорий.

И здесь важнейшую роль будет играть компетенция не только девелопера, но и архитектора и градостроителя, их квалификация и профессиональное этическое поведение. А мотивация девелоперов возможна в экономической плоскости – в виде снижения процентной ставки по кредиту на основании оценки экологической составляющей проекта, преференции при предоставлении земельных участков и согласовании строительства; переход от оценки квадратного метра здания к оценке затрат на всем жизненном цикле проекта и др.

Ориентация на малозэтажное индивидуальное строительство в России на современном этапе должна строиться с учетом экологических принципов на основе экодевелопмента территорий. Необходимо включить в определения, стандарты и нормативы, касающиеся этого вида деятельности, территориальную компоненту. Проведенный анализ показывает, что говорить об экодевелопменте как о системе правил в РФ преждевременно. Скорее надо говорить о системе ориентиров и направлении его развития. Задачи планирования ТИМЖ в пригородах российских городов и сохранения естественной среды последних разрешимы лишь при соблюдении следующих условий:

- при понимании, что экодевелопмент территорий должен строиться в системе взаимодействия местных властей и коммерческого девелопмента на основе государственно-частного партнерства, государственной политики развития природоохранных приоритетов в градостроительной деятельности по обеспечению жизнеподдерживающих функций города и его окружения;
- при выявлении и формировании общеэкологического регулирующего механизма на уровне всех видов градостроительной документации, сопряженного с системой мониторинга и контроля на протяжении жизненного цикла экодевелопмента ТИМЖ;
- при внедрении соответствующих информационных природосообразных технологий для сбора данных, проектирования и управления пространственным развитием;
- при разработке перечня маркеров архитектурно-пространственной составляющей добровольной экологической сертификации для проектов застройки пригородных территорий на основе интегрированной оценки морфологических и эстетических характеристик предлагаемых решений.

Литература

1. Доронина, М. В. О системной экологизации современного научного знания // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 3 (58). – С. 21–23
2. Смоляр, И. М. Экологические основы архитектурного проектирования : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. – Москва : Академия, 2010. – 160 с.
3. Баженов, А. В. Планировочные предпосылки рационального природопользования города (на примере средних городов ЦЭРа) : Автореф. дисс. ... канд. арх. – Москва, 1984. – 23 с.
4. Глазычев, В. Л. Город без границ. – Москва : Территория будущего, 2011. – 400 с.
5. Calkins, M. The Sustainable Sites Handbook: A Complete Guide to the Principles, Strategies, and Best Practices for Sustainable Landscapes. – Hoboken : John Wiley&Sons, Inc, 2012. – 560 p.
6. Spirn, A. Ecological Urbanism: A Framework for the Design of Resilient

Cities // The Ecological Design and Planning Reader. – Washington : Island Press, 2014. – P. 557–571

7. Ленковец, О. М. Экодевелопмент и экоиновации на рынке недвижимости // Проблемы современной экономики. – 2013. – Т. 47, № 3. – С. 442–445
8. Береговских, А. Н. Вопросы качества жизни и качества среды в системе управления развитием территорий // Управление развитием территорий. – 2015. – № 4. – С. 20–26
9. Баженов, А. В. Архитектура и экология // Технологии строительства. – 2013. – № 1–2. – С. 122
10. Макаров, В. З. Теория и практика ландшафтно-экологических исследований крупных городов с применением ГИС-технологий : Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. – Санкт-Петербург, 2001. – 44 с.
11. Сухина, Е. А. Об экологических нормативах в архитектурно-градостроительном проектировании // Вестн. Оренб. гос. ун-та. – 2014. – № 1 (162). – С. 211–217
12. Филин, В. А. Экология визуальной среды города // Экология и жизнь. – 2007. – № 7. – С. 50–54
13. Иовлев, В. И. Экологические основы формирования архитектурного пространства (на примере Урала) : Автореф. дисс. ... докт. арх. – М., 2008. – 48 с.
14. Теодоронский, В. С. О методах визуально-ландшафтной оценки территорий при создании объектов ландшафтной архитектуры // Лесной вестник. – 2021. – Т. 25, № 2. – С. 57–63

References

- Bazhenov, A. V. (1984). Planirovochnye predposylki racional'nogo prirodopol'zovaniya goroda (na primere srednih gorodov CERa). [Planning prerequisites for the rational use of natural resources in the city (on the example of medium-sized cities of the CER)] [Ph. D. Dissertation, Moscow Institute of Architecture]. Moscow.
- Bazhenov, A. V. (2013). Arhitektura i ekologiya [Architecture and ecology]. *Tekhnologii stroitel'stva*, 1-2, 122.
- Beregovskih, A. N. (2015). Voprosy kachestva zhizni i kachestva sredy v sisteme upravleniya razvitiem territorij [Questions of the quality of life and the quality of the environment in the system of management of the development of territories]. *Territory Development Management*, 4, 20-26.
- Calkins, M. (2012). *The Sustainable Sites Handbook: A Complete Guide to the Principles, Strategies, and Best Practices for Sustainable Landscapes*. Hoboken: John Wiley&Sons, Inc.
- Doronina, M. V. (2016). O sistemnoj ekologizacii sovremennogo nauchnogo znaniya [About ecologization of modern scientific knowledge]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 3(58), 21-23.
- Filin, V. A. (2007). Ekologiya vizual'noj sredy goroda. [Ecology of the visual environment of the city.]. *Ekologiya i zhizn'*, 7, 50-54.
- Glazychev, V. L. (2011). *Gorod bez granic*. [City without borders]. Moscow: Territoriya budushchego.
- Iovlev, V. I. (2008). *Ekologicheskie osnovy formirovaniya arhitekturnogo prostranstva (na primere Urala)* [Ecological foundations for the formation of architectural space (on the example of the Urals)] [Ph. D. Dissertation, Moscow Institute of Architecture]. Moscow.
- Lenkovets, O. M. (2013). *Ekodevelopment i ekoinnovacii na rynke nedvizhimosti* [Eco-development and eco-innovations in the market of real estate]. *Problems of Modern Economics*, 47(3), 442-445.
- Makarov, V. Z. (2001). *Teoriya i praktika landshaftno-ekologicheskikh issledovaniy krupnykh gorodov s primeneniem GIS-tekhnologij* [Theory and practice of landscape-ecological studies of large cities using GIS technologies] [Ph. D. Dissertation]. St. Petersburg.
- Smolyar, I. M. (2010). *Ekologicheskie osnovy arhitekturnogo proektirovaniya: ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdenij vyssh. prof. obrazovaniya* [Ecological foundations of architectural design]. Moscow: Akademia.
- Spirn, A. (2014). *Ecological Urbanism: A Framework for the Design of Resilient Cities*. The Ecological Design and Planning Reader. Washington, DC: Island Press.
- Suhina, E. A. (2014). *Ob ekologicheskikh normativah v arhitekturno-gradostroitel'nom proektirovanii* [About environmental standards in architectural urban design]. *Vestnik of the Orenburg State University*, 1(162), 211-217.
- Teodoronskij, V. S. (2021). *O metodah vizual'no-landshaftnoj ocenki territorij pri sozdanii ob'ektov landshaftnoj arhitektury* [Visual landscape areas assessment techniques when creating objects of landscape architecture]. *Forestry Bulletin*, 25(2), 57-63.

Дается обзор источников, описание локации и краткий исторический очерк. Рассматривается попытка конструирования русского колониального стиля и приводится беглый анализ проектов военных инженеров Гильшера, Дубицкого, Веселаго. Заключительная часть посвящена праздничному средовому дизайну Порт-Артура.

Ключевые слова: Порт-Артур; Дальний; архитектура фронта; И. Ф. Гильшер./

The article gives an overview of the sources, a description of the locations and a brief historical outline. The author considers an attempt to build a Russian colonial style and briefly analyses the projects of military engineers Gilsher, Dubitsky and Veselago. The final part is dedicated to the festive environmental design of Port Arthur.

Keywords: Port Arthur; Dalniy; frontier architecture; I. F. Guilsher.

Русские военные инженеры Порт-Артура / Russian military engineers of Port Arthur

текст

Алина Иванова

Тихоокеанский государственный университет

text

Alina Ivanova

Pacific National University

Обзор источников. *Архивы.* Доступные сведения об интересующей нас локации сконцентрированы в нескольких московских и петербургских архивах. В 1415 ф. РГИА хранятся дела Окружного гражданского Управления Квантунского полуострова военного министерства. 214 дел по Порт-Артуру находятся в ГАРФе и 27 ед. хр. – в 14712 ф. РГВИА. К сожалению, чертежи из 349 ф. РГВИА, касающиеся Порт-Артура, утрачены.

Новым и – судя по отсутствию подписей предыдущих исследователей на контрольных листах – малоизвестным источником по истории русской архитектуры на юго-востоке Китая является 907 ф. РГАВМФ (фонд Управления строителя Порт-Артура, 1900–1904). Во второй описи этого фонда содержатся 143 дела за 1902–1904 годы с чертежами объектов морского ведомства, проектируемых для Порт-Артура (22 дела), Дальнего и Талинваня. Некоторые проекты выполнены на высоком профессиональном уровне, с изящной графикой и качественной отмывкой. Они будут рассмотрены в третьем параграфе статьи.

Свидетельства современников. Историкам хорошо известны записки участников обороны 1904 года: дневник выдающегося военного инженера полковника С. А. Рашевского и воспоминания «Правда об Порт-Артуре» Е. К. Ножина, но в этих текстах практически нет описаний Порт-Артура и Дальнего. Поэтому для реконструкции культурно-исторического ландшафта Квантунского полуострова мы использовали три издания из фондов ГПИБР: военный отчет 1888 года [1], экономический обзор 1898 года [2] и популярно-ознакомительный очерк 1902 года [3]. Сопоставление различных точек зрения помогают составить более объективную картину развития Порт-Артура.

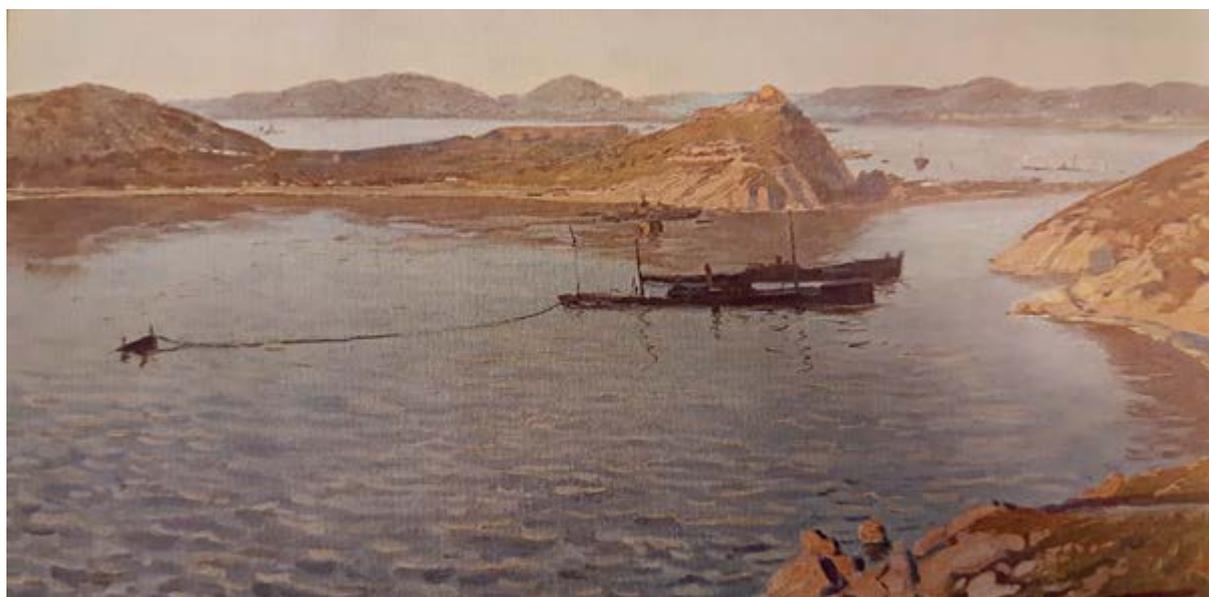
Периодика. Помимо архивных документов, при работе над статьей использовалась подшивка газеты «Новый край», хранящаяся в зале периодики РНБ. Газета, выходявшая в Порт-Артуре с 1900 года три раза в неделю (главный редактор – капитан второго ранга российский Тихоокеанского флота П. А. Артемьев), не была иллюстрирована, но многословные корреспонденции и постоянная рубрика «Наши городские дела и делишки» (позже переименованная в «Городские дела») дают некоторое

представление о формировании русского культурного поля. Заметим, что газета, издававшаяся с 1890 года в русском Самарканде (с 1894 года – в Ташкенте) называлась «Окраина»; подобная самоидентификация явно снижала пафос культуртрегерства. Название «Новый край» звучит более оптимистично. Несколько позже А. Кауфман назовет свою книгу очерков русской колонизации Дальнего Востока и Туркестана «Новые места и вольные земли». Тема новизны, чистого листа (*Tabula rasa*) – сквозная и у Кауфмана, и в колонках порт-артурской газеты.

В поисках информации о застройке Квантунского полуострова мы просмотрели подшивку журнала «Зодчий» за 1888–1904 годы. Помимо очерка А. фон Гогена о конкурсном проекте военного собрания для Порт-Артура (№ 35, 1902), большой интерес представляет подробный доклад «О проектировании плана города Дальнего», прочитанный К. Г. Сколимовским в Императорском Петербургском обществе архитекторов 3 февраля 1904 года и полностью опубликованный через месяц в трех номерах подряд (1904. №№12–14). Статьи А. фон Гогена и К. Сколимовского неоднократно цитировались коллегами (С. С. Левашко, М. Е. Базилевичем), поэтому не будем подробно пересказывать эти исключительно интересные, но легко доступные публикации.

Визуальные источники. Известно несколько фотоальбомов с видами Порт-Артура 1888–1889 годов (с негативов А. Н. Люпова). Фотоальбомы из фондов Николая Второго и Алексея Николаевича Цесаревича (ГАРФ) – вероятно, наиболее популярный довоенный источник, дающий представление о панорамах новых русских поселений на Ляодуне. Весьма информативны фотофиксации Квантунской этнографической экспедиции Академии наук в 1901–1903 годах (фотографии А. П. Динесс). Огромный визуальный материал содержится в двухтомном альбоме «Русско-Японская война. 1904–1905 гг.», хранящемся в зале эстампов РНБ. Для иллюстрации статьи использовалась работа из художественного альбома «Манджурия. Русско-Японская война». Подавляющее большинство фотографий и зарисовок фиксируют эпичные панорамы Ляодунского полуострова, фортификационные укрепления, рейды, доки, железнодорожную

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281/>.

< Рис 1. Наружный рейд Порт-Артура. Худ. А. М. Мухомовский. Из художественного альбома «Манджурия». Русско-японская война / [изд. А. В. Мартынова]. – Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906

инфраструктуру и военные действия. Однако, при более тщательном изучении, можно выявить отдельные объекты гражданской архитектуры и элементы благоустройства.

Сравнение эмоциональных описаний и беспристрастных фотофиксаций помогает понять, как воспринимали жители Порт-Артура доставшийся им от японцев трофейный китайский город, построенный англо-франко-германскими военными инженерами под руководством немецкого поручика, и насколько реальный пейзаж отличался от конструируемых и внедряемых в общественное сознание нарративов.

Академический дискурс. С. С. Левовско и Н. П. Крадин – авторы базовых текстов по истории архитектуры и градостроительства Дальнего Востока (в том числе Квантунского полуострова и Северной Маньчжурии – «Желтороссии»); пользуясь случаем, выражаем им свою глубокую признательность за неизменную помощь и поддержку. О Дальнем мы лишь немного сможем добавить к образцовым работам уважаемых коллег [4; 5], но надеемся, что наши находки, касающиеся Порт-Артура, помогут дополнить историю Тихоокеанской России.

Обзор локаций. Бухту, известную европейцам как Порт-Артур, китайцы называли Люй-шунь-Коу (мы сохраняем топонимы, которыми пользовались русские хроникеры 1888–1904 годов). Эта небольшая приморская котловина 2 × 1,5 версты, окруженная кольцом холмов, в 1870 годах использовалась как стоянка местных джонок, занимавшихся прибрежной торговлей (рис. 1). Пейзаж, по свидетельствам русских путешественников, не отличался дружелюбностью: «<...> несмотря на небольшую высоту нагорье поражает диким характером своих горных массивов, резкость очертаний которых усиливается полнейшим отсутствием на них древесной или кустарниковой растительности» [1, с. 21]. По берегам бухты ютилась маленькая китайская деревня из 60–80 глиняных фанз с несколькими лавочками и 3–4 постоянными дворами.

Кроме незначительности размеров внутреннего рейда, главным недостатком будущего Порт-Артура было отсутствие пресной воды.

В 45 милях к северо-востоку от Люй-шунь-Коу находилась бухта Да-лань-вань (где будет основан русский

город Дальний): «<...> великолепный залив 12 верст длиной и 10 верст шириной, хорошо защищенный от ветров и морских волнений двумя возвышенными мысами, далеко выходящими в море» [2, с. 17]. Берега бухты были густо усеяны маленькими и большими поселками, скрывающимися в глубине бухточек. В главном из этих поселений центральная улица («шириной шагов в пять»), была сплошь занята лавками, а лучшими зданиями являлись два буддийских храма (позже приспособленных русскими под лазарет и военное собрание).

Дефицит строительного леса предопределил характер вернакулярной застройки: «<...> дома, сложенные частью из камня, частью из самодельного кирпичика и все крыты соломой, бедны и грязны» [3, с. 30].

Предыстория. Укрепление Порт-Артура началось в 1880 году, когда «<...> разрыв России с Китаем казался неизбежным» [1, с. 1] и китайское правительство командировало германского офицера поручика фон Ганнекена, состоявшего в должности личного адъютанта вице-короля Чжи-Лийской провинции, на Квантунский полуостров для инженерных и топографических изысканий. Уже через полгода, в декабре, 4 тыс. китайских кули приступили к работам по плану, составленному фон Ганнекеном. «Китайцы надеялись на то, что после окончания работ Порт-Артур станет первоклассной военной гаванью и наилучшим убежищем для флота» [1, с. 3].

В эпоху Тонкинской войны оборона была расширена; в 1886 году оборудование порта (его важнейшая часть – Восточный рейд) было поручено французскому синдикату в Тяньцзине, а возведение фортов взяли на себя английские и немецкие инженеры под общим руководством все того же фон Ганнекена. Французы сделали отличную набережную, облицованную гранитными плитами, с удобными спусками к воде (этот наиболее эффектный элемент благоустройства был частично демонтирован японцами). Укрепления разделялись на сухопутные (6 фортов) и береговые (13 фортов). Поставщиками крепостных орудий являлись Крупп и Армстронг (японцы захватили 330 орудий, из них 60 крупного калибра). Многие из прибрежных фортов были снабжены вращающимися панцирными башнями, и все они соединялись между собой закрытыми дорогами, телеграфом и телефоном.

Были устроены минные и продовольственные склады, морской арсенал, прекрасно оборудованный механический завод, магазины боевых боеприпасов. Все освещалось электричеством, всюду использовались новейшие усовершенствования и изобретения. Немцы организовали подачу питьевой воды, которая проводилась по трубам из источника, находящегося в 6 верстах к северу.

Было затрачено более 80 миллионов рублей и 12 лет огромных усилий на то, чтобы из деревушки Люй-шунь-Коу сделать первоклассную крепость и лучший в Китае военный порт. К северу от Порт-Артура Ганнекен также возвел укрепление крепости Да-лянь-вань.

По свидетельству подполковника Генерального штаба Путята, Порт-Артур в 1888 году поражал иностранцев, приближающихся к гавани «военной картиной, столь мало напоминающей мирные пейзажи других областей Китая»: на горизонте полосой в 4 мили шириной вздымались гребни батарей, увенчанных штандартами и развивающимися флагами. «Глаз тщетно отыскивает вершину, не занятую укреплением. По мере движения парохода замечаются кроме прежде виденных батарей верхнего яруса, еще нижние, спускающиеся к морю». Путят описывает два каменных форта по обе стороны Лушункоуского прохода и разбросанные там и сям китайские им-пани с выравненными сверху стенами: «<...> они заполняют долину восточной гавани и замечаются на север по проходу» [1, с. 1–2] (Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона объясняет: им-пань – группа «жилых и хозяйственных построек, назначаемых для китайских войск и обнесенных до высоты 2 сажень глинобитной стеной или земляным валом, всегда по квадрату, со стороны около 40–50 сажень. Углы им-паня иногда украшаются башенками с машикулями»).

По мнению русских разведчиков, «<...> китайцы позаботились придать системе фортификационных сооружений достаточно грозный внешний вид, в надежде, быть может устроить потенциального неприятеля... идея о внешних эффектах входила в соображение германских поручиков-строителей» [1, с. 3].

Несмотря на «грозный вид», из-за неукрепленного подхода с суши (на что совершенно справедливо указывали русские наблюдатели еще в 1888 году), 10 ноября 1894 году Порт-Артур был взят японскими войсками под командованием графа Оямы: «Взятие этой первоклассной крепости обошлось японцам очень дешево – 400 убитых, у китайцев – 4000. Проникнув в крепость, японцы справили там кровавую тризну, не давая пощады даже женщинам и детям, избиение китайцев длилось три дня» [1, с. 6]. Опустим ужасающие подробности резни в захваченной крепости, но заметим, что русские, пришедшие в Порт-Артур после заключения в начале марта 1897 года Пекинского соглашения, отстраивали город буквально на дымящихся костях.

Русские на Ляодуне. 16 марта 1898 г. в 6 утра на берег бухты Люй-шунь-Коу высадился русский десант и через два часа на форте Хуань-цзинь-шань (Золотая гора) был поднят русский флаг. Этот день торжественно отмечался в Порт-Артуре всю его недолгую историю. Из года в год 16 марта «Новый Край» напоминал читателям: «Русские войска нашли только уничтоженный японцами город, если вообще такое название можно дать избам, вылепленным из камней и глины». Очевидцы событий подтверждали, что русским достался «обыкновенный китайский городок с очень грязными улицами, сильно пострадавший во время японо-китайской войны и не оправившийся от произведенных в нем опустошений». Русское население состояло «почти исключительно из воинских, сухопутных и морских чинов». При занятии Порт-Артура русскими войсками местные жители разбежались, «<...> боясь повторения японских ужасов...

Многие дома пустуют. Лучшие здания заняты офицерами. Русские солдаты разместились в им-панях... Красивых зданий в городе нет, за исключением небольшого театра затейливой архитектуры, охотно посещаемым русскими поселенцами» [3, с. 30]. Очевидцы упоминали «обилие китайских магазинов» и доступность любых товаров по ценам в два (по другим источникам – в три) раза ниже, чем во Владивостоке. Самый дефицитным товаром было дерево («лес очень дорог и дрова продают на вес») но в целом дешевизна Порт-Артура, приятно поразившая русских, являлась важным фактором быстрого развития города. Первыми открылись телеграфная и почтовая конторы, а также отделение русско-китайского банка, затем стали по подписке собирать средства на воздвижение православной церкви.

Судя по передовицам «Нового края», развитие Порт-Артура шло в непрерывном соревновании сначала с германскими колониями, появившимися на восточном побережье Желтого моря чуть раньше русских гарнизонов (немцы заняли бухту Цзяо-Чжоу в ноябре 1897 года). В 1900 году «Новый край» публиковал обширные переводные статьи, посвященные стремительному росту и европейскому уровню благоустройства германского Кяочао. После появления г. Дальнего и перемещения туда коммерческой активности редакторские статьи стали транслировать сдержанное негодование этим решением правительства. О Дальнем журналисты Нового края отзывались без энтузиазма. В цикле статей, посвященных необходимости устройства мостовых в Порт-Артуре, с плохо скрываемым злорадством автор указывал, что «<...> наконец от присутствия мостовых сильно выигрывает наружный вид города. Для примера можно взять Дальний. Там административный городок застроен красивыми, строго распланированными зданиями, однако улицы вместо мостовой покрыты шоссе и достаточно незначительного ветра, чтоб поднять огромные столбы пыли, окутывающий весь город грязно-серой пеленой... Не будь этого, Дальний вполне оправдывал бы данную ему кличку игрушечки. Теперь же, со своими шоссированными улицами он если и игрушечка, то чрезвычайно пыльная и грязная». С Порт-Артуром также часто сравнивался северный Харбин. Столица КВЖД, претендующая на титул Восточной Пальмиры, описывалась порт-артурскими корреспондентами как грязный и опасный полустанок. В это же время интеллигенция Владивостока негодовала на то, что финансовые потоки, идущие из метрополии на Восток, развернулись в Желтороссию, оставив новые города Приамурского края прозябать в нищете.

В пятую годовщину «занятия Квантуна» в передовице «Нового края» говорилось: «Первыми пионерами новой русской колонии были русские войска – эти наилучшие насадители мирной культуры. Впоследствии за войсками потянулись купцы, промышленники, предприниматели и новый край зажил особо деловой жизнью, захватывающего всякого приезжего целиком. Теперь создались новые отличные здания, превосходные магазины, железная дорога за 13–16 дней доставляет в сердце России – Москву, город разросся и благоустроился и всего только тому 5 лет».

Русский колониальный стиль. Германо-китайско-японский Квантунский полуостров, доставшийся русским, не отличался дружелюбностью («лабиринт диких с резкими очертаниями горных масс») и комфортом: это был укрепленный с милитаризированной застройкой. Однако, судя по фотографиям А. П. Динесс и выявленным проектам, предназначенным для Порт-Артура, русские инженеры и архитекторы сразу взялись за перекодирование чужого культурного поля и превращение тевтонско-азиатской крепости в европейский город.

В 1902 году фон Гоген писал в «Зодчем» о том, что «<...> в настоящее время город лихорадочно быстро

застраивается, между прочим готово здание городского управления, предполагается постройка театра, много частных зданий. Стоимость земли близ упомянутых военных строений около 80 р. кв. сажень, в средней части города земля большей частью уже продана». Сам фон Гоген, кроме здания военного собрания, спроектировал для Порт-Артура (по его собственным словам) собор на 2000 человек из местного мрамора и сделал, «согласно указаниям начальника края», эскиз дворца. Есть информация о том, что фон Гоген был автором генплана Порт-Артура (1902) [6], но нам не удалось найти его следов.

В Российском государственном военно-морском архиве, ф. 907, оп. 2 представлены чертежи, в основном, не построенных зданий, по которым можно судить, каким должен был стать Порт-Артур при благоприятном развитии событий. Самым эффективным ожидаемо является проект православного храма, выполненный на большом формате акварелью в морской – изумрудно-голубой – гамме, но и проекты домов, предназначенных для офицеров, выглядят изящными и нарядными.

Впервые русские архитекторы столкнулись с проблемой строительства в субтропическом климате с изнуряющей летней жарой, круглогодичной стопроцентной влажностью и сезонным муссоном: «<...> характерной чертой лета на Квантунском п-ове являются частые проливные дожди – опустошительные ливни и грозы» [2, с. 25]. До этого самым «тропическим» регионом России были черноморские побережья, где климат значительно мягче. Но военные инженеры быстро адаптировались к необычным условиям. Именно в Порт-Артуре начала формироваться русская колониальная архитектура, органично сочетающая петербургскую классическую школу, «восточный модерн» (термин, введенный С. С. Левашко) и обилие открытых двухъярусных террас, веранд и галерей.

В отличие от широко известного и неоднократно воспроизведенного в работах коллег плана города Дальнего (В. В. Сахаров, С. В. Кербелз, К. Г. Сколимовский, 1899), судить о планировочном решении русского Порт-Артура нам приходится по описаниям: известно, что город состоял из европейской и китайской части, каждая из которых делилась на Старый и Новый город. «Прежняя небольшая туземная деревушка к западу от гавани постепенно преобразовывалась в обширное поселение мастеровых и рабочих с их семьями» [2, с. 30]. Так же, как и в Дальнем, европейская часть была отделена от китайской зеленой зоной – питомником. Эта мера в первую очередь была вызвана опасением эпидемий (всем был памятен брюшной тиф, сопутствовавший японскому штурму Порт-Артура), но озеленение совершенно голых, выжженных холмов, нагнавших на русских колонистов уныние (о чем неоднократно писал «Новый Край»), имело важное цивилизационное значение. «Перекодирование» Порт-Артура началось с устройства Николаевского бульвара, откуда открывался лучший вид на бухту и рейд. Бульвар был главным общественным пространством русского Порт-Артура, его Невским проспектом: там была устроена веранда для музыкантов, установлены многочисленные лавочки, высажены маленькие деревца из питомника.

Европейский Старый город сформировался вокруг набережной и бульвара, а Новый город – участки голой холмистой пустоши – успешно продавались под застройку.

В начале самого известного художественного произведения о русско-японской войне – романе А. Н. Степанова «Порт-Артур» (1942) – есть примечательное обоснование неготовности крепости к обороне: «Что же инженеры четыре года делали? – кричал Стессель (комендант). – Инженеры дома в Новом городе себе строили, на это и деньги ушли, – буркнул Фок (началь-

ник сухопутной обороны)». Подробные фотофиксации застройки Нового города нам пока неизвестны, но, судя по отдельным объектам, это были интересные эксперименты в модерне. Зато в ходе архивных изысканий удалось установить имена строителей европейского Порт-Артура.

Строители Порт-Артура. В Российском государственном военно-морском архиве, ф. 907 оп. 2 находятся чертежи, подписанные следующими военными и гражданскими инженерами: инж.-полковником И. Ф. Гильшером (1858–1941), полковниками К. И. Дубицким (1858 – ?), Горбачевским, Веселаго, капитанами И. А. Заборовским (1873–1952), Л. Л. Затурским (1871–1913), Ф. К. Авелланом (1874 – ?), Версе, Добровым, ст. инж.-строителем Поплавским, инж.-строителем Б. Л. Бутлером (1866–1930), инженером В. В. Сахаровым (1860–1904). Владимир Васильевич Сахаров хорошо известен как главный инженер по строительству Дальнего и автор его первого генплана. Иван Андреевич Заборовский (1873–1952) после окончания Русско-японской войны служил старшим производителем работ Владивостокского порта, где, помимо казарм и офицерских флигелей, построил один из иконических символов Владивостока – здание Морского штаба (1908–1911) на Светланской ул. – величественное ризалитное здание, обращенное срезаемым угловым фасадом на Триумфальную арку, возведенную в честь приезда Цесаревича (1891).

Остальные строители Порт-Артура 1901–1903 годов редко упоминаются в академическом дискурсе. Попытаемся восполнить этот пробел и расскажем о Иване Федоровиче Гильшере.

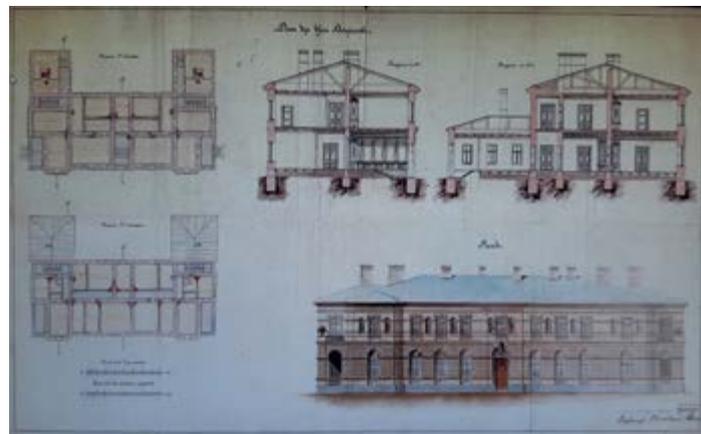
Гильшер родился 18 августа 1857 года в семье потомственных поляков; общее образование получил в Первом Санкт-Петербургском реальном училище, военное – в Николаевском инженерном училище, которое закончил по 1-му разряду. Был женат на дочери статского советника Вейсмана – Анне Николаевне. Судя по всему, брак оказался счастливым: Гильшер имел двух сыновей (Николай, 1886 и Георгий, 1892) и две дочери (Вера, 1888 и Елена, 1894). Вся семья была православная.

Гильшер начал военную карьеру юнкером, служил в Варшавском округе, работал на укреплении Очаковской и Севастопольской крепостей, участвовал в походе во время Русско-турецкой войны (ранен и контужен не был), вышел из Академии штабс-капитаном, в 1897 получил звание полковника. Ушел в запас военным инженером в 1899, но скоро был вновь принят на службу по Адмиралтейству с назначением в Порт-Артур. 8 октября 1900 года приказом № 1 по Управлению строителя Порт-Артура полковник Гильшер вступил в должность строителя порта. Был переведен в Инженерный корпус 10 июля 1902. Имел светло-бронзовую медаль в память о Русско-китайской войне, был награжден орденами Св. Станислава 2-й ст. (1897); Св. Анны 2-й ст. (1905); Св. Владимира 3-й ст. (1913).

Это типичная карьерная траектория военных инженеров, работавших на русском фронтире. Надо заметить, что Порт-Артур был укрупнен лучшими кадрами, преимущественно из Варшавского военного округа. Поэтому среди них было множество поляков (например, Бутлер), а также выходцев из остзейских немцев и мелкопоместного дворянства Великого княжества Финляндского (Авеллан). Практически все они закончили Николаевское военное училище (Иван Андреевич Заборовский в 1873, Казимир Иосифович Дубицкий – в 1878, Бронислав Леонович Бутлер – в 1888, Логин Логинович Затурский – в 1892, Добров – в 1892, Александр Александрович Версе – в 1894, Федор Карлович Авеллан – в 1895). Старшие офицеры были выпускниками Николаевской академии Генерального штаба (Дубицкий – 1884, Бутлер – 1895,

^ Рис. 2. Дом старшего флагмана. Эскизный проект. Составил инж.-полковник Гильшер

^ Рис. 3. Дом для адмиралов. Составил инж.-полк. Гильшер

Затурский – 1898, Заборовский – 1899, Авеллан – 1900). О том, как не просто было поступить в академию Генштаба офицеру из глухого гарнизона на окраинах империи, хорошо рассказано в «Поединке» А. И. Куприна (1905). Например, главный инженер Владивостокской крепости Вацлав Игнатьевич Жигалковский (которому Приморье обязано отличной гарнизонной и, неожиданно, православной храмовой архитектурой) дважды держал экзамен в Николаевскую академию – в 1883 и 1884 годах.

Строители и защитники Порт-Артура были опытными солдатами, у многих за плечами были боевые походы. Коллега Гильшера, Казимир Иосифович Дубницкий, тоже участвовал в русско-турецкой войне, Затурский был Георгиевским кавалером.

Работы на отдаленных рубежах Империи была опасна, но выгодна: через 10 лет службы можно было получить т. н. Амурскую пенсию и значительные прибавки к жалованию. Жигалковский не преминул воспользоваться всеми льготами, причитающимися строителям Русской Пацифики, но Гильшер, судя по записке о его службе (РГИВА, ф. 400, оп. 12, д. 25170, л. 399), не обладал подобной предпримчивостью и в конце карьеры получал чуть меньше 3000 руб. (жалование – 1200 руб., столовых – 720, квартирных – 780 и на прислугу – 240 руб.).

В Российском государственном военно-морском архиве сохранилось несколько технических и фортификационных чертежей Гильшера, но мы остановимся на двух примерах репрезентативной архитектуры, а также рассмотрим два проекта его коллег. Этим акварельным отмыскам присущ умиротворяющий «винтажный» дух, и сама подача свидетельствует о «старой» школе.

На эскизном проекте «Дома старшего флагмана» [7] гризайлем отмыто шато во французском колониальном духе – с ассиметричным главным фасадом и ионической галереей, обрамляющей парковый фасад (рис. 2).

Проект «Дома для двух адмиралов» [8] представляет собой вариацию на темы неоренессанса: это строго симметричная двухэтажная, П-образная в плане постройка из красного кирпича под скатной жестяной крышей и с глубоким внутренним двором. Парадный вход с тимпаном, увенчанным бюстом в шлеме, расположен на оси симметрии, две лестницы ведут на боковые террасы.

Развитый по горизонтали главный фасад раскрепован широкими лопатками и фланкирован эркерами. Нижний ярус сплошь расшит французским рустом, верхний декорирован горизонтальными тягами и многочисленными нишами (10) со скульптурами и барельефами. Лепные раковины украшают надоконные омегаобразные ниши. Композиционные центры акцентированы фрагментами фриза с лепными венками. Здание венчает массивный профилированный карниз, ярусы разделены межэтажным фризом (рис. 3).

Граненые эркеры освещают гостиные на первом этаже и детские на втором. Бельэтаж занимают большие залы, над которыми расположены спальни и будуары. Во внутренний двор выходят окна кабинетов, классных комнат и помещений для гувернанток, кухни и прислуга размещены во флигелях.

На проекте «Дома для Строителя Порт-Артура» (автор – полковник Веселаго; май, 1903) [9] изображена итальянская вилла с глубокой лоджией и тосканской колоннадой на террасе второго этажа. Нижний ярус расшит французским рустом, окна спальни, расположенной на втором этаже, обрамлены классическими треугольными сандриками. План здания развивается вглубь участка, служебный корпус с кухней, людской, кладовкой и буфетом расположен перпендикулярно к парадным помещениям. (рис. 4).

На проекте жилого дома для 4 семейств штаб-офицеров (подписан полковником Дубицким; август, 1902) [10] мы видим не привычную казарму, а настоящую дворец в итальянском духе с двухъярусными галереями, смело выдвинутыми по диагонали относительно фасадной плоскости, благодаря чему жестко-симметричный план здания приобретает неожиданную для гарнизонной архитектуры эксцентричность. Главный фасад темно-винового оттенка разбит на секции мощными широкими пилонами, расшитыми в нижнем ярусе французским рустом. Балюстрада балкона опоясывает три парадных фасада, куда обращены окна кабинетов и гостиных. Во внутренний двор выходят окна столовых и кухонные флигеля с комнатами мужской и женской прислуги. Спальни и детские открываются на веранды (вероятно, предполагалась возможность ночевки на свежем воздухе). На оси симме-

< Рис. 4. Дом строителя Порт-Артура. 1903. Составил полковник Веселого

три расположен вестибюль главного входа и парадная лестница. Планы пятикомнатных квартир отличаются компактностью: в них отсутствуют коридоры, но только гостиные являются проходными. Жилые помещения имеют удачные пропорции и хорошо освещены. Ванны и санузлы размещены в щюлязах между основным блоком здания и дворовыми флигелями с черным лестницами (рис. 5).

Даже беглый обзор четырех проектов доказывает, что военные инженеры Порт-Артура старались не уступать строителям британских и германских поселений. Что касается частных практикующих архитекторов, в подшивке «Нового края» нам встретилось только два объявления с предложением услуг этого профиля – Г. Р. Юнгхенделя и Казы-Гирея. Юнгхендель – автор самых романтических зданий Владивостока, Никольска-Уссурийского и Спасска-Дальнего (впрочем, его авторство спасского объекта под вопросом), где впервые использовалось электрическое освещение (хорошо известны свидетельства современников о поразительном впечатлении, которое производили сияющие витрины

универмага Кунста и Альберса на обитателей Никольска). О деятельности Казы-Гирея в «русском Китае» см. [11].

Ненадежный свидетель. Некоторое представление о праздничном средовом дизайне Порт-Артура дают описания балов, регулярно публиковавшиеся в «Новом Крае». Упомянутый роман Степанова «Порт-Артур» начинается сценой бала, во время которого японцы атакуют стоящие на рейде русские корабли. Несколько обширных восторженных репортажей было посвящено ежегодному балу, данному 20 мая 1904 года (до начала осады крепости) Главным начальником области генерал-адъютантом Алексеевым. На бал съехались приглашенные не только из Порт-Артура и Дальнего, но и из Инкоу, Киньчжоу, Мукдена и Чифу. Ради такого события генеральский дом и два прилегающих к нему сада – верхний и нижний – были превращены в «роскошное помещение с феерической обстановкой». Судя по описаниям, жилище начальника представляло собой классический дворцово-парковый комплекс, где, подобно Петергофу, верхний парк был партерным, во французском регулярном духе («цветочные клумбы и газоны, точно ковер,

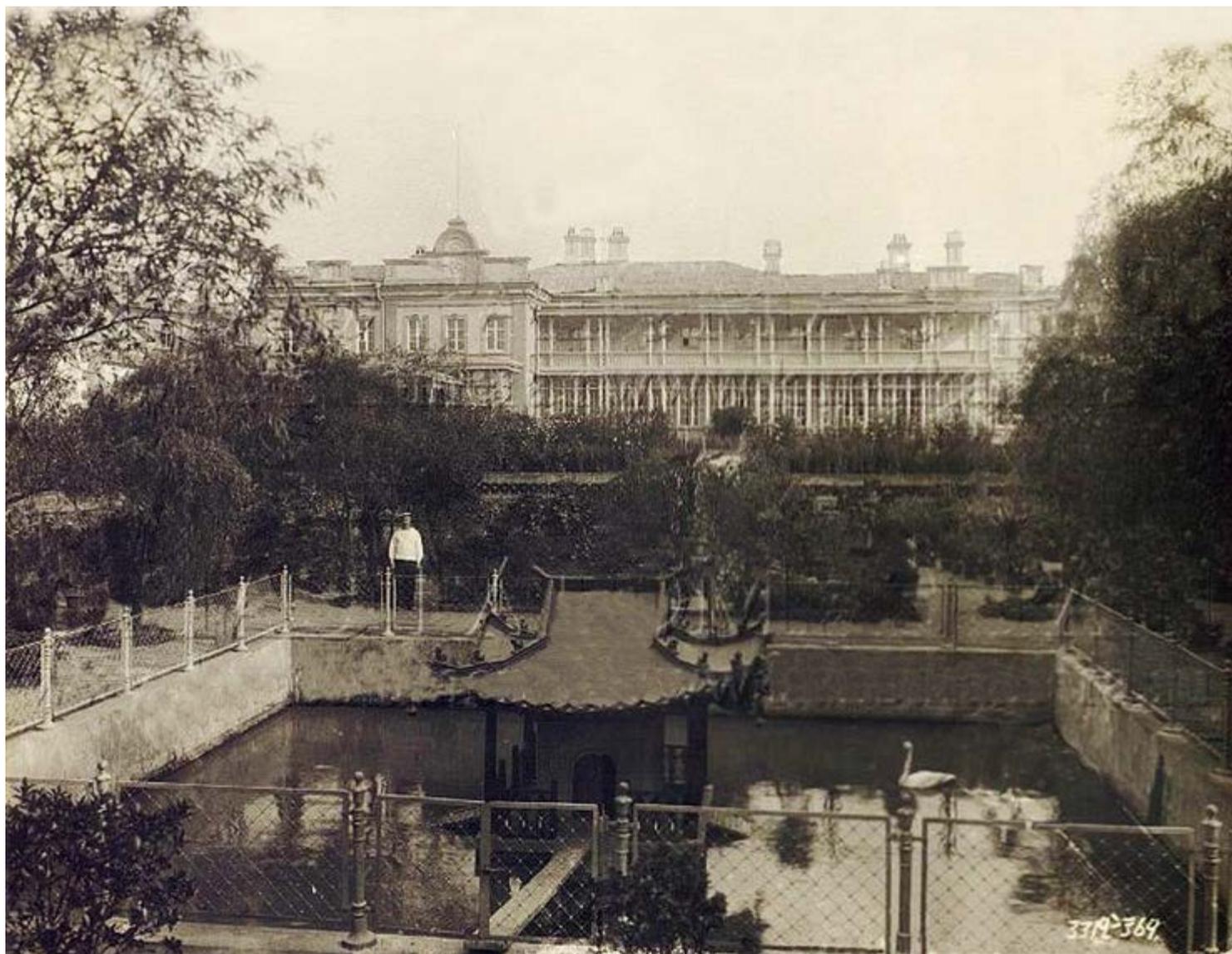
< Рис. 5. Дом для семейных офицеров. Составил полковник Дубицкий

покрывали пространство между дорожками»), а нижний – английским, живописным, с «огромными ветвистыми деревьями» и типичными для пейзажного парка романтическими затеями. Там был устроен «таинственный грот», напоминавший «жилище духов»; среди бассейна «манила взор» беседка в «прихотливо-затейливом китайском стиле», матовые фонари заливали водоем серебристым светом, и «проплывающие лебеди оставляли на зеркальной воде сверкающий серебристый след».

Однако на нескольких сохранившихся фотографиях, подписанных «Дом и сад командующего войсками», заметно, что интересующий нас объект являлся небольшой двухэтажной кирпичной постройкой типично гарнизонной архитектуры (за исключением «колониальной» двухрусной галереи, занимающей все левое крыло) с асимметричным главным фасадом, сильно развитым по горизонтали. Перед парадным входом действительно размещался палисадник, разбитый на террасированном склоне, а также квадратный пруд с бетонными стенками

и птичьим домиком под высокой крышей (рис. 6). Все это имело весьма бюджетный и незатейливый облик, но под бойким журналистским пером дом и сад «волшебным образом преобразились»: со стеклянной нижней галереи, «превращенной в карточную комнату и уголки для отдыха, шел помост в виде галереи, изящно декорированный цветными материями, коврами, массой зелени и цветов». Проход вел на большую площадку, «обставленную так красиво, что гости забывали, что они на открытом воздухе»; на две ступени ниже находился павильон для танцев. «Павильон этот был нечто особенное – устроенный из обвитой национальных цветов материи бамбуковых шестов, которые тянулись ввысь, ограничивая большое пространство с деревянным помостом, обтянутым парусиной. Верхушки их соединялись и переплетались гирляндами зелени, переплетавшихся и спускавшихся красиво во всех направлениях». Далее корреспондент многословно описывал крытый материей барьер, ограждающий танцпол и потолок из широких разноцветных лент,

v Рис. 6. Дом с садом командующего войсками в Порт-Артуре

перекрещивающихся на фоне темно-синего небосклона, который производил впечатление потолка, украшенного плафонами. Нижний сад был соединен с танцполом аллеей из пальм, и такие же пальмовые аллеи шли вдоль дорожек и садовых решеток, сквозь которые прогуливающиеся гости могли любоваться танцующими парами. У задней стены сада беседка, убранная зеленью, была превращена в буфет с шампанским и фруктами; сюда устремлялись утомленные танцами пары полюбоваться сверху на общую картину шумного бала. Влево от парадного входа была устроена уютная гостиная, обставленная мягкой мебелью, убранная коврами и пальмами с зеленью. Ковры, дорожки и циновки застилали все пространство двора с расставленными высокими пальмами; эта обстановка заставляла забывать, что находишься вне дома. На втором этаже был устроен роскошный буфет с массивными серебряными вазами и хрустальными графинами и «всюду – цветы, цветы».

Бал начался в 9 вечера, когда на Порт-Артур опустилась тропическая ночь, и продолжался до 3 утра, поэтому главную роль в оформлении праздничного пространства играл электрический свет. Иллюминация должна была показать высокий уровень цивилизации нового города. В 9 вечера вспыхнувшее над садом градоначалника сияние было видно из всех уголков Порт-Артура и служило маяком для прибывающих со всех сторон гостей. Журналисты отмечали продуманность световой архитектуры: открытый двор, где был устроен шатер для танцев, освещали «большие электрические фонари и масса лампочек, укрепленных на фигурах, изображавших звезды». Лампочки «кокаймляла верх беседки и оттуда обливали ослепительно белым светом весь павильон. Подвешенные на проволоках фигуры звезд находились точно в воздушном пространстве». «Весь нижний этаж генеральского дома, начиная с вестибюля, был залит электрическим светом», на столах сверкали серебро и хрусталь. В центре столовой сиял огромный серебряный самовар». Нижний сад озаряли «большие матовые фонари, укрепленные на высоких бамбуковых треножниках, обвитых голубой материей». Верхний сад-цветник также освещался сверху большим фонарем. Атмосфера в целом напомнила корреспонденту «волшебный сад из «1000 и 1 ночи». Все переливалось ослепительным блеском».

К сожалению, безымянный репортер не удосужился указать имя дизайнера этих выдающихся декораций, и нам остается гадать, кто из практикующих в городе архитекторов рисовал эскизы. Даже по описаниям заметно, что устройство высокого каркаса из бамбуковых шестов требовало инженерной смекалки. Отойдя от научной объективности, выскажем свое предположение. В отличие от порт-артурских военных инженеров, получивших образование в Санкт-Петербурге, Г. Р. Юнгхендель был представителем романтической европейской школы; его постройки отличаются повышенной эмоциональностью, сложной символикой и свободой исторических импровизаций. Хотелось бы верить, что свою дальневосточную карьеру он начинал в качестве дизайнера праздничного оформления губернаторских балов, но у нас нет никаких подтверждений этой смелой догадке.

Дальнейшая судьба русского Порт-Артура была глубоко трагична, но нам хотелось бы, чтобы у читателей осталась в памяти эта сияющая, праздничная картина: залитый огнями сад, ярко освещенные окна губернаторского дома и фейерверк над рейдом русской тихоокеанской флотилии.

Литература

1. Войска Северного Китая, на которые распространились преобразования. Описание порта Артур (Лушунь-коу) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. 32. – Санкт-Петербург : Военная типография в здании Главного штаба. – 1888. – 286 с.

2. Позднеев, Д. М. Торговля городов: Дальнего, Да-лян-ваня, Би-цзы-во и Да-дун-гоу. – Санкт-Петербург : типография В. Кирбаума., 1902. – 55 с.
3. Когвич, В. Л., Бордовский, Л. Ляо-Дун и его порты: Порт-Артур и Да-Лян-Вань. – Санкт-Петербург : Ильин, 1898. – 48 с.; схема Порт-Артура
4. Левовшко, С. С. Город Дальний в истории российского градостроительства в Маньчжурии // Россия и АТР. – 2000. – № 4. – С. 96–106
5. Глатоленкова, Е. В. Административный городок Даляня: район особняков // Новые идеи нового века : мат-лы XX междунар. науч. конф. : в 3-х тт. – 2020. – Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2020. – Т. 1. – С. 144–150
6. Базилевич, М. Е., Целуйко, Д. С. Архитектура зданий русско-китайского банка в Даляне // Архитектон : известия вузов. – 2021. – № 3 (75). – URL: http://archvuz.ru/2021_3/13/ (дата обращения: 13.07.2022)
7. Смольянинова, Т. А. Проекты консульских объектов Казы-Гирея в Харбине // Проект Байкал. – 2021. – № 4 (70). – С. 194–199
8. Дом старшего флагмана. Эскизный проект. Главный и боковые фасады. Составил инж.-полковник Гильшер. Поперечный разрез, планы этажей. Составил инженер-строитель Бутлер. 1903–4 гг. – Российский государственный архив военно-морского флота (РГАМФ). Ф. 907. Оп. 2. Ед. хр. 41–44
9. Дом для двух адмиралов. Фасад, планы, разрезы, планы этажей. Подлинник. Составил инж. полк. Гильшер. Без даты. – Российский государственный архив военно-морского флота (РГАМФ). Ф. 907. Оп. 2. Ед. хр. 46
10. Дом строителя Порт-Артура. Фасад, поперечный разрез, планы этажей. 1903. Подлинник. Составил полковник Веселаго. 7 мая 1903 г. – Российский государственный архив военно-морского флота (РГАМФ). Ф. 907. Оп. 2. Ед. хр. 45
11. Дом для семейных офицеров. Главный фасад, разрезы. Составил полковник Дубицкий. планы этажей и подсобных помещений. Составил инженер-строитель Бутлер. 1902. – Российский государственный архив военно-морского флота (РГАМФ). Ф. 907. Оп. 2. Ед. хр. 48–49

References

- Bazilevich, M. E., & Tseluiko, D. S. (2021). Arkhitektura zdaniy russo-kitaiskogo banka v Dalyane [The architecture of the Russian-Chinese bank's buildings in Dalian]. *Arkhitekton: Izvestiya vuzov*, 3(75). Retrieved July 13, 2022, from http://archvuz.ru/2021_3/13/
- Glatolenkova, E. V. (2020). Administrativnyi gorodok Dal'nyaya: raion osobnyakov [Administrative town of Dalian: District of mansions]. *Proceedings of the XX International Conference "New Ideas of New Century"*. In 3 vols. (Vol. 1, pp. 144–150). Khabarovsk: Publishing house of TOGU.
- Kogvich, V. L., & Bordovsky, L. (1898). Lyao-Dun i ego porty: Port-Artur i Da-Lyan-Van [Liao Dong and its ports: Port Arthur and Dalianwan]. St. Petersburg: Ilyin.
- Levoshko, S. S. (2000). Gorod Dalnyi v istorii rossiiskogo gradostroitelstva v Manchzhurii [The city of Dalny in the history of Russian town planning in Manchuria]. *Russia and the Asia-Pacific Region*, 4, 96–106.
- Pozdneeve, D. M. (1902). Torgovlya gorodov: Dalnego, Da-lyan-vanya, Bi-dzy-vo i Da-dun-gou [Trade of cities: Dalny, Dalianwan, Bi-tsz-i-wo and Dadungou]. St. Petersburg: V. Kirbaum's printing house.
- Smolyaninova, T. A. (2021). Projects of consular facilities of Kazy-Girey in Harbin. *Project Baikal*, 18(70), 194–199. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1912>
- The House for family officers. Main facade, sections. Compiled by Colonel Dubitsky. Plans of floors and auxiliary premises. Compiled by civil engineer Butler (1902). *Russian State Archives of the Navy (RGAMF)*. F. 907. Inv. 2. Files. 48–49.
- The House for Two Admirals. Facade, plans, sections, floor plans. Original. Compiled by Ing. Gilsher (n.d.). *Russian State Archives of the Navy (RGAMF)*. F. 907. Inv. 2. File 46.
- The House of the Builder of Port Arthur. Facade, cross section, and floor plans (1903). Original. Compiled by Colonel Veselago (1903 May 7). *Russian State Archives of the Navy (RGAMF)*. F. 907. Inv. 2. File 45.
- The House of the Senior Flag Officer. Sketch Project. Main and side facades. Compiled by Ing.-Colonel Gilsher. Cross section, floor plans. Compiled by civil engineer Butler (1903–4). *Russian State Archives of the Navy (RGAMF)*. F. 907. Inv. 2. Files 41–44.
- Voiska Severnogo Kitaya, na kotorye rasprostranilis preobrazovaniya. Opisanie porta Artur (Lushun-kou) [The troops of Northern China, which were affected by the transformation. Description of Port Arthur (Lushunkou)] (1888). *Collection of Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia*. Issue 32. St. Petersburg: Military Printing House in the General Headquarters.

Расшифровка аббревиатур

РГАМФ – Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота

ГАРФ – Государственный Архив Российской Федерации

РГИА – Российский государственный исторический архив

ГПИБР – Государственная публичная историческая библиотека России

РНБ – Российская научная библиотека

Рассматривается архитектура первой деревянной крепости в Приамурье, ставшей своеобразным форпостом на границе с Маньчжурией. Анализируется планировочная структура крепости и ее конструктивные особенности, связанные с изменением первого тынового острога на крепость со срубными стенами, а затем и деревоземляную, окруженную валами. Статья написана на основе изучения литературы, архивных материалов и натурного исследования, проведенного автором на месте Албазинского острога в 2009 году.

Ключевые слова: Албазин; Амур; воевода Толбузин; тын; городни; китайская осада; земляной вал. /

The article examines the architecture of the first wooden fortress in the Amur region, which became a kind of outpost on the border with Manchuria. The author analyzes the planning structure of the fortress and its design features associated with the change of the first fort with palisades to a fortress with log walls, and then a timber-earth fortress surrounded by an earthen rampart. The article was written on the basis of a study of literature, archival materials and a field study conducted by the author at the site of the Albazin fort in 2009.

Keywords: Albazin; Amur; voyevoda Tolbuzin; palisade; "gorodni"; Chinese siege; earthen rampart.

Албазин – русский форпост на Амуре / Albazin: Russian outpost on the Amur

текст

Николай Крадин

Тихоокеанского государственного университета /

text

Nikolai Kradin

Pacific National University

В российской истории XVII век имеет огромное значение в связи с освоением и присоединением в этот период к России новых земель, расположенных вдоль рек Шилка и Амур – в Забайкалье и Приамурье на Дальнем Востоке. Известно, что эта далекая от столиц восточная окраина России тоже примечательна своей давней историей, однако многое в ней остается до сих пор досконально не изученным. Тем не менее многие исторические документы, сохранившиеся в центральных российских архивах, свидетельствуют о том, что официально первые поселения на восточных российских окраинах появились начиная с середины XIX века, однако на самом деле русские казаки-первопроходцы пришли «для проведения новых земель» на берега Амура намного ранее, еще в середине XVII столетия, когда известный русский землепроходец Ерофей Павлович Хабаров (около 1603 – 1671, с. Хабаровка, Якутия) совершал свой знаменитый поход по Амuru, где он находился с января до конца мая 1650 года. Летом того же года он вторично отправился в Даурию и зимовал в Албазине, а в ноябре сплавлялся вниз по Амuru, где облагал ясаком улусных людей, и дошел с небольшим отрядом до даурского городка местного князя Албазы. Степан Васильев Поляков в отправлен-

ной челобитной к царскому двору об этом написал: «И как суды поделали, и июня в 10 день из Албазина городка поплыл он, приказной человек Ярофей Хабаров на низ по Амuru реке, а Албазин городок покинул пуст». Хабарову тогда пришлось повоевать с маньчжурами в Ачанском городке, где на его отряд напало около двух тысяч человек верхом на конях, да еще и с пушками. Тем не менее отряд Хабарова отбил от маньчжуров.

Примечательно, что в центральных российских архивах сохранились не только письменные свидетельства об этих трудных многомесячных походах русских землепроходцев, которые оставляли описания своих маршрутов, но и схемы путей движения, сообщения о местном населении, климате и т. д. Примером подобного типа документов могут быть и отписки об этих походах в Албазин, составленные русскими землепроходцами, до сих пор сохранившиеся в архивах. Вот краткая выдержка одной из отписок такого рода, в которой довольно подробно излагается не только сам путь, но и сроки продвижения от одного пункта до другого: «...А Амуром рекою в низ мимо устья реки Черная до устья Урки реки, где бывае китайский Лапкаев город, а ныне зовется Албазинской острожек: а живут в нем государевы служилые люди. А от того острожка в низ по Амuru реке, мимо устья Комары реки до устья Зии реки, плыть неделя; а с устья Зии по Амuru до устья Шингала плыть неделя же; а на устье Шингала караул китайской... И от того Камарского острога вниз плыть Амуром до Албазинского острога 4 сутки... Албазинской острог построен был на той же левой стороне с китайского боку; Албазинка речка устьем пала в Амур, и та земля зело добра, понеже изо всех государских Сибирских городов на той Даурской земли всякой хлеб родится: рожь и яровой из единой меры родится 50, 60 и 70 мер; а по великой реке Амур по берегам и по островам сам собою виноград растет кроме человеческого труда; в великой реке Амуре против Албазинского острога и вниз по тому ж рыб: белуг чистых, больших калужек, осетров, стерлядей, сазанов, лосей и всякой мелкой безчисленно много, и всякия безчисленные ягоды рождаются, иныя же им имены не знати...» [1, с. 89, 90]. Этот редкий исторический документ – яркое и наглядное свидетельство того, насколько детально и подробно

> Рис. 1. Приамурье в XVII веке. Карта-схема, составленная землепроходцами

< Рис. 2. Н. Каразин. Сибирские казаки у проведывания новых земель. 1891

землепроходцы излагали полученную ими информацию с мест. Составленные ими карты-схемы путей движения (рис. 1) не только подкрепляли словесную информацию Хабарова и его сподвижников, но и становились основой для разработки впоследствии различных картографических материалов.

Истории возникновения русских поселений в этом восточном регионе уделяли внимание многие российские ученые, однако, к сожалению, кроме письменных свидетельств о тех давних событиях, нет практически никаких документальных изобразительных материалов – ни фотографий, ни точных зарисовок или подробных, детальных описаний. Вместе с тем следует отметить, что многие художники XIX – XX столетий, а также современные, уделяли и продолжают уделять внимание этой не только интересной, но и весьма важной исторической проблеме. Среди художников в первую очередь следует назвать Н. Н. Каразина, работавшего во второй половине XIX – начале XX века (1842–1908), известного мастера батальной живописи, изображавшего на своих многочисленных полотнах не только Среднюю Азию, но и Сибирь. В данном случае для нас наибольший интерес представляет его живописное полотно «Сибирские казаки у проведывания новых земель», выполненное в 1891 году (рис. 2). Не менее интересны на эту тему и полотна яркого приморского художника-мариниста В. И. Шилыева (1948–2017), который с 1982 года жил и работал во Владивостоке. К теме данной статьи прямое отношение имеют его две довольно реалистичные работы – «Первые казаки на Амуре» (рис. 3) и «Албазинский острог» (рис. 4).

Что же касается непосредственно портретов землепроходцев, то в этом плане дело намного сложнее. В частности, из сведений о Ерофее Хабарове нам известны всего лишь многочисленные упоминания о нем в различного рода исторических документах. Правда, в литературе и некоторых публикациях можно найти несколько живописных портретов и других его изображений, которые художники создавали по своему воображению, опираясь лишь на собственные познания. К примеру, на одном из полотен работы неизвестного автора Ерофей Хабаров изображен совсем уж непохожим на его схематично

^ Рис. 3. Первые казаки на Амуре. Художник В. Шилеев

< Рис. 4. Албазинский острог. Художник В. Шилеев

> Рис. 6. Памятник Ерофею Хабарову в Хабаровске. Скульптор А. Мильчин. 1958. Фото Н. П. Крадина, 2022

> Рис. 7. Маньчжуры. Неизвестный художник

описываемые портреты (рис. 5). Более реалистичным, что ли, он показан на рисунке Николая Фомина. Автор – художник-самоучка, охотовед, великолепный знаток природы, повадок зверей и птиц, которых он изображает на своих многочисленных рисунках и картинах. Более того, он большой знаток фольклора скандинавских стран. Интересно, что его многочисленные творческие работы на темы природы и исторического прошлого пользуются невероятной популярностью не только в России, но и в зарубежных странах.

Однако вернемся к портретам Хабарова. Уже в середине XX столетия, в 1955 году, на хабаровской краевой творческой выставке местный скульптор-самоучка Абрам Пейсахович Мильчин (1912–1994) представил не просто портрет, а проект памятника в полный рост этому землепроходцу. Спустя несколько лет после этой выставки, к 100-летию юбилею (1958) города Хабаровска, скульптурная фигура знаменитого землепроходца, установленная на высоком постаменте, имитирующем скалу, появилась в центре привокзальной площади Хабаровска (рис. 6). С тех пор этот памятник по праву считается едва ли не главным символом столицы Хабаровского края. Разумеется, скульптурный образ Ерофея Хабарова, созданный творческим воображением А. Мильчина, в большей степени является собирательным. Работая над портретом этого землепроходца, автор создавал его опираясь на образы людей волевых и сильных духом, каковыми по сути дела и являлись русские землепроходцы, открыватели неизведанных земель. В результате мы видим на постаменте образ именно такого человека, волевого и уверенного в себе, способного вести отряд сквозь дебри тайги, невзирая ни на какие препятствия, трудности и невзгоды.

Многие исторические документы того времени свидетельствуют, что в XVII столетии на этапе исследования и открытия новых, как тогда говорили, «землиц», вооруженные стычки между пришельцами и местным населением происходили довольно часто, являясь, по сути дела, обычным способом «выяснения отношений» при встречах и столкновениях. Так уж сложилось исторически, что на приамурские свободные земли стали претендовать и соседи с противоположного берега Амура, так называемые

маньчжуры (рис. 7), поэтому между ними и русскими стали частенько происходить междоусобные «разборки», иногда переходившие в достаточно серьезные военные столкновения, в том числе со стрельбой из пушек. Важно при этом отметить, что на основе более поздних исследований похода Ерофея Хабарова на Амур и сопутствующих этому событию документов многими историками было убедительно доказано, что «Приамурье никогда не было территорией Маньчжурии и тем более Китая, а вооруженные вторжения Цинской империи на территорию Приамурья, которое к этому времени уже было включено в состав России, носили явно выраженный захватнический, провокационный характер» [2, с. 23]. Амур являлся, как пограничная река, своеобразной разделительной полосой. На его правом берегу находилась Маньчжурия, а на левом – Россия. Естественно, в своих приграничных территориях русские были вынуждены возводить различного рода укрепления, чаще всего в виде крепостей разного типа (деревянные тыновые остроги, срубные деревянные города-крепости, а позднее даже земляные крепости и др.).

Разновидности укреплений, как правило, менялись и усвершенствовались вместе с появлением новых типов оружия, а также в связи с изменением способов ведения военных действий. Первым укреплением в Приамурье стал Албазинский острог, или городок, как его называют иногда историки-исследователи в своих научных публикациях. Основанный в 1651 году на высоком берегу Амура Ерофеем Хабаровым, он стал с середины XVII столетия своеобразным русским форпостом в этом приграничном восточном регионе. Не только местоположение острога, пути движения по рекам, но и изображение стычек между русскими казаками и маньчжурами сохранились на многочисленных картах и рисунках более позднего времени (рис. 8, 9). Подобного рода изобразительные материалы наглядны сами по себе, но они еще и довольно эмоциональны и красноречивы по своему содержанию. Не без основания можно говорить о том, что названные изображения довольно правдивы в своей основе, поскольку имеют весомую опору на документальные исторические материалы: отписки, грамоты, царские указы и т. д. Таким образом, все документы данного

> Рис. 5. Портрет Ерофея Хабарова. Неизвестный художник

^ Рис. 8. Стычка казаков с аборигенами. Неизвестный художник

^ Рис. 10. Изображение Албазина на китайском рисунке

типа с полным основанием можно считать материалами иллюстративного характера ко многим письменным историческим документам. Особый интерес, конечно же, представляют для исследователей различные чертежи с изображением путей движения землепроходцев на Амур. Примечательно, что сам сюжет осады Албазина и противостояния русских с маньчжурами нашел отражение даже на китайском рисунке (рис. 10).

Важно также отметить, что тему освоения Приамурья активно развивали не только историки, но и художники, сюжеты картин которых включали изображение путей передвижения первопроходцев, волоков и типов судов (кочей), на которых они передвигались по рекам. Причем, сплаваясь, они часто встречали на своем пути множество естественных препятствий (перекаты, мели, участки суши между водоемами), которые следовало преодолевать тем или иным способом, проявляя порой недюжинную смекалку и изобретательность. Одним из таких способов являлся волок, когда судно (коч) надо было перетянуть собственными силами по суше от одного водоема к другому (рис. 11). Однако это применялось лишь в том случае, когда расстояние от одной речки до другой было небольшим. В безветренную погоду русские землепроходцы обычно сплавились по рекам на веслах, и, лишь когда поднимался ветер, они ставили на свои кочи паруса, продолжая движение непосредственно по реке (рис. 14, 15)

Противоборствующие стороны в тот исторический период, естественно, возглавляли конкретные лица, представители властных структур. Со стороны России к тогдашней амурской военной эпопее имел отношение Федор Алексеевич Головин, заключивший, как известно, Нерчинский договор, по которому ему, правда, пришлось уступить маньчжурам часть Амура до его притока – Горбицы. Это произошло потому, что русские не могли вести с противоборствующей стороной серьезную войну, поскольку не имели ни запасов продуктов, ни необходимой военной базы и вооруженной силы.

Как известно, все первые поселения XVI–XVII столетий на восточных окраинах России (в Сибири, Забайкалье и Приамурье) представляли собой деревянные крепости, которые на раннем этапе были защищены лишь

< Рис. 9. Схватка албазинцев с маньчжурами. Неизвестный художник

тыновыми, а уже позднее и срубными стенами. В данной статье речь идет именно о таких деревянных крепостях, расположенных в районах Приамурья и Забайкалья. Известно, что все территории, находившиеся вдоль Амура, в то давнее время никакому государству, собственно, и не принадлежали, хотя люди здесь жили, занимались охотой и рыболовством. С приходом же сюда русских их стали облагать пушным налогом, который они обязаны были приносить в близлежащие сборные пункты (остроги и срубные крепости). Сюжет подобного рода можно видеть на рисунке «Сбор ясака в Сибири» из Кунгурской летописи XVII века (рис. 12). Данное историческое обстоятельство нашло отражение также и в других гравюрах и рисунках того времени (рис. 13). Отказ иногородцев от платежей часто приводил к стычкам, поэтому первопроходцы и стали здесь закрепляться, устраивая небольшие деревянные крепости, укрепленные сначала тыновыми, а затем и срубными, значительно более прочными стенами. Именно в такие укрепленные пункты аборигены, обитающие вблизи острога и промышлявшие пушнину (соболя, белку, лисицу и других ценных своим мехом зверьков), обязаны были приносить и сдавать ясак.

Разумеется, еще раньше подобного рода деревянное оборонное строительство появилось на территории Сибири, где первые срубные крепости стали рубить в XVI столетии, а с начала XVII века русские казаки, спускаясь по рекам, пришли и на Амур. Уже в середине XVII века на этой восточной окраине был образован Даурский уезд,

^ Рис. 11. Волок на сибирских реках. Рисунок Л. Козьминой

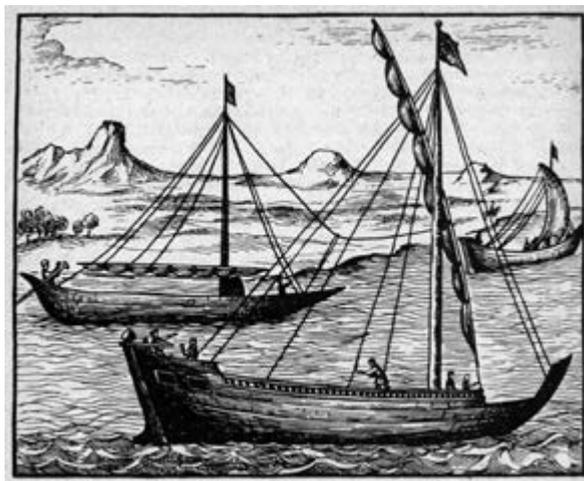
который охватывал территории современных Амурской области и Забайкалья, а также практически всю западную часть нынешнего Хабаровского края. В этот новый уезд входили восемь забайкальских острогов (Аргунский, Иргенский, Баргузинский, Селенгинский, Телембинский, Еравненский, Удинский и Нерчинский), а также пять деревянных крепостей, которые располагались на территории Приамурья (Усть-Стрелочный, Ачанский, Албазинский, Кумарский и Косогорский остроги). Кроме того, ко второй группе следует также отнести и еще три острога, находившихся на северо-востоке (Охотский, Анадырский и Колымский), которые возникли несколько позднее.

Из всех вышеперечисленных нас интересует только Албазинский острог, а также вся его историческая эпопея. Как уже отмечалось, историю этого укрепления и его названия следует связывать с Ерофеем Хабаровым, который еще в 1649–1650 годах, совершив свой знаменитый поход через Олёкму на Амур, занял городок местного князя Албазы и соорудил небольшой острожек, назвав его Албазинским. Однако летом 1651 года Хабаров был вынужден уйти со своим отрядом из Албазина, но, уходя, он сжег острог. Причины и основания для этого были весомые. Известно, что в 1650-е годы администратор Да-

урии Афанасий Пашков, заготавливая лес на реке Ингоде для строительства Нерчинского острога, одновременно заготовил строительный материал и для Албазинской деревянной крепости. Однако собранные из острожных бревен плоты сильным течением разбило, и значительную их часть унесло течением вниз по реке. Данному обстоятельству имеется даже документальное подтверждение: так, уже позднее, возвращаясь осенью 1658 года на зимовку в Кумарский острог, служилые люди видели, что «по Амуру де реке по островам и по берегам... лежит многой лес церковной и острожной, и башенной». Служилые предположили, что лес этот унесло течением от Афанасия Пашкова, который должен был заготовить его для острога на Амуре.

Таким образом, срубить Албазинский острог Пашкову не удалось, но это сделал уже в 1665 году Никифор Черниговский. По прошествии девяти лет, при передаче острога приказчику С. М. Вешнякову, была составлена «Роспись государевой казны Албазинского острогу», в которой имеется даже краткое описание укреплений этой деревянной крепости: «Албазинский острог с нагорней, покрыт тесом, а в остроге башен: две по углам от Амура реки, под теми башнями избы, верхи шатровыя, покрыты тесом, а третья башня – приказ, сверху приказу – чердак караульной, покрыт тесом, а в остроге колодезь на водолейке да амбар Воскресенский в надолбах, часовня» [3, с. 102].

Основывая свои поселения в Приамурье, русские землепроходцы всегда преследовали мирные цели, а ясак старались собирать мирно, «ласкою и приветом», как отмечалось в отписках. Все дальнейшие события, особенно вооруженные столкновения с аборигенами, показали, что деревянные крепости оказались мало приспособленными к обороне от пушечного боя. Не стал исключением в этом плане и Албазин, хотя еще в 1681 году новый албазинский приказчик Андрей Воейков, сын нерчинского воеводы, расширил крепость, выкопал ров, сделал чеснок и устроил надолбы вокруг острога в несколько рядов. В результате до начала военных действий албазинцы жили с «великим бережением». Спустя три года, весной 1684-го, сюда прибыл первый воевода вновь учрежденного Албазинского воеводства Алексей

> Рис. 12. Русские парусные суда в Сибири. С гравюры XVIII века

^ Рис. 15. Принос ясака в острог

Обор ясака в Сибири. Миниатюра из Кунгурской летописи XVII в.

^ Рис. 14. Сбор ясака в Сибири. Миниатюра из Кунгурской летописи

Толбузин и 16 мая принял по росписи крепость у предшественника – приказчика Михаила Волошникова. Именно эта крепость, принятая А. Л. Толбузиным, представляет для нас большой интерес с архитектурной точки зрения, поскольку в архиве сохранилось ее детальное описание, с указанием размеров, конструктивного устройства и многих других подробностей.

После перестройки и расширения Албазинская крепость состояла из двух поясов стен: первый, прямоугольной формы тыновой острог размером 18 × 13 сажень постройки Никифора Черниговского оказался внутри второго, более крупного (44 × 40 сажень), возведенного уже со срубными стенами А. Воейковым. Одна стена крепости, протянувшаяся вдоль обрывистого берега Амура, была у обоих острогов общей. К трем прежним башням добавились еще четыре – три квадратных и одна «круглая». Так называли в описях башни восьмиугольной формы в плане. Главная башня, имевшая такую форму, со стороны равной 8,4 м, была и самой высокой. Эта величественная и стройная башня, а также и еще одна, расположенная в середине восточной стены крепости, были проездными и самыми крупными по размерам. Высота квадратной проездной башни составляла 20, а круглой – 30 м. Все остальные башни имели значительно меньшие размеры – и в плане, и по своей высоте. Однако все они, выполняя конкретные функции, удовлетворяли потребности защиты этой уникальной русской деревянной крепости на Амуре. На представленных здесь фотографиях с макета деревянной Албазинской крепости, выполненного автором статьи, можно наглядно увидеть обе крепости: первую – с тыновыми стенами и тремя башнями – и вторую – срубную, с восемью башнями (рис. 16).

Самой выразительной и крупной башней в Албазинской деревянной крепости являлась восьмигранная в плане проездная башня, поставленная в середине южной стены крепости. Верхний ее ярус представлял собой колокольню-звонницу с высоким и стройным шатром. Благодаря выразительному силуэту и огромной высоте, эта башня-колокольня служила своеобразным ориентиром. Контрастируя с остальными постройками и природным окружением, она являлась доминантой всего окружающего пространства. Вместе с тем нельзя

< Рис. 13. Коч под парусом

не отметить, что мощная по размерам и выразительная по своей архитектуре башня, хотя и внушала уважение, но против пушечного боя и она оказалась бессильной. В 1685 году, осажденная с 12 по 23 июня маньчжурами, крепость не смогла противостоять длительное время противнику. Окопавшись вдоль берега Амура, маньчжуры стреляли по крепости из луков, отвлекая защитников. Две стены крепости, северную и южную, они обстреливали из пушек, а восточную готовились брать навалым приступом. Несколько раз они предлагали русским казакам сдаться в плен, однако в ответ на это позорное требование воевода Алексей Толбузин «наговорил нескромных слов» в адрес противника. Бесперывно обстреливая стены и башни острога, маньчжуры причинили большие разрушения, но тем не менее овладеть ею они так и не смогли. Правда, уходя из Албазина, они увезли с собой около 40 русских казаков, взяв их в плен. Данный сюжет нашел отражение в искусстве. Помнится, более 20 лет назад в Харбинском городском музее мне довелось увидеть картину, изображающую данный сюжет (рис. 17).

Толбузин понял, что малочисленным гарнизоном полуразрушенную крепость удержать не получится, поэтому согласился на переговоры, в результате которых остатки гарнизона крепости были отпущены китайцами в Нерчинск, где состоялся, как теперь принято говорить, «разбор полетов». Крепость, ее место, никоим образом

> Рис. 16. Макет Албазинского острога. Автор реконструкции и макета Н. П. Крадин

терять было нельзя – к такому выводу пришли воевода Нерчинска и его ближайшее окружение.

Тогда воевода И. О. Власов, «чтоб не потерять государственной Даурской земли и побежной из Нерчинска славы не учинить», вновь снарядил в Албазин военную экспедицию. Благо к этому времени в Нерчинск уже прибыл с отрядом и вооружением Афанасий Иванович Бейтон – крупный русский специалист по строительству крепостей. Алексею Толбузину было велено, «высмотря крепкое угоднее место, чтоб близ воды и лесу, острог или город поставить... а острог... ставить со всеми городовыми укреплениями, ниже старого Албазинского острожного места, чтоб неприятелю было не в уступку» [5, с. 82, 83].

Анализируя создавшуюся ситуацию, Толбузин с Бейтоном пришли к выводу, что прежнее местоположение крепости – самое лучшее с точки зрения организации обороны, поэтому для строительства новых укреплений они выбрали старую площадку, учтя при этом недостатки предыдущей деревянной крепости, прежде всего – уязвимость ее деревянных стен «огненному бою». Именно поэтому основное внимание строители уделили валу, сооруженному под руководством Афанасия Бейтона из глины, дерна и стволов деревьев. Вал имел шестиметровую высоту, а ширина его у подошвы составляла более восьми метров. Толбузин сделал деревянную модель (образец) крепости и отправил ее в Москву. Нерчинский воевода, осматривая образец, обратил внимание, что стену крепости, проходящую вдоль Амура, необходимо усилить башней, чтобы с нее можно было вести пушечный огонь и тем самым препятствовать ближнему подходу маньчжурских войск непосредственно к крепости со стороны Амура. Как показали дальнейшие события, сочетание деревоземляных укреплений с деревянными оказалось самым эффективным в конструкции и структуре новой русской крепости, а следующая многомесячная осада ее маньчжурами в 1686–1687 гг. не сломила духа и стойкости защитников Албазина – крепость устояла, выдержав даже при ее массированном обстреле. Автору этой статьи довелось побывать в 2009 году на месте Албазинского острога и зафиксировать остатки земляных валов этой крепости (рис. 18).

Следует отметить, что подобная конструкция стен Албазинской крепости не являлась новшеством. Еще за 30 лет до Албазина при защите в 1655 году от богдойских войск Кумарского острога основную роль также сыграли земляные валы и рвы. Судя по многочисленным отпискам, подробно излагающим эти давние события, происходившие на Амуре в середине XVII столетия, служилым людям приходилось нелегко, постоянно на их пути встречалась «богдойская большая сила ратная со всяким огненным стройным боем, с пушки, с пищали». Казаки отмечали хорошую вооруженность маньчжуров, умение драться «конным на конех, а пешими на стругах... из-за туров и из-за увалов земляных». Как сообщал в отписке якутскому воеводе Онуфрию Степанов, «та вся у них драка ученая стоит». В другой своей отписке, отправленной после 4 апреля 1655 года, Онуфрий Степанов во всех деталях излагал события, связанные с обороной Кумарского острога, осажденного многочисленным маньчжурским войском.

В течение трех недель, с 13 марта по 4 апреля, богдойцы били из пушек и из пищалей по острогу, но служилые люди, отвечая огнем из своих пушек и делая удачные вылазки, «многих богдойских людей побили и отбили у них две пищали железные с жаграми и всякие приступные мудрости, порох и ядра, и языков поймали, раненых мужиков» [4, с. 193, 206]. Кумарский острожек, хотя и был поставлен в морозное неблагоприятное время, тем не менее отвечал всем необходимым задачам обороны.

Сравнивая конструкцию Кумарского и Албазинского острогов с устройством других сибирских крепостей, можно отметить, что приамурские остроги обладали целым рядом особенностей, которые были обусловлены тем, что крепости эти являлись действующими и сооружали их русские казаки под воздействием конкретных исторических обстоятельств и географических условий. Например, военный инженер Ф. Ф. Ласковский в свое время обратил внимание на то, что структура и расположение Кумарского острога составляют как бы переход от старинного способа укрепления к более современному. То же самое, кстати, следует сказать и о последнем Албазинском остроге, его деревоземляных укреплениях. Иными словами, эволюция приамурских крепостей про-

< Рис. 17. Маньчжуры увозят в плен албазинцев. С картины неизвестного художника. Харбинский городского музей

исходила в соответствии с теми новшествами, которые появлялись в военном деле и вооружении, а также с теми задачами, которые возникали в тот или иной период.

Краткий анализ исторических событий, связанных с героической обороной Кумарского и Албазинского острогов в Приамурье, показывает, что архитектура русских крепостей на восточных окраинах России обладала довольно высокими не только художественными, но и конструктивными достоинствами. Изначально сибирские крепости несли больше символики, олицетворяя силу и мощь русского государства, но в условиях военной опасности такие крепости могли быстро перестраиваться и выполнять свои прямые, оборонительные функции, приспосабливаясь к конкретным изменениям и новшествам. Наглядным примером таких изменений на востоке России как раз и стал Албазинский острог – одна из оригинальных русских крепостей XVII века в Приамурье.

Материалов, имеющих отношение к крепости, сохранилось довольно много, и они продолжают появляться, поскольку исследователи не утратили интерес к этой теме. Самое, пожалуй, раннее изображение острога имеется на графическом документе «План Албазинского укрепления и китайского лагеря в нынешнем их состоянии» (рис. 22). Правда, река Амур здесь показана шириной с сам острог, но на размерной линейке, прочерченной поперек реки, обозначена и истинная ширина Амуре в этом месте – 230 м. Габариты же самого острога позволяют определить такая же масштабная линейка, изображенная под чертежом этого документа. На противоположном берегу Амуре тоже показано поселение – китайский укрепленный лагерь.

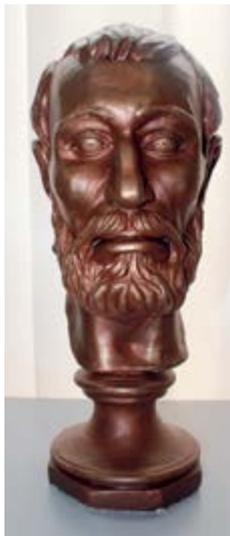
Названные выше графические документы в совокупности с письменными материалами (описание и росписные списки острога) позволили с высокой точностью определить не только конфигурацию Албазинского острога, но и его планировочную структуру, места расположения всех башен и их конкретные размеры. Схема плана Албазинского острога довольно наглядна для понимания структуры этой деревянной крепости, на которой показаны три пояса защиты: тыновой острог с тремя башнями, огражденная срубными стенами крепость с пятью башнями и ров с водой, обрамляющий крепость с трех сторон

(с четвертой стороны ее защищал сам Амур). Подробные архивные описания крепости и ее отдельных элементов позволяют с большой долей вероятности воспроизвести ее композицию не только в панорамных рисунках, но и в макете, который выполнялся автором статьи в точном соответствии с описанием устройства этой деревянной крепости и указанием размеров башен, стен, расстояний между строениями, зафиксированных в архивных документах – так называемых росписях, выполненных непосредственно самими строителями этого уникального пограничного укрепления XVII века на Амуре.

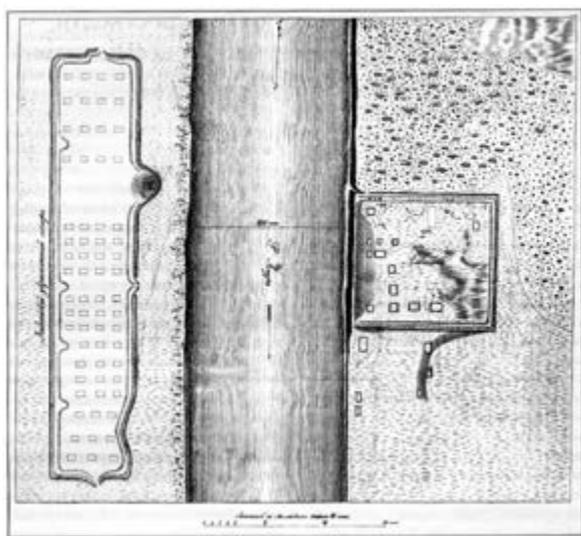
Имелась у Албазина и собственная печать «великих государей сибирские земли Албазинского острогу», описание которой гласит: «В серебряном поле черный, с золотыми клювом, языком и лапами орел, обращенный влево и коронованный золотом, держащий в правой лапе золотую опрокинутую стрелу, а в левой – лук того же металла, тетивой от себя (рис. 19). Девиз «Един за единого» начертан черными литерами на серебряной ленте, имеется и его графическое изображение. Примечательно еще и то, что данное изображение албазинского герба стало составной частью и современного герба этого поселения (рис. 20).

< Рис. 18. Остатки земляного вала крепости в Албазине. Фото Н. П. Крадина, 2009

^ Рис. 21. Реконструкция портретного образа албазинца. Авторы – антрополог Д. В. Пежемский, художник А. Н. Рыжкин

^ Рис. 22. План Албазинского укрепления и китайского лагеря

^ Рис. 23. Икона Албазинской Божией Матери «Слово плоть бысть»

^ Рис. 20. Герб Албазина «Един за единого»

В 1859 году, спустя 170 лет, в ходе одного из сплавов по Амуру графа Н. Н. Муравьева-Амурского здесь, среди следов сохранявшегося земляного вала Албазинского острога, был проведен торжественный молебен и заложена церковь в память о павших защитниках. Тогда же была основана и казацкая станица Албазино. В 1885 году архиепископом Гурием день 9 марта (22 марта по новому стилю) был установлен как церковный праздник в честь иконы Албазинской Божией Матери «Слово плоть бысть». Более того, известно несколько списков этой святыни, выполненных в разное время иконописцами, поскольку данная историческая икона (рис. 23) считается одной из самых почитаемых святынь среди русского православного населения.

Таким образом, история Албазинской крепости (тыновой, срубной и земляной) нашла отражение не только в исторических документах, но и в материалах исследователей разных поколений, в том числе и современных. Героическая история этой крепости жива в памяти многих поколений забайкальцев и дальневосточников. Вместе с тем следует отметить, что изучение давней албазинской эпопеи продолжается до сих пор, о чем свидетельствуют ежегодные археологические раскопки на месте этой крепости, в процессе которых археологи и историки по крупицам собирают ее артефакты, пополняя тем самым историю этого уникального комплексного памятника археологии, истории и архитектуры. В процессе раскопок на территории крепости были найдены кости скелетов и черепа многих албазинцев. На основе одного из таких артефактов (череп) была выполнена реконструкция и создан портрет защитника Албазинской крепости (рис. 21). Реконструкция осуществлялась по методике известного российского антрополога М. М. Герасимова (1907–1970). Авторы реконструкции – антрополог Д. В. Пежемский и художник А. Н. Рыжкин. Можно сказать, что история Албазинской крепости трудами многочисленных исследователей продолжает открывать свои тайны, расширяя наши познания в области освоения русскими Приамурья в XVII столетии. Цепочка подобных исследований, выполняемых на протяжении многих десятилетий, открывает для нас новые факты, складывающи-

еся в общую картину-мозаику давней и интереснейшей албазинской эпопеи.

Литература

1. Титов, А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях: с приложением снимка со старинной карты Сибири. – Москва : Типография Л. и А. Снегиревых, 1890. – 246 с.
2. Леонтьева, Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. – Москва : Просвещение, 1991. – 144 с.
3. Албазинский острог. История, археология, антропология народов Приамурья. – Новосибирск – Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 348 с.
4. Русско-Китайские отношения в XVII в. Т.1: 1609-1683. – Москва, 1972. – 613 с.
5. Русско-Китайские отношения в XVII в. Т. 2: 1686–1691. – Москва, 1972. – 835 с.

References

- Albazinsky ostrog. Istoriya, arkhologiya, antropologiya narodov Priamurya [Albatzian Ostrog. History, archeology, anthropology of peoples of Priamurye] (2019). Novosibirsk: Publishing house of IAET SB RAS.
- Leontieva, G. A. (1991). Zemleprohodets Erofei Pavlovich Khabarov [The pathfinder Erofei Pavlovich Khabarov]. Moscow: Prosveshcheniye.
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v. [Russian-Chinese Relations in the 17th Century] (Vol. 1: 1609-1683) (1972). Moscow.
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v. [Russian-Chinese Relations in the 17th Century] (Vol. 2: 1686-1691) (1972). Moscow.
- Titov, A. (1890). Sibir v XVII veke. Sbornik starinnykh russkikh stilei o Sibiri i prilozhashchikh k nei zemlyakh: s prilozheniem snimka so starinnoi karty Sibiri [Siberia in the 17th century. A Collection of Old Russian Articles about Siberia and its Adjacent Lands: With an Appendix of an Old Map of Siberia]. Moscow: Tipografia L. i A. Snegirevykh.

v Рис. 19. Печать Албазинского острога

В статье рассматриваются особенности формирования консульских учреждений на примере проектирования консульских объектов Великобритании и их преемственность в других странах. Исследование позволило выявить композиционные и планировочные особенности участков консульских учреждений, которые предпочтительно придерживались определенной схемы в планировочной структуре, сложившейся в странах-репрезентантах. Предпочтение при проектировании отдавалось комплексу консульских построек с различным функциональным наполнением, расположенных преимущественно на огороженной территории. Полученные результаты являются основой дальнейшего исследования архитектуры консульских учреждений рассматриваемого периода в городах Маньчжурии, расположенных в зоне влияния железной дороги.

Ключевые слова: консульство; архитектура; Маньчжурия; Великобритания; Россия; Япония. /

The article discusses the features of the formation of consular institutions on the basis of the principles laid down in the design of consular facilities in the UK and their succession by other countries. The study made it possible to identify the compositional and planning features of the sections of consular offices, which preferably adhered to a certain scheme in the planning structure that has developed in the countries of the representatives. When designing, preference was given to a complex of consular buildings located mainly in a dedicated fenced area with various functional content. The results obtained are the basis for further research on the architecture of consular offices in the cities of Manchuria located in the zone of influence of the railway during the period under review.

Keywords: consulate; architecture; Manchuria; Britain; Russia; Japan.

Консульские комплексы на территории Маньчжурии / Consular complexes on the territory of Manchuria

Открытие городов Северо-Восточного Китая для международной торговли в конце XIX века постепенно приводило к увеличению иностранного влияния; это способствовало притоку иностранного контингента специалистов и образованию их поселений. Обширный участок северного Китая претерпел феноменальный для того периода экономический и культурный скачок, к которому располагало активное железнодорожное строительство, стимулировавшее экономический расцвет Маньчжурии. На фоне этих изменений стали учреждаться консульства различных стран, среди которых выделяются консульские здания Великобритании, США, Японии, Германии, Франции, России и другие [1; 2]. Об этом свидетельствует подписание Российской империей закона «Об учреждении консульств в Маньчжурии», утвержденного императором Николаем II в Петергофе 1 июля 1908 года [3].

Эти события дали толчок к формированию проектных организаций, занимавшихся обследованием незнакомых ранее суровых территорий Маньчжурии, проектированию и строительству консульских учреждений. В их строительстве участвовали инженеры разных стран, которые обменивались опытом друг с другом [4–7]. Рассматривая иностранные поселения в Китае, выявлено, что лучшей частью иностранных концессий считается та, в которой сгруппированы консульские и административные учреждения, среди которых значительно выделялись консульские кварталы.

Первые объекты, в которых располагались консульские учреждения, преимущественно были взяты в аренду. Это различные арендные объекты или помещения, предоставленными китайским правительством и не отвечающие минимальным комфортным рабочим требованиям как по санитарным нормам, так и по расположению в городской структуре. Значительная удаленность от основных мест притяжения торговых и административных зон, в том числе и железной дороги, вызывала необходимость создания новых проектов консульских служб.

Начало формирования консульских учреждений в Маньчжурии относится к концу XIX – началу XX века, их прототипом послужили европейские аналоги. Вначале они открывались по коммерческим причинам и располагались в открытых портах; с 1900 года новые консульства

были в первую очередь предназначены для политической работы.

Рассматривая **формирование консульских комплексов Великобритании**, можно отметить, что в самом начале, еще до организации надзорного органа по проектированию и анализу консульских объектов, некоторые консульские здания проектировались самовольно, за счет продажи земель концессий или других средств. Примером могут служить консульские здания Великобритании в Цзюцзян (Киуцзян), где был построен консульский дом и квартал констеблей и в 1864 году частным архитектором Моррисоном (Morrison) спроектирован очень большой дом консула в городе Ханькоу. Это характерно для начального периода открытия первых консульских учреждений, когда разработкой основных требований по организации консульской службы и описанием технического задания занимался консул. На основе его предложений выполнялся проект и строительные работы частными архитекторами и подрядчиками, нанятыми на месте. Участки для консульств выбирались на месте будущих концессий или в непосредственной близости от них. При этом ключевую роль играли близость административного центра и транспортная доступность. Географически выбирались участки на возвышенности, вдали от затопляемых территорий, с живописным видом на город или горы.

Консульские учреждения по своей организации разделялись на консульские комплексы и консульские здания. Консульские комплексы представлены преимущественно участком, занимающим весь квартал или значительную его часть. На участке объекты располагались в глубине и представлены несколькими постройками различного функционального наполнения. Застройка территории консульских комплексов могла иметь периметральную, строчную, групповую, свободную или комбинированную планировку. Это характерно для большинства консульских учреждений России, Японии и Великобритании.

Консульские здания в зависимости от места расположения и ранга учреждения проектировались как один консульский объект, но могли дополняться обслуживающими постройками, больше имеющими вспомогательные или технические функции. Такого рода объекты можно встретить практически у представительств всех стран.

текст
Татьяна Смольянинова
Тихоокеанский государственный университет /
text
Tatiana Smolianinova
Pacific National University

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00316 /
Acknowledgements: The study was funded by RFBR, project number 20-012-00316

^ Рис. 1. Дом помощника и конюшни при консульстве в Инкоу. Фото. 1910

^ Рис. 2. Офисы и тюрьма в Инкоу. Фото. 1910

Исключением могут быть лишь страны, так и не построившие собственных объектов, а размещавшие свои кабинеты в части здания, взятой в аренду. Примером могут служить польское консульство в Харбине и др.

Изначально в консульстве не было четкой регламентации по функциональному наполнению объектов. В большинстве консульских учреждений работали консул, помощник, констебль, переводчик и пара китайских сотрудников. Основным требованием для организации консульских учреждений было наличие консульской резиденции, включающей в себя жилые помещения ассистента и переводчиков, в том числе с выделением небольшого офиса и зала суда. В помещения констебля входили тюрьма с четырьмя или шестью камерами и служебные помещения помощников.

Формирование планировочной структуры консульских комплексов можно проследить на примере развития и становления принципов проектирования консульских учреждений Великобритании. С 1866 года принята приоритетная программа по составлению эскизных проектов и их реализации, охватывающая все консульские учреждения Великобритании на Дальнем Востоке. Работа была начата под руководством майора Уильяма Кроссмана (William Crossman), открывшего в Шанхае офис, действовавший до окончания Второй мировой войны. Из 48 британских консульских учреждений, открытых в Китае, шанхайский офис отвечал за строительство и техническое обслуживание 33 объектов. В 1867 году к нему присоединился Роберт Генри Бойс (Robert Henry Boose) в роли помощника, сменившего его на этом посту в 1869–1876 годы. В их задачи входило создание образцовых систем эффективных планировочных структур консульских учреждений, а также перепланирование, расширение и надзор за строительными работами в соответствии с тенденциями того времени, с упором на климатические условия северного климата Маньчжурии. Вернувшись в Лондон в 1876 году, Бойс занимал должность главного инспектора управления по контролю за дипломатическими и консульскими зданиями на Дальнем Востоке вплоть до выхода на пенсию в 1899 году, что положило начало формированию консульской архитектуры в Маньчжурии. Другие государства перенимали опыт британских архитекторов: схожие черты можно наблюдать в консульских

учреждениях Японии, России, США и других стран. Типичным примером являются консульства Японии периода Маньчжоу-го, которые располагались в городах Цицикар, Чанчунь, Гирин, Шэньян, Инкоу, Даньдун; в меньшей степени такие постройки представлены в городах Шэньян, Инкоу. Планы России по реализации подобных объектов не были осуществлены, но попытка их реализации сохранилась в ряде проектов [8; 9].

С 1876 по 1897 годы главную должность в Шанхае занимал помощник Бойса Фрэнсис Джулиан Маршалл (Francis Julian Marshall). Он не только продолжил вести проекты Бойса, но и занялся строительством консульских зданий в Ханькоу, Уху, Ичане, Вэньчжоу и др. Его сменил Уильям Коуэн (William Cowan) (до 1906). В 1912–1913 годах должность занимал Сесил Дж. У. Симпсон (Cecil J. W. Simpson), до 1914 года – Герберт Эшмид (Herbert Ashmead). Джулиус Брэдли (Julius Bradley) служил с 1914 по 1928 год; его сменил в роли исполняющего обязанности Томас Террас (Thomas Terrace). В 1933 году только что закончивший реконструкцию токийского комплекса Джеймс Виннс (James Wynnes) занял его место (до 1938). В 1938–1950 годы Томас Террас вернулся к своим обязанностям; в это же время офис переехал в Гонконг, где закрылся в 1980-х годах. Во главе штата сотрудников стоял геодезист (архитектор), один или два профессиональных помощника, несколько служащих и чертежник (в первые годы – Дональдсон (C. P. M. Donaldson)). Помимо руководителей, среди сотрудников Управления работ, работавших в шанхайском офисе, были и другие служащие: Генри А. Коллинз (Henry A. Collins), А. Буллок (A. Bulloch), У. Пауэр (W. Power), У. Харрис (W. Harris), Р. С. Гроувс (R. C. Groves), У. джХарти (W. ДжHarty), Б. Х. Таррант (B. H. Tarrant), Дж. М. Дэвидсон (J. M. Davidson), Р. С. Гроувс (R. C. Groves), С. Кэмерон (S. Cameron), А. Скотт (A. Scott), У. Дж. Робертс (W. J. Roberts), Х. М. Спенс (H. M. Spence), У. Г. Э. Джонс (W. G. E. Jones), Х. Р. Лейн (H. R. Lane), Дж. Э. Р. Г. Кин (J. E. R. G. Keen), Дж. К. Клаверинг (J. C. Clavering) и Дж. А. Дуглас (J. A. Douglas) [10].

В организации консульских учреждений выделено два варианта планировочного решения объектов, не очень отличающихся друг от друга. Принято решение о соз-

^ Рис. 3. Дом консула с офисами в Шэньяне

^ Рис. 4. Консульство в Даляне. Дворовый фасад. Фото. 1915

дании объектов в один или два этажа; и тот, и другой вариант имели в проекте веранды. Особое внимание уделялось ограничению пересечения человеческих потоков, что было особенно актуально в тот период и благоприятно сказывалось на уменьшении распространения болезней. Участки предлагалось обносить стеной, за которой, помимо консульского особняка, могли размещаться одноэтажные офисы, помещения для местного персонала и хозяйственные постройки.

Комплекс зданий Великобритании в Инкоу (Нью-чван), утраченный в 1950 году. В 1873 году основой для консульства послужили выкупленные у предпринимателя и дипломата Фрэнсиса П. Найта (Francis P. Knight) из компании Messrs, Knight and Co владения вместо затопленного участка, приобретенного в 1861 году первым консулом Томасом Медоузом (Thomas Meadows) на берегу реки Ляохэ. На новом участке площадью 1,62 га располагался жилой дом, конюшня и дом обслуживающего персонала 1863 года постройки. После значительной реконструкции объектов так и не получилось адаптировать под консульские нужды, и в 1910 году на территории комплекса была построена новая резиденция, дом помощника консула и констебля (рис. 1, 2). Все работы выполнялись Бойсом по техническому заданию помощника инженера Кроссмана.

Комплекс зданий Великобритании в Шэньяне (Мукден) расположился на трех участках общей площадью 2 га, выкупленных в 1908 и 1910 годах. По проекту Симпсона (Simpson) в 1910 году был построен дом консула с офисами (рис. 3). По его техническому заданию также выстроен консульский комплекс в Даляне. Консульства в Маньчжурии выстраивались по типовым проектам с адаптацией под потребности и статус консульского учреждения. В принципе формирования планировочной структуры заложен привычный образ жизни дипломатов. В 1936 году консульские офисы в Шэньяне были расширены и осуществляли свою работу вплоть до войны. В этот период учреждение поочередно занимали русские и японские подданные. Консульство полностью было закрыто в 1951 году и продано в 1964 году.

Консульство Великобритании в Даляне (Дайрен) было выстроено на центральной площади на небольшом участке, в 1914 году взятом в аренду на 50 лет. Здание

консульства выстроено по проекту британского строительного бюро в Шанхае архитектором Гербертом Ашмидом (H. Ashmead). Постройка значительно отличалась от предыдущих консульских проектов (рис. 4). Можно сказать, что это один из первых объектов, в основу которых заложена идея создания консульского офиса, еще сохранявшего жилые функции. Небольшой участок площадью 0,4 га, расположенный в плотной городской застройке, не позволял применить стандартный принцип планировки консульского участка, в котором принято раздельное положение консульских объектов. По факту все постройки сосредотачивались в одном консульском здании. **Консульские здания в Харбине**, строительство которых было начато в 1919 году (рис. 5) и закончено к 1930 году, представлено двумя зданиями и технической постройкой, расположенными на трех смежных участках общей площадью 0,71 га. Из-за небольшой территории основное консульское здание имело три этажа с офисами на первом этаже и жилыми помещениями на верхнем.

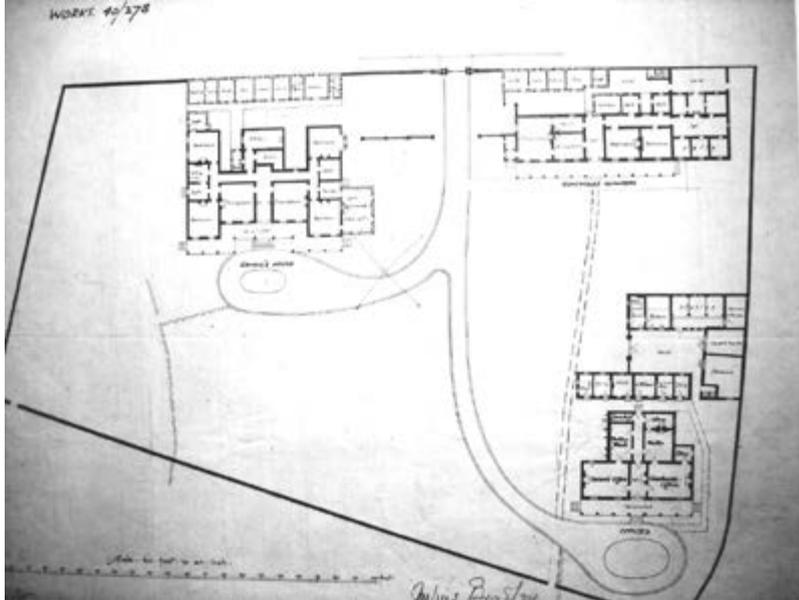
Планировочная организация консульских учреждений основана на разделении функциональных процессов, происходивших в консульских учреждениях первой половины XX века, что также накладывало отпечаток на формирование **планировочной структуры участков консульских учреждений**.

Установлено, что консульские учреждения ведущих стран (России, Японии, Великобритании) преимущественно представлены комплексом зданий на обособленном участке, включающим в себя жилые и общественные объекты, среди которых выделяется здание консульства. В них можно выделить блоки: прием подданных, судебная служба, полицейская служба, жилые блоки служащих, жилые блоки консулов и вице-консулов, технические и подсобные хозяйства. При этом в каждом из них должна была существовать иерархия или обособленность строений с разделением по социальному статусу, что имело принципиальное значение при проектировании новых консульских объектов.

Так, на территории должны проектироваться три отдельных здания, площадь которых рассчитывалась по числу штатных чиновников учреждения и варьировалась в зависимости от статуса учреждения. Отдельное здание канцелярии и казарма конвойной службы

^ Рис. 5. Консульство в Харбине. Фото 1930-х

^ Рис. 6. План участка консульства Великобритании в Инкоу. Проект. 1914

^ Рис. 7. План участка консульства Великобритании в Шэньяне. Проект. 1912

с конюшными и хозяйственными постройками, учебной и гимнастической площадкой и помещениями для арестованных. В консульских объектах также предусматривались отдельные квартиры для носителя китайского языка, переводчиков, а также письмоводителя. Эти квартиры проектировались с учетом постоянного проживания семьи с одним или двумя детьми.

При проектировании российских консульских служб придерживались сложившейся системы размещения жилых квартир для сотрудников по образцу проектов иностранных консульских планировок Великобритании. По сложившемуся принципу для каждого чина предполагалось отдельное здание или, при размещении их в одном строении, каждый из чинов имел свое отдельное полухозяйство. В здание включались обособленные ячейки для проживания с возможностью пересечения с рабочей консульской зоной и приемной. Территории консульств обносились кирпичной стеной, у главных ворот устраивались пропускные пункты с небольшими объектами для солдат.

Географическая изоляция консульских учреждений в Маньчжурии накладывала общий отпечаток на все представительства стран. Трудности в поиске, подборе материалов и рабочей силы влияли на качество работ и архитектуру в целом. Для автономности объектов на участке появлялись строения, обеспечивающие комфортное проживание; стали добавляться прачечная, огород, конюшни и коровники.

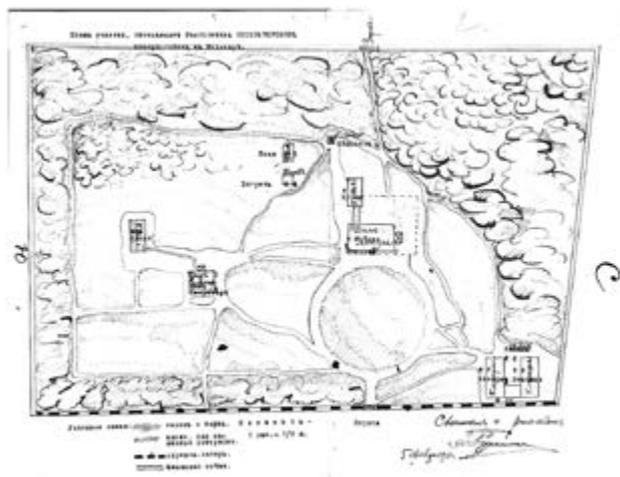
Планировка консульского участка в Инкоу выполнена по проекту 1910 года, в основу которой заложены типовые принципы проектирования консульских учреждений Великобритании. Отдельно стоящие постройки представлены консульским домом со служебным флигелем, полицейским участком, конюшней и офисным блоком (рис. 6). Дом генерального консула, как и другие постройки на участке, был ориентирован с севера на юг [11]. После отъезда генерального консула Уиллиса в Харбин консульское здание было арендовано под консульство и резиденцию Российской империи.

Изначально консульское учреждение в Шэньяне располагалось в ветхом арендном строении. После прихода его в аварийное состояние в 1906 году были приобретены три участка общей площадью 2 га. **Террито-**

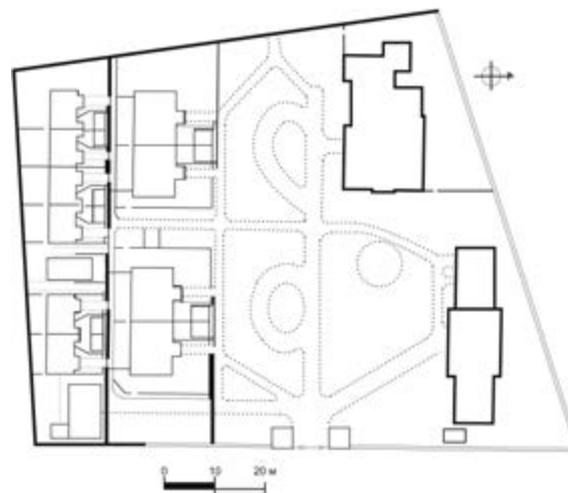
рия консульского учреждения в Шэньяне разделялась на две зоны. Первая и самая главная – это территория, где находилось главное консульское здание, ориентированное продольной стороной с севера на юг (рис. 7). Консульское двухэтажное здание, к которому пристроены одноэтажные вспомогательные строения, занимало центральное положение на участке. С западной стороны постройка примыкала к его границе, здесь же находился и технический въезд на территорию. С северной стороны на участок проложен главный проезд с круговым объездом, формирующим центральную круглую площадь, на нее же ориентировано здание канцелярии и рабочие кабинеты. Жилая зона консула с парадными залами ориентирована на юг, здесь также организована площадь, на которую обращен портик главного входа, а все технические помещения и лестничные клетки ориентированы на север [8]. Ко второй зоне относятся объекты, занимающие северную часть участка; здесь расположились конюшня и коровник с техническими помещениями для удобства ведения хозяйства.

Планировка участка Российского императорского консульства в Цицикаре представлена отдельно стоящими объектами, рассредоточенными по территории; среди них выделяется консульский дом. Территория консульства располагалась в живописном месте, ныне парк Лунша (Longsha Park); здесь же сохранилась единственная постройка консульского комплекса. Главный въезд на консульский участок осуществляется с восточной стороны, круговой проезд формирует круглую озелененную площадь, от которой живописно расходится сеть дорожек к остальным объектам (рис. 8). В западной части участка устроен дополнительный въезд [11]. Планировочные принципы, применяемые при строительстве консульских объектов Великобритании, были уже давно знакомы русским инженерам и активно применялись при строительстве русских консульств.

С усилением японского влияния начали формироваться консульские учреждения Японии, в частности, Маньчжоу-го; принцип их очень схож с устройством консульств Великобритании, но имеет более регулярную структуру генерального плана. В **планировке участка консульского учреждения Японии** (рис. 9) преобладала общественная зона, которая преимущественно проек-

^ Рис. 8. План участка Российского императорского консульства в Цицикаре

^ Рис. 9. План участка консульства Японии в Цицикаре

тировалась круговым подъездом к зданию, формируя парадную площадь перед ним. Приватная, или дворовая, зона решалась по принципу создания наиболее привычного камерного пространства или живописного японского сада, иногда включающего водоем. Эта же территория использовалась для проведения личных встреч и торжественных мероприятий представителей стран [12].

В проектах заметно рассредоточение объектов на территории консульских учреждений, что дает возможность перед каждым из них выделить небольшой участок земли, где, по возможности, мог бы разместиться сад или огород (в зависимости от статуса объекта). Это давало возможность создать приватные зоны отдыха; они рассматривались также как кордон для охраны зданий.

Можно сказать, что принципы проектирования консульских учреждений Великобритании легли в основу формирования общих требований к консульским объектам Китая, в том числе Маньчжурии. Прослеживаются идентичные планировочные особенности консульских учреждений, встречающиеся в планировке консульств Японии, России и других стран. Это свидетельствует об общей преемственности планировочных решений.

Литература

1. Политехник / Объединение инженеров, окончивших Харбинский политехнический институт // 1979. – № 10. – 288 с.
2. Великая Маньчжурская империя : К десятилетнему юбилею. – Харбин : изд. Гос. орг. Кио-ва-кай : Гл. бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1942. – 414 с. : 53 л. ил.
3. Об учреждении консульств в Маньчжурии // Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е : в 33 т. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 28. – Ч. 1 : – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1908. – 1008 с.
4. Крадин, Н. П., Базилевич, М. Е. Архитекторы и инженеры Дальнего Востока. Творческая деятельность выпускников столичных учебных заведений – в Забайкалье, Якутии, Приамурье, Приморье и Китае. – Хабаровск : Хабаровская краев. тип., 2020. – 234 с.
5. Левашко, С. С. Русская архитектура в Маньчжурии : конец XIX – первая половина XX века. – Хабаровск : Частная коллекция, 2003. – 174 с. : ил.
6. Базилевич, М. Е., Ким, А. А. Русские инженеры – строители банков Маньчжурии // Проект Байкал. – 2021. – № 68. – С. 147–151
7. Крадин, Н. П. Русские инженеры и архитекторы в Китае. – Хабаровск : Хабаровская краевая типография, 2018. – 380 с.

8. Bertram M. Room for Diplomacy. Catalogue of British embassy and consulate buildings, 1800–2010. [S. l.] : Spire Books Limited, 2011. 477 p.
9. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 267. Оп. 558. Д. 2. Л. 77–78
10. Смольянинова, Т. Проекты консульских объектов Казы-Гирея в Харбине // Проект Байкал. – 2021. – № 4 (70). – С. 194–199
11. АВПРИ. Ф. 304. Оп. 757. Д. 160. Л. 2
12. Old army-related items [Electronic source] // Requiem Imperial Japanese Army & Navi. URL: http://cb1100f.b10.coreserver.jp/collection_1z.html (дата обращения 27.06.2022)

References

- Bazilevich, M. & Kim, A. A. (2021). Russian engineers—builders of banks in Manchuria. *Project Baikal*, 18(68), 147–151. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.68.1816>. (In Russian).
- Bertram M. (2011). *Room for Diplomacy. Catalogue of British embassy and consulate buildings, 1800–2010*. [S. l.] : Spire Books Limited.
- Kio-wa-kai (1942). *Velikaya Man'chzhurskaya imperiya. K desyatiletнему yubileyu* [The Great Manchurian Empire. To the tenth anniversary]. Harbin: Publication of the Kio-wa-kai State Organization and the Main Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire. (In Russian).
- Kradin, N. P. (2018). *Russkie inzheneri i arhitektory v Kitae* [Russian engineers and architects in China]. Khabarovsk: Khabarovskaya kraevaya tipografiya. (In Russian).
- Kradin, N. P. & Bazilevich, M. E. (2020). *Arhitektory i inzheneri Dal'nego Vostoka. Tvorcheskaya deyatel'nost' vypusnikov stolichnykh uchebnykh zavedeniy – v Zabajkale, Yakutii, Priamur'e, Primor'e i Kitae* [Architects and engineers of the Far East. Creative activity of graduates of the capital's educational institutions – in Transbaikalia, Yakutia, the Amur region, Primorye and China]. Khabarovsk: Khabarovsk Regional printing house. (In Russian).
- Levashko, S. S. (2003). *Russkaya arhitektura v Man'chzhurii. Konec XIX – pervaya polovina XX veka* [Russian architecture in Manchuria. The end of the 19th – the first half of the 20th century]. (N. P. Kradin, Ed.). Khabarovsk: Chastnaya kolleksiya. (In Russian).
- Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire. (1902–1904). *Consulate of Qiqihar* (Collection 304, Inventory 757, File 160). Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia. (In Russian).
- Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire (1906–1916). *Consulate in Mukden* (Collection 267, Inventory 558, File 2). Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia. (In Russian).
- Old army-related items (n. d.). *Requiem Imperial Japanese Army & Navi*. Retrieved June 27, 2022, from http://cb1100f.b10.coreserver.jp/collection_1z.html. (In Japanese).
- Politekhnik. *Yrbilejnyj sbornik 1969–1979* [Polytechnic. Anniversary collection 1969–1979] (1979). No. 10, 288 (In Russian).
- Russian Imperia (1911). *Ob uchrezhdenii konsul'stv v Man'chzhurii* [On the establishment of consulates in Manchuria]. In *Rossiia. Zakony i postanovleniya. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. T. 28 : 1908 [Russia. Laws and regulations. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Vol. 28 : 1908]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russian).
- Smolianinova, T. (2021). *Projects of consular facilities of Kazy-Girey in Harbin. Project Baikal*, 18(70), 194–199. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1912>. (In Russian).

В статье отражены промежуточные результаты исследования, реализуемого в рамках научного проекта «Архитекторы и инженеры восточных окраин России (вторая половина XIX – начало XX века)». Рассматриваются неизвестные страницы творческой биографии первого профессионального архитектора Забайкалья – Лаврентия Иванова. Приводятся краткие исторические сведения о периоде его обучения в Петербургской академии художеств, а также основные этапы работы мастера в качестве архитектора Нерчинских заводов. На примере сохранившихся в Государственном архиве Забайкальского края проектов Л. И. Иванова выявляются особенности промышленной архитектуры региона первой половины XIX века.

Ключевые слова: Забайкалье; Нерчинские горные заводы; архитектура; Лаврентий Иванов. /

The article reflects the interim results of a study carried out within the scientific project “Architects and Engineers of the Eastern Outskirts of Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)”. Unknown pages of the creative biography of the first professional architect of Transbaikalia, Lavrenty Ivanovich Ivanov, are considered. Brief historical information about the period of his studies at the St. Petersburg Academy of Arts, as well as the main stages of the master's work as an architect of the Nerchinsk factories are given. The features of the industrial architecture of the region in the first half of the 19th century are revealed through L. I. Ivanov's projects.

Keywords: Transbaikalia; Nerchinsk factories; architecture; Lavrenty Ivanov.

Проекты архитектора Лаврентия Иванова в Читинском архиве / Projects of the architect Lavrenty Ivanov in the Chita Archive

текст

Евгений Базилевич

Тихоокеанский государственный университет /

text

Eugene Bazilevich

Pacific National University

Деятельность сибирского архитектора XIX века Лаврентия Ивановича Иванова была связана с Забайкальем, с Нерчинским Зааводом. Л. И. Иванов – первый профессиональный архитектор, который родился в этом далеком от столиц крае и получил образование в Санкт-Петербурге [1, 2]. О ранних годах его жизни известно совсем немного. Найдена запись в метрической книге Петропавловского собора Нерчинского Завода, из которой следует, что младенец Лаврентий – незаконнорожденный «из солдатских детей» – родился 11 августа 1804 года [3].

Нерчинский Завод – поселение, образовавшееся при Аргунском сереброплавильном заводе, который был основан в 1680 году на месте первого открытого в России месторождения серебряноцинковых руд и запущен в 1704 году. Поселение входило в состав Нерчинского горного округа. Аргунский завод был переименован в Нерчинский, «дабы не путать оное поселение с заводом», когда в Нерчинском горном округе при его начальнике В. И. Суворове в 1763–1775 годах стали открываться новые заводы [4]. Рудники Нерчинского горного округа с начала XVIII века до середины XIX имели огромное значение для экономического подъема России как источники драгоценных металлов. В 1764–1776 годах производство серебра в Нерчинском округе достигало 600 пудов в год.

Добыча руды и выплавка металла требовали большого числа обученных работников, поэтому судьба многих местных подростков, как правило, была связана с приучением их к горному и заводскому делу. С 1764 года Нерчинская горная школа (в 1823 г. преобразована в училище) готовила кадры для рудников и заводов [5].

Лаврентий Иванов не был исключением и также с малых лет постигал азы горного дела, основы геогнозии и черчения. Став учеником маркшейдера, он освоил под руководством наставника ремесло съемки горных выработок. Очевидно, благодаря прилежной учебе и способностям к черчению и рисунку, маркшейдерский ученик Нерчинских горных заводов Л. Иванов был командирован в Санкт-Петербург для обучения архитектурному искусству. С января 1820 до конца 1825 года Лаврентий Иванов находился в учебных классах Санкт-Петербургской академии художеств, являвшейся в те годы ключевым центром подготовки профессиональ-

ных архитектурных кадров как для центральной части страны, так и для регионов [6]. Затем он два года совершенствовал свою подготовку под руководством знаменитых архитекторов К. Росси и А. А. Михайлова. Обучался в академии Л. Иванов успешно и за свои проекты был награжден серебряными медалями I и II степеней. Президент академии А. Н. Оленин считал, что Иванов достоин аттестата I степени с присвоением звания художника XIV класса, дававшего права на привилегии – «быть свободным и вольным, работать по договору, без принуждения». Однако на государственном уровне было принято другое решение.

Императорский кабинет, которому принадлежали Нерчинские заводы, не позволил Л. И. Иванову воспользоваться этим правом, так как считал его обязанным вернуться на рудники. Поэтому в 1827 году Иванов был уволен из академии, получив вместо аттестата «свидетельство о поведении и успехах в науках» [3]. Он был произведен в шихтмейстеры – чин 13–14-го классов горного чиновника [7] – и отправлен в Барнаул – столицу Кольвано-Воскресенских горных заводов для исполнения должности архитектора. В Барнауле Иванов руководил строительством двух плавильных фабрик, участвовал в проектировании Демидовской площади, горного училища и городского общественного центра [8].

На свою родину – Нерчинский Завод – Л. И. Иванов вернулся только в 1830 году: 20 марта он прибыл к месту своего назначения и сразу приступил к работе [2]. В сфере деятельности Иванова входили все заводы и рудники Нерчинского горного округа. Чертежи и документы, сохранившиеся в Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК), показывают, что деятельность Л. И. Иванова на Нерчинских заводах была весьма разнообразна: он проектировал административные, промышленные и частные здания, учебные заведения, казармы. Есть в наследии архитектора и станции для метеорологических и геофизических наблюдений. Самым крупным проектом Л. И. Иванова был перспективный план развития поселения Нерчинского завода (1837 г.). Помимо архитектурного проектирования, Иванов занимался художественной обработкой камня, выполнял обязанности помощника управляющего заводом, был председателем учрежден-

УДК

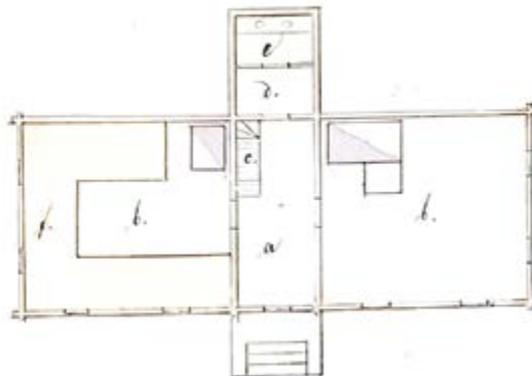
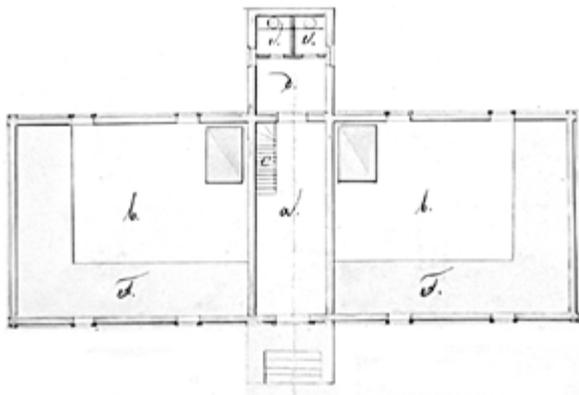
725.127+72.021.2(518.3)

ГРНТИ 67.07.01

ВАК 2.1.11

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00281. /

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 21-18-00281, <https://rscf.ru/project/21-18-00281>

^ Рис. 1. Казармы Килгинских рудников [12]

^ Рис. 2. Казармы Благодатских рудников [13]

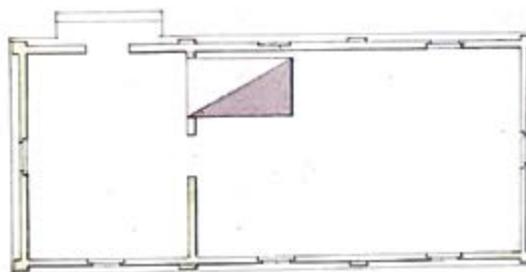
ной при Нерчинском заводе Комиссии военного суда [9] (по другим данным, был членом этой комиссии с 1846 г.) [2]. За время службы в Забайкалье Л. И. Иванов неоднократно получал повышения в чине: в сентябре 1837 года переведен из берггершворенов в гиттенфервальтеры, в марте 1846-го – в маркшейдеры (чин 9-го класса) [9]. Последние по времени документы, заверенные подписью Л. И. Иванова, – планы на постройку зданий на Карийских золотых приисках – датированы 1850–1852 годами [10, 11]. Информация о дальнейшей судьбе архитектора до настоящего времени не обнаружена.

Авторству Л. И. Иванова принадлежат многие чертежи, хранящиеся в ГАЗК, – это в основном проекты небольших, преимущественно деревянных, строений, предназначенных для обеспечения нужд Нерчинского и других заводов округа. На большинстве из них можно увидеть характерный рисунок фигурки человека в одежде пушкинской эпохи – своеобразный авторский знак первого профессионального архитектора Забайкалья.

В ГАЗК сохранилось несколько листов чертежей казарм с указанием авторства Л. И. Иванова. Строительство казарм на заводах Нерчинского горного округа было обусловлено необходимостью размещения рабочих на рудниках и солдат, охранявших каторгу. 1840 годом датированы чертежи планов и фасадов казарм для Килгинского (рис. 1) и Благодатского (рис. 2) рудников. Внешний вид сооружений и их планировочная схема практически повторяют друг друга – это скромные по архитектуре одноэтажные деревянные дома с вальмовой крышей на каменном или кирпичном цоколе. Фасады отличаются аскетичной простотой, их пластика определяется ритмом прямых оконных проемов, симметрично расположенных относительно входной двери с простым по форме крыльцом. Узкий брус карниза по всему периметру зданий и небольшие прямоугольные выступы наружных подоконников с подоконными брусками исчерпывают набор элементов, оживляющих фасады. Несмотря на простоту и сугубо утилитарное назначение объектов, компоновка элементов и их гармоничная пропорциональность выдают руку мастера, прошедшего школу классической архитектурной подготовки.

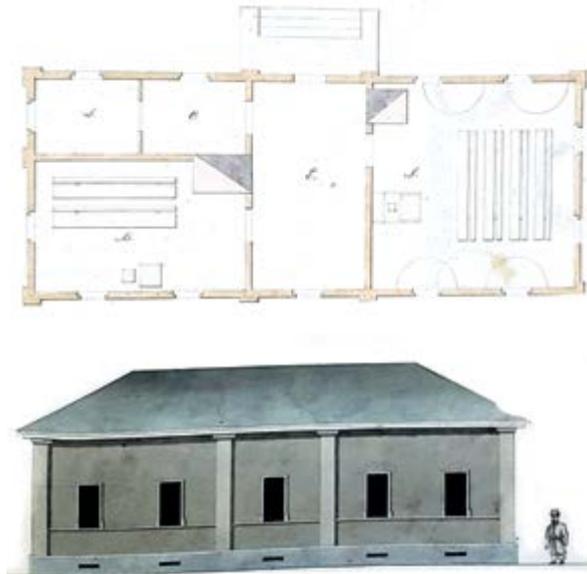

< Рис. 3. Рудоразборная светлица на Спасском руднике [14]

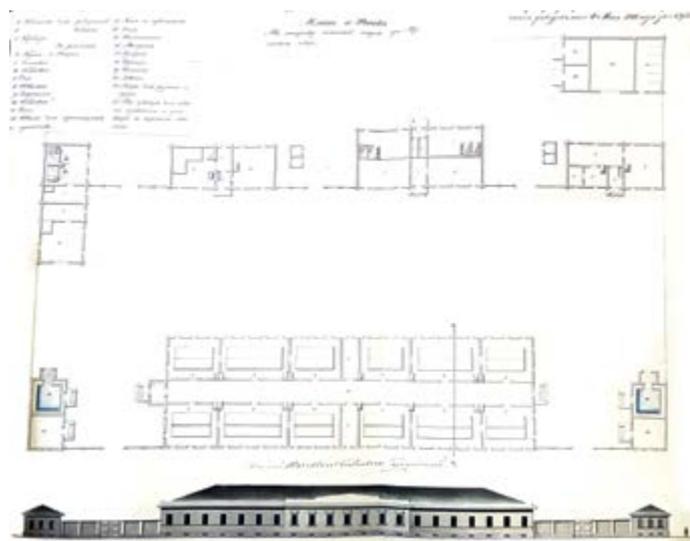

Форма планов обоих сооружений – простая прямоугольная с пристроенными выступами ретирад позади и наружными ступенями перед входом. По обе стороны от центрального поперечного сквозного коридора симметрично располагаются помещения самих казарм. Каждая из казарм оборудована нарами и печами отопления. Слева от входа в ретирадные сени находятся чердачные лестницы.

К объектам промышленного назначения, спроектированным Л. Ивановым, относится рудоразборная светлица на Спасском руднике (рис. 3). На авторство Иванова указывает характерный рисунок фигурки. Проект утвержден к строительству 14 октября 1842 года резолюцией горного начальника, сохранившейся на чертеже. Рудоразборные светлицы строились при рудниках для обеспечения процесса обогащения руды в соответствии с технологиями того времени. Архитектурное решение светлицы – пример работы с простыми формами, характерный для Л. Иванова. Прямоугольный в плане одноэтажный деревянный объем с вальмовой крышей поставлен на каменный цоколь высотой в один аршин. Фасады расчленены вертикальными гладкими лопатками и завершены

^ Рис. 4. Частные училища при рудниках Нерчинского горного округа [15]

^ Рис. 5. План и фасад на постройку солдатских казарм при Нерчинском заводе [16]

узкой карнизной доской. Угловые столбы, выступающие на толщину лопаток, выполняют функцию декора. Прямоугольные окна без обрамления подчеркнуты узкими наружными подоконниками. Вход с небольшим крыльцом расположен в угловой части с обратной стороны здания. Помещение оборудовано большой печью.

Аналогично по пластике решения фасада в духе классицизма здание частных училищ при рудниках Нерчинского горного округа (рис. 4). Прямоугольное в плане сооружение с вальмовой крышей выдержано в простых лаконичных формах более вытянутых пропорций, если сравнивать с предыдущим примером. В каменном цоколе прорезаны отдушины в соответствии с расположением окон на фасадах. Фасады расчленены гладкими лопатками в виде пилястр и подоконным карнизом. Окна обрамлены ленточными наличниками с расширением внизу в виде небольших прямоугольников. Несмотря на ограниченные возможности, архитектор добивается гармоничных решений как для промышленных объектов, так и для зданий общественного назначения.

Значительно более масштабной постройкой была солдатская казарма при Нерчинском заводе (рис. 5), проектные чертежи которой сохранились в составе рапорта горного начальника Нерчинских заводов от 4 мая 1848 года и завизированы его подписью. Первый лист содержит план земельного участка территории казарм с вспомогательными сооружениями и чертеж фасада главного здания казарм и фланкирующих его цейхгаузов с высокой деревянной оградой между ними. Сооружения проекта выполнены в общей стилистике в духе классицизма.

Одноэтажное здание казарм с вальмовой крышей установлено на цоколе и имеет вытянутый по горизонтали фасад, центральная часть которого выделена в виде слабо выступающего ризалита с аттиком простой формы.

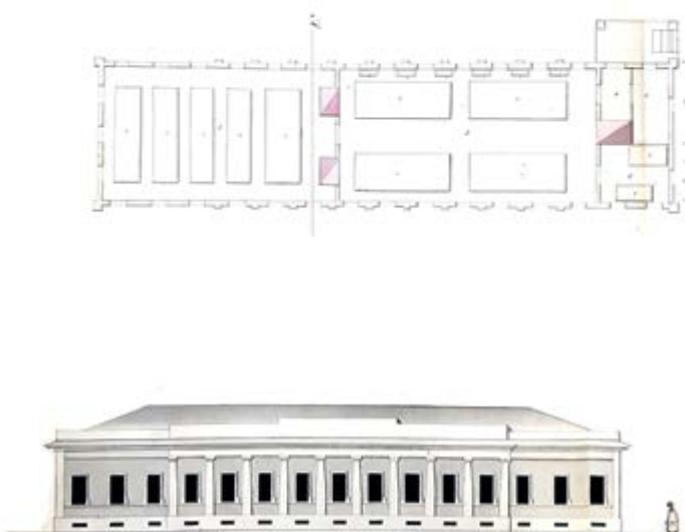
Боковые части фасада также завершены аттиками в виде сплошных надкарнизных парапетов. Прямоугольные оконные проемы прорезаны по фасаду с равномерным шагом. Окна центральной части фасада обрамлены простыми по форме прямоугольными наличниками с сандриками в виде полочек и подчеркнуты наружными подоконниками. На боковых частях фасада окна без обрамления, на уровне наружных подоконников проходят сплошные подоконные карнизы. В каменном цоколе прорезаны узкие горизонтальные отдушины в соответствии с шагом оконных проемов.

Внутреннее пространство прямоугольного в плане здания разделено на казармы различной вместимости, по шесть с обеих сторон продольного центрального коридора, в концах которого расположены два входа в здание. Один из входов проходит через пристроенные сени, в которых установлена чердачная лестница. Помещения всех казарм оборудованы печным отоплением.

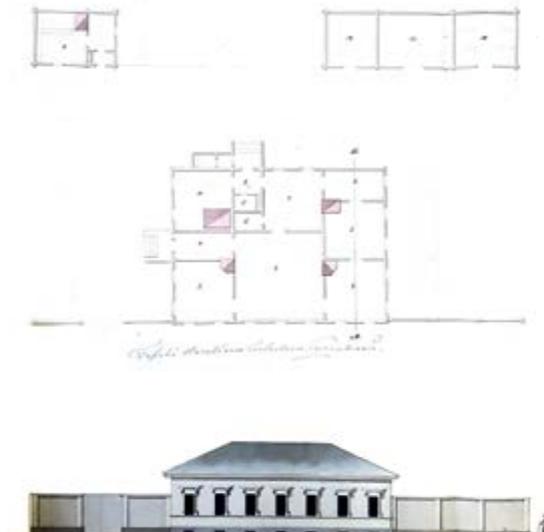
Справа и слева от здания казарм на равном расстоянии расположены два прямоугольных в плане цейхгауза на каменных цоколях с одинаковыми вальмовыми крышами, выходящие торцовыми фасадами на улицу. Деревянная ограда на столбах и кирпичном цоколе с симметрично расположенными воротами визуально объединяет цейхгаузы с главным зданием казарм, что создает впечатление целостного ансамбля. Помимо цейхгаузов Л. И. Ивановым спроектированы другие вспомогательные сооружения: здание для плотницких, малярных, слесарных и кузнечных мастерских; здание бани и школы барабанщиков и горнистов; для пекарни, кухни и столовых; для размещения швальни, закройной и кладовых; здание, объединяющее конюшни, завозню, амбары для фуража и сбури. Все вспомогательные сооружения рассредоточены по периметру участка, окруженного оградой (рис. 6).

> Рис. 6. Разрез здания солдатской казармы при Нерчинском заводе [17]

^ Рис. 7. План и фасад главной чертежной при Нерчинском заводе [18]

^ Рис. 8. Казенная квартира лекаря при Нерчинском заводе [19]

В ГАЗК сохранился составленный Л. И. Ивановым проект на постройку главной чертежной при Нерчинском заводе (рис. 7). В архитектурном решении гармонично пропорционального одноэтажного прямоугольного объема здания с вальмовой крышей, на каменном цоколе в аршин высотой, с прорезанными горизонтальными отдушинами, виден сложившийся индивидуальный почерк архитектора. Фасад декорирован в стиле классицизма. Центральная его часть раскрепована лопатками, имитирующими дорические пилястры, верхняя часть решена в виде антаблемента со ступенчатым карнизом. Углы акцентированы выступающими стойками квадратного сечения. Окна на фасадах прорезаны с равным шагом и обрамлены простыми ленточными наличниками с расширением в виде небольших прямоугольников в нижней части. Фасады расчленены узким подоконным карнизом. Фасады увенчаны ступенчатыми аттиками простой формы. Вход расположен в угловой части здания со стороны дворового фасада. Помещения оборудованы печным отоплением.

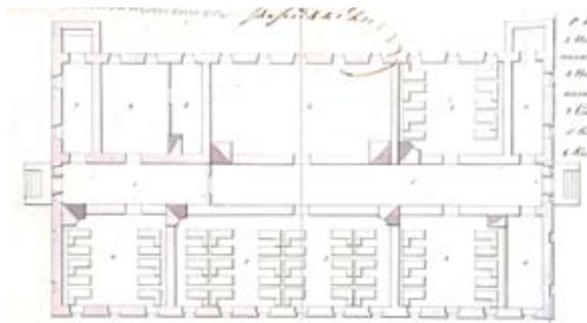
Чертеж плана и фасада на постройку казенной квартиры лекаря при Нерчинском заводе – пример работы Л. И. Иванова в области жилого проектирования (рис. 8). Квартира лекаря представляет собой усадьбу с жилым домом и вспомогательными постройками, расположенными на территории участка земли, окруженного оградой. Уличный фасад усадьбы включает в себя жилой дом с симметрично расположенными по обе стороны участка ограды на цоколе и столбах с въездными воротами. Прямоугольный в плане объем просторного жилого дома на каменном цоколе перекрыт вальмовой крышей. Фасады расчленены подоконными карнизами и завершены венчающими карнизами простой ленточной формы. Главными пластическими элементами фасада являются семь прямоугольных окон, прорезанных с равным шагом. Окна декорированы простым ленточным обрамлением с расширением в виде прямоугольников в нижней части и завершены сандриками в виде полочек с кронштейнами. Планировка здания выполнена в соответствии с его утилитарным назначением и включает жилые комнаты, кухню, столовую, гостинный зал, рабочий кабинет. Здание имеет два входа – парадный с крыльцом, на боковом

фасаде, и черный, ведущий в кухню. Сбоку от крыльца черного входа пристроена ретирата. В глубине участка по углам расположены хозяйственные постройки: баня и строение, объединяющее сеновал, завозню и конюшню.

Л. И. Иванов был первым, кто предложил проектировать каменные здания общественного назначения для Нерчинского завода. В ГАЗК сохранился чертеж плана и фасада на постройку каменной богадельни при заводе (рис. 9). Он входит в приложение к рапорту горного начальника Нерчинских заводов, датированному 4 мая 1848 года. Чертеж подписан внизу: «Архитектор Маркшейдер Лаврентий Иванов» [20]. Здание богадельни было рассчитано на одновременное пребывание в его палатах пятидесяти человек, поэтому одноэтажный каменный дом на каменном цоколе должен был стать одним из самых крупных в поселении. Фасад вытянут по горизонтали и равномерно прорезан тринадцатью одинаковыми оконными проемами. Под ними в цокольном этаже расположены небольшие горизонтальные окна. Декор окон подчеркнута прост – узкие ленточные наличники с расширением внизу в виде прямоугольника. Подоконный карниз опоясывает здание по периметру. Фасад завершен двухступенчатым венчающим карнизом, над которым по центру расположен аттик в форме вытянутого по горизонтали пятиугольника, переходящий справа и слева в надкарнизные парапеты.

Внутреннее пространство прямоугольного в плане здания симметрично разделено основным коридором, проходящим по продольной оси. По обе стороны располагаются палаты для жильцов, столовые, комнаты старост. Основной коридор имеет два ответвления, ведущих к ретирадам, пристроенным в виде выступов по краям дворового фасада. В здании выделены мужское и женское отделения меньшего размера. Два входа и, соответственно, два крыльца расположены по концам основного коридора на боковых фасадах.

Проект каменного дома для размещения учеников Нерчинского окружного училища, также датированный 1848 годом, выполнен в стиле классицизма (рис. 10). Одноэтажное прямоугольное в плане здание с мезонином поставлено на невысокий цоколь, равномерно прорезанный окнами полуподвального этажа. Главный вход решен

^ Рис. 9. Богадельня при Нерчинском заводе [20]

> Рис. 10. Дом для размещения учеников Нерчинского окружного училища [21]

в виде портика, объединяющего уровни первого этажа и мезонина, с четырьмя дорическими колоннами и треугольным фронтоном с декором в виде дентикул. Фриз портика украшен триглифами. Очертания вальмовой крыши в сочетании с классическим треугольным фронтоном определяют простой, но выразительный силуэт здания. Оконные проемы расположены по фасаду симметрично с равным шагом и декорированы простым прямоугольным обрамлением с сандриками в виде полочек. Членение фасада выполнено характерным для Л. Иванова приемом – узким квадратным по сечению подоконным карнизом по периметру здания.

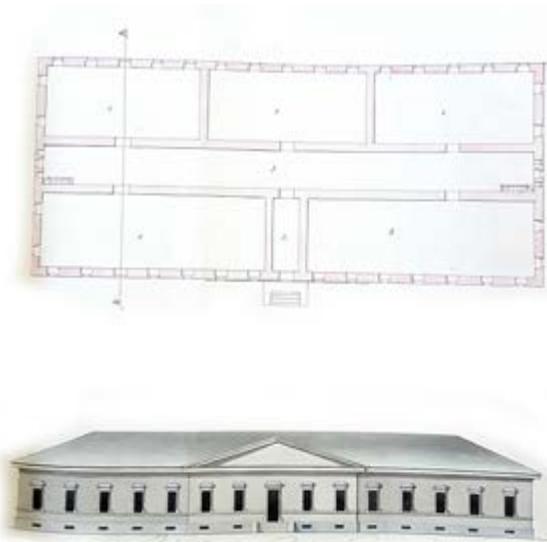
Внутренняя планировка выполнена в соответствии с утилитарным назначением здания. В левой половине предусмотрены две спальни для учеников на 38 и восемь человек, рядом с которыми расположен просторный зал. В правой половине – кухня, столовая, баня с предбанником. Все помещения оборудованы печным отоплением. В мезонине находятся комнаты смотрителя. Ретиреды вынесены в небольшую пристройку со стороны дворового фасада.

Проект здания архива при Нерчинском заводе отличается простотой и изяществом (рис. 11). Прямоугольное в плане каменное сооружение с вальмовой крышей на характерном для построек Л. И. Иванова цоколе лаконично декорировано в стиле классицизма. Пластика фасадов определяется ритмом прямоугольных оконных проемов, с простым ленточным обрамлением и сандриками. Центральная часть с входом акцентирована в виде слабо выступающего ризалита и завершена треугольным фронтоном простой формы. Декор входной двери аналогичен декору окон. Фасады расчленены узким подоконным карнизом простого прямоугольного сечения. Благодаря пропорциям и строгому оформлению, здание при небольших размерах имело представительный вид. Внутренние помещения, предназначенные для хранения архивных документов, библиотеки и собрания минералов, располагались по обе стороны от центрального продольного коридора. Для освещения коридора в его торцах на боковых фасадах прорезаны узкие тройные окна. Отопление здания не предусматривалось.

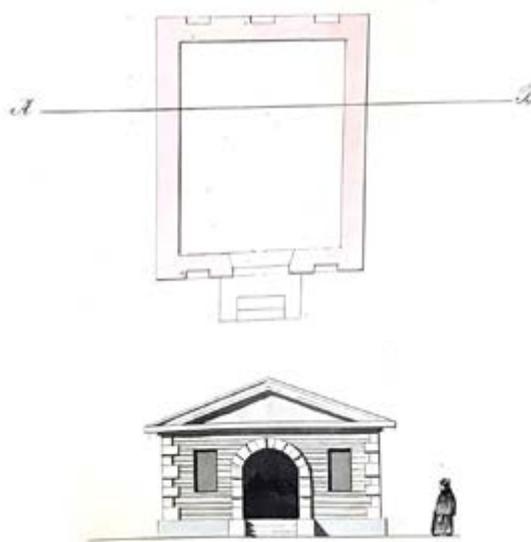
Интересен проект небольшого каменного сооружения денежной кладовой (рис. 12), сохранившийся в приложении к рапорту начальника Нерчинских заводов от 4 мая 1848 г. Размер строения примерно 6 × 8 метров. По своему внешнему виду оно напоминает античный храм в антах или маленький парковый грот. Почти квадратный в плане объем на каменном цоколе перекрыт двускатной крышей. Пластика фронтонов определяется гладкими тимпанами и значительной (значительной ширины симами) шириной наклонных гейсонов, что указывает на усиленный характер конструкции кровли. Фасады обрамлены угловым рустом. Вход оформлен в виде полуциркульного портала, обрамленного камнем, имитирующим кладку свода, и наружными ступенями. Завершают декор фасада неглубокие ниши в форме прямоугольных окон.

Конструктивные особенности сооружения были определены его назначением – хранением денежных средств. Предусматривались усиленная толщина стен, прочное потолочное перекрытие в виде каменного цилиндрического свода, каменная кладка пола толщиной с высоту цоколя здания (рис. 13).

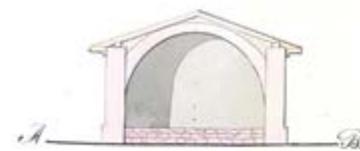
Изучение чертежей Л. И. Иванова, хранящихся в ГАЗК, показало, что более чем за два десятка лет службы в Забайкальском крае им создано значительное количество проектных работ различного утилитарного назначения. Материально-технические возможности организации строительства на окраине Российской империи были ограничены, что, безусловно, не позволяло мастеру в полной мере проявить свои способности и умения, приобретенные им во время учебы в Петербурге. Тем не менее спроектированные Л. Ивановым небольшие, скромно декорированные объекты показывают его высокий профессионализм. На протяжении всей своей творческой деятельности Л. Иванов оставался верен классицизму, но в его рамках архитектуре удалось выработать собственный узнаваемый стиль, отличающийся большим вкусом, простотой и подлинным мастерством. Забайкальский край, родина мастера, стал местом, где он выполнил свою высокую миссию – заложил основы развития профессиональной архитектуры на окраине Восточной Сибири.

^ Рис. 11. Архив при Нерчинском заводе [22]

^ Рис. 12. Денежная кладовая при Нерчинском заводе [23]

^ Рис. 13. Денежная кладовая (разрез) [24]

Литература

1. Жеребцов, Г. А. Первый архитектор Забайкалья // Забайкальский рабочий. – 1977. – 7 янв.
2. Иванов Л. И. // Энциклопедия Забайкалья [Электронный ресурс]. – URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=7267> (дата обращения: 20.03.2022)
3. Мясников, А. Лаврентий Иванов: первый архитектор Забайкалья // Читинское обозрение. – 2019. – № 26. – 26 июня [Электронный ресурс]. – URL: <https://obozrenie-chita.ru/article/lavrentij-ivanov> (дата обращения: 20.03.2022)
4. Нерчинские заводы : сборник, посвященный 300-летию Нерчинских заводов / составители В. Зырянов, И. Чижов. – Чита, 2004. – 80 с.
5. Нерчинские заводы [Электронный ресурс]. – URL: <https://azarovskiy.livejournal.com/680663.html> (дата обращения: 20.03.2022).
6. Иванова, А. П., Базилевич, М. Е. Оправдание Никитина // Проект Байкал. – 2021. – № 70. – С. 179–185.
7. Словарь золотого промысла Российской империи [Электронный ресурс]. – URL: https://gold_mining.academic.ru/1074 (дата обращения: 20.03.2022)
8. Баландин, С. Н. Архитектура Барнаула. – Барнаул, 1974. – 108 с.
9. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. – Новосибирск: Наука, 2006. – Т. 3. – С. 7
10. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 927, 1035, 1172
11. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 648
12. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 590. Л. 3
13. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 590. Л. 11
14. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 590. Л. 1
15. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 590. Л. 10
16. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 659. Л. 9
17. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 659. Л. 10
18. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 659. Л. 7
19. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 659. Л. 3
20. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 659. Л. 1
21. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 659. Л. 20
22. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 659. Л. 6
23. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 659. Л. 13
24. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 659. Л. 14

References

Balandin, S. N. (1974). *Arkhitektura Barnaula* [Architecture of Barnaul]. Barnaul.

Chita region (2006). In *Encyclopedia of Transbaikalia* (Vol.III. I-R, p.7). Novosibirsk: Nauka.

Ivanova, A., & Bazilevich, M. (2021). Nikitin's acquittal. *Project Baikal*, 18(70), 179-185. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.70.1911>

Myasnikov, A. (2019). Lavrenty Ivanov: Pervyi arkhitektor Zabaikalya [Lavrenty Ivanov: The first architect of Transbaikalia]. *Chitinskoe Obozrenie*, 26(1562). Retrieved March, 20, 2022, from <https://obozrenie-chita.ru/article/lavrentij-ivanov>

Nerchinskie zavody [Nerchinsk factories] (n.d.). Retrieved March, 20, 2022, from <https://azarovskiy.livejournal.com/680663.html>

Slovar zolotogo promysla Rossiiskoi imperii [Dictionary of the gold industry of the Russian Empire] (n.d.). Retrieved March 20, 2022, from https://gold_mining.academic.ru/1074

State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 31. Inventory 1. File 927, 1035, 1172

State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 31. Inventory 5. File 590. Page 1

State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 31. Inventory 5. File 590. Page 3

State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 31. Inventory 5. File 590. Page 6

State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 31. Inventory 5. File 590. Page 7

State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 31. Inventory 5. File 590. Page 10

State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 31. Inventory 5. File 590. Page 11

State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 31. Inventory 5. File 590. Page 13

State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 31. Inventory 5. File 590. Page 14

State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 31. Inventory 5. File 590. Page 20

State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 31, Inventory 5, File 648

State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 31. Inventory 5. File 659. Page 9

Zherebtsov, G. A. (n.d.). Ivanov, L. I. In *Entsyklopediya Zabaikalya*. Retrieved March 20, 2022, from <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=7267>

Zherebtsov, G. A. (1977). *Pervyi arkhitektor Zabaikalya* [The first architect of Transbaikalia]. Transbaikal worker. Chita.

Zyryanov, V., & Chizhov, I. (2004). *Nerchinskie zavody* [Nerchinsk factories]. (V. Baldorzhiev, Ed.). Retrieved from <https://predistoria.org/forums/index.php?topic=92.0>

Адекова Елена Валерьевна – студентка Института архитектуры и дизайна Тюменского индустриального университета

Александров Сергей Анатольевич – доцент кафедры архитектуры и градостроительства Института архитектуры строительства и дизайна (ИАСиД), руководитель НОЦ «Международный Байкальский зимний градостроительный университет» Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНИТУ)

Али Салем Альшурман – доцент, Колледж технического университета Luminous (LTUC-SAE) (Амман, Иордания)

Анисимова Людмила Владимировна – кандидат архитектуры, профессор кафедры архитектуры Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ)

Анненкова Татьяна Борисовна – дизайнер, журналист, член редколлегии журнала «Проект Байкал» (Иркутск)

Антипин Константин Сергеевич – магистр искусствования, историк советской архитектуры (Москва)

Афонина Марина Игоревна – кандидат технических наук, доцент ВАК, доцент кафедры градостроительства НИУ МГСУ

Багина Елена Юрьевна – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Баженов Александр Васильевич – кандидат архитектуры, профессор кафедры градостроительства МАРХИ

Баженова Елена Сергеевна – кандидат архитектуры, профессор, заведующая кафедрой архитектурной практики МАРХИ, доцент кафедры архитектуры Института строительства и архитектуры НИУ МГСУ

Базилевич Евгений Михайлович – кандидат психологических наук, доцент кафедры архитектуры и урбанистики Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ; Хабаровск)

Бакаева Наталья Владимировна – доктор технических наук, профессор ВАК, профессор кафедры градостроительства НИУ МГСУ, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института строительной физики Российской академии архитектуры и строительных наук» (НИИСФ РААСН), советник РААСН

Барнакова Оксана Геннадьевна – архитектор, ООО «Мастерская архитектуры и дизайна «ФОКС» (Иркутск)

Беломестных Сергей Сергеевич – кандидат архитектуры, доцент кафедры архитектуры и градостроительства ИАСиД ИРНИТУ

Бондарик Алина Игоревна – техник-архитектор, ООО «Градостроительная мастерская «Линия»» (Иркутск)

Боровикова Наталья Вячеславовна – архитектор-градостроитель, старший преподаватель Новосибирского государственного архитектурно-строительного университет (НГАСУ, Сибстрин), Ecklet Engineering (Новосибирск)

Борщевский Аркадий Евгеньевич – студент Уральского федерального университета (УрФУ; Екатеринбург)

Варгас Рафаэль Антонио Асерос – студент Российского университета дружбы народов (РУДН; Москва) (Инза, Каука, Колумбия)

Васильев Николай Юрьевич – кандидат искусствования, доцент НИУ МГСУ

Ветрова Наталья Моисеевна – доктор технических наук, профессор ВАК, профессор кафедры природообустройства и водопользования Академии строительства и архитектуры Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (АСиА КФУ; Симферополь)

Гайсарова Анастасия Андреевна – кандидат экономических наук, доцент ВАК, доцент кафедры экономики предприятия АСИА КФУ (Симферополь)

Гарнага Анастасия Филипповна – магистр архитектуры, кандидат социологических наук, доцент кафедры архитектуры и урбанистики ТОГУ (Хабаровск)

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востсибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, вице-президент СА России

Гуляева Ксения Олеговна – магистрантка ИАСиД ИРНИТУ

Донг Хоанг Кьюи – студент НГАСУ (Сибстрин; Новосибирск) (Хоа Бинь; Вьетнам)

Дружинина Инна Евгеньевна – профессор ВАК, профессор кафедры архитектурного проектирования ИАСиД ИРНИТУ, советник РААСН

Железняк Ольга Евгеньевна – кандидат искусствования, профессор кафедры монументально-декоративной живописи и дизайна им. В. Г. Смагина ИАСиД ИРНИТУ, советник РААСН

Жуковский Николай Леонидович – генеральный директор ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского», доцент кафедры архитектурного проектирования ИАСиД ИРНИТУ

Задворянская Татьяна Игоревна – кандидат архитектуры, доцент кафедры теории и практики архитектурного проектирования факультета архитектуры и градостроительства Воронежского государственного технического университета (ВГТУ)

Иванов Егор Николаевич – научный сотрудник Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (Иркутск)

Иванова Алина Павловна – кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна архитектурной среды ТОГУ (Хабаровск)

Иванова Наталия Владимировна – инженер Иркутского института земной коры (ИЗК СО РАН)

Казаква Валентина Игоревна – ведущий архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (Иркутск)

Капустин Петр Владимирович – кандидат архитектуры, профессор, зав. кафедрой теории и практики архитектурного проектирования ВГТУ

Козлов Валерий Васильевич – профессор кафедры архитектуры и градостроительства ИАСиД ИРНИТУ

Кострова Надежда Владимировна – магистр Национального исследовательского университета института точной механики и оптики (НИУ ИТМО; Санкт-Петербург)

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, профессор кафедры архитектуры и урбанистики ТОГУ (Хабаровск)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии (София, Болгария)

Малинович Роман Дмитриевич – руководитель АНО «Клуб молодых архитекторов

Малько Анастасия Васильевна – доктор технических наук, научный сотрудник Технологического института Карлсруэ (Германия), ИРНИТУ (Иркутск)

Мареева Анна Алексеевна – студентка РУДН (Москва)

Медина Лейди Юрани Пенья – студентка РУДН (Инза, Каука, Колумбия)

Нащокина Мария Владимировна – доктор искусствования, академик РААСН, главный научный сотрудник и заведующая отделом архитектуры Нового времени НИИТИАГ (Москва)

Никифорова Юлия Константиновна – архитектор-градостроитель ООО «Градостроительная мастерская «Линия»» (Иркутск)

Новикова Алина Сергеевна – студентка Сибирского федерального университета (СФУ; Красноярск)

Новиченко Дарья Игоревна – студентка ИАСиД ИРНИТУ

Овденко Елена Николаевна – приглашенный преподаватель факультета городского и регионального развития, Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), аналитик, ATLAS (Москва)

Огиенко Евгений Леонидович – ассистент РУДН (Москва)

Омельченко Вероника Владимировна – архитектор-градостроитель (Волгоград)

Осама Марва Радван Мохамед Ёсеф – ландшафтный архитектор (Гиза, Египет)

Павлова Ольга Руслановна – аспирантка ИРНТУ (Иркутск)

Петрова Арина Вячеславовна – студентка НИУ МГСУ

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член СМА и СД (Латвия)

Родикова Юлия Олеговна – руководитель проектов территориального развития (Москва)

Русанов Марк Александрович – архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (Иркутск)

Русановский Владимир Алексеевич – экономист, проектный офис Байкальского государственного университета (Иркутск)

Салихзянова Регина Мансуровна – студентка Казанского государственного архитектурно-строительного университета (КГАСУ)

Салмин Леонид Юрьевич – кандидат искусствоведения, профессор кафедры графического дизайна УрГАХУ (Екатеринбург)

Самсонова Евгения Михайловна – магистр архитектуры, кандидат социологических наук, доцент кафедры архитектуры и урбанистики ТОГУ (Хабаровск)

Смолянинова Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры архитектуры и урбанистики ТОГУ (Хабаровск)

Сокибеков Максад Ширинбекович – студент РУДН (Хорог, Таджикистан)

Сорокин Иван Сергеевич – архитектор АБ «СТАРТ!»

Сорокина Екатерина Михайловна – ландшафтный архитектор ООО «ГИП-РЕФОРМА» (Санкт-Петербург)

Старкова Анна Андреевна – студентка НИУ МГСУ

Субботина Ольга Андреевна – консультант-экономист КБ «Стрелка» (Москва)

authors

Elena Adekova – student, Institute of Architecture and Design, Industrial University of Tyumen

Sergey Alexandrov – Ass. Professor of the Department of Architecture and Town Planning, Institute of Architecture, Construction and Design (IACD), head of the International Baikal Winter University of Urban Planning Design, Irkutsk National Research Technical University (INRTU)

Ali Salem Alshurman – Doctor, Luminous Technical University College (LTUC-SAE) (Amman, Jordan)

Lyudmila Anisimova – Ph.D. in Architecture, Professor of the Department of Architecture, National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MGSU)

Tatyana Annenkova – designer, journalist, member of the editorial board of Project Baikal journal (Irkutsk)

Konstantin Antipin – Master of art history, historian of Soviet architecture (Moscow)

Marina Afonina – Ph.D. in Technical Sciences, Ass. Professor at the Department of Urban Planning, NRU MGSU

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Construction of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Alexander Bazhenov – Ph.D. in Architecture, Professor, Urban Planning Department, Moscow Institute of Architecture (State Academy)

Elena Bazhenova – Ph.D. in Architecture, Professor, Head of the Department of Architectural Practice, Moscow Institute of Architecture (State Academy), Ass. Professor of the NRU MGSU

Eugene Bazilevich – PhD in Psychological Sciences, Associate Professor of the Architecture and Urbanistic Department, Pacific National University (PNU, Khabarovsk)

Сурикова Евгения Игоревна – архитектор студии интерьерного дизайна PROdesign (Иркутск)

Тетюшкин Денис Алексеевич – студент НИУ ВШЭ (Москва)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент ВАК, культуролог, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва

Ульянова Наталия Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры архитектуры НИУ МГСУ

Фомина Ольга Андреевна – студентка ИАСиД ИРНТУ

Хвостанцева Диана Сергеевна – студентка ИАСиД ИРНТУ

Холявко Анастасия Олеговна – ведущий архитектор ООО «Сибирская лаборатория урбанистики» (Иркутск)

Черняева Ирина Викторовна – кандидат технических наук, доцент ВАК, доцент кафедры проектирования городской среды Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, старший научный сотрудник НИИСФ РААСН (Москва)

Шульга Ульяна Алексеевна – ведущий инженер отдела архитектуры, капитального строительства и земельных отношений Администрации г. Байкальска

Щеткина Василина Анатольевна – архитектор, Европейский университет Санкт-Петербурга

Элдесоки Махмуд Махмуд Хазем – ландшафтный архитектор NAGA Architects (Гиза, Египет)

Энгель Барбара – доктор технических наук, профессор кафедры Международного городского планирования и дизайна Института городского и ландшафтного планирования Технологического института Карлсруэ (Германия)

Издатель выражает благодарность Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта. Благодарим за участие в подготовке номера и работе редакции архитектора Евгению Сурикову и администратора ИДА Наталью Князеву (Иркутск)

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO VostokSibAcademCenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, vice president of the Union of Architects of Russia (UAR), honored architect of the RF

Ksenia Gulyaeva – Master student of IACD INRTU

Dong Hoang Quy – student of NSUACE (Sibstrin, Novosibirsk) (Hoa Binh, Vietnam)

Inna Druzhinina – professor of the Department of Architectural Design, IACD INRTU, adviser of the RAACS

Olga Zheleznyak – Ph.D. in Art History, professor of the Department of Monumental and Decorative Painting and Design named after V. G. Smagin, IACD INRTU, adviser of the RAACS

Nikolai Zhukovsky – director general, OOO N. Zhukovsky Architectural Bureau, Ass. Professor of the Department of Architectural Design, IACD INRTU

Tatyana Zadvoryanskaya – Ph.D. in Architecture, Associate Professor, Department of Theory and Practice of Architectural Design at Voronezh State Technical University

Egor Ivanov – researcher, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS

Alina Ivanova – Ph.D. in Architecture, Assistant Professor of the Design of the Architectural Environment Department, PNU (Khabarovsk)

Natalia Ivanova – engineer, Irkutsk Institute of the Earth's Crust SB RAS

Valentina Kazakova – leading architect, OOO Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Petr Kapustin – Ph.D. in Architecture, professor, head of the Department of Theory and Practice of Architectural Design at Voronezh State Technical University

Valery Kozlov – Professor of the Department of Architecture and Urban Planning, IACD INRTU

Nadezhda Kostrova – Master, National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (Saint Petersburg)

Nikolai Kradin – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, honored architect of Russia, professor of the Department of Architecture and Urban Studies, PNU (Khabarovsk)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Roman Malinovich – head of the ANO Club of Young Architects (Irkutsk)

Anastasia Malko – Dr.-Ing., research officer of the Karlsruhe Institute of Technology (Germany), INRTU (Irkutsk)

Anna Mareeva – student, RUDN (Moscow)

Leydy Yurany Medina Peña – student, RUDN (Inza, Cauca, Colombia)

Maria Nashchokina – Doctor of Art History, full member of the RAACS, chief researcher and head of the Architecture Department at Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, Branch of the Central Scientific-Research and Project Institute of the Construction Ministry of Russia (Moscow)

Yulia Nikiforova – architect and urban planner, urban planning bureau Liniya (Irkutsk)

Alina Novikova – student, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Darya Novichenko – student, IACD INRTU

Elena Ovdenco – visiting lecturer, Faculty of Urban and Regional Development, A. A. Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Higher School of Economics National Research University (HSE University), analyst, ATLAS (Moscow)

Evgeny Ogienko – assistant, RUDN (Moscow)

Veronica Omelchenko – architect, urban planner (Volgograd)

Osama Marwa Radwan Mohamed Yosef – landscape architect (Giza, Egypt)

Olga Pavlova – postgraduate student, INRTU

Arina Petrova – student, NRU MGSU

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History (Latvia)

Yulia Rodikova – head of the projects of territorial development (Moscow)

Mark Rusanov – architect, OOO Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Vladimir Rusanovsky – economist, design office of Baikal State University (Irkutsk)

Regina Salikhzyanova – student, Kazan State University of Architecture and Engineering

Leonid Salmin – Ph.D. in Art History, professor of the Department of Graphical Design at Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)

Evgeniya Samsonova – Master of Architecture, Ph.D. in Sociological Sciences, Ass. Professor, Department of Architecture and Urbanism, PNU (Khabarovsk)

Tatiana Smolianinova – senior lecturer of the Department of Architecture and Urbanism, PNU (Khabarovsk)

Maksad Sokibekov – student, RUDN (Khorugh, Tajikistan)

Ivan Sorokin – architect, AB "START!"

Ekaterina Sorokina – landscape architect, OOO "GIP-REFORMA" (Saint Petersburg)

Anna Starkova – student, NRU MGSU

Olga Subbotina – consultant economist, Strelka KB (Moscow)

Evgeniya Surikova – architect, interior design studio PROdesign (Irkutsk)

Denis Tetyushkin – student, HSE University (Moscow)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor, culturologist, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts

Natalia Ulyanova – Ph.D. in Pedagogical Sciences, Ass. Professor at the Department of Architecture, NRU MGSU

Olga Fomina – student, IACD INRTU

Diana Khvostantseva – student, IACD INRTU

Anastasia Kholiyavko – leading architect, OOO Siberian Laboratory of Urbanistics (Irkutsk)

Irina Chernyaeva – Ph.D. in Technical Sciences, Ass. Professor, Department of Urban Environment Design, Orel State University named after I. S. Turgenev, senior researcher, Research Institute of Building Physics of the RAACS

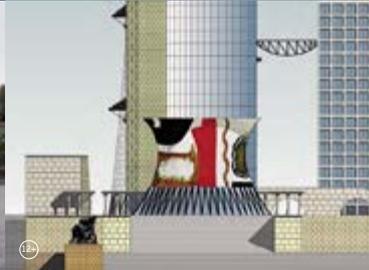
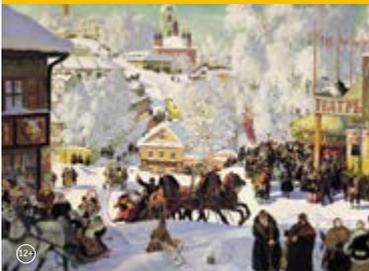
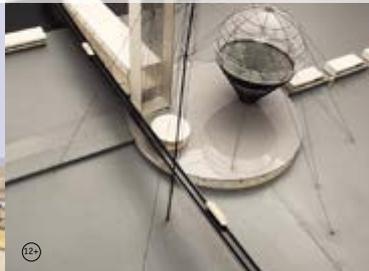
Ulyana Shulga – leading engineer of the department of architecture, permanent construction and land matters of the Baikal City Administration

Vasilina Shchetkina – architect, European University at Saint Petersburg

Mahmoud Hazem Mahmoud Eldesoky – landscape architect, NAGA Architects (Giza, Egypt)

Barbara Engel – Prof. Dr., Department of International Urban Planning and Design, Institute for Urban and Landscape Planning, Karlsruhe Institute of Technology (Germany)

Special thanks to Frank van der Hoeven for his support and website development, and to architect Evgeniya Surikova and manager of the Irkutsk House of Architects Natalia Knyazeva (Irkutsk) for their help with the preparation of the issue and the editorial work.

<p>Иван Мещеряков Илья Соловьев Роберт Шенников Виктор Шенников Евгений Шенников</p> <p>2019 / 59</p>	<p>Ивановский Домашний 2019 Архитектурный конкурс Архитектура в Иркутске</p> <p>2019 / 60</p>	<p>ЗЭС 2020 в Тельме Александровская</p> <p>2019 / 61</p>	<p>изменения культуры интерьер архитектура пространство и новые программы</p> <p>2019 / 62</p>
<p>занавес XX / curtain XX</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>121</p>	<p>на здоровье / in good health</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>122</p>	<p>малые и исторические / small and historic</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>123</p>	<p>стилистика XX / stylistics XX</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>124</p>
<p>2020 / 63</p>	<p>Климак АРХИТ 120-2020 Земляки АРХИТЕКТА</p> 	<p>пустые города Байкальский регион малые города РФ и региональные школы</p> <p>2020 / 65</p>	<p>объект ЗЭС протооткрытия</p> <p>2020 / 66</p>
<p>праздник в городе / celebration in the city</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>124</p>	<p>региональные школы / regional schools</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>125</p>	<p>провинция / province</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>126</p>	<p>преемственность / succession</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>127</p>
<p>город как организм городская акуратура образование</p> <p>2021 / 67</p>	<p>ЭКОЛОГИЯ АРХИТЕКТУРА АРХИТЕКТА</p> 	<p>2021 / 3(69)</p>	<p>ЗЭС квартал</p> <p>2021 / 4(70)</p>
<p>генетика города / genetics of the city</p> <p>проект байкал / project baikal</p> 	<p>социалистический город / socialist city</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>128</p>	<p>glocal</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>129</p>	<p>инфраструктура / infrastructure</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>130</p>
<p>Губернаторская программа 2022 Полное участие Полное участие Полное участие</p> <p>2022 / 1(71)</p>	<p>Плановый район Плановый район Плановый район</p> <p>2022 / 2(72)</p>	<p>2022 / 2(72)</p>	<p>2022 / 2(72)</p>
<p>перемены / changes</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>131</p>	<p>линейность / linearity</p> <p>проект байкал / project baikal</p> <p>132</p>	<p>2022 / 2(72)</p>	<p>2022 / 2(72)</p>

Печатные экземпляры «Проект Байкал» можно приобрести: Иркутск, пер. Черемховский, 1а, или получить экспресс-почтой, заказав по электронной почте: yulya_grand@mail.ru. Электронные выпуски доступны на сайте: www.projectbaikal.com

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism

